ДНЕВНИК
В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

ПРИБОЙ

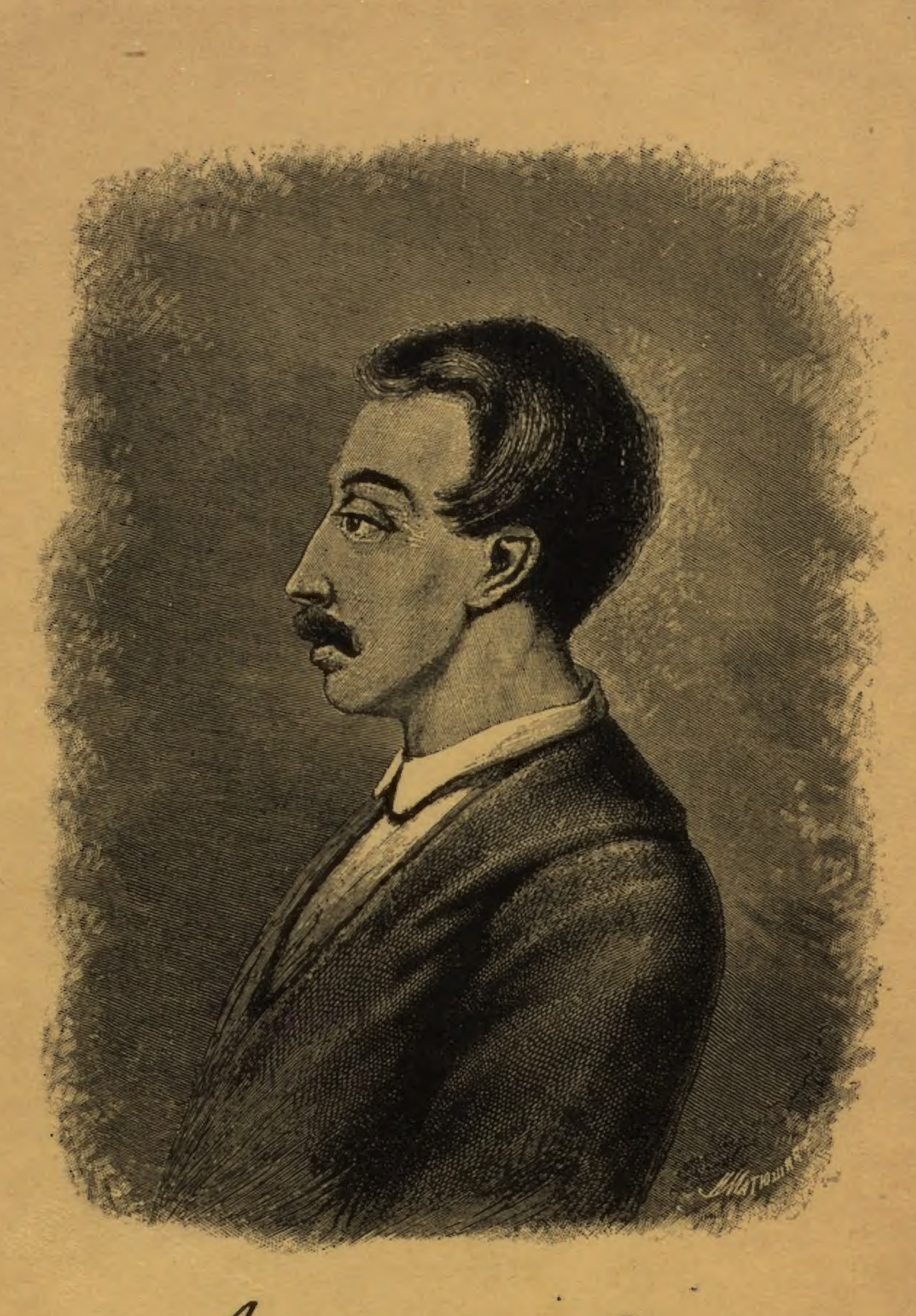
уплатить библиотеке троекратную стоимость ее, а в отношении особо ценных и редких книг—десятикратную стоимость их. Определение того, какая книга подлежит оплате в троекратном—а какая в десятикратном размере—производится библиотекой.

4) За умышленный невозврат или порчу библиотечных книг; несу ответственность в порядке закона от 7-го августа 1932 г. об охране общественной собственности.

5) Сообщать библиотеке с представлением соответствующих документов о перемене своего адреса, места работы и фамилии.

6) Полностью выполнять все остальные правила библиотеки, объявленные мне при записи в библиотеку

„____“ ______________ 193 г. *Подпись*

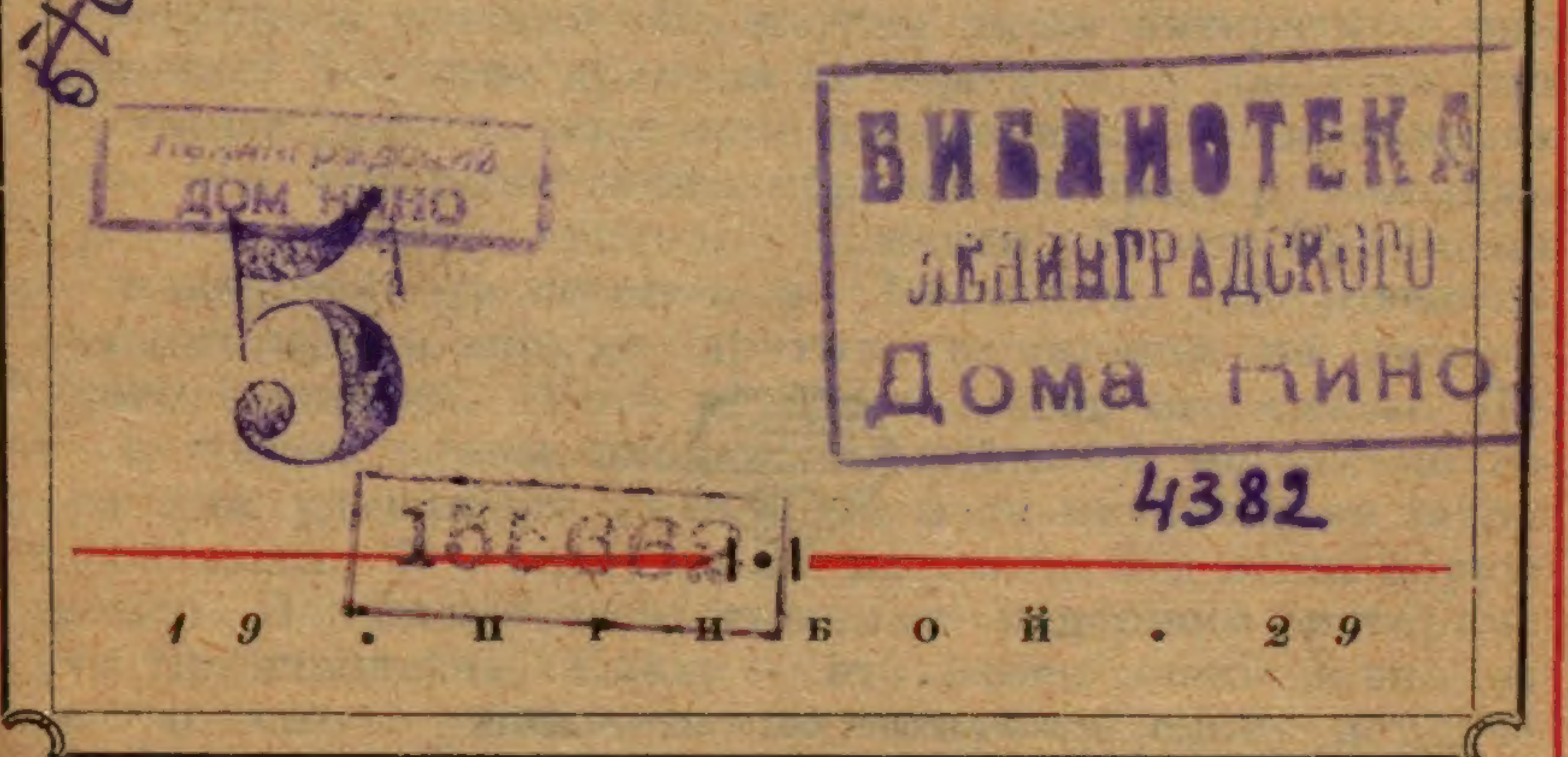
В. Кюхельбекеръ.

Дневник
В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ 10—40 ГОДОВ XIX ВЕКА

ПРЕДИСЛОВИЕ
Ю. Н. ТЫНЯНОВА

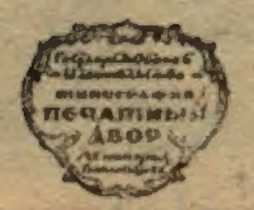
РЕДАКЦИЯ, ВВЕДЕНИЕ
И ПРИМЕЧАНИЯ
В. Н. ОРЛОВА
И С. И. ХМЕЛЬНИЦКОГО

19 . ПРИБОЙ . 29

ЧИТАТЕЛЬ!
Отзыв об этой книге пошли по адресу: Москва, Ильинка 3, Госиздат, в редакцию журнала „Книга и революция“

РАМКА И ВИНЬЕТКА ВОСПРОИЗВОДЯТСЯ ПО КНИГЕ В. КЮХЕЛЬБЕКЕРА — «СМЕРТЬ БАЙРОНА». М. 1824

Ленинградский Областлит № 28948.
23³/₈ л. Тираж 4 000 (X, 50. 12513/Пр.).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть законы литературной славы, законы забвения, осмеяния и восстановления. Нет в литературе устойчивых репутаций. Еще Ломоносов, зачиная в спорах своего времени мысль о языковой и литературной изменчивости, писал: «что предкам нашим казалось не вразумительно, то нам стало приятно и полезно». В периоды, когда литература развивается медленно и в периоды, когда главную роль в ней играют последыши больших литературных течений, начинается стабилизация литературных имен, создается видимая их устойчивость. Видимая, — потому что при критическом подходе обнаруживается разнородность, порою враждебность мирно стоящих рядом «классиков».

Должны быть изучены законы славы. Тогда станет, может быть, ясно, почему Грибоедов, автор одной, хотя бы и замечательной, комедии, стоит в одном ряду с Пушкиным (ведь только гипноз скучнейших профессорских книг мешает читателю поставить этот естественный вопрос). И станет ясным при изучении его славы: в ее состав входят многие явления. Во-первых, он занимает по праву свое место как представитель огромного в свое время литературного течения. Во многом наша литература уже напоминает большие древние литературы, у нас есть уже потерянные дороги, засохшие и изменившие направления русла. Мы потеряли таким образом, например, большую традицию русской стиховой комедии. И вот Грибоедов это дошедший представитель Капниста, Шаховского, Хмельницкого и многих других, выпавших из литературного сознания. И это входит в состав его славы. Далее: в состав славы входят, повидимому, не только готовые или удавшиеся вещи, но и те неудачи, те затраченные силы, без которых не могли бы эти вещи осуществиться. Засчитываются тяжелые издержки исторического производства. Слава — это слово очень давно отлично от слова удача и не противоречит слову неудача. Так, неудавшаяся революция декабристов была все же

революцией, и никто не станет отрицать ее значения. В состав грибоедовской славы входит его комедия не только как вещь, но и как направление. Преобразование стиховой комедии он мог совершить только при наличии полных неудач, тяжелых поражений в области трагедии, только при всей его подспудной, ни для кого уже неясной и глухой литературной и театральной деятельности. А деятельность эта была не одинока, была связана с деятельностью целой группы, большею частью осмеянной и неудавшейся, оставшейся в русской литературе без голоса. И еще третье входит в состав славы, — в нее засчитывается биография, как личные издержки литературного производства. Биография, которая делает возможным осуществление литературы и в которую переходит литература.

И есть законы литературного осмеяния, остракизма, во всем похожие на законы славы. Есть своя иерархия, свои чины и здесь. Есть «классики» среди осужденных. В восемнадцатом веке — Тредьяковский, в девятнадцатом — Шишков, Шихматов, Бобров и Кюхельбекер.

Значение первого как ученого уже признано, но кто осмелится утверждать, что Тредьяковский вовсе не «бездарный» поэт? Разве тот, кто читал произведения его и его современников. А таких не очень уж много. Зато все твердо знают апокрифические стишки, будто бы ему принадлежащие. Не очень распространен также тот факт, что не Карамзин победил Шишкова, а напротив, Шишков Карамзина. По крайней мере в 20-х и 30-х годах было ясно многим, что в «Истории Государства Российского» Карамзин сдал свои стилистические позиции своим врагам. Бобров, один из крупнейших описательных поэтов, и Шихматов, не во-время пришедший Хлебников начала XIX века, известны исключительно по эпиграммам своих литературных противников.

Кюхельбекер был создан для литературных неудач. Его фамилия, смешная для русского слуха, его личная репутация чудака и сумасброда, — их простили бы, может быть; вероятно простили бы даже литературные промахи, если бы они были другого свойства и происхождения. У него были отменные литературные друзья. Пушкин писал, что он хотя и сумасброд, но человек

дельный с пером в руках, и ценил его мнения. Баратынский пророчил ему будущность русского Руссо. Но заступничество их не помогло. Запомнились эпиграммы лицейского периода да словцо «кюхельбекерно», да печальная судьба крепостного арестанта.

Изо всех друзей самым близким литературным другом и учителем был Грибоедов, именем которого не случайно началось это предисловие. Великая комедия навсегда охраняет литературный авторитет учителя, ученик же оказался беззащитным. Пострадал же он именно за литературные убеждения. Архаисты боролись против манерности, изящества, мелочей в литературе, против жеманной литературы «для немногих» — за оду, за высокую трагедию, за простонародность, библейскую энергию и наготу стиля. Этому учил Грибоедов, это же было требованием Катенина и Кюхельбекера, «отверженных» членов группы. Если будет издана трагедия Кюхельбекера «Аргивяне», можно будет увидеть, к какой форме и к какому «гражданскому составу» трагедии тяготели архаисты, и как близка была их литература к революции декабристов (любопытно, что идея трагедии дана была Кюхельбекеру Грибоедовым).

Не нужно связывать крушение его литературной судьбы исключительно с четырнадцатым декабря. Уже задолго до того его выжили из журналов. В 1822 году он писал: «Для меня заграждены все пути трудолюбия». Кюхельбекер был вытеснен в альманах. Выпущенный им вместе с В. Ф. Одоевским альманах «Мнемозина» был литературным событием и отличался необыкновенным уродством внешнего вида. Если вспомнить замечательное изящество карманных альманахов 20-х годов, можно подумать, что здесь не только неудача, постоянно тащившаяся за Кюхельбекером, но и какое-то полемическое намерение.

Читатель предлагаемого здесь «Дневника узника» будет верно удивлен. Перед ним — настоящий, подлинный ж у р н а л, писавшийся одним человеком. Цензуровался журнал тюремным начальником, а в свет не выходил. Состав журнала — критические замечания, стихи, литературная полемика. Она случайна, потому что случаен выбор чтения, не зависевший от критика. В одиночном заключении была законсервирована литературная атмо-

сфера 20-х годов. Изредка в эту странную воображаемую литературу со спутанным временем врывались факты, так сказать, соседнего ряда, факты быта: залетал в окно воробей или забегал котенок. Факты этого порядка тоже попадали в журнал. В «Дневнике поселенца» быт занял больше места.

В итоге — перед читателем, однако, окажется не «дневник» в общепринятом смысле. Декабристам на каторге выдавали столярные орудия. В Музее Революции можно видеть шкатулки и ящички, удивляющие китайским совершенством работы. Кюхельбекеру выдавали письменные принадлежности. Он был профессионал-литератор. И перед читателем в его дневнике обнаружатся все черновые элементы писательской работы.

В историко-литературном отношении дневник этот является важным источником: обо всех важнейших деятелях 20-х годов, о главнейших спорах здесь есть суждения участника литературы, суждения самостоятельные, резкие и типические.

Читать же их полезно с известного раккурса; этот раккурс: профессиональная литературная деятельность в одиночном заключении и ссылке.

Юрий Тынянов.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР И ЕГО ДНЕВНИК

Вильгельм Карлович Кюхельбекер родился 10 июня 1797 г. в Петербурге, в немецкой семье. Отец его, Карл фон Кюхельбекер,—выходец из Германии, служил при дворе великого князя Павла Петровича. — «По отцу и матери я немец», — замечает в одном из своих писем Кюхельбекер, — «но не по языку: до шести лет я не знал ни слова по-немецки; природный мой язык — русский; первыми наставниками в русской словесности были — моя кормилица Марина, да няньки мои — Кириловна и Татьяна».

Кюхельбекер рос до 1808 г. под наблюдением матери и своей старшей сестры — Юстины Карловны, занимавшейся его первоначальным образованием, в Авинорме — имении своего отца в Эстляндской губ. В 1808 г. одиннадцатилетнего Вильгельма определили в частный пансион при уездном училище в лифляндском городке Верро, а спустя три года — в только-что основанный тогда Царскосельский лицей.

Товарищами Кюхельбекера по лицейской скамье оказались Пушкин, Дельвиг, Пущин, Горчаков, Корф и много других, вошедших впоследствии в историю, лиц. В лицее Кюхельбекер учился очень хорошо и окончил курс одним из первых по успехам и прилежанию, — с серебряной медалью, но по выражению одного из классных надзирателей, — «оказывал много легкомыслия и был подвержен крайностям». Поэтому в 1813 г. по «благонравию» Кюхельбекер стоял на 21-м месте (а всех лицеистов было 29!). Повидимому, именно в лицее, где литературная жизнь била ключем, где издавались многочисленные рукописные журналы, — среди поэтов: Пушкина, Дельвига, Илличевского, Яковлева, Корсакова — Кюхельбекер начал писать стихи. Первые его опыты в этом направлении были курьезны и вызывали насмешки товарищей. Но уже в 1815 г. Кюхельбекер завоевал себе не последнее место на лицейском Парнассе. — «Он принадлежал к числу самых

плодовитых наших стихотворцев и, хотя в стихах его было всегда странное направление и отчасти странный даже язык, но при всем том, как поэт, он едва ли не стоял выше Дельвига и должен был занять место непосредственно за Пушкиным» — вспоминал впоследствии лицейский приятель Кюхельбекера Модест Корф. Но «странное направление» поэтической деятельности Кюхельбекера, шедшей вразрез с прочной в лицее французской традицией, и выразившееся в пристрастии к малопочитаемой в то время немецкой поэзии, — оставило след в огромном количестве злых и не всегда остроумных эпиграмм на Кюхлю, Виллю, Клита, с которыми его имя и вошло в историю. Отчасти способствовала этому длинная нескладная фигура Кюхельбекера при его обычной экзальтации, «эксцентрическом уме, пылких страстях, необузданной вспыльчивости» (Корф).

Еще в лицейские годы Кюхельбекер выступил в печати как поэт; впервые его стихи были напечатаны в 1815 г. в журнале «Амфион». Тогда же в 1815 г. Кюхельбекер готовил книгу на немецком языке — «О Древней Российской Словесности». Но всецело (или почти всецело) посвятил себя литературной деятельности Кюхельбекер в 1817 г. — по окончании лицея, когда на правах молодого писателя вошел в многочисленные литературные кружки и объединения, вступил членом в «Вольное Санктпетербургское Общество Любителей Словесности, Наук и Художеств» (позднее «Общество Соревнователей Просвещения и Благотворения») и начал печатать свои произведения во всех почти крупных журналах того времени («Вестник Европы», «Сын Отечества», «Соревнователь», «Благонамеренный» и др.). Особенно тесно связан был Кюхельбекер в ту пору с Дельвигом, Боратынским и Плетневым; к их кружку был близок и Пушкин. Кюхельбекер посвятил этому дружескому и литературному объединению стихотворение «Союз поэтов» (см. стр. 319 наст. изд.).

Лицей давал право своим воспитанникам поступать на службу в любое ведомство. Кюхельбекер определился в Коллегию иностранных дел, где служил впрочем недолго. Тогда же (в 1817 г.) началась и педагогическая деятельность Кюхельбекера, — он преподавал русский и латинский языки в благородном пансионе при педагогическом институте.

В 1820 г. Кюхельбекер вступил в члены масонской ложи Михаила, Избранного Великой Астреи.

Во второй половине 1820 г. Кюхельбекер оставил службу в Коллегии иностранных дел и хотел занять кафедру русской словесности в Дерптском университете, но осенью того же года, получив выгодное предложение сопровождать за границу, в качестве секретаря, обер-камергера А. Л. Нарышкина, уехал в длительное путешествие. Кюхельбекер посетил Германию (Берлин-Дрезден-Веймар-Страсбург), изучил местные музеи, познакомился с рядом выдающихся немецких писателей, напр. с Гёте, Тиком и др. Затем Кюхельбекер побывал в южной Франции (Марсель, Ницца) и наконец в марте 1821 г. приехал в Париж. Здесь в зале Athenée Royal Кюхельбекер читал избранному парижскому обществу лекции о русской литературе и славянских языках. Вольнолюбивые тенденции оратора (давшего за рубежом волю своим гражданским чувствам) послужили причиной первого столкновения Кюхельбекера с русским правительством. После одной из своих лекций, в которой он говорил о вольном Новгороде и новгородском вече, Кюхельбекер через русское посольство в Париже получил категорическое приказание немедленно возвратиться в Россию.

Осенью 1821 г. Кюхельбекер возвратился в Петербург. О своих парижских лекциях он писал позднее сестре Юстине Карловне: «Лекции мои . . . имели цель самую благонамеренную. Может быть, я и был неосторожным; может быть, найдут в них несколько слов необдуманных, но я никак не предвидел того, что ожидало меня в С. Петербурге». А ожидали Кюхельбекера в Петербурге, очевидно, весьма строгие внушения. С этого времени Кюхельбекер был внесен уже в список неблагонадежных и опасных лиц, за которыми нужно следить.

Парижские лекции Кюхельбекера произвели сильное впечатление на широкие круги русского общества. Некто П. Ф. Гаккель — незаметный офицер гвардейского полка, писал о Кюхельбекере после 14 декабря 1825 г. как о «негоднейшем субъекте, . . . всю жизнь которого следует рассматривать как экзальтированный бред во имя лихорадки» (sic!). Гаккель утверждает, что уже в лицее Кюхельбекер проявлял свой «необузданный дух и жажду свободы»,

по выходе из лицея «привлекал не мало внимания огнем и силой своих идей». Далее мемуарист пишет: «Ему нельзя отказать ни в гении, ни в таланте, — но весь дух его получил ложное направление, у него отсутствовало все моральное и он следовал только своим фантазиям и идеям о свободе. Их распространять и передавать другим было главной целью его деятельности». В Париже Кюхельбекер «заговорил с энтузиазмом о свободе и о духе революции, которые пытался вызвать у французов». Вслед за этим увлекающийся Гаккель создает легенду о «приверженцах Кюхельбекера», последовавших за ним в Ахен, куда он будто бы перенес свои лекции, — об аресте Кюхельбекера прусским правительством, о тюремном заключении в России . . . «Отпустили его с довольно ясным указанием на то, что ему предстоит, если он не изменится».

Друзья Кюхельбекера при помощи влиятельных лиц устроили его на службу чиновником особых поручений при «проконсуле Кавказа» А. П. Ермолове. Кюхельбекер уехал в Тифлис, где пробыл недолго — всего по май месяц 1822 г., когда, вследствие дуэли с одним из чиновников Ермолова — Н. Н. Похвисневым, — он вынужден был подать в отставку. В Тифлисе Кюхельбекер сблизился с Грибоедовым.

В то же время Кюхельбекер продолжал писать и печатать стихи, прозу, критические статьи. Расцвет его литературной деятельности следует отнести к 1823—1825 гг., когда он становится в открытую оппозицию своим прежним соратникам (Жуковскому, Пушкину и др.), перейдя в «дружину» Шишкова и Шихматова, под знамена «архаистов».

Живя в Москве в 1823—1824 гг., Кюхельбекер, попутно своим литературным занятиям, давал уроки в университетском пансионе и в частных домах. К тому же времени следует отнести его сближение с московскими кружками: Раича (чисто литературное объединение) и «любомудров» (литературно-философское объединение) и, в частности, с кн. В. Ф. Одоевским. В 1824 — 1825 гг. Кюхельбекер с Одоевским издали четыре книги альманаха «Мнемозина»; во второй из них появилась знаменитая статья Кюхельбекера «О направлении нашей Поэзии, особенно Лирической в последнее десятилетие», в которой его боевая литературная позиция нашла свое наиболее четкое выражение.

В апреле 1825 г. Кюхельбекер переезжает в Петербург, где работает у Греча и Булгарина, помогая им в их редакционно-издательских делах. В начале декабря 1825 г. Кюхельбекер надеялся получить место преподавателя русского языка в Севастополе, проектировавшееся там для образования морских офицеров.

Но 14 декабря Кюхельбекер стоял на Сенатской площади и вел себя в достаточной степени решительно, чтобы быть причисленным потом к разряду важнейших преступников.

Кюхельбекер был принят в Северное Общество Рылеевым за две недели до 14 декабря 1825 г.; очевидно его репутация вольнодумца и пострадавшего за свое свободолюбие, гонимого человека послужили достаточными основаниями для привлечения его в тайную организацию. Однако, И. И. Пущин сожалел впоследствии, что Кюхельбекер был принят в Общество, и осуждал его нелепое поведение на Сенатской площади в день возмущения.

В ночь на 15 декабря 1825 г. Кюхельбекер, переодевшись в нагольный тулуп, бежал из Петербурга и был арестован только 19 января 1826 г. в Варшаве. Друзья и знакомые Кюхельбекера недоумевали, как это их нескладному, чудаковатому, «сумасшедшему» Кюхле — единственному из декабристов — удалось скрыться. Побег Кюхельбекера несомненно окончился бы удачно (он собирался перейти русскую границу), если бы не его неосторожное появление в Варшаве, где были распубликованы его приметы.

В январе 1826 г. пойманный Кюхельбекер был заключен в Петропавловскую крепость. Ему были предъявлены тяжкие обвинения (между прочим Кюхельбекер обвинялся в покушении на жизнь вел. кн. Михаила Павловича). По высочайшей конфирмации приговора Верховного Суда 10 июля 1826 г. Кюхельбекер был осужден по первому разряду и приговорен к смертной казни. Смертная казнь была заменена каторжной работой сроком на двадцать лет (срок был снижен до 15 лет, а каторга заменена крепостным заключением). Начались многолетние скитания Кюхельбекера из крепости в крепость, из одной камеры в другую. Первоначально (с июля 1826 до октября 1827 г.) Кюхельбекер сидел в Шлиссельбургской крепости, затем с октября 1827 до апреля 1831 г. в Динабургской, где заключение было смягчено великодушным участием в

судьбе узника коменданта Криштофовича (в его квартире Кюхельбекер даже виделся со своей матерью); затем недолго Кюхельбекер был узником Ревельской цитадели (с апреля по октябрь 1831 г.), где и был начат им 25 апреля 1831 г. его Дневник (из Динабурга в Ревель Кюхельбекер был перевезен очевидно из-за вспыхнувшего тогда польского мятежа). В октябре 1831 г. Кюхельбекер был переведен в Свеаборгскую крепость, от содержания в которой был освобожден 14 декабря 1835 г., по вторичному сокращению срока до 10 лет, и поселен в Восточной Сибири, в городе Баргузине.

В крепостях Кюхельбекер, отрезанный от мира, не прекратил своих литературных занятий, — перечитывал старые журналы и книги, вспоминая при этом литературные битвы минувших дней; памятником этих занятий явился Дневник. Кюхельбекер написал за этот крепостной период множество больших и малых поэтических произведений, несколько драм и комедий и т. д. Вдохновение не покидало поэта в темнице.

Для узника в волшебную обитель
Темницу превращал ты, Исфраил.

Если ссылка в Сибирь на поселение и была встречена как освобождение, то вскоре же отягощенный заботами, предоставленный в Сибири самому себе, лишенный всяких средств к существованию, Кюхельбекер попал в еще худшие, пожалуй, чем раньше, условия и «о тюрьме своей вздохнул»: « . . .в судьбе моей произошла такая огромная перемена, что и поныне душа не устоялась. Дышу чистым, свежим воздухом, иду, куда хочу, не вижу ни ружий, ни конвоя, не слышу ни скрыпу замков, ни шопота часовых при смене: все это прекрасно, а между тем — поверишь ли, — порою жалею о своем уединении. Там я был ближе к вере, к поэзии, к идеалу; здесь все не так, как ожидал даже я, порядочно же кажись, разочарованный насчет людей и того, чего можно от них требовать . . .» — писал Кюхельбекер Пушкину из Баргузина.

Потянулась «вялых дней безжизненная нить»:

бледные заботы
И грязный труд и вопль глухой нужды,
И визг детей, и стук тупой работы
Перекричали песнь златой мечты.

Женитьба в 1837 г. на необразованной, «мужиковатой» (по выражению Пущина) Дросиде Ивановне Артеневой — баргузинской мещанке — не принесла Кюхельбекеру ничего отрадного.

В 1839 г. Кюхельбекер был переведен, по собственному прошению, из Баргузина в Акшу. Из Акши Кюхельбекер безуспешно пытался перебраться в Кяхту или в Туринск; столь же безуспешно пытался он получить разрешение напечатать свои произведения (что дало бы ему возможность прокормить себя и семью.) В 1844 г. его наконец перевели в Западную Сибирь, в Тобольскую губернию, и поселили в трех верстах от г. Кургана, в Смолинской слободе.

Между тем у Кюхельбекера развивалась чахотка, которая и свела его вскоре в могилу; в довершение всего он начал терять зрение. Тщетно просил Кюхельбекер о переводе в самый город Курган, где он мог бы найти необходимую ему медицинскую помощь. — «Не могут, полагаю, опасаться, чтоб человек дряхлый и больной, который двадцать лет провел в совершенном уединении, стал заводить знакомства и входить в какие бы то ни было связи», писал он. Только в марте 1846 г., благодаря ходатайству влиятельного родственника его — В. А. Глинки, он получил возможность выехать в город Тобольск, но было уже поздно; через 5 месяцев — совершенно слепой — Кюхельбекер умер от чахотки в Тобольске 11 августа 1846 г., в $11^1/_2$ часов пополуночи и был похоронен на Тобольском Завальном кладбище подле церкви Семи Отроков.

В рядах заговорщиков и бунтовщиков 1825 г. можно насчитать не мало случайных людей. С одной стороны, как будто, Кюхельбекер таковым не был; скорее напротив: вся предшествующая гражданская деятельность неминуемо, казалось бы, должна была привести этого пылкого и свободолюбивого фантаста на Сенатскую площадь. Элемент серьезного политического мышления содержится во многих писаниях Кюхельбекера двадцатых годов (см. напр. его «Европейские письма»). Но, с другой стороны, нельзя не признать того, что факт активного участия Кюхельбекера в декабрьском возмущении — сам по себе был совершенно случайным: Кюхельбекер мог и не стоять 14 декабря на Сенатской площади, он «охмелел на чужом пиру».

До нас дошли собственные показания Кюхельбекера Следственной комиссии. Разумеется, то обстоятельство, что эти показания давал своим судьям приговоренный к смертной казни государственный преступник, не дает нам права относиться к ним, как к исключительно правдивому документу, но в то же время следует принять во внимание редкое чистосердечие, свойственное натуре Кюхельбекера, чистосердечие, граничившее часто с наивностью. Во всяком случае, эти любопытнейшие документы отлично рисуют Кюхельбекера-декабриста.

У нас нет никаких оснований не доверять Кюхельбекеру в той части его показаний, где он рассказывает о том, как и когда попал в Северное Общество: «Несколько дней спустя по получении известия о смерти государя — пишет Кюхельбекер — Рылеев мне объявил, что в Государстве есть Тайное Общество, желающее изменения в образе правления. На предложение в оное взойти я согласился, но не разделял всех личных мнений Рылеева, частию даже мне не известных. Членами я никого не знал . . . Догадывался только об общей его [общества. *В. О.*] цели, т. е. перемены в образе правления, а не именно какой перемены . . . До самого 14 числа . . . я лично полагал, что нам суждено только предуготовить сию перемену, которая произойдет при наших сыновьях или даже внуках, лет чрез 50 . . . Вот чем ограничивались мои надежды: 1) свободою крестьян; 2) улучшением судилищ; 3) выбором представителей из всех состояний; 4) неколебимостию законов . . . [1] Республиканского правления страшился по причине, если угодно, для всякого

---

[1] В другом показании Кюхельбекер уточнил эти «побудительные причины», заставившие его «желать иного порядка вещей и вступить в Тайное политическое Общество»; к вышеприведенным четырем пунктам он присоединяет еще: 5) «совершенный упадок торговли и промышленности и общий недостаток в деньгах...»; 6) «распространяющееся и в простом народе развращение нравов: особенно же лукавство и недостаток честности, которые я приписывал угнетению... Сия 4-я побудительная причина была для меня из самых главных...»; 7) «недостаточное воспитание и поверхностное обучение высшего состояния юношества...»; 8) «совершенное невежество, в котором коснеют у нас простолюдины, особенно же земледельцы; 9) «крайнее стеснение, которое Российская словесность претерпевала в последнее время не в силу цензурного устава, но, как полагал я, от самоуправства цензоров...»

другого ничтожной, но для меня весьма важной: я считал оное не благоприятствующим Поэзии и Художествам».

Итак, мы видим, что политическая программа Кюхельбекера была программой-минимум даже и для декабриста. «Любовь к общественному благу» — популярная в двадцатые годы формула — вот что диктовало Кюхельбекеру в 1821 г. его парижские «вольнодумные» речи и что — в результате — и привело его случайно в крепости и в Сибирь. Случайно потому, что не будь Кюхельбекер за две недели до 14 декабря принят в Северное Общество, — он, может быть, и даже вероятно, не стоял бы в мятежном карре на Сенатской площади: подобный символ политической веры исповедывали в то время многие, помнившие еще «дней Александровых прекрасное начало», но редко кто платил за него такой дорогой ценой, какой заплатил Кюхельбекер. [1]

Подобно большинству мятежников 1825 г., он неоднократно заявлял о своем раскаянии. Но прав был один писатель, отметивший, что, «если считаться с покаянными воплями декабристов, придется зачеркнуть всех или почти всех деятелей Тайного Общества». Покаяния Кюхельбекера начались очень рано; уже 17 февраля 1826 г. он называет свое участие в бунте «преступным и дерзким безрассудством и молит: «да отпустит мне оное господь бог и, буде возможно, государь император». Далее Кюхельбекер дает обещание загладить свои «тяжкие и великие преступления . . . примерной верностию священной особе его императорского величества» и дает также обещание «воздержаться впредь от всяких дерзких мечтаний и суждений касательно дел государственных; ибо уверился, что я для сего слишком недальновиден. Жить же я бы стал единственно и исключительно в мирной области Наук, Художеств и Словесности».

И действительно, в дальнейшем, Кюхельбекер живет исключительно в этой «мирной области». В «Дневнике

---

[1] Кюхельбекер подчеркнул в одном из показаний резкое различие своего вольнолюбия и революционного мировоззрения таких декабристов, как Рылеев: «могу ли сказать — писал он, — что Рылеев и я разумели одно и то же под словом «свобода», имеющим весьма обширное значение, быть может, то, чем мои ограничивались желания, он назвал бы рабством или наоборот».

узника» и в «Дневнике поселенца» читатель почти не найдет следов его декабризма и прежнего вольнолюбия; не следует забывать, впрочем, что Дневник носит следы цензурных «исправлений» текста тюремным начальством (тщательно зачеркнутые строки, вырванные листы).

Кюхельбекер был религиозным человеком; в крепостях и в сибирской ссылке он нашел единственную отраду — в религии. После 1825 г. его писательское внимание занимают преимущественно религиозно-философские темы; в русской литературе Кюхельбекер один из первых религиозно-мистических поэтов. — Религиозностью отмечены многие страницы Дневника. Изъявления покорности своей несчастной судьбе и «божьей воле» не сходят с языка Кюхельбекера.

Литературное наследие Кюхельбекера в значительной своей части утрачено и, повидимому, безвозвратно. Напечатанные в журналах и альманахах до 1825 г. поэтические и прозаические произведения и критические статьи его не были до сих пор собраны даже частично. Отдельными изданиями при жизни поэта вышли только четыре его произведения: 1) «Смерть Байрона» — стихотворение (1824), 2) «Шекспировы Духи»—комедия (1825), 3) «Ижорский — первая и вторая части мистерии» (1835) и 4) «Нашла коса на камень» — комедия (1839). Посмертные издания были, но ни одно из них не может быть признано сколько-нибудь удовлетворительным. Лучшее из них — «Избранные стихи В. Кюхельбекера», Шо-де-Фон, 1880 (библиографическая редкость). Из других более крупных публикаций можно отметить: «Песни отшельника» в «Собрании стихотворений декабристов», т. II. Лейпциг, 1862; стихи в издании Фомина — «Собрание стихотворений декабристов», 1906-1907; в сборнике Ю. Н. Верховского — «Поэты-декабристы», 1926. — «Полное собрание стихотворений В. К. Кюхельбекера», изд. Г. В. Балицкого, 1907 («Библиотека декабристов») — прежде всего ни в какой мере не отвечает своему заглавию, ибо не воспроизводит и трети дошедших до нас в журналах, альманахах и посмертных публикациях стихотворений и к тому же не выдерживает никакой критики, как единственное в своем роде по количеству безграмотных опечаток. Балицким же в 1906 г. был переиздан «Ижорский». Поэма

Кюхельбекера «Вечный Жид» вышла в 1878 г. отдельным оттиском из «Русской Старины». Наиболее полная библиография Кюхельбекера приведена у Н. М. Ченцова — «Библиография декабристов». 1929.

История публикуемого ныне текста вкратце сводится к следующему. Из обширного «Дневника» Кюхельбекера, обнимавшего период с 25 апреля 1831 г. (см. записи в Дневнике на стр. 49 и 103 наст. изд.) по начало 1846 г. (предыдущие тетради Дневника были утрачены еще до перевода узника в Свеаборг — см. запись в Дневнике на стр. 98 наст. изд.) сохранились и были переданы в редакцию исторического журнала «Русская Старина» детьми покойного: 1) 9 больших, крайне неразборчиво написанных, тетрадей в лист, обнимавших период с 15 декабря 1831 по 17 июня 1835 г. (дневник, который вел Кюхельбекер в крепостном заключении в Свеаборге), 2) 15 тетрадок в четвертую долю листа, обнимавших период с 12 марта 1837 г. по 29 апреля 1846 г. (дневник, который Кюхельбекер вел на поселении в Сибири). В 1838-39 гг. Кюхельбекер делал из Дневника выборки, но уже не в форме дневника, а отдельными заметками, несколько систематизируя их и расположив помесячно; заметки были доведены до мая 1833 г. Эти выборки, 104 стр. в лист, его руки, были озаглавлены им: «Заметки и мнения, выписки из дневника отшельника»; по расчетам Кюхельбекера эти извлечения должны были составить пять или шесть больших томов и должны были войти в предполагавшееся им собрание сочинений. Извлечения эти были также в руках редакции «Русской Старины».

При печатании Дневник был значительно сокращен «Русской Стариной»; выбор отрывков был произведен под руководством проф. Ореста Миллера. Дневник был произвольно разделен на главы, которые были снабжены заглавиями и подзаголовками, принадлежащими редакции. Стихотворения, вчерне набросанные в Дневнике, списывались с беловой тетради; «слабых», по мнению редакции, стихотворений давалось только начало. Несмотря, однако, на некоторые, как видно из этого, «старания», издание «Русской Старины» приходится признать крайне неудо-

влетворительным. Уже не говоря о значительном количестве описок в писарской копии, которые потом перешли в печать, и опечаток, часто совершенно искажавших смысл, — нужно признать отношение редакции к тексту Дневника весьма бесцеремонным: как видно из дошедшей до нас части писарской копии, редактор «Русской Старины» М. И. Семевский, не давая себе труда выносить свои примечания в подстрочник, вставлял некоторые нужные, по его мнению, пояснения (весьма, к счастью, скудные) непосредственно в самый текст, не всегда заключая свои дополнения в скобки и никогда не оговаривая своего авторства. А так как его догадки бывали также и ошибочными, то в текст вкрадывались грубые ошибки. Так, напр., Е. С. Т . . .ва в действительности не Теплова, как мы читаем в тексте «Русской Старины», а Телепнева (см. стр. 95 наст. изд.). Что касается принципа, которым руководствовался Семевский при сокращении Дневника, то он не мог быть менее удачным: как видно из писарской копии Дневника, Семевский последовательно выпускал, считая, повидимому, маловажными, все отметки Кюхельбекера о собственных его произведениях, планы их, оценки и т. д. Хуже всего то, что Семевский не только нигде не отметил каким-либо образом (напр. точками) сделанные им пропуски, но даже позволял себе порою прямо нечестное обращение с подлинником: напр. в публикации «Русской Старины» текст Дневника обрывается на записи от 9 октября 1845 г. (стихи), за этим следует примечание Семевского: «Здесь кончается Дневник В. К. Кюхельбекера etc.» («Р. Ст.» 1891, т. LXXII, стр. 112); между тем, мы знаем из текстологического очерка, помещенного в той же «Русской Старине» (1875, т. XIII, стр. 355—358), что Дневник был доведен до 29 апреля 1846 г. Наконец, как видно из всей той же писарской копии, Семевский мало считался с особенностями подлинника, с некоторыми особыми приемами письма (напр. большими буквами в названиях месяцев и мн. др.).

Из перечисленных выше материалов до нас дошли лишь: текст, опубликованный «Русской Стариной» (1875 г., т. XIII—XIV; 1883 г. т. XXXIX; 1884 г., т. XLI; 1891 г. т. LXXII) и часть писарской копии Дневника, содержащая нигде до сих пор не опубликованные части Дневника, которую нам посчастливилось отыскать среди

бумаг Пушкинского Дома (Архив «Русской Старины» М. И. Семевского. В рукописном Отделении Пушкинского Дома Всесоюзной Академии Наук. Отдел — «Рукописи напечатанные», папка XXIX. 1883). В части, обнимаемой этой копией (период со 2 апреля 1833 г. по 22 августа 1834 г.), мы восстановили места, пропущенные Семевским (они заключены в нашем издании в ломанные скобки < >), а также изъяли из текста Дневника вставки, принадлежащие Семевскому (они делались на полях и между строк писарской копии). Наконец наблюдения над характером вставок и внешних изменений, сделанных Семевским при напечатании (последние были установлены при сличении писарской копии с опубликованным текстом в соответствующей части), позволили сделать ряд выводов, касающихся и других частей текста, которые до нас в копии не дошли. Стремление возвратить тексту Дневника тот вид, который он имел в подлиннике, — вот единственный принцип, которым мы руководствовались в этой части нашей работы.

К сожалению размеры издания принудили нас к некоторым сокращениям. Сокращения, впрочем, не нанесли Дневнику никакого ущерба. Выпущены только те места (преимущественно разборы исторических трудов, рассуждения о Ветхом и Новом Завете etc.), которые не представляют в настоящее время почти никакого интереса. Выпущены также те стихи, которые, не имея биографического значения, лишены в то же время художественного достоинства. Все публикуемые в настоящем издании стихи Кюхельбекера проверены нами по рукописям. Мы совершенно согласны с общей оценкой Дневника, сделанной редакцией «Русской Старины»: «представляемый нами дневник заключает в себе по преимуществу данные, имеющие значение главным образом для *истории отечественной словесности*». Страниц Дневника, имеющих историко-литературное значение, наши сокращения не коснулись. Все пропуски в настоящем издании обозначены строкой точек (. . . .).

Склад литературных воззрений и интересов Кюхельбекера сообщил его Дневнику совершенно особый характер. Кюхельбекер всегда интересовался массовой литературой; в поле его внимания попадало огромное количество явлений литературной действительности. В Дневнике не забыт

ни один значительный писатель двадцатых-тридцатых годов, уделено внимание множеству мелких (ныне совершенно забытых) литераторов. Перед глазами современного читателя проходит целая литературная эпоха; именно эпоха, а не отдельные литераторы, хотя бы значительные, и в этом, прежде всего, ценность и интерес Дневника. В известном смысле Дневник является продолжением журнальных статей Кюхельбекера, напечатанных до 1825 г. Последнее обусловило характер наших примечаний. Мы всюду останавливались на литературной позиции разбираемого в Дневнике писателя, а также давали краткие выдержки из статей Кюхельбекера, в связи с затронутым вопросом.

Мелкие примечания (текстологические, библиографические, биографические и т. д.) даны нами в подстрочнике; примечания, имеющие более общее значение и размеры которых затрудняют их помещение в подстрочнике, — объединены нами в конце книги с точным указанием страниц, к которым они относятся.

Заимствованные нами из «Русской Старины» заголовки «Дневник узника» и «Дневник поселенца» принадлежат, по всей вероятности, самому Кюхельбекеру.

В заключение считаем долгом выразить свою благодарность Пушкинскому Дому Академии Наук СССР в лице *Н. В. Измайлова* и *Г. Д. Вержбицкого; И. А. Груздеву*, *Г. А. Гуковскому*, *Ю. Г. Оксману*, *А. М. де-Рибасу*, *Б. В. Томашевскому*, *А. А. Шилову*, *В. Б. Шкловскому*, — за ряд ценных справок и указаний.

Особенно же признательны мы *Юрию Николаевичу Тынянову* за его руководящие советы.

Вл. Орлов.

С. Хмельницкий.

Принятые нами сокращения:

«Р. Ст.» — «Русская Старина».
«Р. Арх.» — «Русский Архив».
Изд. Балицкого — «Полное Собрание стихотворений В. К. Кюхельбекера» — издание «Библиотеки декабристов» Г. В. Балицкого, 1908.
«С. О.» — «Сын Отечества».
«В. Е.» — «Вестник Европы».
«Моск. Тел.» — «Московский Телеграф».
«Б. д. чт.» — «Библиотека для чтения».
«Отеч. Зап.» — «Отечественные Записки».
«Мн.» и «Мнемоз.» — альманах «Мнемозина».

„...Когда я начал дневник свой, я именно положил, чтоб он отнюдь не был исповедью, а вышло напротив: проговариваюсь и довольно даже часто. Иначе и быть не может.“

(Кюхельбекер — Пушкину 3 авг. 1836 г.)

Д Н Е В Н И К У З Н И К А

1 8 3 1

17 Декабря.

Давно у меня в голове бродит вопрос: «возможна-ли поэма эпическая, которая бы наши нравы, наши обычаи, наш образ жизни так передала потомству, как передал нам Гомер нравы, обычаи, образ жизни троян и греков?» «Беппо» и «Дон-Жуан» Байрона [1] и «Онегин» Пушкина — попытки в этом роде, но (надеюсь, всякий согласится) попытки очень и очень слабые, особенно если сравнить их с «Илиадою» и «Одиссеею»; и не потому, что самые предметы Байрона и Пушкина малы и скудны (хотя и это дело не последнее), а главное, что они смотрят на европейский мир, как судьи, как сатирики, как поэты-описатели: личность их нас беспрестанно разочаровывает, — мы не можем обжиться с их героями, не можем забыться. Тысячелетия разделяют меня с Гомером, а не могу не любить его, хотя он и всегда за сценою; не могу не восхищаться свежестью его картин, истиною и верностью малейшей даже черты в его рисовке быта древних героев: каждая вызывает их из гроба и ставит живых перед глазами. Ювеналовские выходки Байрона и Пушкина, [2] напротив, заставляют меня прези-

[1] «Беппо», венецианская повесть (Beppo, a venetian story, появилась в печати в 1818 г.), была поворотным пунктом к тому направлению, которое Эльце окрестил названием «сатирико-нигилистического» и которое полнее всего раскрылось в «Дон-Жуане» — грандиозной социальной сатире. (Байрон занимался этой поэмой с лета 1818 г. до конца своей жизни и оставил ее неоконченной). Влияние этих двух поэм (особенно «Беппо») сказалось на «Евгении Онегине» (1823 — 1831, — более всего на отступлениях), на «Домике в Коломне», на «Графе Нулине» и т. д. (об отношении Кюхельбекера к Байрону и Пушкину см. подробнее на стр. 317-18 наст. изд.).

[2] Т. е. — сатирические элементы в «Беппо», «Дон-Жуане» и «Евгении Онегине». — Decimus Junius Juvenalis (42 — 125 гг. нашей эры). — знаменитый римский сатирик.

рать и ненавидеть мир, ими изображаемый, и удивляться только тому, как они решались воспевать то, что им казалось столь низким, столь ничтожным и грязным.

Гомер нашего времени, — если он только возможен, — должен идти иною дорогою.

18 Декабря.

Писал к матушке, а при письме немецкие стихи, [1] не знаю, хороши-ли они или худы, только надеюсь, что они принесут моей старушке удовольствие; помню, как она носилась с какими-то стихами, которые я ей прислал, будучи еще в лицее.

19 Декабря.

Читаю рассуждение Шиллера: «Über Anmuth und Würde». [2] Полагаю, что все эти рассуждения принадлежат к лучшим его сочинениям, — и теперь понимаю несколько, почему какой-то англичанин сказал, что «у немцев нет ни одного поэта, а только один хороший прозаик — Шиллер». Это не справедливо; но вижу, каким образом такая мысль могла родиться в голове умной, хотя и не беспристрастной.

---

[1] Матушка — Юстина Яковлевна Кюхельбекер, урожденная Ломен (Lohmen). Род. в 1757 г., умерла в 1841 г. В Дневнике Кюхельбекера имя Юстины Яковлевны будет встречаться неоднократно («матушка», «моя старушка» и др.). Выдержки из писем Кюхельбекера к матери из-за границы (1820 — 1821) напечатаны в «Рус. Старине» 1875 г. (т. XIII, стр. 340 и сл.). — В тетради стихотворений Кюхельбекера (автограф), хранящейся в рукописном отделении Академии Наук СССР и описанной С. И. Брайловским в «Филологических записках» 1911 г., под №№ 50 и 51 (по оглавлению и нумерации Кюхельбекера), значатся два стихотворения, написанных на немецком языке: «Матушке в день ее рождения» и «Ей же — на Рождество». Об этих именно стихах и говорит в данном случае Кюхельбекер.

[2] «О Грации и Достоинстве» — знаменитый трактат Шиллера, который можно рассматривать как дополнение Кантовой эстетики и, вместе с тем, как критику ее (напечат. в 1793 г.). Об отношении Кюхельбекера к Шиллеру см. на стр. 326 наст. изд.

20 Декабря.

. . . .

Боже мой! когда конец? когда конец моим испытаниям? Несчастные мои товарищи, по крайней мере, теперь спокойны; если для них и кончились все надежды, то кончились и все опасения; грустно им, они горюют вместе; а я один, [1] — не с кем делиться тоской, которая давит меня; к тому же, нет у меня и той силы характера, которая, может быть, поддержала бы другого. Не знаю за собой никакой вины; но боюсь за тех, которые были ко мне сострадательны: [2] ужасно подумать, что они за человеколюбие свое могут получить неприятности; я бы охотнее подвергся всему, чем воображать, что заплачу им такою монетою. А между тем, что мне делать?

22 Декабря.

Если бы страдания и не имели другой пользы, а только бы приучали охотнее умирать, и то должно бы благодарить за них создателя.

23 Декабря.

В «Новостях литературы» [3] я прочел кое-что покойного Загорского, [4] между прочим, идиллию: «Бабушка и внучка»; он был молодой человек с истинным дарованием.

---

[1] Большинство декабристов было сослано в каторжные работы или на поселение большими группами. Одиночному заключению в крепостях были подвергнуты только Кюхельбекер (10 лет в крепости) и Батеньков (20 лет в крепости).

[2] Родственники Кюхельбекера, особенно же старшая его сестра — Юстина Карловна Глинка, которая действительно была привлечена к ответственности за помощь, оказанную бежавшему от правосудия государственному преступнику.

[3] «Новости литературы» — журнал, изд. А. Ф. Воейковым (1822 — 1824 — совместно с В. И. Козловым, 1825 — 1826 — единолично).

[4] Загорский, Михаил Павлович (1804 — 1824) — поэт - элегик; обращавшие на себя внимание в двадцатых годах оригинальные и переводные элегии Загорского остались несобранными воедино, забытыми в старых журналах.

25 Декабря.

Благодарю всевышнего, я сегодняшний праздник провел приятнее, чем думал: во весь день не тосковал. Что мои милые? мой брат? матушка? сестры? [1] мои любезные далекие?

28 Декабря.

Сегодня день рождения (если только не ошибаюсь) покойного отца моего: [2] он скончался в 1809 г., на 61 году от роду.

29 Декабря.

Все ближе и ближе конец этого рокового года: [3] что-то будет в следующем? я, который теперь отмечаю чувства свои, перечту ли эту отметку через год? При наступлении нового года у всех сердце бьется сильнее, все ожидают чего-то лучшего, нового: мне чего ожидать? Но в сытость мне этот 1831-й год, в сытость и в тягость так, как давно ни один не был! Между тем, сколько я от судьбы получил благодеяний и в этот даже тяжелый год.

. . . .

---

[1] О брате и сестрах В. К. Кюхельбекера—см. на стр. 328 наст. изд.

[2] Карл фон-Кюхельбекер (1748 — 1809) — выходец из Саксонии, дворянин Римской империи, воспитанник Лейпцигского университета, весьма образованный для своего времени человек, по специальности — агроном. Долгое время служил управляющим Павловска — имения великого князя Павла Петровича и великой княгини Марии Федоровны. После 11 марта 1801 г. переселился в пожалованное ему императором Павлом имение Авинорм (в Эстляндии). Выдержка из единственно дошедшего до биографов В. К. Кюхельбекера письма его отца, содержащая характеристику десятилетнего Вильгельма, — напечатана в «Рус. Старине», 1875 г., т. XIII, стр. 334 — 335.

[3] События 1831 года — польское восстание и эпидемия холеры («бледный мор» и «дерзостный мятеж»: см. стих. Кюхельбекера «1831 г.» — «Рус. Стар.», 1875, т. XIII, стр. 492 — 493). — Польское восстание вспыхнуло 17(29) ноября 1830 г. и продолжалось около девяти месяцев; азиатская холера (так назыв. «вторая пандемия») в 1831 г. распространилась по всей России; в одном только Петербурге она унесла около 7 000 человек; панический страх, наведенный первым появлением холеры, повел к народному бунту 2 июня. — Кроме того, 1831 г. — год смерти лицейских товарищей Кюхельбекера: Дельвига и Есакова.

30 Декабря.

Бог судил мне еще радость перед новым годом: получил я письмо от сестры и список братнина в ней, да с дюжину книг — русских и английских; русские посылает мне добрый мой Владимир Андреевич.[1] Никогда, заметил кто-то, радость не приходит одна, — так-то и со мною сегодня случилось; после довольно продолжительной умственной засухи, разрешился я стихами на новый год.

. . . .

Благодаря господа, с новым годом моя тоска совсем прошла: обыкновенное мое лекарство — поэзия, наконец, подействовала.

Прочел я «Еруслана Лазаревича».[2] В этой сказке, точно, есть отголоски из «Шах-Намэ»;[3] ослепление царя Кар-

---

[1] Глинка.—Книги пересылали Кюхельбекеру, кроме В. А. Глинки, племянник — Николай Григорьевич Глинка и А. С. Пушкин (см. переписку Пушкина, ред. В. И. Саитова, изд. Ак. Н., т. III, стр. 279).

Глинка, Владимир Андреевич (1790 — 1862) — сенатор, генерал-от-артиллерии,брат Григория Андреевича Глинки, женатого на сестре Кюхельбекера, Юстине Карловне. В. А. Глинка был членом масонской ложи Любви к Истине в Полтаве (1818 — 1819) и членом Союза Благоденствия, но к следствию по делу о декабристах привлечен не был. В 1837 г. Глинка был назначен главным начальником горных заводов Уральского хребта, где оставил по себе печальную память. Кюхельбекер назвал его в письме к Жуковскому своим «лучшим, испытанным в счастьи и несчастьи другом» («Рус. Архив», 1872, № 5, стр. 1008). По ходатайству В. А. Глинки Кюхельбекер был переведен в 1844 г. в Смолинскую слободу Тобольской губ. из Баргузина.

[2] «История о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче», — сказка, пришедшая к нам в XVII веке вместе с «Брунцвиком», «Бовой-Королевичем», «Францылем Венецианским» и др. и вскоре ставшая народно-лубочным изданием.

[3] Шах-Намэ («Книга Царств») — поэма Фирдуси (Абдуль-Касим Мансур Фирдуси, род. около 940 г. нашей эры — персидский поэт) — мифическо-историческое произведение. Бой отца с сыном — эпизод из входящего в эпопею сказания о Рустеме и Зорабе (на рус. язык было переведено с немецкого перевода Рюккерта Жуковским в 1846 — 7 гг.) — В настоящее время считается установленным, что в основе «Истории о Еруслане Лазаревиче» лежит тюркская переделка некоторых эпизодов из похождений иранского богатыря Рустема. — Об интересе Кюхельбекера к восточной поэзии см. на стр. 329 наст. изд.

тауса (у Фирдуси царь называется Кавусом) и его богатырей и бой отца с сыном, очевидно, перешли в русскую сказку из персидской поэмы. Сверх того, г. издатель, кажется, изволил кое-где переправить слог, а может быть, и самое повествование русского краснобая. Хотелось бы мне послушать Еруслана Лазаревича в живом, устном рассказе простолюдина, в приволжских губерниях; почти уверен, что тут я бы нашел еще более следов азиятского происхождения этой сказки.

2 Января.

Поутру я переправлял вчерашний псалом; а после обеда, наконец, выразил сонетом [1] мысль, за которую напрасно на прошедшей неделе принимался два или три раза.

РОЖДЕСТВО.

Сей малый мир пред оными мирами,
Которые бесчисленной толпой
Парят и блещут в тверди голубой, —
Одна пылинка: мы же — что мы сами?

Но солнцев сонм, катящихся над нами,
Во веки на весах Любви святой
Не взвесит ни одной души живой:
Не весит вечный нашими весами.

Ничто вселенна пред ее творцем;
Вещал же так творец и царь вселенной:
«Сынов Адама буду я отцем;

Избавлю род их, смертью уловленный, —
Он не погибнет пред моим лицем! — *
И бог от девы родился смиренный.

Если бы мне удалось составить с десяток подобных сонетов на Рождество и с десяток на Пасху, не худо бы было. Картины и мысли такие, какие греки вливали в форму своих гномов и эпиграмм [2] (греческие эпиграммы совсем не то,

* Строка пропущена в тексте «Р. Ст.».

[1] О сонете см. примечание на стр. 329 наст. изд.

[2] Гномы—короткие, обыкновенно картинно-выраженные изречения, содержащие какое-нибудь общее правило житейской мудрости или философскую мысль. В Греции гномическая литература процветала в VI веке. — Эпиграммы — под этим термином в древ-

что наши), у нас, так мне кажется, удачно бы могли быть одетыми в форму сонетов.

3 Января.

Прочел 30 первых глав пророка Исаии. Нет сомнения, что ни один из пророков не может с ним сравниться силою, выспренностию и пламенем; начальные пять глав книги его вдохновений составляют такую оду, какой подобной нет ни на одном языке, ни у одного народа. [1] Они были любимыми моего покойного друга Грибоедова, [2] и в первый раз я познакомился с ними, когда он мне их прочел в 1821 году, в Тифлисе. [3] Удивительно начало пятой: «Воспою ныне

ности разумели не то, что сейчас; название эпиграмм носили вообще стихотворные или прозаические надписи, какими снабжались монументы, трофеи и другие предметы, посвященные богам.

[1] О литературном интересе Кюхельбекера к духовной поэзии в связи с попыткой воскрешения высоких лирических жанров см. работу Ю. Н. Тынянова — «Архаисты и Пушкин» (в сборнике «Пушкин в мировой литературе», Л. 1926, а также в книге Ю. Н. Тынянова «Архаисты и новаторы», Л. 1929). — Вообще литературный интерес к св. писанию был весьма обостренным в начале XIX столетия. См. напр. статью П. А. Никольского «Об оде» в «Сыне Отечества» за 1815 г., ч. 22, № XXIII (стр. 123 — 142). Здесь мы, между прочим, читаем: «Мы находим много Лирических Поэм в Ветхом Завете. Кроме гимнов и песней, рассеянных в книгах Бытия и Пророков, целая книга Псалмов может почитаться собранием Духовных Од...»

[2] Об А. С. Грибоедове см. на стр. 329 наст. изд.

[3] Возвратившись, по требованию русского правительства, из Парижа в Россию осенью 1821 года, Кюхельбекер очутился в весьма затруднительном положении неблагонадежного литератора без каких-либо средств к существованию. По рекомендации А. И. Тургенева (через кн. П. А. Вяземского), поддержанной канцлером гр. Нессельроде, а также и по личному желанию А. П. Ермолова, бывшего тогда проездом с Лайбахского конгресса, в Петербурге, Кюхельбекер получил место в Тифлисе чиновником особых поручений при Ермолове. В Тифлис он прибыл в декабре 1821 г. В Тифлисе Кюхельбекер близко сошелся и подружился с Грибоедовым, перезнакомился со многими представителями избранного тифлисского общества, должен был получить место секретаря при русском посольстве в Персии (занятое впоследствии — А. С. Грибоедовым), но пробыл в Тифлисе недолго, — всего до мая 1822 г., так как после крупной ссоры и дуэли с одним из ермоловских чиновников, Н. Н. Похвисневым, принужден был выйти в отставку и уехать в Россию.

возлюбленному песнь» и проч. Шестая по таинственности, восторгу и чудесному, которое в ней господствует, почти еще выше.

. . . .

7 Января.

Перелистывал я малороссийские песни, изданные Максимовичем,[1] и нашел некоторые удивительные; между прочим, две того же содержания, какого велико-русская известная «Уж как пал туман» и пр. Малороссийские, по простоте своей, почти еще лучше нравятся. Еще превосходнее их песня: «У поле крыниченька». Не знаю ни на каком языке ничего, что бы могло сравниться с окончанием этой песни: она хватает прямо за сердце.

. . . .

9 Января.

Пора приняться за греческий язык.[2] Недели две-три позаняться им — и пружинам души моей возвратятся хоть несколько силы, а теперь они ослабли.

---

[1] Максимович, Михаил Александрович (1804 — 1873) — выдающийся русский естествовед и этнограф. «Малороссийские песни», М. 1827.

[2] Принятое среди биографов Кюхельбекера мнение, что греческий язык он изучил уже узником, в тюремном заключении, многократно перечитывая Илиаду,— неверно. В письме к кн. В. Ф. Одоевскому из Закупа от 23 марта 1825 г. Кюхельбекер писал: «Я здесь занялся опять греческим языком и брежу Эсхилом; принялся переводить его Агамемнона размером подлинника — сенариями...» («Р. Ст.», 1904, № 2, стр. 379). Слово «опять» доказывает, что греческим языком Кюхельбекер занимался и раньше. Способности Кюхельбекера к усвоению иностранных языков вообще были велики: он превосходно владел главнейшими из новых европейских языков (немецким, французским); в два месяца изучил английский язык в Шлиссельбургской крепости; в совершенстве знал латинский язык (и преподавал его в 1817 — 1820 гг. в Благородном пансионе при Педагогическом институте); в 1830 г. в Динабурге изучал польский язык. Кюхельбекер всегда проявлял повышенный интерес к лингвистическим вопросам, с любовью собирая и изучая словари восточных языков (в частности — персидского)

10 Января.

Я недоволен собою: унываю и тоскую; нет во мне той бодрости, той силы, которые бы должен иметь, после столь многих видимых благодеяний господних.

. . . .

11 Января.

Занятия — лучшее лекарство против ипохондрии: я опять принялся за греческий язык — читаю четвертую книгу «Илиады».

12 Января.

С неделю у меня чрезвычайно живые сны: предпрошедшую ночь я летал или, лучше сказать, шагал по воздуху, — этот сон с разными изменениями у меня бывает довольно часто; но сегодня я видел во сне ужасы и так живо, что вообразить нельзя. Всего мне приятнее, когда мне снятся дети: я тогда чрезвычайно счастлив и с ними становлюсь сам дитятею. Читал после обеда Гомера, да еще не вчитался.

13 Января.

Сегодня, вчера и третьего дня старался я переложить «Отче наш» и живо при том чувствовал, что переложения (paraphrases) обыкновенно ослабляют подлинник: это вино, разведенное водою.

. . . .

14 Января.

Сегодня три месяца моей бытности здесь. Господи, боже мой! дай мне терпение и силу сносить судьбу свою без ропота!

и местные сибирские диалектизмы. Уже в лицее Кюхельбекер слыл за охотника «заниматься языками, а особливо отечественными»; поэтому Илличевский в письме к нему из Сибири (1818 г.) сообщает много краевых сибирских слов (см. «Пушкин и его современники», вып. 31 — 32, стр. 153 — 154).

18 Января.

Вчера я не отметил ничего в дневнике своем, потому что нечаянно загасил в 10-м часу свечку, а Кобылина * мне не хотелось тревожить.

. . . .

19 Января.

Сегодня или завтра (но, кажется, что сегодня) шесть лет, как я нахожусь в заключении: того же числа и в тот же день недели, как ныне 1826 года, я был арестован в Варшаве. [1]

22 Января.

Сегодня я отмечу нечто отрадное и благое. Славу богу, опять у меня пошли стихи на лад, а для меня очень, очень важно, потому что когда сочиняю, тогда меня не мучит хандра; первая сцена «Ивана купеческого сына» [2] написана; дай бог, чтоб не было остановки. Это сочинение займет меня, по крайней мере, два месяца, — месяц полагаю на переправку, на прозу и переписку набело; тогда три месяца с плеч долой. C'est autant de gagné sur l'ennemi, ** а мой неприятель — время, или, лучше сказать, те 9 лет с месяцами, которые, по всем вероятностям, проведу еще в одиночестве. [3]

В Бутурлине [4] описание полтавской битвы. Тут в самых

---

* Сторож, состоявший при каземате. *(Прим. 1841 г. В. К.).*

** Чистый выигрыш у неприятеля (франц.).

[1] Кюхельбекер был арестован в Варшаве 19 января 1826 г., заключен в Петропавловскую крепость — 25 января того же года.

[2] «Иван — купеческий сын» — сказка-драма В. К. Кюхельбекера, до нас не дошедшая.

[3] По высочайшей конфирмации 10 июля 1826 г. Кюхельбекер был приговорен в каторжную работу, замененную крепостным заключением сроком на 20 лет, — 22 августа 1826 г. срок этот был сокращен до 15 лет; — этот срок и подразумевает в данном случае Кюхельбекер. Но освобожден от крепостного заключения он был раньше и этого срока, а именно не в 1840 г., а 14 декабря 1835 г.

[4] «Военная история походов Россиян в XVIII столетии.» Сочин.

тактических действиях много для воображения, много такого, чем поэт мог бы воспользоваться. У нас отличные два стихотворца Шихматов и Пушкин прославляли это сражение, [1] но не изобразили: то, что они говорят о нем, можно принаровить и к лейпцигскому, и бородинскому, и к бою под Остроленкою, стоит только переменить имена собственные. Ломоносов, [2] полагаю, не впал бы в этот недостаток, не потому, чтобы был бо̀льшим поэтом, чем Шихматов и Пушкин, но что даже в одах его заметно бо̀льшее знание тактики, нежели в их эпопеях. Такое знание или выказывание такого знания, быть может, в лирической поэзии не совсем у места, но в эпической было бы кстати.

24 Января.

Прочел 21-ю главу пророка Иеремии. В нем нет той выспренности и силы воображения, которою исполнен Исаия. Но скорбь Иеремии, как над ослеплением и жребием своего народа, так и над самим собою за то, что послан к несчастливцам, которые непременно хотят остаться в слепоте своей, заменяет для нас вполне лирическое парение. Исаия поражает, изумляет; Иеремия— внушает соболезнование. В 20-й главе место, которое можно сравнить с самыми ужасными в Иове. См. от 14-го стиха до конца. Параллели редко бывают точными и соответствующими между собою во всех частях, однако, они всегда основаны на действительном, хотя иногда и далеком сходстве: таким-то образом, можно бы Исаию уподобить Эсхиллу, а

Д. Бутурлиным, флигель-адъютантом Е. И. В., с франц. перев. А. Хатовым, СПБ. — 3 части (1819 — 1821).

Бутурлин, Дмитрий Петрович (1790 — 1849) — военный и исторический писатель, писавший на французском языке.

[1] Шихматов — в IV песне поэмы «Петр Великий» (изд. в 1810 г.); Пушкин — в поэме «Полтава» (изд. в 1829 г.). — О Шихматове и отношении Кюхельбекера к нему см. стр. 331 наст. изд.

[2] Ломоносов, Михаил Васильевич (1712 — 1765) — поэт и ученый.

Иеремию Еврипиду, или первого — Микелю Анджело, а второго—Рафаэлю.

26 Января.

Не знаю, удастся ли мне ясно выразить мысль, которая с некоторого времени носится в голове моей и мне кажется довольно основательною. По Шеллингу,[1] искусство — та же природа, только действующая посредством (durch das Medium) человека. Итак, всякое произведение искусства — быть вместе произведением природы вообще, природы человека в частности, природы творящего художника в особенности. Оно должно быть зарождено в душе того, кто производит, должно быть необходимым следствием его способностей, наклонностей, личности, — и вместе соответствовать потребностям его века и отечества (времени и местности, составляющих в совокупности частное проявление человечества); наконец, должно быть основано на мировых, непременных законах творческой силы и творимого естества. Истину этого правила, относительно к моему лицу, я испытал в течение всей своей поэтической жизни. Чем точнее, чем хладнокровнее мои планы были обдуманы, тем менее они мне удавались; напротив, всякий раз, когда я следовал голосу мысли, зародившейся в глубине моего *я*, поразившей меня внезапно, когда сообразовался с теми мгновенными вдохновениями, которые навевались на меня обстоятельствами и только не терял из виду главной мысли своей, — тогда успех неожиданный, непредвиденный, увенчивал труд мой.

28 Января.

Хотелось бы чем-нибудь просвежить душу какою-нибудь литературною новинкою: это масло, которое необходимо время от времени подливать в лампаду поэзии.

. . . .

---

[1] О Шеллинге и шеллингианстве см. на стр. 332 наст. изд.

30 Января.

Получил письмо от матушки (ответ от 31-го декабря), сто рублей денег и колпак ее собственной работы. Добрая моя старушка! Каждое слово письма ее дышет нежнейшею материнскою любовию! Бесценно для меня то, что она тотчас посетила друга моего — Прасковью Николаевну Ахвердову, [1] как только узнала, что Ахвердова в Петербурге; могу вообразить их разговор! не раз они тут поминали и моего Грибоедова, в этом нет сомнения. Десять лет прошло с тех пор, как я с ним жил в Тифлисе — сколько перемен!

31 Января.

Этот месяц подарил меня шестью лирическими стихотворениями, которые, кажется, пригодятся для моего собрания. [2]

. . . .

1 Февраля.

Когда у меня вышли книги, я боялся скуки; но, славу богу, неделя прошла, а я ещё не скучал.

. . . .

2 Февраля.

И нынешний день прошел для меня не скучно, хотя я вовсе ничего не читал. Остались у меня еще 19 страниц в

---

[1] Ахвердова, Прасковья Николаевна, урожденная Арсеньева (ум. в 1851 г.) — вдова начальника Кавказской артиллерии — Федора Исаевича Ахвердова. У Ахвердовой воспитывалась дочь эриванского губернатора, княжна Нина Чавчавадзе, впоследствии ставшая женой А. С. Грибоедова. В салоне Ахвердовых собирался цвет тифлисского общества; Кюхельбекер, возможно, введен был туда А. С. Грибоедовым.

[2] Мечты о собрании сочинений не покидали Кюхельбекера во все последующие годы. Неоднократные его просьбы о разрешении издать что-либо из огромных своих литературных запасов неизменно встречали отказ. В 1845 г. Кюхельбекер послал В. А. Жуковскому список своих произведений, предназначенных им к печати. См. этот список на стр. 313-14 наст. изд.

Джонсоновом романе «Rasselas»,[1] — поберегу их для завтрашнего дня. Примусь опять за Гомера; пора, как говаривал Галич,[2] потрепать старика.

3 Февраля.

Старик Гомер со мною часика два разговаривал после обеда; хочу пользоваться его беседою каждый день.

4 Февраля.

Прочел три сказки Кирши Данилова;[3] одну из них: «Сорок калик со каликою» в 1815 году я перевел на немецкий язык.[4]

---

[1] В тексте «Рус. Старины»: Russelas-t (?). — «Rasselas» — нашумевшее в свое время (вышло в свет в 1760 г.) сочинение Джонсона Samuel Johnson, 1709 — 1784 — английский писатель); на русский язык было переведено в 1795 г. («Расселас, принц абиссинский. Восточная повесть», соч. Джонсона, пер. с английского, 2 ч.) Возможно, что Кюхельбекер читал повесть в переводе.

[2] Галич, Александр Иванович (1783 — 1848) — настоящая его фамилия была Говоров — выдающийся русский философ-шеллингианец, профессор Петербургского университета по кафедре истории философии и преподаватель русской и латинской словесности в Царскосельском лицее (с мая 1814 по июнь 1815 г.). Галич, по словам его биографа, нередко говаривал своим воспитанникам после оживленной, далеко не школьной беседы, взяв в руки Корнелия Непота: «Теперь потреплем старика» (А. В. Никитенко — «А. И. Галич — бывший профессор СПБ. Ун-та», 1869, стр. 22 — 23). Это выражение надолго осталось в памяти Пушкина; он вспомнил о нем в 1823 г. в XL строфе II главы «Евгения Онегина»:

Прими жь мое благодаренье,
Поклонник мирных Аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика.

[3] Связанный без достаточных оснований с именем Кирши Данилова сборник былин и исторических песен, записанных в XVIII столетии, был издан впервые в Москве в 1804 г. («Древние Русские стихотворения, напечатанные с старинныя рукописи, находящейся у одного любителя русского слова»), а в 1818 г. переиздан К. Калайдовичем («Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым; и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных и нот для напева»).

[4] Очевидно для подготовлявшейся Кюхельбекером в 1815 г.

6 Февраля.

Целый день голова болела; несмотря на то, сочинял, а по гречески читал более, чем вчера и третьего дня; впрочем, тут хвастать нечем, мне не оставалось никакого другого средства провесть кое-как день: читать — книг нет, а лежать я боялся, раз, чтоб не заснуть и через то не лишиться сна ночью, а второе — чтоб не завести в постеле еще более блох, которые и без того меня измучили.

7 Февраля.

Сегодня четыре месяца с моего отъезда из Ревеля. [1]

8 Февраля.

Что такое юмор? Понятия, несовершенно ясные, всего лучше определяются отрицаниями... Итак, юмор не просто насмешливость, не одно остроумие, не Vis comica * без всякой примеси; юмор не выражается исключительно ни прямою сатирою, ни ирониею; насмешник, остряк, комик— холодны; их обязанность, ремесло их — устраняться, избегать чувства. Сатирик — саркастик; Ювенал, Персий, [2] ограничиваются одним чувством — негодованием, гневом. Юморист, напротив, доступен всем возможным чувствам; но он не раб их, — не они им, он ими властвует, он играет ими, вот чем, с другой стороны, отличается он от элегика и лирика, совершенно увлекаемых, порабощаемых чувствами. Юморист забавляется ими и даже над ними; но не так, как

книги на немецком языке «О древней Российской Словесности». Известны переводы Кюхельбекера на немецкий язык русских народных песен: «Der Kosak und das Mädchen» и «Die Verwandten und das Liebchen» (напечатаны в книге Грота «Пушкинский Лицей». 1911).

* Комическая жилка (латин.).

[1] Кюхельбекер был переведен по распоряжению Главного Штаба (27 сентября 1831 г.) водою из Ревеля — в Свеаборгские арестантские роты — 7 октября 1831 г. (по данным «Алфавита декабристов», изд. Центрархива, 1926, стр. 337).

[2] Персий (Persius Flaccus, 342—362 гг. нашей эры) — римский сатирический поэт.

чернь забавляется над теми, над кем с грубой надменностью воображает свое превосходство, а как добрый старик забавляется детьми, или, как иногда, в дружеском кругу, трунишь над небольшою слабостью приятеля, которого любишь и уважаешь. Комик, насмешник, светский легкий сатирик — старики по рождению, хотя бы им было и двадцать лет; лирик — до глубокой старости все тот же юноша, каким он был в начале жизни; сатирик-саркастик — сердитый ребенок, который бросается на пол и бьет по нем ногами и руками, потому что не все так идет в мире,как бы ему хотелось; один юморист — муж зрелый, зоркий, мощный, еще сохранивший жар, хотя и не весь пыл молодости, но умевший приобрести опытность, которая другим дается уже вместе с дряхлостью. Юморист вовсе не пугается мгновенного порыва; напротив, охотно за ним следует, только не теряет из глаз своей над ним власти, своей самобытности, своей личной свободы. Юмор может входить во все роды поэзии, — самая трагедия не исключает его; он даже может служить началом, стихиею трагической басни, тому доказательство Гетев «Фауст». [1]

15 Февраля.

Провидение меня воспитывает и обстоятельствами принуждает к занятиям, о которых я, по природной лености, вероятно, и не думал бы; в Шлиссельбурге [2] я выучился по-английски, потому что у меня не было книг, кроме английских; здесь, бог даст, выучусь по-гречески, потому что у меня опять нет книг, кроме некоторых собственных, читанных и перечитанных.

. . . .

---

[1] «Faust», драматическая поэма в двух частях (1790 — 1832). Об отношении Кюхельбекера к Гете см. стр. 333 наст. изд.

[2] В каземате Шлиссельбургской крепости Кюхельбекер сидел с 25 июля 1826 по 12 октября 1827 г., когда был переведен в Динабургскую крепость.

17 Февраля.

Нынешний день оаза в моей пустыне: я получил письмо и книги от моей доброй Улиньки;[1] книги: немецко-английский словарь, 2-й том Робертсона,[2] повести[3] и последняя глава «Онегина»[4] — Пушкина.

Поэт в своей 8-й главе похож сам на Татьяну. Для лицейского его товарища, для человека, который с ним вырос и его знает наизусть, как я, везде заметно чувство, коим Пушкин преисполнен, хотя он, подобно своей Татьяне, и не хочет, чтоб об этом чувстве знал свет.

21 Февраля.

Перечел 8-ю главу «Онегина». Напрасно сестра говорит, что она слабее прочих, — напротив, она мне кажется, если не лучшею, то, по крайней мере, из лучших. История знакомства поэта с музой прелестна, особенно 4-я строфа; но лжет Пушкин, чтобы музе нравился:

«Порядок стройный
Олигархических бесед
И холод гордости спокойной»

9-я строфа прекрасна; варьяции на нее 10, 11 и 12-я слабее, но в них много хорошего, хотя 11-я несколько сбивается на наши модные элегии, а в 12-й стих

«Иль даже демоном моим»

такой, без которого очень можно было бы обойтись. Появление Тани живо, да нападки на * * * не слишком кстати. Мне бы этого и не следовало, быть может, го-

---

[1] Улинька — младшая сестра Кюхельбекера, Юлия Карловна.

[2] Робертсон (William Robertson, 1721 — 1793) — шотландский историк. Второй том Робертсона — «The History of the Reign of the Emperor Charls the Fifth» («История царствования императора Карла V»).

[3] «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.» (СПБ. 1831).

[4] «Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина». СПБ. 1832 (Глава осьмая).

ворить, потому что очень хорошо узнаю самого себя под гиероглифом трех звездочек,[1] но скажу стихом Пушкина же

«Мне истина всего дороже».

Кроме этой небольшой полемической выходки, все прекрасно от 14-й до 20-й строфы, а слова «И—и не мог!» в своем роде совершенство. В 22-й не очень понимаю «упрямой думы»; за то: «упрямо смотрит он» прямо почерпнуто из сердца человеческого. Вечер у Тани хорош, но слабее раута. Конец 26-й строфы:

«И молча обмененный взор
Ему был общий приговор»

заключает в себе черту, схваченную с того, что иногда случается видеть в свете. В письме Онегина к Тане есть место, напоминающее самые страстные письма St. Preux,[2] от слов:

«Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!»

до стиха:

«И я лишен того»; etc.

Из худших строф 35-я, свидетельствующая, что Александр Сергеевич родной племянник Василия Львовича

---

[1] Стихи Пушкина:

Она казалась верный снимок
Du comme il faut...*** прости:
Не знаю, как перевести.
(«Е. О.», гл. VIII, стр. XIV) —

Кюхельбекер читал, повидимому, следующим образом:

— Вильгельм, прости:
Не знаю, как перевести.

В современных изданиях эти стихи читаются:

— [Шишков] прости etc.

[2] Saint-Preux — главный герой «Новой Элоизы», эпистолярного романа Жан-Жака Руссо.

Пушкина,[1] великого любителя имен собственных;[2] особенно мил Фонтенель[3] с своими творениями в этой шутовской шутке. Но следуют стихи, где, наконец, истинная поэзия, — поэзия воображения, вдохновения души; все же хорошее, что предшествовало, кроме, разумеется, 4-й строфы и письма, было и умно, и остро, а иногда и глубоко, но . . . проза! 37-я строфа чудесна, особенно стихи:

«А перед ним воображенье
Свой пестрый мечет фараон»

и:

«И у окна
Сидит она и все она»

Объяснение с Татьяной также выше многого того, что из прочих глав наша молодежь затвердила наизусть. Эпилог— лучший из всех эпилогов Пушкина.

. . . .

---

[1] Пушкин, Василий Львович (1767 — 1830) — дядя А. С. Пушкина, известный в свое время писатель, старейший по возрасту член «Арзамаса», рьяный карамзинист, непримиримый враг Шишкова и его соратников.

[2] Любовь к «звучным» собственным именам отмечает многие стихи В. Л. Пушкина. Напр:.

Виргилий и Омер, Софокл и Эврипид,
Гораций, Ювенал, Саллюстий, Фукидид
Знакомы стали нам, и к вечной славе Россов
Во хладном Севере родился Ломоносов.

(Послание к В. А. Жуковскому.)

В 35-ой строфе «Евгения Онегина» читаем:

...Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочел скептического Беля,
Прочел творенья Фонтенеля...

[3] Фонтенель (Bernard Le Bovier de Fontenelle, 1657 — 1757) — французский литератор, племянник Корнеля, непременный секретарь французской Академии.

Читаю 7-ю и 8-ю части «Телеграфа».[1] На стр. 182-й 7-й части следующее: «Борисов, 15-ти летний крестьянин из села Лопасни (в 66-ти верстах от Москвы), явился к И. И. Дмитриеву[2] и объявил, что хочет учиться. Попечитель университета, А. А. Писарев, [3] восхищенный Ломоносовским подвигом Борисова, принял его под свое покровительство. Открылось, что Борисов много читал и сам пишет стихи: ему задали написать стихи на день воспоминания основания университета. (Следуют выписки из оных. Тут, между прочим, стих: «восторг души — луч божества»). Полевой говорит: «Кто знает, что будет из сего юноши? Может быть, в пламенной души его зреет один из гениев нашего времени».

Аминь и буди! скажу я от всего сердца. 16 Марта.

Федор Глинка [4] и однобразен, и темен, и нередко стра-

---

[1] Московский Телеграф —журнал, издававшийся Н. А. Полевым в Москве с 1825 по 1834 г., один из лучших и передовых русских журналов XIX века, организованный по плану «Revue Encyclopedique» и тесно связанный с иностранной прессой.

[2] Дмитриев, Иван Иванович (1760 — 1837) — поэт, сподвижник Карамзина и Жуковского на поприще преобразования русского литературного языка, осмеявший одописцев в знаменитой сатире «Чужой толк» (1794).

[3] Писарев, Александр Александрович (1780 — 1848) — писатель, сенатор, член Российской Академии Наук, председатель Общества Любителей Российской словесности.

[4] Глинка, Федор Николаевич (1786 — 1880) — поэт и прозаик, младший брат известного патриота-публициста Сергея Глинки. Стихотворения Глинки печатались почти во всех журналах и альманахах 1820 — 1870 гг. и собраны во многих отдельных изданиях. Характер его поэзии — религиозно-мистический, определился уже в первых его печатных произведениях (см. «Опыты Священной Поэзии» и «Духовные стихотворения»). В 1825 г. Глинка был привлечен к делу о принадлежности к Союзу Спасения (1816), Союзу Благоденствия (1818) и Северному Обществу, был исключен из военной службы и сослан в Петрозаводск на гражданскую. Глинка был со-членом Кюхельбекера по масонской ложе «Избранного Михаила» (основана в СПБ. в 1815 г.). Известно письмо Ф. Глинки к Кюхельбекеру («Сборн. стар. бумаг, в музее П И. Щукина», ч. VIII, 1901, стр. 247 — 248), а также его стихотворение «Земная грусть», посвященное В... К... К... («Соревнователь», ч. XVI, 1821, стр. 348 — 353).

ней; но люблю его за то, что идет своим путем; в 7-й и 8-й части «Телеграфа» лучшие пьесы решительно его,[1] например: «К звезде», и в прозе аллегория: «Гость на три ночи».

18 Марта.

Прочел я разбор Полевого книги Галича: «Опыт науки изящного».[2] Разбор вообще хорош и книга должна быть прекрасная. И критик, и автор основываются на Шеллинговом учении. В одном случае я не согласен с Полевым, порицающим Галича за то, что он назвал вкус умом (разумеется, относительно к искусствам), а не волею. Конечно, вкус не соответствует полной идее, которую наши мыслители означают словом ум, но еще менее воле. Воля творит, производит, есть причина действий мыслящего существа; вкус же не деятелен, отрицателен. Он, подобно совести, есть соединение воли и разума и такое именно соединение, в котором осуживающий разум заставляет волю отрицаться от деятельности, — и посему, кажется, вкус может назваться эстетическою совестью — совестью изящного. Это название вместе послужит к обозначению общего вкуса (вкуса в идее) и частного (в явлении); общий везде одинаков, как везде одинакова общая (в идее) совесть. Непременный, всеобщий закон совести есть отрицание: «не делай ничего такого, что признаешь противным благу». Непременный, всеобщий закон вкуса, подобным образом, есть отрицание: «не твори ничего такого, что признаешь противным лепоте». Слово же: «признаешь» будет фактором (производителем) всех различий и оттенков частных совестей и

[1] В VII и VIII частях «Московского Телеграфа» за 1826 г. были помещены следующие стихотворения Ф. Глинки: «Из Пророка Исаии», «Мечта», «К звезде», «Ловитель», «Ручей», «Услада». В тех же частях помещены стихи Пушкина, Боратынского, Языкова...

[2] О Полевом см. на стр. 334 наст. изд.

«Опыт Науки Изящного, начертанный А. Галичем». СПБ. 1825 — первый оригинальный опыт эстетики на русском языке.

вкусов (в явлениях): эти различия зависят от степени способности частных лиц постигать идею блага или лепоты в большем или меньшем совершенстве.

19 Марта.

Был в бане и стригся; после стрижки я смотрелся в зеркало, — мне хотелось узнать, постарел-ли я с моего приезда сюда, и, кажется, что нет.

20 Марта.

Сегодня минуло матушке 75 лет. В сумерки размышлял я о третьягоднешней своей отметке и еще более уверился в сходстве вкуса с совестью...

6 Апреля.

Начал я поэму: «Вечный Иудей»;[1] сочиняя вступление, я заметил, что чтение Гомера осталось не без действия на мой слог.

8 Апреля.

Сегодня, читая Гомера, я заметил, что несколько уже успел в греческом языке. Чтобы было, если бы я им занимался без перерывов также прилежно, как в первый месяц? Полагаю, что я теперь не хуже бы знал по гречески, нежели по латине.

---

[1] «Вечный Жид» — самое крупное из уцелевших произведений Кюхельбекера (до нас дошли только отрывки, см. в «Рус. Ст.» 1878, т. XXI, стр. 403—462 — окончательную акшинскую редакцию 1840 — 1842 гг., а также в изд. Балицкого). «Вечный Жид» — одна из первых по времени русских философских поэм, охватывающая огромный исторический материал: «...отрывки поэмы Агасвер собственно не иное что, как разрозненные звенья бесконечной цепи, которую можно протянуть через всю область Римской империи, средних веков и новых до наших дней. Это собственно не поэма, а план, рама и вместе образчик для поэмы всемирной... Агасвер путешествует из века в век, как Байронов Чайльд-Гарольд из одного государства в другое» (из предисловия В. К. Кюхельбекера — см. «Р. Ст.», 1878, т. XXI, стр. 405).— «Вечный Жид» первоначально был задуман в форме эпической поэмы, но в 1834 г. ожил для автора, как «драматическая мистерия». Посвящен «Вечный Жид» был А. Ф. Вельтману (заочно — в 1842 г.).

9 Апреля.

Сегодня я после обеда не прохаживался и не читал Гомера, за то красил яйца; надеюсь, что это небольшое отступление от порядка жизни, мною себе предначертанного, простительно: суббота пред светлым христовым воскресеньем раз только в год бывает.

10 Апреля.

Светлое христово воскресенье! И здесь не без добрых людей: знаки участия, которые мне оказали сегодня, мне очень дороги; конечно, счастье не состоит в еде и питье, но присланное мне показывает, что и обо мне думают, что и мне желают оказать что-нибудь приятное — и этого-то я ввек не забуду.

15 Апреля.

Сегодня ровно год, как покинул я Динабургскую крепость.

17 Апреля.

Перечел я письма брата и о брате княгини Трубецкой и баронессы Розен:[1] нельзя не удивляться этим женщинам и их подругам, разделяющим бедственный жребий мужей своих. Брат в своих письмах являет прекраснейшую душу, — он гораздо лучше меня.

22 Апреля.

Кончил описание путешествия Вальяна.[2] Неприятное чувство, с которым Вальян впервые снова увидел жилища

---

[1] Баронесса Анна Васильевна Розен (умерла в 1884 г.) — жена декабриста барона Андрея Евгеньевича Розен, дочь первого директора Царскосельского лицея — В. Ф. Малиновского.

Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая (умерла в 1854 г.)— жена декабриста князя Сергея Петровича Трубецкого.

А. В. Розен и Е. И. Трубецкая — одни из немногих «декабристок», последовавших за своими мужьями в Сибирь.

Так как до выхода на поселение декабристам-каторжанам было запрещено писать письма, их корреспонденцию вели «декабристки» — Е. И. Трубецкая, М. Н. Волконская, А. В. Розен, Т. К. Юшневская, А. В. Ентальцева.

[2] Вальян (François Le Vaillant, 1753 — 1824) — французский путешественник, совершил два путешествия в Центральную Африку

голландцев, напомнило мне моего Грибоедова: и он в Москве и Петербурге часто тосковал о кочевьях в горах кавказских и равнинах Ирана, — где, посреди людей, более близких к природе, чуждых европейского жеманства, он чувствовал себя счастливым.

23 Апреля.

Перечел я повести Пушкина: две лучшие из них — «Гробовщик» и «Станционный смотритель». На последнюю я слишком мало обратил внимание при первом чтении, — она в своем роде не уступит «Гробовщику».

Также перечел я письма племянников и племянниц [1] и тем кончил пересмотр прошедшего года, если оный мне считать с 15-го апреля, с перемены моего заточения. * [2]

ВТОРОЙ ГОД МОЕГО ДНЕВНИКА.

25 Апреля.

Вчера я забыл отметить, что ничего нельзя вообразить прекраснее и умилительнее свидания Одиссея с Лаэртом

(1780 — 1785), которые описал в двух своих «путешествиях». На русский язык первое из них было переведено в 1793 г. («Путешествие г-на Вальяна во внутренность Африки, чрез мыс Доброй Надежды, в 1880 — 1885 годах», части I и II). Второе путешествие было издано на русском языке в 1824 — 1825 г. («Второе путешествие Вальяна etc.», 3 т.). В тексте Дневника речь идет о первом путешествии (имеются в виду стр. 433—434, II части).

* Этим кончается первая прошнурованная тетрадь дневника, в которой на последней странице значится:

«В сей тетради нумерованных двадцать шесть листов. Крепость Свеаборг, декабря 15-го дня 1831 года».

«Комендант инженер генерал-майор N. N.» (подпись неразборчивая). У сего печать свеаборгского коменданта (место печати).

(Прим. ред. «Р. Ст.»).

[1] Т. е. детей Юстины Карловны и Григория Андреевича Глинки — Дмитрия, Бориса, Николая, Натальи, Александры и Юстины.

[2] 15 апреля 1831 г. (по данным «Алфавита декабристов» — сообщено III отделению дежурным генералом Главного штаба — 10 апреля 1831 г.) Кюхельбекер был по высочайшему повелению отправлен под строжайшим присмотром из Динабурга через Ригу в Ревель.

в 23-й книге «Одиссеи». Это место можно привесть в доказательство, что и древним была известна поэзия, изображающая чувства, хотя они (т. е. греки и римляне) и не знали поэзии, рассуждающей о чувствах. Последняя, без сомнения, принадлежит позднейшему времени.

Сегодня у меня были самые живые и, можно сказать, умные сны: я толковал о самых занимательных предметах и с кем же? с Гете, Пушкиным и Дельвигом. [1] Зачем это было не на яву!

1 Мая.

День рождения моего В... [2] Сколько сладостных и горьких минут воспоминаний весь нынешний день наполняло душу мою! Так, я был когда-то счастлив; меня горячо и с самоотвержением любили! Не забуду никогда его последних слов: «Je prie Dieu qu'il vous accorde le bonheur qu'il m'a refusé. * Читал я после обеда последнюю главу «Онегина»: в ней много чувства; несколько раз слезы навертывались у меня на глазах, — нет, тут не одно искусство, тут сердце, тут душа!

2 Мая.

Сегодня я перестал кофе пить, а принялся за молоко; замечаю это потому, что сам варил кофе и в приготовлении его едва ли не находил еще бо́льшее удовольствие, нежели в самом питье.

. . . .

---

* Я молю бога, чтобы он даровал вам счастье, в котором он мне отказал (франц.).

[1] Об А. А. Дельвиге см. на стр. 334 наст. изд.

[2] Вероятно — один из любимейших учеников Кюхельбекера, Иван Григорьевич Виламов, «впоследствии не без успеха выступивший на литературном поприще и рано умерший (22-х лет от роду)». См. «Рус. Стар.», 1875, XIII, стр. 346. Виламов сотрудничал в «Сыне Отечества» двадцатых годов. «С. О.» 1820-х гг. — Письма Виламова к Кюхельбекеру см. в «Сборн. стар. бумаг, хран. в музее Щукина», ч. IX, 1901.

9 Мая.

Вчера я в первый раз лег спать без свечки. На плацу, вчера вечером, играла музыка, и, между прочим, известную симфонию: «Коль славен наш господь в Сионе». Часто слыхал ее в лицее, когда пели товарищи; ныне она на меня сильно подействовала, раз потому, что эта музыка истинно хороша, во-вторых, что мне так редко случается слышать музыку, наконец, что с этою симфониею во мне ожила тьма воспоминаний.

Сегодня я переправлял первую (все еще неконченную) часть своего «Вечного Жида». Читал по-гречески, потом прочел остальные главы первой книги «Маккавеев» и, наконец, со скуки читал «Еруслана Лазаревича».

«Длинной сказки вздор живой».

Простодушие наших сказочников иногда истинно Гомеровское: знаю, что многие, прочитав это, ахнут, но, несмотря ни на чье аханье, nota mea manet, * и что правда, то правда.

10 Мая.

Сегодня у меня отконопатили окно, так что я целый день почти пользовался чистым воздухом.

При нынешней перемене книг получил я путешествие Сарычева [1] и Курганова «Письмовник». [2] Впрочем, этот

---

* Остаюсь при своем мнении (лат.).

[1] Сарычев, Гавриил Андреевич (1763 — 1831) — адмирал русского флота, ученый гидрограф и путешественник.—«Путешествие флотского капитана Сарычева по северо-восточной Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану с 1785 по 1893» (изд. в 1802 г.).

[2] Курганов, Николай Гаврилович (1725 — 1796) — математик, профессор морского корпуса. — «Письмовник» Курганова: «Российская Универсальная Грамматика или вообще письмословие» (СПБ., 1769), 2-е изд. было озаглавлено: «Книга-письмовник, содержащая в себе науку российского языка, со многими присовокуплениями разного учебного и полезно-забавного вещесловия» (СПБ. 1777, 2 части). Ни одна другая книга XVIII века не была так популярна, как «Письмовник» Курганова, выдержавший до 1837 года двенадцать изданий.

*

последний вовсе не так дурен, как я воображал; напротив, по времени, когда был написан, может назваться очень порядочною, даже хорошею книгою. И ныне можно в нем найти довольно много любопытного; не говоря уже об очень полном собрании русских пословиц, между которыми я нашел много мне вовсе неизвестных и чрезвычайно замысловатых, — но и анекдоты, т. е. те, которые у него названы анекдотами, а не повестями, все почти хороши, по крайней мере, гораздо лучше бо̀льшей части печатаемых ныне.

. . . .

12 Мая.

Провел день довольно праздно: только читал. Сарычева замечания об устье Амура и вообще о всей этой реке заставляют жалеть, что она не осталась за Россиею.

13 Мая.

Попытаюсь переводить, а именно примусь за Шекспирова «Короля Лира».[1]

Из описания нравов чукчей Сарычевым видно, что оные чрезвычайно сходствуют с нравами древних норманов: таже храбрость и таже суровость, да чуть ли не теже и понятия о чести.

14 Мая.

Письмо матушки до глубины сердца меня тронуло. В братниных везде видна его честная, добрая душа; с каким участием говорит он и обо мне. Боже мой! если бы мы когда-нибудь могли быть вместе. И он того желает. Он готов разделить мое заточение! Чем я это заслужил и чем могу отблагодарить его за такую любовь? Бедный

---

[1] «Король Лир» («King Lear») — трагедия В. Шекспира (1605—1606). — Об отношении Кюхельбекера к Шекспиру см. стр. 336 наст. изд.

Репин! [1] какою ужасною смертью кончилась его страдальческая жизнь! Кто тот другой, что с ним вместе погиб? Не Глебов-ли? [2]

21 Мая.

Господствующий дух русских пословиц ирония. Очень мало таких, которые то, что хотят сказать, говорят прямо, — бо̀льшая часть выражается обиняками. Некоторые — истинные апологи в двух-трех словах. Не знаю пословиц остроумнее русских; старинные французские очень хороши, а все не забавнее наших. Удивительно, что при таком богатстве народного остроумия у нас так мало веселых, смешных песень, а более все заунывные.

24 Мая.

Сегодня поутру у меня пол мыли и потому-то я немного сбился с обыкновенного порядка моих занятий, т. е. не переводил, а целый день читал «Записки» В. Головнина; [3]

---

[1] Ре́пин, Николай Петрович (1796 — 1831) — декабрист, член Южного и Северного обществ. После пятилетних работ на Нерчинских рудниках был поселен в с. Верхоленском, Иркутской губ., где и нашел себе нелепую смерть, сгорев при случившемся у него в доме пожаре в ночь на 28 сентября 1831 г.

[2] Вместе с Репиным сгорел не Глебов, а декабрист А. Н. Адреев, случайно остановившийся проездом у него в доме.

Глебов, Михаил Николаевич (1804? — 1851) — декабрист, член Северного Общества; после шестилетней работы в Нерчинских рудниках, в 1832 г. был поселен в с. Кабанском, Верхнеудинского округа, Иркутской губ., где и умер 19 октября 1851 г. от насильственной смерти (побои и отравление). — Глебов был учеником Кюхельбекера в пансионе при педагогическом институте. (См. «Р. Ст.», 1875, т. XIII, с. 340).

[3] Головнин, Василий Михайлович (1776 — 1831) — вице-адмирал русского флота, отважный и ученый путешественник, два года пробывший в японском плену (освобожден был лейтенантом Рикордом). Записки Головнина «О приключениях в плену у японцев» — были изданы в Петербурге в 1816 г. Кюхельбекер писал в 1820 г.: «Между прозаическими статьями первых пяти книжек Сына Отечества первое место занимают: Путешествие вокруг света флота капитана Головнина... Статьи занимательные, написанные без всех пустых украшений, восторгов и восклицаний...» («Невский Зритель» 1820, февраль, стр. 117).

впрочем, должно признаться, что и книга такова, что трудно от нее оторваться, особенно же человеку, который по необходимости должен был находить нескучными Курганова «Письмовник» и «Деревенскую Библиотеку». [1]

26 Мая.

Сегодня день рождения Пушкина.

«Записки» В. Головнина, без сомнения, одни из лучших и умнейших на русском языке и по слогу, и по содержанию.

27 Мая.

Славное появление душ убиенных Ричардом, их убийце — одна из тех сцен в Шекспире, [2] которые всего более люблю, которым всего более удивляюсь. Тут в самой конструкции стихов — шороховатой и вместе бестелесной, сухой и беспредельной, как надоблачные слои воздуха, — нечто неизъяснимое, нечто такое, что, как эолова арфа, подирает по коже сладострастною стужею и выжимает из глаз слезы. Это одно из тех мест в Шекспире, где я всего более нашел той музыкальности, о которой говорит Шиллер.

31 Мая.

Поутру я занимался своим переводом, а после обеда прочел «Записки» Рикорда, [3] мне вовсе еще неизвестные. «Записки» В. Головнина мне более нравятся: они проще, в них нет никакого притязания на витиеватость и тем-то именно так хороши. Рикорд же, напротив, иногда ста-

---

[1] «Городская и деревенская библиотека или забавы и удовольствия разума и сердца в праздное время, содержащая в себе как истории и повести нравоучительные и забавные, так и приключения веселые, печальные, смешные и удивительные»; 12 частей. М. 1782—1786. Издатель Н. И. Новиков.

[2] В трагедии «Ричард III».

[3] «Записки флота капитана Рикорда, о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 г. etc.» СПБ. 1816. (Петр Иванович Рикорд, 1776 — 1855 — русский адмирал).

рается щегольнуть красноречием, а особенно карамзинскою чувствительностью; несмотря на это, «Записки» Рикорда все-таки книга очень занимательная и очень жаль, что у нас нет подобных.

1 Июня.

Приближается день, в который мне минет 35 лет.[1] Этот год, хотя в некоторых отношениях для меня и лучше прошлого, однако же, чрезвычайно беден вдохновениями. На сей счет я был счастливее даже в минувший 1831 год: три довольно значительные сочинения я в течение его написал и кончил одно (может быть, лучшее из всех моих произведений);[2] с 1-го января 1832 года я ничего, ровно ничего, не сделал, хотя и много начинал.

ВОПРОСЫ.

Уже-ль и неба лучшие дары
В подлунном мире только сновиденье?
Уже-ль по тверди только до поры
Свершают звезды давнее теченье?
Должно-ли ведать гнев враждебных лет,
Душа, души святое вдохновенье,
Должно-ли опадать в одно мгновенье,
Как в осень сорванный со стебля цвет?
Увы, мне! с часу на час реже, реже
Живительным огнем согрет мой дух!

---

[1] Кюхельбекер родился 10 июня (1797 г.).

[2] «Давид», недошедшая до нас грандиозная поэма Кюхельбекера в десяти книгах, в терцинах. О «Давиде» Кюхельбекер писал А. С. Пушкину 20 октября 1830 г. из Динабурга: «Мой черный демон отразился в «Ижорском»; светлый — в произведении, которое назвать боюсь; но по моему мнению оно и оригинальнее и лучше «Ижорского», даже в чисто светском отношении. К тому же терцины, размер божественного Данте, слог, в котором я старался исчерпать все, что могу назвать моим познанием Русского языка, и частная личная исповедь всего того, что меня в пять лет моего заточения волновало, утешало, мучило, обманывало, ссорило и мирило с самим собою» (см. Переписку Пушкина, изд Ак. Н., т. II, стр. 180).

И тот же мир, и впечатленья теже,
Но прежних песней не уловит слух,
Но я не тот; — уж нет живого чувства,
Которым средь свободных, смелых дум
Бывал отважный окрыляем ум;
Я робкий раб холодного искусства;
Седеет волос в осень скорбных лет, —
Ни жару, ни цветов весенних нет.

2 Июня.

Дай бог, чтоб мои прогулки по плацформе были часто так вдохновительны, как вчерашняя и сегодняшняя; стихи, какими я им обязан, без сомнения, вздор, но они меня тешат, но они мне ручаются, что огонь мой еще не вовсе выгорел, — и этого для меня пока довольно. Мысль для куплетов, которые здесь следуют, подал мне прекрасный клен, растущий в виду гауптвахты.

КЛЕН.[1]

Скажи, кудрявый сын лесов священных,
Исполненный могучей красоты!
Средь камней, соков живненных лишенных,
Какой судьбою вырос ты?

Ты развился перед моей тюрьмою...
Сколь многое напоминаешь мне!
Здесь не с кем мне... поговорю с тобою
О милой сердцу старине.

---

[1] В тетради своих стихотворений, хранящейся ныне в рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР, — Кюхельбекер сделал к стихотворению «Клен» следующее примечание: «На этот же мотив автор, вдохновенный предчувствием в 1818 или 19 году, еще свободный написал следующую [пьесу], которую помещает здесь для сравнения...» Следует стихотворение Кюхельбекера «Ручей», напечатанное в «Сыне Отечества», 1819 г., ч. 55, № XXXII, стр. 274 — 275, под заглавием «Баллада».

О времени, когда, подобно птице,
Жилице вольной средь твоих ветвей,
Я песнь свободную певал деннице
И блеску западных лучей.

Тогда с брегов смиренной Авиноры, [1]
В лесах моей Эстонии родной,
Впервые жадно в даль простер я взоры,
Мятежной мучимый тоской.

Твои всходящие за небо братья
Видали, как завешанную тьмой
Страну я звал, манил в свои объятья, —
И покачали головой.

А ныне ты свидетель совершенья
Того, что прорицали братья мне,
О ты, последний в мраке заточенья,
Мой друг в далекой стороне!

6 Июня.

Нет ничего бесстыднее объявлений книгопродавцев братьев Глазуновых. [2] Доказательством тому может служить предуведомление перед бестолковым: «Описанием всех обитающих в российском государстве народов». [3] Эта книга меня из терпения вывела: она так нахально выхвалена издателями и так глупа, что трудно вообразить, — и вот,

[1] Авинора — река, на берегах которой рос Кюхельбекер в имении своего отца Авинорме (до 1808 г.).

[2] Братья Глазуновы — Матвей Петрович (1757 — 1830) и Иван Петрович (1762 — 1831) — основатели и владельцы старейшей в России книжной фирмы, виднейшие книгопродавцы и издатели XIX столетия.

[3] «Описание всех в Российском Государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей». С немецкого. СПБ. 1776 — 1777; 3 части (2-е изд., исправленное и дополненное, — в 4 частях, СПБ. 1799) — перевод первых трех частей сочинения Георги.

что, между прочим, я должен читать за неимением ничего лучшего! По неволе сделаешься дураком. Впрочем, я уверен, что тут Георги [1] очень мало виноват, а дело-то все наших любезных переводчиков.

. . . .

9 Июня.

Хотелось бы мне кончить 1-е действие «Ричарда III» до 16-го числа, чтобы, по крайней мере, не более месяца переводить одно действие; бывало, я месяца в два мог перевесть целую трагедию; но теперь что-то дело идет медленнее. Впрочем, должно сказать, что «Ричард III» чуть-ли не труднее для перевода «Макбета» [2] и «Ричарда II». В «Макбете» везде почти слог поэтический, высокий (не говоря о сценах, где действуют ведьмы, лица, впрочем, вовсе не прозаические ни по слогу, ни по характеру).

В «Ричарде III», при высочайшей поэзии чувств, ужаса положений, оболочка везде почти совершенно прозаическая, а это-то именно всего труднее передать с одного языка на другой.

10 Июня.

Сегодня мне минуло 35 лет. Итак, я уже ближе к старости, чем к молодости. После завтрака я прочел в молитвеннике три гимна на день рождения; — второй: «Schon wieder ist von meinem Leben» * превосходен и как-будто нарочно для меня сочинен; я намерен его перевесть.

. . . .

---

* «Уж снова моей жизни...» (немец.).

[1] Johann-Gottlieb Georgi (1729 — 1802) — этнограф, профессор Академии Наук по кафедре натуральной истории и химии, доктор медицины, исследователь Северо-Восточных окраин России.

[2] Список трагедии «Макбет» в переводе Кюхельбекера хранится у Ю. Н. Тынянова.

14 Июня.

Не нравится мне, когда переводчик Георги, говоря об обращении каких-нибудь грубых идолопоклонников сибирских из шаманства в исламизм или хоть в менее грубое многобожие ламское, употребляет выражение были прельщены, или подобное. Мне кажется, что истинный христианин должен, напротив, радоваться, когда язычники начинают приближаться в понятиях своих о высочайшем существе к тем святым истинам, которые вполне, конечно, находятся в одном учении спасителя, но от которых надеюсь, магометане или самые ламиты не отстоят так далеко, как бедные последователи шаманских бредней. Вообще насмешки над обрядами и мнениями и презрение к вероисповеданиям других народов мне ненавистны; это у меня наследие от покойного моего друга;[1] он был, без всякого сомнения, смиренный и строгий христианин и беспрекословно верил учению св. церкви, но между тем радовался, когда в понятиях не христианских народов находил высокое, утешительное, говорящее сердцу человека не предубежденного, не зараженного предрассудками половинного просвещения. *

15 Июня.

Сегодняшнее число я должен считать одним из счастливейших дней моей жизни: я получил шесть писем от родных и, в числе их, ответ брата на письмо, которое я к нему писал прошлого года в декабре месяце. Получив

---

* Вот что я написал и как, в самом деле, думал в 1832 году. Теперь я несколько извиняю переводчика Георги за слова были прельщены, потому что здесь, в Сибири, на месте я узнал, что гораздо легче обратить в истинную веру грубого шаманита, нежели ученика лам, которые своих последователей держат под игом строгой и хитрой иерархии; сверх того, обряды довольно пышные и тонкости ламского лжеучения — такие препятствия, которых проповедник слова божия не встретит между дикарями, следующими еще шаманству. *Прим. 1841 г., в Сибири. В. К.*

[1] Грибоедова.

первое письмо от него, я еще сомневался: позволят-ли быть между нами настоящей переписке; теперь вижу, что могу пользоваться этим благодеянием.

. . . .

19 Июня.

Никогда не сочту за стыд признаться в своей ошибке; вот почему и признаюсь, что в «Описании народов» etc., несмотря на множество нелепостей, есть кое-что и хорошее; например, статья о «Запорожских казаках» очень и очень недурна.

. . . .

Сверх того, я узнал тут очень хорошее, мне незнакомое русское слово: крушец — металл; особенно прилагательное от него: крушцовый можно бы предпочесть длинному, вялому и противному свойству русского языка прилагательному: металлический.

20 Июня.

Читаю Карамзина [1] «Вестник Европы». [2] Должно признаться, что для того времени этот журнал чрезвычайно хорош; да и ныне он, по заманчивости своих статей, за-

[1] Карамзин, Николай Михайлович (1766 — 1826) — историограф, поэт и прозаик, журналист, издатель журнала «Вестник Европы» и нескольких альманахов. Имя Карамзина — знамя так назыв. «очистителей языка», «карамзинистов»; Кюхельбекер находился с двадцатых годов во враждебном ему лагере «шишковцев» (см. подробно в статье Ю. Н. Тынянова «Архаисты и Пушкин» в сборнике «Пушкин в мировой литературе», Л. 1926). Кюхельбекер называл Карамзина «покойным и спокойным историографом» и писал Пушкину, что одна его фраза в «Борисе Годунове» рисует Шуйского лучше, чем весь XII том «Истории Государства Российского» (Пушкин — Переписка, ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 181).

[2] «Вестник Европы» — один из крупнейших русских журналов XIX века. Основан был Н. М. Карамзиным в 1802 году и первые два года (1802 — 1803) им редактировался; в 1804 г. издавался П. Сумароковым; в 1805 — 1807 гг. М. Каченовским; в 1808 — В. А. Жуковским; в 1809 — 1810 — Каченовским и Жуковским; в 1811 — 1813 — одним Каченовским, в 1814 — В. Измайловым, в 1815 — 1830 — Каченовским. В конце двадцатых годов журнал

нял бы не из последних мест между нашими изданиями, а по слогу чуть-ли не первое. Полевой, которого, впрочем, очень уважаю, по слогу варвар; а Греч[1] с своим грамматически правильным слогом, сух и в самом слоге, в разнообразности же познаний далеко уступает и Полевому, и Карамзину. Глубины у всех трех довольно мало: но все-таки у Полевого и Карамзина не в пример более, нежели у Греча, который ничего не видит и не хочет видеть далее того, что затвердил еще в школе, или чего нахватался кое-как из иностранных журналов самого пошлого разряда.

. . . .

28 Июня.

Во сне я опять видел Грибоедова и других милых мне. Заметил я нечто странное, любопытное для психологов и физиологов: с некоторого времени снятся мне не предметы, не происшествия, а какие-то чудные сокращения,

---

этот, на ряду с «Сыном Отечества» пользовался уже репутацией ретроградного и консервативного и вызывал эпиграммы, вроде известной пушкинской:

«Сыны Отечества и Вестники Европы» etc.

[1] Греч, Николай Иванович (1787 — 1867) — известный литератор-беллетрист и журналист, соратник Ф. В. Булгарина на журнальном поприще; издатель «Сына Отечества» (1812 — 1825 — один, 1821 — 1822 — с А. Ф. Воейковым, а 1825 — 1839 — с Булгариным), па страницах которого появилось много стихотворений Кюхельбекера; соредактор Булгарина по «Северной Пчеле» (1825—1860); автор «Записок» (Спб. 1886), в которых между прочим идет речь и о Кюхельбекере. Воспоминания Греча набрасывают совершенно ложную тень на Кюхельбекера, который по приезде в 1825 г. в Петербург жил одно время у Греча (в доме Косиковского на Большой Морской). — 10 июня 1825 г. Кюхельбекер писал (матери?): «Я вошел в компанию теперь с Гречем и Булгариным — некогда моими противниками... мои сотоварищи хотят издать собрание моих сочинений...». А 30 июня того же 1825 г.: «В конце августа я оставляю квартиру Греча...» («Р. Ст.», 1875, т. XIII, стр. 346). — А. С. Грибоедов упоминал в письме к Бегичеву от 9 сентября 1825 г. о «тяжелых парах Кюхельбекеровой атмосферы, которые его отовсюду выживали, и присунули наконец к печатному станку Греча и Булгарина». (П. с. с. А. С. Грибоедова, под. ред. А. Введенского. 1892, стр. 324).

которые относятся к ним, как гиероглиф к изображению, как список содержания книги к самой книге. Не происходит-ли это от малочисленности предметов, меня окружающих, и происшествий, какие со мною случаются?

29 Июня.

Петров день. Живы-ли мои имянинники?[1]

У меня когда-то были претолстые тетради, в которых я собирал разительные, встречавшиеся мне при чтении мысли. Если бы теперь заглянуть в эти выписки, я, вероятно, удивился бы, сколько в них вздору! Тем не менее, они были мне очень полезны. И ныне выписываю кое-что; только жатва довольно скудная, отчасти от того, что для меня мало еще нового в области мыслей (хотя и многое ново в области знаний), отчасти же, что книги, которые теперь читаю, не могут щеголять богатством мыслей. Кое-когда попадает мысль, которая и покажется мне сначала не совсем пошлою, а как рассмотришь ближе, нова только оболочка ее.

30 Июня.

Сегодня я прочел отрывок русского романа: «Рыцарь нашего времени»;[2] хотелось бы знать, кто автор? Он подражает Стерну [3], но не без таланта.

. . . .

2 Июля.

Перечел я статейку Карамзина, которой лет десять не читал, а именно: «Исторические воспоминания на пути к

---

[1] Вероятно подразумеваются: Павел Александрович Катенин, Петр Александрович Плетнев, П. Манасеин и П. Криштофович(?).

[2] Повесть Н. М. Карамзина; окончание ее в «В. Е.» не было напечатано.

[3] Laurence Sterne (1713 — 1768) — знаменитый английский писатель, игравший крупную роль в русской литературе конца XVIII и начала XIX века.

Троице». Здесь говорит и судит совсем не тот человек, что написал «Историю Государства Российского», и не знаю, не справедливее-ли мысли Карамзина в 1802-м году, чем в 1820-м и последующих? По крайней мере, они искреннее. Еще в 1818 году я слышал от самого Карамзина, что так называемого «Лжедмитрия» (разумеется, первого) считать истинным. О Борисе в «Воспоминаниях» он также судит совершенно иначе, нежели в «Истории».

С удовольствием я встретил в «Вестнике» известную элегию покойного Андрея Тургенева [1] (брата моих приятелей). Еще в лицее я любил это стихотворение, и тогда даже больше «Сельского кладбища», [2] хотя и был в то время энтузиатистом Жуковского. [3] Окончание Тургенева элегии бесподобно:

«Там твой смущенный дух найдет себе покой
И позабудет все, чем он терзался прежде,
Где вера не нужна, где места нет надежде,
Где царство вечное одной любви святой».

. . . .

5 Июля.

В 7-й книжке «Вестника Европы» стихи Тургенева,[4] которые мне очень полюбились; не понимаю, как Жуковский,

---

[1] Тургенев, Андрей Иванович (1784 — 1803) — поэт, сын масона И. П. Тургенева, брат декабриста Николая Ивановича и историка Александра Ивановича Тургеневых; был так же, как и последний, дружен с В. А. Жуковским, почтившим его память двумя стихотворениями и посвящением к «Вадиму». Сборник стихов Андрея Тургенева появился после смерти поэта («К отечеству», СПБ. 1806). — Известная «Элегия» Андр. Тургенева перепечатана в «Пантеоне русской словесности» Никольского и во многих антологиях и хрестоматиях.

[2] Перевод Жуковского элегии Грея.

[3] О взаимоотношениях Кюхельбекера с Жуковским см. на стр. 336 наст. изд.

[4] В 7-ой кн. «В. Е.» помещено одно стихотворение Тургенева: «К Отечеству», которое цитируется в тексте Дневника (см. «Р. Ст.», 1875, XIII, стр. 521).

друг и товарищ покойного и сам поэт с талантом, не поместил их в своей Антологии.[1]

. . . .

Несчастна Россия на счет людей с талантом; этот юноша, который в Благородном пансионе был соперником Жуковского и, вероятно, превзошел бы его, умер, не достигнув и 20-ти лет.

. . . .

8 Июля.

«Марфа Посадница», которой я более десяти лет не читал, несмотря на кое-какие несообразности, без сомнения, одно из лучших произведений Карамзина. Так я всегда думал и теперь думаю, прочитав эту повесть в «Вестнике Европы». Последняя часть истинно хороша. Жаль только, что и тут так мало прямо народного, подлинно русского.

. . . .

11 Июля.

Принесли мне два тома Карамзинского «Вестника» и два — его преемников.[2] Какая разница! Должно отдать справедливость Карамзину, что он, как журналист, был мастер своего дела; особенно приятны и занимательны у него статьи под заглавием: «Смесь» и «Известия и замечания.[3]

---

[1] «Собрание Русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев Российских и из многих Русских журналов». Издал 5 ч. Василий Жуковский, М. 1810 — 1815.

[2] Преемниками Карамзина по изданию «Вестника Европы» были П. Сумароков, М. Каченовский и В. Жуковский.

[3] В отделах «Смесь» и «Известия и Замечания» — Карамзин печатал самые разнообразные — нередко анекдотические — сообщения, а также то, что называется теперь «хроникой», напр.: «Покупка Гершелева телескопа для С.-Петербургской Академии», «Известия о бывшем в Москве землятрясении 14 октября 1802 года», или заметка о неудачных воздухоплавательных опытах одного русского крестьянина в 1695 году... Большинство таких заметок принадлежит перу самого Карамзина.

Замечу, что статья о московском мятеже [1] — одно из первых сочинений, читанных мною на русском языке; я ее читал, когда еще учился читать у сестры Юстины Карловны.

12 Июля.

Сегодня давно ожидаемый мною день совершения шестилетия по решению судьбы моей и злополучных моих товарищей. [2] Скажу с поэтом: «шесть лет промчалось, как мечтание». [3] Но ах! какое тяжелое, бесконечное мечтание! Бывали минуты, что я хотел себя уверить, что все случившееся со мною с 14-го Декабря 1825 г. ничто иное, как безобразный сон расстроенного воображения; нередко хотелось мне спросить: «когда же, когда же проснусь?» Но я не просыпался и девять лет мне еще дремать и сердцем, и умом, в тюрьме, если милосердый бог не пошлет мне своего ангела. * Не жалуюсь на людей, но я бы был гнусный лицемер, если бы стал хвалить свой жребий и уверять, что нахожу его прекрасным.

Сегодня день освобождения Глебова; дай бог, чтобы его поселили в том же месте, где брат мой: для брата это было бы большим утешением, а Глебову теперь много что 25 лет — ему советы и пример моего брата были бы очень полезны. [4]

Всю цену журналиста Карамзина тогда только вполне

* Следуют три тщательно вычеркнутые строки. *(Прим. ред. «Р. Ст.»)*.

[1] Н. М. Карамзина.

[2] Кюхельбекер был приговорен в каторжную работу на двадцать лет по высочайшей конфирмации 10 июля 1826 года; 12 июля ему, очевидно, был объявлен приговор.

[3] «Шесть лет промчалось как мечтанье» — начальные слова известной песни царскосельских лицеистов I-го — пушкинского — курса, написанной Дельвигом ко дню выхода из лицея—10 июня 1817 г.

[4] Декабрист Михаил Николаевич Глебов был освобожден от каторжных работ в августе 1832 года и обращен на поселение в с. Кабанском, Иркутской губ., а Михаил Карлович Кюхельбекер в 1831 г. жил на поселении в г. Баргузине, Иркутской губ.— Глебову в 1832 г. было около 26 лет.

чувствуешь, когда читаешь попеременно то его, то его преемников; переход от него к ним — точно переход из гостиной в лакейскую, или из 1803 года в шестидесятые. Что за слог у второго издателя, чуть-ли ни Каченовского![1] Что за образ мыслей! Какое варварство! Какое площадное невежество, вместе с самым надутым педантизмом и с самою несносною школьною гордостью!

16 Июля.

В эстетическом отношении жаль, что Карамзин не продолжал своего «Рыцаря нашего времени» (он — его). В отрывке истинный талант, хотя и есть места переслащенные. В нравственном же смысле, напротив, быть может, очень хорошо, что нет продолжения.

«Вадим» Жуковского (в прозе, а не вторая часть «Двенадцати спящих дев»)[2] — ученическое произведение; но спасибо Жуковскому, что он тут, в введении, вспомнил столь рано отцветшего Андрея Тургенева, которого я никогда не знавал, но которого память была мне всегда, не знаю почему, особенно любезна.[3]

21 Июля.

Не читал я, а скорее сказать лакомился стихотворениями Скотта;[4] пробежал только начало первой его поэмы

---

[1] Вторым издателем «Вестника Европы» (в 1804 г.) был Сумароков, Панкратий Платонович (1765 — 1814) — сатирический поэт, осмеявший стиль «пиндарщины» в своей «Оде в громко-нежно-нелепо-новом вкусе»; в 1791 г. Сумароков издавал в Тобольске журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». — О Каченовском см. на стр. 78 наст. изд.

[2] «Вадим Новогородский» (1803 г.) — неоконченная прозаическая повесть В. А. Жуковского.

[3] — Упоминание о Тургеневе — в следующих словах в конце введения: «Тебе, увядший на заре прелестной, тебе посвящает она первый звук своей Лиры». В тексте «В. Е.» следует примечание: «Сия трогательная дань горестной дружбы принесена автором памяти Андрея Ивановича Тургенева, недавно умершего молодого человека редких достоинств.» К[арамзин].

[4] Кюхельбекер читал их несомненно в издании 1820 г. («Poetical Works», in 12 vols. Edinburgh). — Walter Scott (1771 — 1832) — английский поэт и романист.

«The Lay of the last Minstrel»: * каждый стих — капля нектара для человека, который так давно не читал ничего нового, хорошего.

«Зоровавель» [1] мой в руках Пушкина. Хотелось бы мне, чтобы его напечатали, не для себя, не для славы — я о ней теперь мало думаю, но для того, чтоб на деньги, которые выручат, доставить брату книги и журналы, коих он желает.

23 Июля.

Прохаживаясь по плацформе, я забавлялся, глядя на сражения шпица с козою. Всего смешнее было, что храбрая коза иногда сама нападала и даже обращала собаку в бегство; к тому же, хладнокровное мужество рогатой воительницы было весьма величественно и составляло резкий контраст с неугомонным лаем и суетливостью ее противника; впрочем, изредка несколько тяжеловатые прыжки прерывали ее важное спокойствие. Не прежде амазонка отступила, как когда к шпицу подоспел еще союзник — какая-то желтая дворняжка.

28 Июля.

В замечаниях у Скотта пропасть такого, чем можно бы воспользоваться. Любопытно одно из этих замечаний о симпатических средствах лечения: — «в наш магнетический век», — говорит автор, — «странно было бы все эти средства считать вздором».

Грибоедов был того же мнения, именно касательно заговаривания крови.

---

* «Песнь последнего менестреля» (англ.).

[1] «Зоровавель» — недошедшая до нас драматическая (?) поэма Кюхельбекера в трех частях. Каким образом Кюхельбекеру удалось передать поэму Пушкину — неизвестно. Возможно, что о «Зоровавеле» писал Пушкин 19 июля 1831 г. М. Л. Яковлеву: «...у Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же Ижорский» (Переписка, изд. Ак. Н., т. II, стр. 281). Яковлев позднее писал, что передал рукописи Кюхельбекера — Пушкину.

*

30 Июля.

Я вспомнил Дельвига; хорошо бы было, если бы кто слогом и с талантом покойного написал что-либо на смерть его.

Кончил «Рокеби».[1] Читаю жизнь Вальтера-Скотта и отчет в его произведениях; тут, между прочим, сказано, что публика приняла «Рокеби» довольно холодно; c'est l'histoire d'Athalie: * я предпочитаю эту поэму его первой, хотя и очень понимаю, каким образом «The Lay of the last Minstrel» мог возбудить столь общий восторг. Замечания Скотта о его подражателях очень справедливы и оправдываются тем, что испытал и наш Пушкин. Люди с талантом, не одинаковой степени, но все же с талантом, Баратынский, Языков,[2] Козлов,[3] Шишков-младший[4] и другие — вовсе без таланта, умели перенять его слог; до Пушкина, правда, никто из них не дошел, но все и каждый порознь нанесли вред Пушкину, потому что публике, наконец, надоел Пушкинский слог.

---

* Повторяется история «Гафолии» («Гафолия» — трагедия Расина; шедевр французского драматурга был встречен «заговором молчания» и оценен по достоинству лишь много времени спустя, после его смерти).

[1] Поэма В. Скотта («Rokeby»).

[2] Об Е. А. Боратынском и Н. М. Языкове см. на стр. 339 сл. — наст. изд.

[3] Козлов, Иван Иванович (1779 — 1840), поэт; начал печататься только в 1821 г. и скоро составил себе славу поэмой «Чернец» (1823 — 1825), разошедшейся, еще до напечатания, в рукописях по всей России. (См. в Дневнике Козлова (1906) заметки о Кюхельбекере.

[4] Шишков, Александр Ардалионович (1799 — 1832) — поэт и переводчик двадцатых годов, племянник А. С. Шишкова, приятель Пушкина и Кюхельбекера в бытность их в лицее. В конце 1821 г. Кюхельбекер и Шишков могли встретиться на Кавказе, где последний служил. Имя Шишкова попало в «Алфавит декабристов» по подозрению в принадлежности его к Южному Обществу. Сборник стихотворений Шишкова «Восточная Лютня» М. 1824 — отмечен Кюхельбекером в его литературном календаре: «Ноябрь 1824. 2. — «Восточная Лютня младшего Шишкова — подражателя Пушкина» («Обозрение Российской Словесности. 1824 г.». См. «Литературные Портфели», I, Пб., 1923, стр. 75).

9 Августа.

Чтоб не забыть: в известии о Скотте перед его поэмами упоминается, что в детстве он был охотник рассказывать своим товарищам сказки, которые сам выдумывал. Это у него общее с Гете и (осмелюсь-ли после таких людей называть себя?) со мною.

10 Августа.

. . . .

В 27-й книжке [1] занимательное письмо к Коцебу от его сына из Японии, от Морица-ли или Отто — неизвестно; издатель говорит, что оба они были в Японии; странно, что Мориц Астафьевич, короткий мне приятель, никогда мне не упоминал о своем путешествии в Японию.[2]

12 Августа.

В дурном и глупом, когда оно в величайшей степени, есть свой род высокого — le sublime de la bêtise,* то, что Жуковский называл «чистою радостию», говоря о сочинениях Хвостова.[3] Без всякого сомнения, не в пример забавнее прочесть страничку, другую, Хвостова или Тредьяковского,[4] нежели страничку же какого-нибудь

---

* Апофеоз глупости (франц.).

[1] «Вестника Европы».

[2] August-Friedrich-Ferdinand von Kotzebue (1761 — 1819) — немецкий драматург и романист; в 1781 г. Коцебу переехал в Россию и положил начало рускому графскому и дворянскому роду Коцебу. Упоминаемые в тексте сыновья Коцебу: Оттон Евстафьевич (1787 — 1846) и Маврикий (Мориц) Августович (1789 — 1861) — русские путешественники. С Морицем Коцебу Кюхельбекер мог встретиться еще в Эстляндии, — в имении своего отца Авинорме: в 1807 — 1810 гг. Коцебу занимался съемкой Эстляндской губ. Сближение Кюхельбекера с Морицем Коцебу имело, повидимому, место на Кавказе, где Коцебу служил при Ермолове с 1816 г.

[3] Хвостов, граф, Дмитрий Иванович (1757 — 1835) — поэт, чья несчастная страсть к стихотворству осмеяна в бесчисленных эпиграммах и имя которого стало символом бездарного метромана.

[4] Тредьяковский, Василий Кириллович (1703 — 1769), — выдающийся ученый и поэт; имя его так же, как и графа Хвостова, незаслуженно стало символом трудолюбивого и бездарного стихотворца.

Василия Пушкина или Владимира Измайлова; [1] первые иногда уморят со смеху, вторые наведут скуку — и только. От доброго сердца хохотал я, перечитывая басню Евстафия Станевича; [2] спрашиваю, кто не рассмеется при стихах:

«Дон! дон!
Печальный звон!
Друзья, родные плачут,
А черви скачут»?

Сверх того, важное лицо почтенного автора, которое при этом воображаешь, — лицо человека, вовсе не думавшего шутить, необходимо должно увеличить в читателе невинную веселость.

. . . .

14 Августа.

На днях я припомнил стихи, которые написал еще в 1815 году в лицее. Вношу их в дневник для того, чтобы не пропали, если и изгладятся из памяти; мой покойный друг [3] их любил.

НАДГРОБИЕ.

Сажень земли мое стяжанье,
Мне отведен смиренный дом:
Здесь спят надежда и желанье,

---

[1] Измайлов, Владимир Васильевич (1773 — 1830) — писатель, последователь и подражатель Карамзина; издавал «Патриот—журнал для воспитания» (1804), «Вестник Европы» (1814), «Русский Музеум» (1815) и альманах «Литературный Музеум» (1827).

[2] Станевич, Евстафий Иванович (1775 — 1835) — поэт; в «Собрании сочинений в стихах и прозе» (1804) обнаружил симпатии к идеям Шишкова и сразу стал во враждебные отношения к карамзинистам (особенно резко нападал на него Воейков). Как деятельный член «Беседы Любителей Русского Слова», он подвергался злым нападкам со стороны членов «Арзамаса». В «Арзамасе» ему присвоили имя: «Тушканчик Вздыхалов» (см. стихотворный «Протокол двадцатого арзамасского заседания», составленный Жуковским в 1817 г.).

[3] А. С. Грибоедов.

Окован страх железным сном,
Заснули горесть и веселье; —
Безмолвно все в подземной келье. *

И я когда-то знал печали,
И я был счастлив и скорбел,
Любовью перси трепетали,
Уста смеялись, взор светлел;
Но взор и сердце охладели:
Ростут над мертвым пеплом ели.

И уж никто моей гробницы
Из милых мне не посетит;
Их не разбудит блеск денницы:
Их прах в сырой земле зарыт;
А разве путник утружденный
Взор бросит на мой гроб забвенный.

А разве сладостной весною,
Гонясь за пестрым мотыльком,
Дитя бессильною рукою
Столкнет мой каменный шелом,
Покатит, взглянет и оставит
И в даль беспечный бег направит. [1]

15 Августа.

Сегодня я был свидетелем сцены, подобной той, что забавляла меня 23-го июля, а именно: хохотал, глядя, как котенок заигрывал со старою курицею; котенок рассыпался перед нею мелким бесом — забежит то с одной, то с другой стороны, подползет, спрячется, выпрыгнет,

* Следующие три строфы опущены в тексте «Р. Ст.».

[1] Это стихотворение вошло, между прочим, в репертуар духовных песнопений. (Указание Ю. Н. Тынянова.) Впервые было напечатано в «Амфионе» 1815 г. (сентябрь, стр. 25—27) под заглавием — «Мертвый к живому».

опять спрячется, даже раза два со всевозможною осторожностью и вежливостью гладил ее лапою; но философка-курица с стоическою твердостью подбирала зернышко за зернышком и не обращала никакого внимания на пролаза. За это равнодушие и увенчалась она совершенным торжеством: всякий раз когда ветер вздувал ее очень ненарядные перья, господин котенок, вероятно полагая, что она намерена проучить его за нахальство, обращался в постыдное бегство; но великодушная курица столь же мало примечала побед своих, сколь пренебрегала своим трусливым и вместе дерзким неприятелем; она и не взглядывала на него, не оборачивала и головы к нему; она была занята гораздо важнейшим: зернышки для нее были тем же, что для Архимеда математические выкладки, за которыми убил его римский воин.

17 Августа.

Меня сильно занимает мой новый план; дай-то бог, чтоб он исполнился. Лицо слепого бандуриста, которому хочу вложить в уста повесть свою, местоположение Закупа, [1] где бы мне хотелось заставить петь его 1812-й год и другие исторические воспоминания, наконец, собственное мое семейство, пред которым будто бы поэма была пета, — все это и множество других смутных картин мелькает в моем воображении; скажу простою русскою пословицею: «пошли ходины, будут-ли родины?»

23 Августа.

В книжках «Вестника Европы» на 1807 год попадаются басни Жуковского, [2] мне вовсе неизвестные, также и

---

[1] Закуп—село Духовщинского уезда Смоленской губ, на реке Хмость,—имение сестры В. К. Кюхельбекера—Юстины Карловны Глинки. Кюхельбекер часто проводил летние месяцы в Закупе; последний раз он был там—после 14 декабря 1825 г., по пути бегства в Варшаву.—О Закупе Кюхельбекер неоднократно упоминает в своих стихотворениях.

[2] «Истина и Басня», «Орел и Жук», «Сокол и Голубка» и др.

эпиграммы; некоторые из них очень недурны; жаль, что Жуковский исключил их из собрания своих стихотворений; [1] они, по крайней мере, разнообразили бы издание, которое теперь состоит из пьес большею частию на один и тот же тон — уныло таинственный. Достойно примечания, что единственная басня, невыброшенная: «Сон Могольца», именно никуда не годится.

. . . .

29 Августа.

Принесли мне последний том «Вестника Европы» на 1807-й и три тома же «Вестника Европы» на 1808-й год. Должно признаться, что эти три тома, изданные Жуковским, по красивой, почти роскошной наружности, особенно по картинкам, каких и ныне у нас мало, чуть-ли не занимают первого места между русскими журналами, не исключая и «Телеграфа». Выбор статей также, кажется, лучше, чем у Каченовского (сверх того, должно заметить, что уже и 1807 года «Вестник Европы» гораздо лучше издания первых годов Каченовского, единственно от содействия Жуковского).

31 Августа.

Кончил сегодня перевод четвертого действия «Ричарда III».

. . . .

3 Сентября.

Так называемые русские песни светской фабрики редко бывают сносны; русского в них, кроме размера, мало чего найдешь; один Дельвиг, и то не во всех простонародных песнях, заставляет иногда истинно забыться. Тем приятнее, когда в этом роде встречаешь что-нибудь не

---

[1] Изд. 1824 г.

вовсе дурное; в песни Грамматина, [1] которую он назвал «Элегиею сельской девушки», встречаются стихи довольно удачные.

. . . .

Вот нечто, как-будто нарочно для меня писанное:

«И если всегдашнее одиночество дано тебе в удел, и если на веки исключен ты из круга человеческих вещей, к которым запрещено тебе прикасаться, которые для тебя чужды, — верь (и вера сия да будет твоею крепостию!), образование существа совершенного (не усовершенствование-ли?) должно быть само по себе возвышеннейшею целию природы». (Морщ. «Вестн. Европы», т. 37). [2]

4 Сентября.

Давно я, некогда любитель размеров малоупотребительных в русской поэзии, ничего не писал ни дактилями, ни анапестами, ни амфибрахиями. Для пьесы, которую здесь помещаю, я нарочно выбрал последние, чтобы узнать, совершенно-ли я отвык от стоп в три склада, коими (исключая Гнедича [3] я когда-то более писал, чем кто-нибудь из русских поэтов моего времени. [4]

МОРЕ СНА.

Мне ведомо море седой океан:
Над ним беспредельный простерся туман,
Над ним лучезарный не катится щит,
Но звездочка бледная тихо горит.

---

[1] Граматин, Николай Федорович (1786 — 1827) — поэт, автор «Рассуждения о древней русской словесности» (М. 1809) и двух книг стихотворений: «Мысли» и «Досуги» (1811); издатель «слова о полку Игоревом» (славянский текст, стихотворный перевод на русский язык, примечания и др. — М. 1823).

[2] Karl-Philipp Moritz (1757 — 1793) — немецкий писатель, характерный представитель периода «бури и натиска» в немецкой литературе. — Цитата взята из «Силы нещастья».

[3] Гнедич, Николай Иванович (1784 — 1833) — поэт близкий одно время к «Беседе Любителей Русского Слова» и вместе с тем друг карамзинистов. — До нас дошло письмо Гнедича к Кюхельбекеру, датированное мартом 1817 г. (см. «Р. Ст.», 1875, т. XIII, стр. 358 — 359).

[4] См. примечание на стр. 342 наст. изд.

И пусть океан сокровен и глубок, —
Его не трепещет отважный нырок,
В него меня манят не занятый блеск,
Таинственный шопот и сладостный плеск.

В него погружаюсь один, молчалив,
Когда настает полуночный прилив,
И чуть до груди прикоснется волна,
В больную вливается грудь тишина.

И вдруг я на береге: будто знаком!
Гляжу и вхожу в очарованный дом:
Из окон любезные лица глядят
И гласы приветные в слух мой летят.

Не милых ли сердцу я вижу друзей,
Когда-то товарищей жизни моей?
Все, все они здесь: удержать не могли
Ни Рок их, ни люди, ни недра земли.

По прежнему льется живой разговор,
По прежнему светится дружеский взор:
При вещем сиянии райской звезды,
Забыта разлука, забыты беды.

Но ах! пред зарей наступает отлив
И слышится мне не отрадный призыв:
Растаяло все — и мерцание дня
В пустыне глухой осветило меня!..

6 Сентября.

Читая в «Вестнике Европы» ответ младшего Шлецера [1] какому-то русскому критику, утверждающему, вопреки

[1] Шлецер, Христиан Августович (1774 — 1831) — сын знаменитого историка, профессор Дерптского университета по кафедре государственного и народного права и первый по времени профессор Московского университета по кафедре политической экономии.

мнения Шлецера, что в грамате, в которой новгородцы обещают любским гостям провожатых, под условием: «еже будет не чист путь» — слово: «не чист» означает «не безопасен от разбойников», — я полагаю, что, несмотря на все логически-строгие опровержения Шлецера, наш руссак прав, а именно же потому, что он по духу русского языка и характера, любящих метафоры, держался отдаленнейшего, а не ближайшего смысла этого слова. Если человек, живший 16 лет в России, знающий наш язык, привыкший несколько к нашим обычаям, мог быть введен в заблуждение при объяснении значения слова в старинной русской грамате только потому, что ему дух русского характера остался чуждым, — то, вероятно, еще чаще ошибаются новейшие комментаторы римских, греческих, европейских, или даже персидских древностей.

. . . .

10 Сентября.

Слог — только часть исполнения. Конечно, не принимая слова слог в таком тесном значении, в каком у нас многие его принимают; так например: иные называют хорошим слогом тот, который граматически правилен, свободен от слов обветшалых и не шероховат; но забывают, что этот хороший слог может быть водян, сух, вял, запутан, беден, — словом, несносно дурен. И так, хороший слог состоит не в одной правильности, а хорошее исполнение имеет еще обширнейшее значение.

12 Сентября.

Передо мною портрет Попе: [1] как он похож на моего приятеля и родственника Катенина! [2]

---

[1] Alexander Pope (1688 — 1744) — английский поэт.
[2] О П. А. Катенине см. на стр. 342 наст. изд.

13 Сентября.

Я сегодня от доброго сердца хохотал, читая отрывок «Записок» принца де Линь.[1] В его изображении Вольтера так и видишь перед собою фернейского — мудреца,[2] не мудреца — не знаю, как назвать, — но человека истинно гениального! Особенно разительно место, где Вольтер дает своему гостю характеристику гг. энциклопедистов;[3] я уверен, что он точно так о них думал и, кроме Montesquieu,[4] они, право, и не заслуживают лучшего мнения.

15 Сентября.

Пишу письма племяннице;[5] посылаю целую диссертацию о Карамзине.

. . . .

---

[1] Charles-Joseph, prince de Ligne (1735 — 1814) — французский генерал, писатель и поэт.

[2] Фернейский мудрец—Вольтер (François-Marie-Arouet, dit Voltaire, 1694 — 1778; последние годы жизни постоянно жил в Ferney). К Вольтеру, как к поэту, Кюхельбекер относился отрицательно так же, как и ко всему французскому XVIII веку вообще (см. стр. 173 наст. изд.).

[3] Энциклопедисты— в точном смысле слова французские писатели, философы и ученые XVIII в., сотрудничавшие в «Энциклопедии» Дидро («Dictionnairé raisonné des sciences, des arts et des métiers», par Diderot et d'Alambert); к их числу принадлежали: Вольтер, Монтескьё, Бюффон, Мармонтель, Гельвеций, аббаты Рейналь и Морелле, Гольбах, Кондильяк, Мабли, Лагарп, Сен-Ламбер, Гримм, Тюрго, Кондорсэ, Неккер, Ж.-Ж. Руссо и др. Однако под термином «энциклопедистов» принято разуметь не только (и не столько) сотрудников «Большой Энциклопедии», сколько писателей и мыслителей, близких ей по духу, связанных с ее руководителями единством философского мировоззрения (материализм). Так, напр., Руссо, покинувший Энциклопедию после выхода VII тома, где появилась неприятная ему статья о Женеве, и написавший оскорбительное письмо Д'Аламберу, скорее может быть причислен к противникам энциклопедистов.

[4] Charles de Secondat, baron de Montesquieu (1689 — 1755), французский публицист и философ права.

[5] Вероятно старшей дочери Юстины Карловны Глинки — Наталье Григорьевне.

19 Сентября.

В 52-м томе «Вестника Европы» чрезвычайно занимательная статья: «О детстве императора Павла Первого»; она извлечена из записок Семена Андреевича Порошина;[1] жаль, что эти записки не вполне напечатаны. Как бы я обрадовал матушку, если бы мог ей прочесть эту статью! Она всех людей, о которых тут говорится, лично знала; сверх того, память покойного императора ей драгоценна.

3 Октября.

Читаю «Вестник Европы» на 1811 год, изданный уже одним Каченовским,[2] без участия Жуковского. При Жуковском Каченовский чинился, знал честь, но тут он опять из рук вон — сущий лакей! *

---

* Здесь заканчивается вторая тетрадь дневника, веденного Кюхельбекером в Свеаборге. На последней странице значится:

«Итого в сей книге нумерованных и прошнурованных сорок восемь листов».

«Апреля 24-го дня 1832 года».

«Комендант инженер генерал-майор...» (Подпись не разобрать).

К шнурку приложена сургучная печать коменданта.

(Примеч. ред. «Р. Ст.»).

[1] Порошин, Семен Андреевич (1741 — 1769) — воспитатель великого князя Павла Петровича (в 1764 — 1765 гг.), автор «Записок, служащих к истории великого князя Павла Петровича».

[2] — Каченовский, Михаил Трофимович (1775 — 1842) — профессор Московского университета; читал лекции по теории изящных искусств и археологии (1808 — 1821), истории, статистике и географии Российского Государства (1821 — 1835), русской словесности (1830 — 1831), всеобщей истории (1835) и по истории и литературе славянских наречий (1835 — 1842), доктор философии и изящных искусств; глава так назыв. «скептической школы», плодовитый автор научных исследований — главным образом по русской истории и археологии. Издатель «Вестника Европы» в 1805 — 1807, 1809 — 1810 (совместно с В. А. Жуковским), 1811 — 1813 и 1815 — 1830 гг.

— В своем литературном календаре «Обозрение Российской Словесности на 1824 год» («Литературные портфели», I, 1923, стр. 73) Кюхельбекер писал: «Старшина классиков — Каченовский, человек, пользующийся славою учености, колок, остер, язвителен, но неодарен ни способностию чувствовать и понимать прекрасное, ни охотою отдавать справедливость людям, превышающим его дарованиями».

7 Ноября.

В книжке «Вестник Европы» 1817 г., заключающей 17-й и 18-й номера, прочел я свою собственную статейку (переведенную Каченовским из «Conservateur Impartial» — «Взгляд на нынешнее (1817 г.) состояние русской словесности».[1] Нахожу, что в мыслях своих я мало переменился.

14 Ноября.

Прочел сегодня 12 книгу «Tales of the Hall» * и Соцца возражение на мою статью,[2] напечатанную в 77-м номере «Conservateur Impartial» 1817 года. Помнится, что Гнедич гораздо более меня рассердился на это возражение; да и быть не могло иначе.

18 Ноября.

Я за собой заметил, что если в «Вестнике Европы» мне попадается статья кого-нибудь, с кем я был в ссоре, то читаю ее с особенным вниманием и искренно радуюсь, когда нахожу в ней что-нибудь дельное.

Уважать Воейкова,[3] как человека, мне невозможно, да

---

* «Рассказы в замке» (англ.).

[1] «Le Conservateur Impartial» («Беспристрастный блюститель») — литературный и политический журнал, издававшийся на французском языке в Петербурге, при Министерстве Иностранных Дел с 1813 по 1824 г. включительно.— Статья Кюхельбекера — «Coup d'oeil sur l'état actuel de la litterature russe», — помещена в «Cons. Impartial» за 1817 г., № 77. Перевод этой статьи появился в «В.Е» 1817, ч. 95, № 17 — 18, стр. 154 — 157 (см. стр. 337 наст. изд.).

[2] Соцц (Соц), Василий Иванович — писатель и переводчик первой половины XIX в. — В 1817 г. в «Вестнике Европы» была помещена его заметка: «Нечто против статьи под названием: Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» — (подпись В. С... — «В. Е.» 1817, ч. 96, № 23, стр. 193).—В № XV «Сына Отечества» за 1824 г. Соц поместил свой разбор 1-й ч. «Мнемозины», за подписью «С.». На него отвечал Кюхельбекер: «Ответ г. С. на его разбор I «Мнемозины» («Благонамеренный», 1824, № IX, стр. 208 — 213; перепечатано во 2-й ч. «Мнемозины»).

[3] О Воейкове и взаимоотношениях его с Кюхельбекером — см. стр. 343 наст. изд.

вряд ли возможно и лучшим его друзьям, однако же, как писатель, можно сказать, что он заслуживает быть отличенным от толпы писак бесталанных: в нем точно иногда проблески дарования.[1]

21 Ноября.

В «Вестнике» мне попался «Софокл» — родственника и приятеля моего Катенина: это истинно прекрасное стихотворение. Несмотря на все нападки, Катенин человек с большим дарованием — и не с одним дарованием: чтоб написать стихи, каковы следующие два:

«Когда же мстить врагам обиду
«Душой великие могли?»

надобно иметь не мелкую душу. Благодарю, любезный Павел Александрович,[2] за эти два стиха: желал бы, чтоб их когда-нибудь ко мне приноровили.

23 Ноября.

Начинаются в «Вестнике» щелчки Каченовского историографу:[3] надобно признаться, что они не глупы и очень злы. Всего забавнее письмо к издателям харьковского «Вестника»:[4] это истинно предательская шутка. Под предлогом, будто не верит, что известные записки о московских достопамятностях сочинены Карамзиным, критик говорит о них такие вещи, от которых нет другого средства, как только отмалчиваться.[5] (Записки точно

[1] В «В. Е.» за 1817 г. были помещены два отрывка Виргилиевых «Георгик», отрывок Виргилиевой «Энеиды» и «Умирающий христианин» Попа — в переводах Воейкова.

[2] Катенин.

[3] Историограф — Н. М. Карамзин.

[4] «Господам издателям Украинского Вестника» — статья, написанная Каченовским.

[5] В 5-й книжке «Украинского Вестника» за 1818 г. была напечатана «Записка о достопамятностях Московских» Н. М. Карамзина (без согласия на то автора). Каченовский использовал тонкий полемический прием: он отказывался верить в авторство Н. М. Карамзина, указывая на ряд грубых ошибок в «Записке».

Карамзина: это я знаю, потому что, по просьбе Жуковского, перевел их на немецкий язык с своеручного подлинника покойного Николая Михайловича.)

25 Ноября.

Есть писатели такие, которые темны от богатства и глубины мыслей; есть другие, которые также темны от совершенного отсутствия мыслей. Первых человек не глупый, наконец, поймет, поломавши несколько над ними голову; но вторых не поняли бы ни Гомер, ни Ньютон, ни Шеллинг, если бы и вместе стали их читать и сообщать друг другу свои догадки. Возможно-ли, например, добраться до смысла некоторых фраз Шаликова? [1] Невозможно, ибо в них ровно никакого смысла нет и не бывало. Это, конечно, справедливо: но есть и у Шаликова иногда коечто, показывающее, что он истинно добрый малый, хотя и плохой писака: таково, например, в «Вестнике» на 13-й год было его описание всего того, что некоторые его знакомые претерпели в Москве в роковой 1812 год и чему он сам был свидетелем, — эту статейку нельзя читать без того, чтобы не зашевелилось в сердце; таковы еще его известия о бедных — тут всякий раз видно, что он в них принимает искреннее участие; таково, наконец, следующее правило (особенно, если он ему следует) «сносить терпеливо все неудовольствия и неприятности от человека, ссорившегося со мною». Ну, князь Петр Иванович, думал-ли ты, что злой, насмешливый Кюхельбекер посвятит почти целую страницу в дневнике своем рассужде-

---

[1] Шаликов, князь, Петр Иванович (1768 — 1852) — поэт и издатель журналов «Московский Зритель» (1806), «Аглая» (1808 — 1810 и 1812) и «Дамский Журнал» (1823 — 1833), редактор «Московских Ведомостей» (1813 — 1838), сотрудник и других журналов. Слащавое и сентиментальное направление литературной деятельности кн. Шаликова вызывало в свое время множество эпиграмм.

нию о тебе и, сверх того, искренней, вовсе не насмешливой хвале того, что в тебе достойно хвалы?

30 Ноября.

Прекрасная статья Снегирева: «Матвеев».[1] Впрочем, характер Матвеева так высок, что едва ли возможно совершенно исказить его даже и дурным изображением, было бы оно только не злонамеренное, каково, например, изображение лица, почти столь же возвышенного, Василия Шуйского, в... * но exempla sunt odiosa. ** Жаль мне историков, в глазах которых кто несчастлив, тот и виноват.

В Рихтеровой истории медицины[2] указ Феодора I об учреждении больницы и дома призрения бедных: в этом указе дышет такой дух, который бы принес честь и XIX веку.

. . . .

13 Декабря.

Вечером после ужина прочел я первую книгу Краббевой поэмы «The Village». [3] Судя по началу, Краббева фла-

---

* Пропуск в подлиннике. *Прим. ред. «Р. Ст.».*

** Избегнем примеров (лат.). Имеется в виду «История» Карамзина.

[1] — «Боярин Матвеев» — «В. Е.», ч. 106, № 15, стр. 182. Эта статья принадлежит не Снегиреву, а Сергею Гавриловичу Саrареву (1792 — 1820).

— Снегирев, Иван Михайлович (1793 — 1868), — профессор Московского университета, известный знаток московских древностей, цензуровавший между прочим альманах Кюхельбекера «Мнемозина». В дневнике И. М. Снегирева под 7 декабря 1824 г. читаем: «Приезжал Кюхельбекер без меня просить, чтобы я взял на себя цензурование его альманаха на 1825 год.» («Р. Арх.», 1902, № 8, стр. 541 — 542).

[2] «История медицины в России». Соч. Вильгельма Рихтера. 3 части. М. 1814 — 1820.

[3] George Crabbe (1754 — 1832) — английский поэт, автор знаменитой поэмы «The Village» («Деревня»), изд. в 1783 г. Это произведение принесло с собой, на смену идиллической и дидактической пасторальной поэзии XVIII века, строгий реализм в описании сельского быта.

мандская картина не в пример занимательнее, чем Томсоно-Деммевские [1] чувствительно-бесхарактерные собрания возгласов, изображений и поучений, называемые сельскими или описательными поэмами.

15 Декабря.

Гёте в одной из Римских эпиграмм своих называет мух, помешавших спать ему, вдохновительницами (Musageten); моим вдохновителем с понедельника было ненастье, от которого в моей кануре так было темно, что я не мог внесть с доски в тетрадь окончания второй песни поэмы моей, [2] а потому по неволе должен был выхаживать новые стихи; мыслей для третьей песни не было, — и так, плодом комнатного моего путешествия оказалось послание к матушке.

23 Декабря.

Жаль мне, что я сегодня разбил трубку, которая служила мне более полугода; я привык к ней, любил ее; надо же любить что-нибудь!

. . . .

---

[1] — James Thomson (1700 — 1748) — английский поэт, автор «Seasons» («Времена года») — описательно-дидактической поэмы, имевшей огромное влияние на все европейские литературы, — в России на Карамзина и др. представителей сентиментализма.

— Hermann-Christian-Gottfried Demme (1760 — 1822) — немецкий проповедник и писатель, автор нравственно-духовных стихов и песен.

[2] «Юрий и Ксения» (в шести песнях). Отрывки этой поэмы см. в издании Балицкого, стр. 185 и сл. Посылая в 1836 г. эту поэму А. С. Пушкину, Кюхельбекер писал: «Моя Ксения всего менее поэма историческая. Женитьба князя Ярослава Ярославича Тверского только материал. Мой Ярослав совсем другое лицо, лицо дотатарское, по тому и не бывалое; и, — полагаю, что это хорошо. Упомяни я только слово о Татарах, как воспоминание о их чудовищном величии чисто бы задушило ничтожную басню о любви Ксении и Ермила, Юрия и Ольги». — Эти строки, отделенные вводными знаками, пусть будут предисловием к моей поэмке, если только позволят ее напечатать». (Письмо Кюхельбекера к А. С. Пушкину от 3 августа 1836 г. из Баргузина; см. Переписку Пушкина, изд. Ак. Наук, под ред. В. И. Саитова; т. III, стр. 360).

28 Декабря.

На днях я вынул из чемодана свои старые дневники; при окончании года недурно обозреть прошедшее. Сегодня прочел я дневник последних чисел декабря 1831 года. Два или три места поразили меня; 22-го числа я спрашиваю: «буду-ли жив через год и в таком-ли я состоянии души, чтоб мог без страха подумать о другой жизни?» [1] — а 29-го: «в сытость мне этот 1831 год, в сытость и в тягость так, как давно ни один не был». Первый вопрос и теперь могу повторить: и ныне еще слишком привязан к земле; особенно слишком дорожу своими стихотворными занятиями; положим, что самолюбие меня не ослепляет, положим, что я в самом деле не без таланта, но, во-1-х, талант еще не есть несомненная порука за то, что не забудут меня (особенно, когда все внешние обстоятельства, кажется, соединились для того, чтоб подавить всякую надежду на будущую известность); во-2-х, пусть и достигну своего желания, пусть приобрету то, что честят здесь на земле бессмертием, — этот пустой, ничтожный самозванец, это бессмертие, что в сравнении с тем другим истинным бессмертием, к которому я каждый день и час должен бы готовиться в сей земной гостиннице?

Вторая отметка должна ныне исполнить сердце мое живейшей благодарности к господу: нынешний год для меня был гораздо легче прошлого; конечно, он был не без неприятностей, не без тяжелых минут, однако же таких живых, таких мучительных страданий, как в 1831 году, [2] в нем для меня не было.

31 Декабря.

Пишу письма к своим: за ними меня застанет и новый год.

---

[1] Запись от 22 декабря 1831 г. была, как можно заключить по этой цитате, сокращена Семевским (ср. стр. 27 наст. изд.).

[2] См. наше примечание к записи в дневнике от 29 декабря 1831 г. (стр. 28 наст. изд.).

1 8 3 3

3 Января.

У меня сегодня были опять живые сны: между прочим, за каким-то обедом, где много было дам, я с рюмкою в руке говорил похвальное слово прекрасному полу; когда проснулся, я еще помнил эту речь во всех ее частях и хотел было внесть ее в дневник, но теперь забыл.

. . . .

5 Января.

Получил письма от матушки, Сашеньки [1] и тетеньки, да посылку; жаль мне, что не могу исполнить просьбы добрых моих племянниц:[2] они прислали мне вязанные туфли своей собственной работы и хотят, чтоб я их носил, но туфли-то мне маловаты.

6 Января.

В книжках «Вестника Европы» на 1822 год несколько статей о немецкой философии в духе совершенно противном тому, в каком были прежние Каченовского и его сотрудников; но, признаюсь, и ими я не совсем доволен. В них все слишком молодо, не зрело. Конечно, 17-ти-летнему Одоевскому они приносят величайшую честь: мало юношей и постарее его, которые бы так писали и так успешно занимались предметами самыми отвлеченными; однако же ученичество все-таки кое-где проглядывает, например, в страсти сражаться с ветрянными мельницами, с Баттэ [3] и

[1] Александра Григорьевна Глинка — племянница Кюхельбекера. — В основу биографии Кюхельбекера в «Рус. Стар.» 1875, т. XIII, была положена записка, ею составленная. Ей посвящено стихотворение Кюхельбекера (см. изд Балицкого, стр. 151).

[2] Наталия, Александра и Юстина Григорьевны Глинки.

[3] Charles Batteux (1713 — 1780) — французский философ, теоретик классицизма.

Эшенбургом,[1] о которых едва-ли еще кто помнил в 1822 году. Таже молодость видна и в пристрастии к мистическим формам, затмевающим только дело.[2]

7 Января.

«Мир поэта»[3] — Катенина одно из самых лучших лирических творений, какие только имеем на русском языке. Начало: о предметах поэтических у евреев, потом переход от евреев к грекам и окончание — необыкновенно хороши.

Следующие стихи бесподобны:

И на крылах воображенья,
Как ластица, скиталица полей,
Летит душа, сбирая наслажденья
С обильных жатв давно минувших дней;
Ветр свежий веет от востока,
От тучных, счастливых земель,
Где мира и людей святая колыбель.

Изображение Авраама прекрасно; столь же почти хорошо свидание Иосифа с братьями. Эпизоду «Руфь» я подражал, однако же без намерения, в первой песни своего «Давида», а где Катенин говорит о Давиде, мы встретились почти слово в слово. Вот два стиха Катенина, которые у меня почти повторены:

«Царь, пастырь, воин и певец,
Весь жизни цвет собрал в себе едином».

Во второй половине «Промефей» Эсхиллов единствен. Но лучше всего мне нравится окончание; оно напоминает

---

[1] Johann-Joachim Eschenburg (1743 — 1820) — немецкий историк литературы, один из представителей до-кантовской эстетики.

[2] В книжках «Вестника Европы» за 1822 г. были напечатаны следующие статьи кн. В. Ф. Одоевского: «Письмо к Лужницкому Старцу», «Странный человек. К Лужницкому Старцу», «Отрывки из Лабрюйера» и «Похвальное слово невежеству. Письмо к Лужницкому Старцу». — «Лужницкий Старец» — псевдоним М. Т. Каченовского.

— О взаимоотношениях Кюхельбекера с Одоевским, см. на стр. 344 наст. изд.

[3] О всем нижеследующем см. примечание на стр. 346 наст. изд.

окончание и Гетевой «Euphrosyne» и Шиллеровой «Прогулки», но не есть им подражание. Стихи, каковы в этом случае:

«Нет, нет! в лице их узнаю
. . . .
Я вижу, движется их строй,
Их очи смотрят, грудь их дышет...
Промолвите, герои древних лет,
Да жадный слух ваш глас услышит!
Хочу рукой моей коснуться вас... Ах, нет!
Нет их, нет никого!..
. . . .
Вокруг меня зари свет слабый льется,
Лицо горит, мрет голос, сердце бьется
И слезы каплют из очей».

Такие стихи являют поэта истинно восторженного, истинно исступленного: их и лучший подражатель никогда не напишет.

. . . .

11 Января.

Давно я не читал ничего Гофмана.[1] В «Вестнике» его повесть «Счастье игроков», которой начало истинно мастерское. Под конец слишком много происшествий; однако же они, быть может, произвели бы сильное действие, если бы были более развиты, если бы были рассказаны не чересчур бегло и несколько спутано.

В статьях Одоевского я везде узнаю своего любезного сотрудника: как все у него зелено! но из него мог бы выйти человек. Хотелось бы мне знать, что он теперь творит? Неужто женитьба[2] его совсем переродила и он уж совершенно стал похож на тех, над которыми, бывало, так едко и неосторожно смеялся?

---

[1] Ernst-Theodor-Wilhelm-Amadeus Hoffmann (1776 — 1822) — немецкий писатель, необыкновенно популярный в Европе и в России в начале XIX века.

[2] Князь В. Ф. Одоевский женился в 1826 году на Ольге Степановне Ланской.

12 Января.

Много в «Вестнике» на 1823 год статей Одоевского. Не из лучших — «Дни досад».[1] Охота человеку, не знающему людей, писать каррикатуры и называть их людьми!

Послание Загоскина[2] «К Людмиле» принадлежит к хорошим сатирам на русском языке, а число хороших сатир у нас не слишком велико: в нем много vers à retenir. *

Одно из последних стихотворений Капниста — «В память Береста»;[3] оно прекрасно не по отдельным разительным стихам, которых в нем вовсе нет, а по своему целому и по подробностям в самом вымысле.

17 Января.

Перечитывая сегодня поутру начало третьей песни своей поэмы,[4] — я заметил в механизме стихов и в слоге что-то пушкинское. Люблю и уважаю прекрасный талант Пушкина, но, признаться, мне бы не хотелось быть в числе его подражателей. Впрочем, никак не могу понять, от чего это сходство могло произойти: мы, кажется, шли с 1820 года совершенно различными дорогами, он всегда выдавал себя (искренно ли или нет — это иное дело!) за приверженца школы так называемых очистителей языка,— а я вот уж 12 лет служу в дружине славян под знаменем Шишкова,[5] Катенина, Грибоедова, Шихматова.—Чуть-ли

---

* Запоминающихся стихов (франц.).

[1] В «Вестнике Европы» за 1823 г. кроме статьи «Дни досад. Письмо к Лужницкому Старцу», напечатаны следующие статьи кн. В. Ф. Одоевского, направленные против кн. П. И. Шаликова и его «Дамского Журнала»: «От читателя Журналов» (№ 5), «К редактору Вестника Европы от читателя Журналов» (№ 7).

[2] Загоскин, Михаил Николаевич (1789 — 1852) — прозаик, поэт и драматург, один из первых наших исторических романистов; пьесы и романы Загоскина пользовались в свое время огромным успехом.

[3] Капнист, Василий Васильевич (1757 — 1829) — поэт и драматург. Стихотворение его «В память Береста» пользовалось значительным успехом в свое время.

[4] «Юрий и Ксения».

[5] См. стр. 345 наст. изд.

не стихи четырехстопные сбили меня: их столько на пушкинскую стать, что невольно заговоришь языком, который он и легион его последователей присвоили этому размеру.

19 Января.

С понедельника (16-го числа) начались здесь жестокие морозы, каких прошедшею зимою вовсе не было. В первый раз в бытность мою здесь льдом совершенно почти покрыло окно мое.

. . . .

28 Января.

А. Писарев[1] был человек с талантом. Если бы не кулисная жизнь и мелкие литературные сплетни, он, статься может, в истории русской поэзии оставил бы значительное имя; — но его погубили ранние успехи, вскружившие ему голову, заставившие его слишком много думать о себе, когда он на то никакого еще не приобрел права.

30 Января.

Перелагаю притчу Дмитрия Ростовского в белые ямбы.[2] Начал 8-ю книгу Илиады.

5 Февраля.

«The Merchant of Venice» * — без всякого сомнения, одно из лучших творений Шекспира. Последние два действия превосходны; пятое люблю я еще более четвертого, хотя и чувствую, что для создания четвертого нужно

---

* «Венецианский купец» (комедия Шекспира, 1596 г.).

[1] Писарев Александр Иванович (1803 — 1828) — водевилист и сатирик. Кюхельбекер напечатал в своей «Мнемозине» (ч. III, стр. 147) стихотворение А. Писарева «Выкуп Оссиана».

[2] — Св. Дм. Туптало, митрополит Ростовский (1651 — 1709) — проповедник и духовный писатель.

— Стихотворное переложение Кюхельбекера — «Нищий (притча св. Дмитрия Ростовского)» — см. в изд. Балицкого, стр. 144 — 147.

было бо́льшее усилие дарования, нежели для пятого. Музыкальное начало последнего (в Шиллеровом значении этого слова) необыкновенно удачно противопоставлено пластике четвертого действия: в одном — день, движение, блеск, страсти, ужас, жалость, все живо, все резко; в другом — ночь, полусвет, тишина, фантазия, нега, роскошь, все чуть оттенено, неопределенно, сладостно.

7 Февраля.

Нападки М. Дмитриева и его клевретов на «Горе от ума» [1] совершенно показывают степень их просвещения,

---

[1] Дмитриев, Михаил Александрович (1796 — 1866) — племянник известного писателя И. И. Дмитриева; плодовитый поэт и критик, которого в отличие от дяди шутя звали «лже-Дмитриевым». В раннюю пору своей литературной деятельности М. А. Дмитриев был союзником старой литературной школы (любопытна его полемика на страницах «В. Е.» с кн. П. А. Вяземским по поводу его предисловия к «Бахчисарайскому Фонтану» Пушкина).

— В альманахе Ф. В. Булгарина «Русская Талия» на 1825 г. были напечатаны отрывки из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Отрывки не прошли не замеченными и вскоре же вокруг них разгорелась жаркая полемика. Первым высказался Н. А. Полевой в «Моск. Тел.» (1825, ч. I, № 2, 20 янв.; стр. 167 — 168); его отзыв был чрезвычайно благоприятным; вскоре появились: — еще более горячий отзыв А. А. Бестужева в «Полярной Звезде» на 1825 г. в статье «Взгляд на русскую словесность etc » и — отрицательный отзыв М. А. Дмитриева: «Примечания на суждения «Телеграфа», направленные против похвал Полевого («В. Е.», ч. CXL, № 6, стр. 111 – 115). Критик отмечал между прочим: «г. Грибоедов изобразил очень удачно некоторые портреты, но не совсем попал на нравы того общества, которое вздумал описывать, и не дал главному характеру надлежащей с ним противуположности!.. Не говорю уже о языке сего отрывка, жестком, неровном и неправильном». Ответ на статью М. А. Дмитриева последовал в «С. О.» 1825, ч. CI, май, № 10, стр. 177 — 195 — от друга и единомышленника Грибоедова, О. М. Сомова («Мои мысли о замечаниях г. Дмитриева в «Вестнике Европы»). В защиту Дмитриева не замедлил выступить его соратник А. И. Писарев; под псевдонимом Пилада Белугина (что пародировало имя и фамилию Ореста Сомова), Писарев напечатал в майской книжке «В. Е.» 1825, ч. CXLI, № 10, стр. 108 — 121 — статью: «Несколько слов о мыслях одного критика и комедии «Горе от ума». Одновременно со статьей Писарева появилась резкая антикритика кн. В. Ф. Одоевского в защиту комедии от нападок М. Дмитриева: «Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии «Горе от ума» («Моск.

познаний и понятий. Степень эта истинно не завидная. Но пусть, они в этом не виноваты: есть, однако же, в их статьях такие вещи, за которые их можно бы обвинить перед таким судом, которого никакой писатель, с талантом-ли, или без таланта, с обширными сведениями или нет, не должен терять из виду, — говорю о суде чести. Предательские похвалы удачным портретам в комедии Грибоедова — грех гораздо тягчайший, чем их придирки и умничание. Очень понимаю, что они хотели сказать, но знаю (и знать это я очень могу, потому что Грибоедов писал «Горе от ума» почти при мне, по крайней мере, мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано), знаю, что поэт никогда не был намерен писать подобные портреты: его прекрасная душа была выше таких мелочей. Впрочем, qui se sent galeux qu'il se gratte! * Завтра напишу несколько замечаний об этой комедии: она, конечно, имеет недостатки (все человеческое подвержено этому жребию), однако же вовсе не те, какие г. Дмитриев изволит в ней видеть, и вопреки своим недостаткам, она чуть-ли не останется лучшим цветком нашей поэзии от Ломоносова до известного мне времени.

8 Февраля.

«Нет действия в «Горе от ума»! говорят гг. Дмитриев, Белугин и братия. Не стану утверждать, что это несправедливо, хотя и не трудно было бы доказать, что в этой комедии гораздо более действия или движения, чем в бо́льшей части тех комедий, которых вся занимательность

Тел». 1825, ч. III, № 10, прилож. стр. 1 — 12, подп.: У. У.). В ответ на резкую статью Одоевского появилась вторая статья Пилада Белугина, т. е. А. И. Писарева: «Против замечаний неизвестного У. У. на суждения о комедии «Горе от ума» («В. Е.» 1825, ч. CXLIV, № 23 — 24, стр. 108 — 124). Этой статьей закончилась полемика 1825 г.

* Франц. пословица; ей соответствует русская: знает кошка, чье мясо съела.

основана на завязке. В «Горе от ума», точно, вся завязка состоит в противоположности Чацкого прочим лицам; тут, точно, нет никаких намерений, которых одни желают достигнуть, которым другие противятся, нет борьбы выгод, нет того, что в драматургии называется интригою. Дан Чацкий, даны прочие характеры, они сведены вместе, и показано, какова непременно должна быть встреча этих антиподов, — и только. Это очень просто, но в сей-то именно простоте — новость, смелость, величие того поэтического соображения, которого не поняли ни противники Грибоедова, ни его неловкие защитники. Другой упрек касается неправильностей, небрежностей слога Грибоедова, и он столь же мало основателен. Ни слова уж о том, что не гг. Писаревым, Дмитриевым и подобным молодцам было говорить о неправильностях, потому что у них едва-ли где найдется и 20 стихов сряду без самых грубых ошибок граматических, логических, рифмических, словом, каких угодно. Но что такое неправильности слога Грибоедова? (кроме некоторых и то очень редких исключений). С одной стороны опущения союзов, сокращения, подразумевания, с другой плеоназмы, — словом, именно то, чем разговорный язык отличается от книжного. Ни Дмитриеву, ни Писареву, ни Шаховскому [1] и Хмельницкому [2] (за их хорошо написанные сцены), но автору 1-ой

---

[1] Шаховской, князь, Александр Александрович (1777 — 1846)— драматург, театрал и поэт. Шаховской осмеял Карамзина и его школу в своей комедии «Новый Стерн» (1804) и, примкнув к А. С. Шишкову, в 1811 г. вступил в «Беседу Любителей Русского Слова». В 1815 г. напал на русских романтиков в комедии «Липецкие воды», в которой под именем Фиалкина, «молодого человека с расстроенными чувствами и измятой наружностью», вывел В. А. Жуковского. В свою очередь Шаховской подвергался злым нападкам Пушкина и арзамасцев; в Арзамасе его прозвали «Шутовским». — Шаховской написал множество пьес, пользовавшихся в свое время большим успехом. — Кюхельбекер поместил в своей «Мнемозине» отрывок из комедии Шаховского «Аристофан».

[2] Хмельницкий, Николай Иванович (1791 — 1845) — драматический писатель, переводчик Мольера.

главы Онегина,* Грибоедов мог бы сказать тоже, что какому-то философу, давнему переселенцу, но все же не афинянину, — сказала афинская торговка: «вы иностранцы». — «А почему?» — «Вы говорите **слишком** правильно; у вас нет тех мнимых неправильностей, тех оборотов и выражений, без которых живой разговорный язык не может обойтись, но о которых молчат ваши **граматики и риторики**».

11 Февраля.

. . . .

Ужасна смерть Андрея Боголюбского, так ужасна, что, кажется, тут и для трагедии невозможно найти ничего такого, чтобы не возмущало сердце самым не поэтическим образом. [1]

13 Февраля.

Покойный Черевин [2] был человек истинно достойный; у нас были общие знакомые и приятели (Нечаев [3], Пущин [4] и другие), однако же мне не удалось с ним лично познакомиться. Напечатанная уже по смерти Черевина его статья:

---

* В последствии Пушкин очень хорошо понял тайну языка Грибоедова и ею воспользовался. *В. К.*

[1] Андрей Юрьевич Боголюбский (внук Владимира Мономаха, великий князь Суздальский, род. около 1110 г.) был убит собственной дворней в селе Боголюбове в 1174 г.

[2] Черевин, Павел Дмитриевич (1802 — 1824) — писатель, член Союза Благоденствия и Северного Общества. Изучал науки исторические и политические (гл. обр. политическую экономию) и печатал свои статьи в «Вестнике Европы». О Черевине Кюхельбекеру напомнил его некролог, помещенный в «В. Е.» 1824, ч. 136, № 14, стр. 150 (подп.: Н[ечаев?]).

[3] Нечаев, Степан Дмитриевич (1792 — 1860) — прозаик, поэт и публицист-историк. — Свой довольно холодный отзыв о «Вестнике Европы» за 1820 г. Кюхельбекер заключил следующим образом: «Впрочем мы должны отдать справедливость Г. Нечаеву; его мысли не принадлежат к числу тех Мыслей без мыслей, которые иногда попадаются под названием: Мысли, Замечания и Характеры и т. п.» («Невский Зритель», 1820, февраль, стр. 122). Кюхельбекер напечатал пять стихотворений и два прозаических произведения Нечаева в «Мнемозине» (ч. I — IV).

[4] Об И. И. Пущине см. стр. 346 наст. изд.

«О преподавании истории детям» заслуживает, чтоб ее перевели и на иностранные языки; она у нас редкое явление; тут русский мыслящий писатель говорит истинное и при том новое, новое не для одних русских. «Я называю», говорит Черевин, «сокращенные истории, истории для детей нелепостью». В этом я совершенно с ним согласен, согласен также с его мнением о предметах, какими при первоначальном учении надлежало бы заменить совершенно бесполезный, даже вредный курс истории, будто бы приспособленный к понятиям ребенка.

16 Февраля.

Хочу послать племяннику Дмитрию [1] свое переложение притчи св. Димитрия. [2] Вот несколько стихов, которые, так сказать, должны служить введением к оному:

ПЛЕМЯННИКУ, Д. Г. ГЛИНКЕ, ПРИ ПЕРЕСЫЛКЕ ПРИТЧИ СВ. ДИМИТРИЯ.

Ты далеко от нас: в стране чужой,
Ты там, где в старину король морской, *
Бывало, спустит в пенистые волны
Коней пучины, дервостные челны
И отплывет с дружиной удалой

---

* Королями морскими — викингами назывались вожди нормандских удальцев, опустошавших приморья Европы с IX по XIII столетие. Они обыкновенно были младшие братья королей. *В. К.*

[1] Глинка, Дмитрий Григорьевич (1808 — 1883) — дипломат, социолог и теоретик права, автор двух книг на французском языке (одна в переводе на русский язык носит заглавие: «Наука о человеческом обществе», СПБ. 1870). Служил при посольствах в Копенгагене (с 1831 г. по 1837 г.), Стокгольме, Берлине; был поверенным в делах при нескольких герцогских германских дворах; в 1856 г. был назначен чрезвычайным посланником в Рио-де-Жанейро, а в 1871 г. перемещен на такую же должность в Лиссабон, где и умер.

[2] См. стр. 89 наст. изд.

В седую даль, на славу и разбой.
Ты там, где голос скальдов вдохновенных
И вещий строй полночных арф гремел,
И юный витязь трепетал, кипел
От пламенных стихов певцов священных
И в дождь бросался кровожадных стрел;
В отчизне ты и песней, и отваги,
В земле Одена, Бальдера и Браги,[1]
В земле, которой чудодейный дух
Великого очаровал поэта,
И он склонил к ее преданьям слух
И завещал бессмертию Гамлета.
Но Русь святую помнишь ты и там;
Ты верен всюду и всегда друзьям:
Нет! праведника мудрое сказанье
Смиренного, чье имя носишь ты,
Не об отечестве напоминанье, —
Один залог Любви сии черты.
Прими же притчу! я обрел отраду,
Души болезням в ней обрел цельбу:
Да будет и тебе она в усладу!
Благословляю вышняго судьбу:
Стоишь, как пальма, в красоте могущей,
Ты тверд и светел в юности цветущей,
Надежды полн и доблестен и смел...
Дай бог тебе безбурных дней предел!
Но не поднять завесы с тьмы грядущей;
Земля — юдоль искуса, а не рай:
И ты, мой друг, ненастья ожидай,
Лишь не забудь: и радость, и страданье —
Одной отеческой руки даянье.

---

[1] Оден (вернее О́дин — Ódin, Óthin) — главное божество скандинавской мифологии. Бальдер (Balder) — сын Одина. Браги (Bragi) — сын Одина, бог мудрости, поэзии и красноречия.

17 Февраля.

Жаль, что Московский университет истинно гениального Павлова [1] заставил читать «Сельское хозяйство»; это почти тоже, что Ахиллесу приказать быть хлебопеком или Платону танцмейстером. В моей «Мнемозине» одна из лучших статей — первая в 4-й части — его же, Павлова: по моему мнению он чуть-ли не самый умный, самый лучший последователь Шеллинга из наших соотечественников. Не только Одоевскому, но, кажется, и И. Давыдову [2] далеко до него. Я с ним был знаком еще в Берлине: тогда он в полном смысле был еще немецким студентом, — боек, умен, burschikos, * молодец. Потом меня забавляли его смешные отметки в записных тетрадях, какие хранятся для путешественников в примечательных местах так называемой Саксонской Швейцарии. Наконец, я с ним свиделся опять уже в Москве при публичном чтении общества любителей русской словесности. Тут я в нем заметил какую-то робость, унылость, застенчивость, которые ясно показывали, что он не слишком доволен своим положением. И в самом деле, каково читать Сельское хозяйство тому, кто предполагал, что получит кафедру философии, — кафедру, коей был бы он истинным украшением!

. . . .

---

* Студенческий, лихой, молодецкий (немец.).

[1] Павлов, Михаил Григорьевич (1793 — 1840) — один из первых русских шеллингианцев, доктор медицины, профессор Московского университета по кафедрам минералогии, физики и сельского хозяйства (1820 — 1840), учитель кн. В. Ф. Одоевского. Кюхельбекер поместил в «Мнемозине» статью Павлова — «О способах исследования природы» (часть IV, стр. 1 — 34; подп.: П. П.).

[2] Давыдов, Иван Иванович (1794 — 1863) — философ, математик, один из первых русских шеллингианцев, профессор Московского университета (1817 — 1847) по кафедрам чистой математики, русской и латинской словесности и философии. В письме к кн. В. Ф. Одоевскому от 5 апреля 1825 г. Кюхельбекер справлялся: «Какой Давыдов в Петербурге? Иван Иванович что-ли?» («Р. Ст.», 1904, № 2, стр. 381).

19 Февраля.

Всякий раз, когда читаю что-нибудь Мерзлякова,[1] во мне рождается чувство сожаления к этому человеку с истинным дарованием, погибшим от обстоятельств и недостаточного образования. В его оде «Труд» между множеством стихов, до смысла коих трудно добраться, есть также и такие, которые служат сильным доказательством, что ему, точно, было знакомо вдохновение.

27 Февраля.

Редко случается или, лучше сказать, редко удается нам заметить, чтобы была связь между сном, который видим, и другим, виденным нами давно. Это было со мною сегодня: я во сне вспомнил другой, давно уже забытый. Если такие воспоминания бывают чаще, чем мы замечаем (в чем я почти уверен), нельзя-ли из того вывесть заключения, что деятельность нашей души во сне имеет гораздо более существенного, нежели обыкновенно предполагают? А если это так, сколько тут открывается предметов для размышления; сколько представляется сравнений сна с бодрствованием, сравнений таких, которые с первого взгляду не слишком клонятся в пользу действительной жизни, однако же при бóльшем внимании открывают для сердца верующего богатый источник надежд и упований.

6 Марта.

Примечательный день: был у меня в первый раз молодой пастор, имя ему Савенпус. Получил я от него Рейнгардовы проповеди. Таким образом я в эти последние два года познакомлюсь с тремя лучшими, может быть, немец-

---

[1] О Мерзлякове, см. стр. 348 наст. изд.

кими проповедниками: Древеке,[1] Чирнером[2] и Рейнгардом.[3] *

. . . .

20 Марта.

Нынешний день — день рождения матушки — я освятил окончанием 5-й песни своей поэмы[4] и окончанием чтения 9-й книги Илиады.

. . . .

29 Марта.

Вчера и сегодня я прочел еще 24 главы пророка Иезекииля. Изложение его до чрезвычайности живописно; 14-ти первым стихам 37-й главы никогда не перестану удивляться! они выше всего того, что встречается подобного у светских писателей: несколько крупиц с трапезы Иезекиилевой довольно было, чтобы Шиллеров знаменитый разговор Франца Мора и старика Даниила[5] превратить в богатое, роскошное пиршество для изумленного воображения.

. . . .

⟨2 Апреля.

Я принялся перечитывать свою поэму, хотел, было, читать ее, как работу другого, не для замечаний, а просто, чтоб провесть несколько часов за чтением, однакоже ска-

* О первых двух говорилось в утраченных тетрадях моего дневника. *В. К.*

[1] Johann-Heinrich-Bernhard Dräseke (1774 — 1849) — епископ магдебургский, автор религиозно-философского сочинения «Vom Reiche Gottes».

[2] Heinrich-Gottlieb Tzchirner (1778 — 1828) — богословско-философский писатель, профессор, богословия в Лейпциге.

[3] Franz-Volkmar Reinhard (1763 — 1812) — простестантский богослов и проповедник, профессор в Виттенберге.

[4] «Юрий и Ксения».

[5] В 5 действии драмы «Разбойники».

жу, что вторая песнь слабее прочих, а первая по видимому лучшая.

. . . .

3 Апреля.

. . . .

Читал я сегодня Скотта, а именно познакомился с его балладами. — Балладе «The Gray Brother» * подражал Одынец [1] и, признаюсь, Одынца подражание (Kròl Boleslaw) мне чуть ли не более нравится самого подлинника.〉

. . . .

6 Апреля.

Конечно языки первобытные, каковы например наш Славяно-Русский, пользуются множеством преимуществ перед языками, составленными из обломков других. [2] Но и последним предоставлены некоторые выгоды, которых лишены первые. Английские puns ** в роде тех, которыми добрый Догберри угощает своих слушателей (в «Much ado about nothing» *** — невозможны на русском, а между тем крайне забавны. . . . .

. . . . 7 Апреля.

Устал, а главное — что-то не здоровится — ломит грудь, болит плечо.

---

* «Серый брат» (англ.).

** Каламбуры (англ.).

*** «Много шуму из-за ничего» (комедия Шекспира, 1600 г).

[1] Эдуард-Антон Odyniec (1804 — 1885) — польский поэт и переводчик, друг Мицкевича.

[2] Термин: «первобытные» (языки) — Кюхельбекер употребляет, разумеется, не в смысле: «доисторические», а в смысле: «самобытные» («не составленные из обломков других языков»). — Приводя эту мысль Кюхельбекера, Ю. Н. Тынянов замечает («Архаисты и Пушкин», в сб. «Пушк. в мир. лит.», стр. 218): «Из младших архаистов... эти [Шишкова. *С. Х.*] взгляды разделял в полной мере только Кюхельбекер». (Ср. со статьей Дм. Воронова: «Всякий язык, не составленный, так сказать, из обломков других языков, долженствует оказывать в ходе своем... счастливые успехи; поелику он имеет свое собственное достоинство и свою самобытность» (примечание Ю. Н. Тынянова, op. cit., стр. 384, 8).

⟨8 Апреля.

. . . .

Внес в тетрадь начало 6-й песни.⟩

11 Апреля.

Прекратился для меня «Вестник Европы»: каков бы он ни был, а читал я его часто с удовольствием. Вместо него получил я 3-й том Далиновой Шведской Истории.[1]

⟨12 Апреля.

Греческим языком занимаюсь не так прилежно, как до праздника; однакоже сегодня я читал и что меня обрадовало, между прочим, разобрал 8 стихов (конечно мало) вовсе без помощи словаря. — Поэма моя клонится к концу; надеюсь добраться до последнего стиха еще на этой неделе.⟩

15 Апреля.

Вот и два года с тех пор, как я покинул Д.,* место, где я прожил три года шесть месяцев.

Такой продолжительной зимы, как ныне, я еще не запомню. По заливу еще ездят: снег идет; морозу нет, но довольно еще холодно. Дай бог, чтоб эта зима оказала благотворное действие на наше отечество и наконец истребила семена несчастной болезни, свирепствовавшей в России слишком два года!

. . . .

⟨17 Апреля.

Начал эпилог к своей поэме, размером же выбрал для того октаву — но не совершенно ту, которую у нас первый стал употреблять Жуковский, потому что в моей по-

---

* Динабург. *(Примечание В. Кюхельбекера.)*

[1] Olaf von Dalin (1708 — 1763) — шведский поэт и историк; имел гораздо большее значение как поэт, нежели как историк. Его «История Швеции», о которой идет речь в тексте (русский перевод 1805 — 1807 гг.) не имеет никакой научной ценности.

сле первого станса следует стих мужеский. [1] — Я притом заметил, что успел отвыкнуть от пятистопов.⟩

18 Апреля.

⟨Кончил эпилог.⟩

. . . .

В Шекспире удивительно соединение веселости и важности, смеха и скорби: в этом-то соединении, кажется, и должно искать главный отличительный признак юмора, и посему-то Шекспир, без сомнения, первый юморист, с которым ни один другой сравниться не может. Кроме «Taming of the Shrew» * у него нет комедии, писанной для одного смеха; в каждой из прочих есть места патетические; а в «Much ado about nothing» ** решительно не знаешь, в чем поэт более достоин удивления, — в смешных ли сценах или в тех, которые прямо хватают за сердце.

19 Апреля.

Никак не понимаю, как я мог, когда тому два года назад читал в Ревеле «Двух дворян Веронских», отметить в дневнике, что это одна из слабых пиэс Шекспира. Помню, что прежде эта комедия была одна из тех, которые мне преимущественно нравились; и теперь прочел я три первых действия с несказанным удовольствием. Но в Ревеле

---

* «Укрощение строптивой».

** «Много шуму из-за ничего».

[1] Эпилог поэмы «Юрий и Ксения» — в октавах (см. в издании Балицкого, стр. 185 — 187).

Ср.:

... Легкие мечтанья,
Тебя не удержать мне ... до свиданья.
Лишь ночь помедли: ведь сама же ты
и т. д.

— У Жуковского —:

Вы ж, милые, товарища примите
И путь его земной благословите.
А ты, наш цвет, питомец скромный луга
и т. д.

у меня болели зубы, а Леонато в «Much ado» говорит очень справедливо:

«. . . . . there was never yet philosopher
That could endure the tooth-ache patiently».*

Давно бы желалось выбрать для перевода комедию Шекспира: при всем множестве затруднений другого рода, нежели какие попадаются в его трагедиях; последние побеждать я несколько уже привык, но те, что попадаются в комедиях, заставят хоть кого задуматься. Однако же их в «The two gentlemen» ** гораздо менее.

⟨20 Апреля.

И эпилог внесен уж в тетрадь, — а все еще не смею сказать, что поэма моя совсем кончена: должно еще пересмотреть все шесть песней; кроме того, надобно же написать хоть небольшое лирическое введение.

«The two Gentlemen of Verona» при нынешнем чтении мне так полюбились, что я почти решился перевести их.

Пишу письма. — Получил же письма от старшей сестры и брата — 18-го числа, уж после ежедневной отметки в дневнике, а 19 числа забыл о том упомянуть; это со мною случилось — кажется — в первый раз.

21 Апреля.

Писал письма: к Юстине Карловне и брату вчера, а сегодня к Борису [1] и Сашеньке; [2] ее сегодня имянины;

---

* Никогда еще не существовало философа, который бы выносил зубную боль терпеливо (англ.).

** « — ... of Verona» — «Два Веронских дворянина» (комедия Шекспира, 1592 г.).

[1] Глинка, Борис Григорьевич (1810 — 1895) — племянник Кюхельбекера; генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, с 1835 по 1844 г. русский военный агент в Париже, в 1867 г. — командующий войсками Казанского военного округа, с 1872 г. — член Военного Совета. Именовался Глинкой-Мавриным, унаследовав родовые права фамилии своей жены, урожд. Мавриной.

[2] Александра Григорьевна Глинка.

я послал ей эпилог, — подарок, правда, не слишком веселый, но другого ничего не было.

23 Апреля.

Полгода, в которые я занимался конченною или почти конченною работою, прошло для меня так, что я и не приметил. Несмотря на некоторые, — впрочем пустые неприятности, — несмотря на многое другое, что важнее этих неприятностей, я должен это время причислить к счастливым отделениям своей жизни.〉

. . . .

24 Апреля.

Сегодня я в первый раз прохаживался по плац-форме не в шинели; но лед все еще стоит.

25 Апреля.

Вот и два года, как пишу свой дневник!

. . . .

〈26 Апреля.

Бился сегодня целое утро над переправкой 2-й песни: она у меня самая слабая, и завтра еще придется позаняться ею. Не знаю, удастся-ли мне до 1-го числа кончить пересмотр всех шести песней и сочинить введение.

27 Апреля.

Сегодня не занимался я переправкою, а сочинил небольшое введение в вольных стихах.

28 Апреля.

Третьею песнею я гораздо более доволен, нежели второю.

29 Апреля.

Четвертая песнь моей поэмы лучше второй, но написана, особенно под конец, чрезвычайно небрежно; сделал я не-

которые довольно удачные поправки, — однако много еще остается, что непременно должно переработать.

30 Апреля.

Порядок моей жизни нарушен: не здоров; пользуюсь латинскою кухнею.

1 Мая.

Пытался переложить Немецкие стихи, выписанные мною из Шпикера[1] 10 апреля, но еще не успел. — Все еще не здоровится; вчера вечером и сегодня поутру было хорошо, а теперь болит крепко бок.⟩

. . . .

2 Мая.

Удалось мне хоть несколько выправить 4-ю песнь: теперь она получше, чем была; а все еще — я наперед уверен — найдется в ней кое-что, что нужно будет переменить.

3 Мая.

И пятая песнь очень еще неисправна: до сих пор я был доволен только первою и третьею; все выправить так, чтобы уж не нужны были перемены, теперь еще не надеюсь;— по крайней мере хочу быть правым перед поэтическою своею совестию.

4 Мая.

Наконец могу прекратить свои переправки: все 6 песней пересмотрены и на первый случай по возможности выправлены.

Если считать с 5-го ноября, так я ровно полгода занимался этою поэмою. Пусть теперь полежит она по крайней

---

[1] Christian-Wilhelm Spieker (1780 — 1858) — плодовитый немецкий религиозно-философский писатель. — Стихи Шпикера — из его книги «Andachtsbuch für die gebildete Christen».

мере год. Завтра примусь опять за Гомера, а прочитав 11 и 12 книги Илиады, —за выправку «Семи спящих отроков».[1]

⟨7 мая.

Читаю «Midsummer Night's dream».*

Был у меня пастор и оставил мне часть Рейнгардовых проповедей.⟩

8 Мая.

Сегодня открыли у меня окно: это у меня в году составляет достопримечательную эпоху. Теперь хочу сесть к окну и напиться чистого, свежего воздуху.

⟨9 Мая.

В нашем семействе большие перемены: Юстина Карловна уезжает в Закуп, а младшая сестра моя в Италию с графинею Полье.[2]

Это известие для меня так важно, что письмо Дмитрия из Копенгагена,[3] которое во всяком другом случае было бы для меня достопримечательным происшествием, совершенно, так сказать, исчезает в сравнении с ним. — Мои предположения были совершенно другие: но когда же сбывались мои предположения? все в воле божией. Верю, что он, отец сирот и вдовиц, не оставит моей родимой![4] — Но тяжко думать, что она теперь вовсе без детей.⟩

---

* «Сон в летнюю ночь» (комедия Шекспира, 1593 или 1594 г.).

[1] «Семь спящих отроков» — поэма В. К. Кюхельбекера в двух частях, до нас не дошедшая.

[2] Юлия Карловна Кюхельбекер в июне 1833 г. отправилась в заграничное пушествие в качестве компаньонки графини Варвары Петровны Полье, урожд. кн. Шаховской, по первому мужу гр. Шуваловой и по третьему — кн. Вильдинг ди-Бутера и ди-Радоли (1796 — 1870).

[3] Т. е. племянника — Дмитрия Григорьевича Глинки, служившего в то время в Копенгагене.

[4] Т. е. матери В. К. Кюхельбекера, Юстины Яковлевны.

10 Мая.

Заволокло душу. Надобно приняться за что-нибудь, чтобы разогнать облака. К несчастью ни к чему нет охоты: и письма-то, которые должно писать мне завтра, пугают меня: боюсь написать непутное. Сестре отвечал я уж вчера: но почти желаю, чтоб она не получила моего ответа.

⟨11 Мая.

Пишу письма. — ⟩

. . . .

18 Мая.

Вот предмет для баллады в роде Шиллеровой «Der Handschuh»: * в 1594 году, при короновании короля Сигизмунда, было в Упсале рыцарское рысталище, на котором шведка, переодетая в мужское платье, сбила с седла поляка, вызывавшего всех с ним сразиться; потом она сняла шлем и распустила свои длинные волосы.

. . . .

20 Мая.

«По утру плачет человек,
А в вечер в радости смеется».

Сегодня я испытал всю истину этих стихов: мне до самого обеда и часа два и после обеда было очень грустно; мне даже вспал на ум вопрос такой, которого бы после стольких опытов и размышлений от самого себя не ожидал — да простит мне его мой милосердый отец небесный! — что же? Прочел я четыре повести Пушкина [1] (пятую оставляю pour la bonne bouche ** на завтрашний день) — и, читая последнюю, уже мог от добраго сердца смеяться. Желал бы я, чтоб об этом узнал когда-нибудь

---

* «Перчатка».

** «На закуску» (франц.).

[1] «Повести Ивана Петровича Белкина», изд. 1831 г.

мой товарищ; ему верно было бы приятно слышать, что произведения его игривого воображения иногда рассеивали хандру его несчастного друга.

⟨27 Мая.

Не достает в моем дневнике почти целой недели.⟩

1 Июня.

Новый месяц. — Ниспошли мне, господи! в сей новый месяц новые силы и новое терпение: без тебя что я? Но буди ты силен во мне немощном!

Завтра примусь опять за свои занятия и постараюсь вообразить, что все бывшее со мною с 23-го мая[1] было только тяжелым сном, от которого я наконец проснулся. Боже мой! даруй мне, да могу молиться тебе без страха и лжи: «и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим!».

⟨2 Июня.

Провел день, как бывало в Апреле или Марте, когда не сочинял, т. е. хотя и не очень деятельно, однакоже не совсем праздно: прочел довольно значительный отрывок Илиады, а после обеда читал «Сын Отечества».⟩[2]

4 Июня.

На сих днях перебирал я «Сын Отечества» 1812 года и первых месяцев 1813 года; все статьи тут, не исключая

---

[1] 23 мая — очевидно того же 1833 г. Что произошло с Кюхельбекером в недельный срок с 23 мая до 1 июня — неизвестно. Ср. с этим запись в Дневнике от 27 мая.

[2] «Сын Отечества» — журнал, основанный в Петербурге в 1812 г., как официоз «для помещения реляций и частных известий из армии и для опровержения вредных толков, насчет хода происшествий, для сосредоточения патриотических мнений». Редактором нового журнала был назначен Н. И. Греч. С 1825 г. соредактором Греча был Ф. В. Булгарин (до 1837 г.). В 1840 г. журнал перешел к А. В. Никитенке, в 1841 г. к О. И. Сенковскому; с 1842 г. по 1850 г. его редактировал К. Масальский. В начале пятидесятых годов журнал снова перешел в новые руки, но уже окончательно утратил свое прежнее живое значение.

ни одной, занимательны только по времени, когда писаны: внутренняго достоинства не имеет ни одна; а между тем нельзя не признаться, что бо́льшая часть из них совершенно соответствовала тому, чего тогда требовала публика.

6 Июня.

Благодарю господа! мало по малу прежний порядок моей жизни восстанавливается. Сегодня я встал, как бывало, в пять часов — и кончил напоследок 12-ю книгу Илиады. В «Сыне Отечества» попались мне: «Письма из Москвы в Нижний Новгород»; [1] они исполнены живости, ума, таланта; слог не везде правильный, но лучше много правильного. Жаль только, что автор, писавший так хорошо против пристрастья к французам, — воспитал своих несчастных сыновей в Парижском политехническом училище... Бедный Иван Матвеевич! [2]

⟨7 Июня.

Принялся, было, за переправку «Семи Спящих Отроков», но не повезло: увижу, что будет в субботу (завтра и после завтра должно писать письма; я вчера получил очень милое письмо от племянника Бориса Григорьевича). [3]

10 Июня.

Сегодня в день моего рождения был у меня мой ангел-утешитель — добрый, почтенный пастор.

. . . .

---

[1] «Письма из Москвы в Нижний-Новгород в 1813 г.» (о нашествии французов) И. М. Муравьева-Апостола — были анонимно напечатаны в «С.О.», 1813 — 1814 гг.

[2] Муравьев-Апостол, Иван Матвеевич (1765 — 1851) — писатель, сенатор, посланник в Мадриде. — Сыновья И. М. Муравьева-Апостола — декабристы Матвей (1793 — 1886), Сергей (род. в 1796 г. — казнен в 1826 г.), Ипполит (род. в 1806 г. — застрелился в 1826 г.). Два первых воспитывались до 1802 года в Париже, в пансионе Hix'а, а по возвращении в Россию — в корпусе инженеров путей сообщения.

[3] Глинки.

15 Июня.

И о доброте журналов должно судить, — если не потомство (журналы не доходят до него), по крайней мере следующее за изданием их десятилетие. В свое время первые годы «Сына Отечества» читались всеми, были выхваляемы всеми, все их ставили в пример доброму старику «Вестнику Европы»; а теперь? — Не должно-ли признаться, что это самое пустое издание? — Кроме писем из Москвы в Нижний Новгород и двух, трех басень Крылова, [1] я до сих пор не нашел ни одной статьи, которая бы могла сравниться и с посредственными «Вестника».

16 Июня.

У меня был самый Жан-Полевский [2] сон, в котором Платонова идея о грехопадении перед рождением представилась мне в смутных, не живописных, однакоже поэтических образах: вот этот сон, сколько его теперь помню:

«Носился я в каком-то сияющем облаке. Чем я сам был — не знаю; но, кажется, без тела и образа. Под облаком виделось мне темное, неосвещенное море и вдруг я очутился в этом море. Жажда томила меня и я хлебнул нечистой воды его. Тогда послышался мне голос и спросил меня: не пил-ли ты сей воды? — Ответ мой был: «нет, я напился свету». (Грехопадение). — На то мне было сказано: хорошо, если так; но если ты выпил воды, не было бы тебе впоследствии за то тяжко! — Потом я увидел и других плещущихся в море; некоторые из них держались за якор-

---

[1] Крылов, Иван Андреевич (1768 — 1844) — баснописец и драматург; по литературным взглядам и симпатиям был близок к «архаистам»; член «Беседы Любителей Русского Слова».

[2] Т. е., повидимому, чудесный, смутный, бесформенный. — Жан-Поль (Jean Paul) — литературный псевдоним Иоганна-Пауля Рихтера) (Johann-Paul Richter, 1763 — 1825), — лирически-расплывчатого немецкого романиста конца XVIII — начала XIX века, пользовавшегося значительным успехом в свое время. Кюхельбекер поместил в «Мнемозине» отрывок из его «Многомеров» (I, стр. 182).

ные канаты, но самих кораблей я не видел; — вокруг меня был сумрак — и мне являлись только небольшие, частые волны моря и сияние, которое парило над морем. Внезапно раздался гром — и мне показалось, что после этого удара я должен буду родиться — но я проснулся».

⟨Сегодня я несколько занимался переправкой «Семи спящих отроков».⟩

Прошлого году я не решился переводить «Лира»;[1] перечитываю его теперь; думаю, что можно будет приняться за него; он ныне показался мне легче.

. . . .

21 Июня.

«Сын Отечества» несколько стал занимательнее: в последних частях 1814 года есть статьи, заслуживающие внимания. Между прочим отрывок — к несчастию очень небольшой — «Друг честных людей» фон-Визина.[2] — Замечу еще перевод приятеля моего Д. Попова[3] «Плач Мосха над Бионом»[4] soi disant* экзаметрами, которые однако-же ничуть не хуже многих других; — об экзаметрах уж ни слова, да жаль только, что перевод несколько бесцветен. — Выписанные мною из перевода в прозе в одной из прежних тетрадей Дневника два места переведены Поповым так:

---

* Так сказать (франц.)

[1] «Король Лир» — трагедия Шекспира.

[2] «Друг честных людей или Стародум. Периодическое сочинение, посвященное истине». — Фонвизин, Денис Иванович (1774 — 1792) — драматург и поэт.

[3] Попов, Дмитрий Прокофьевич (1790 — 1864) — филолог, переводчик и составитель учебников по классической филологии и языкознанию; профессор по кафедре древних языков в Петербургском университете. Попову принадлежит полный перевод «Илиады» и «Одиссеи» (он не увидел света; копия перевода хранится в рукописном отделении Российской Публичной Библиотеки).

[4] «Надгробная песнь Мосха на смерть Биона» (Мосх — греческий идиллический поэт III в.; Бион—его современник, буколический поэт; умер отравленным.)

1.

«Кто будет ныне играть на твоей сладкогласной свирели?
«Кто из смертных дерзнет приложить уста к ней нестройны?
«В ней еще живо дыхание сладкое уст твоих нежных».

2.

«Яд прикоснулся к устам твоим нежным, яд прикоснулся!
«Как он приближился к ним и тотчас не сделался сладким?»)

. . . .

22 Июня.

Свиньин [1] врет и чести не знает. Прошу покорно; он под подводным колоколом прошел четыре версты по дну морскому! — Пробыть под водою столько времени, положим, что возможно: но как под колоколом пройти четыре версты!

⟨И это у нас печатают, — и не нашлось никого, кто бы на такую небылицу сделал хоть легкое замечание!⟩ [2]

23 Июня.

. . . .

С удовольствием прочел я статью Батюшкова [3] о Му-

---

[1] Свиньин, Павел Петрович (1787 — 1839) — поэт, романист и журналист 20 — 30-х гг., автор ряда «Путешествий» и этнографических очерков, издатель журнала «Отечественные Записки» (1818—1830). По своим литературным взглядам и симпатиям Свиньин примыкал к лагерю «шишковцев».

[2] Лживость Свиньина была осмеяна А. Е. Измайловым в басне «Лгун»:

Павлушка, медный лоб (приличное прозванье)
Имел ко лжи большое дарованье,
Мне кажется, еще он в колыбели лгал...

Ср. «детскую сказочку» А. С. Пушкина: «Маленький лжец» (1830 г.).

[3] Батюшков, Константин Николаевич (1787 — 1855) — поэт. Принял участие в литературной войне между шишковцами и «Вольным обществом любителей Словесности, Наук и Художеств», к которому принадлежали друзья Батюшкова. Литературной борьбе

равьеве[1] и обрадовался, что встретил в ней конец стихотворения Муравьева: «К Музе». Еще в лицее этот отрывок сильно на меня действовал; ныне он произвел на меня то же действие, какое за двадцать лет. Не могу не выписать его:

«Ты утро дней моих прилежней посещала:
Почто-ж печальная распространилась мгла
И ясный полдень мой покрыла черной тенью?
Иль лавров по следам твоим не соберу,
И в песнях не прейду к другому поколенью,
Или я весь умру?»

⟨24 Июня.

Сегодня кончил я переправку первой части своей легенды.[2] Напрасно я писал к сестре, что это произведение едва ли будет лучше; оно теперь в первой части не только выиграло на счет слога и стихов, но и ход его стал яснее. —

. . . .

28 Июня.

Переправка «Семи Спящих Отроков» чуть ли не более потребует времени, чем нужно было, чтобы сочинить их. От удачной перемены места, на котором я остановился, зависит все достоинство этой легенды.⟩

Прочел я около половины второй песни Томсоновой поэмы.[3] Стихи подчас удивительные: а я все же остаюсь при своем мнении, что описательная поэзия — не есть поэзия.

. . . .

посвящены его сатирические произведения: «Певец в беседе славянороссов», «Видение на берегах Леты», большая часть эпиграмм. В 1816 г. Батюшков был принят в «Арзамас» под прозвищем: «Ахилл». — Существует ранняя статья Кюхельбекера о Батюшкове («Conservateur Impartial» 1817, № 85).

[1] Муравьев, Михаил Никитич (1757 — 1807). — писатель и государственный деятель, двоюродный дядя К. Н. Батюшкова; как писатель, был проводником сентиментализма, подражателем Карамзина, которому следовал также и в теоретических взглядах на историю.

[2] «Семь спящих отроков».

[3] «The Seasons» («Времена года»).

⟨29 Июня.

Петров день. Как не вспомнить сегодня моих любезных именинников, П. П. М. и П. П. К.? [1] — Где они? Живы ли? Помнят-ли меня»? [2]

3 Июля.

Наконец нашел я в «Сыне Отечества» прелестную балладу Катенина: «Наташа». Она по моему мнению принадлежит к лучшим на нашем языке. Есть конечно и в ней небольшие небрежности; но за каждую небрежность в «Наташе» готов я указать на такую же или даже большую в хваленых наших балладах, не исключая и «Светланы».[3] ⟨Подражание Гётеву «Der Sänger» [4] мне менее нравится.⟩

Одно из лучших писем в Нижний Новгород — тринадцатое, особенно окончание.

4 Июля.

. . . .

Переправка моей легенды приближается к концу.

---

[1] — П. П. М. — Петр П(?) Манасеин — поэт-переводчик тридцатых годов, сотрудник «Сына Отечества» и «Литературных Прибавлений к Русскому Инвалиду». Манасеин жил в Динабурге; на его имя адресовалась корреспонденция для Кюхельбекера. Кюхельбекер писал Дельвигу 18 ноября 1830 г.: «Если можешь, напиши ко мне на имя Манасеина... податель мне письмо доставит не скоро, за то верно» («Р. Арх.,» 1871, I, стр. 140), а 20 октября того-же 1830 г. — А. С. Пушкину: «У меня здесь нет судей: Манасеин уехал, да и судить-то ему не под стать.» («Переписка Пушкина», изд. Ак. Н., т. II, стр. 180).

— П. П. К. — вероятно Криштофович, смоленский дворянин, с которым Кюхельбекер познакомился очевидно в 1821 — 1822 гг. в Смоленской губ. В театради Кюхельбекера (водяной знак 1821 г.), из собраний Пушкинского Дома Ак. Н. (№ 9288. LIIIб. 53 — 58) — имеется стихотворение «К Криштофовичу». П. П. Криштофович без сомнения был родственником коменданта динабургской крепости, майора Егора Криштофовича.

[2] В день Петра и Павла именинниками были также и два близких друга Кюхельбекера: Петр Александрович Плетнев и Павел Александрович Катенин.

[3] Баллада Жуковского (1808 — 1812). — Кюхельбекер относил ее к числу немногих произведений, отмеченных «печатью истинной народности» (в статье «О направлении etc.» 1824 г.).

[4] Баллада Катенина «Певец».

5 Июля.

В исходе 8-го часа до полудня видел я затмение солнечное: оно теперь — в начале девятого — еще не кончилось. Это второе затмение солнечное, которое удалось мне видеть, на своем веку: первое было кругообравное в 1820 году осенью; я смотрел на него на даче Ал. Льв. Нарышкина, [1] что в 13-ти верстах от Петербурга по Стреленской дороге.

6 Июля.

⟨Я полагал заняться окончательною выправкою второй части легенды часа два, — не более; а между тем просидел над нею целое утро, да и еще должно будет завтра перечесть и поверить сделанные сегодня перемены.⟩

Наш язык — необыкновенно богатый — в некоторых,— хотя и в немногих, случаях — и необыкновенно беден. Так напр. кроме *и* и *но* у нас почти нет союзов, годных в поэзии; самые *а* и *же* редко употребляются. Союз *ибо* чуть-ли не первый я осмелился употреблять в стихах, и то в драматических белых.

7 Июля.

Перечитывая сегодня обе баллады Катенина, [2] находящиеся в «Сыне Отечества», я восхищался в них многими прекрасными стихами, однако же не мог не признаться, что они, особенно «Певец»— местами обезображены нестерпимыми небрежностями. Отчего это? — Катенин человек с талантом, — сверх того знаток и тонкий знаток Русского языка, — никто с большим вкусом не судит о

[1] Нарышкин, Александр Львович (1760 — 1826) — обер-гофмаршал, обер-камергер, канцлер российских орденов, — блестящий вельможа Екатерининского, Павловского и Александровского времен, директор Императорских театров (1799—1819), меценат, знаток музыки и живописи, знал и любил литературу. В 1820 г. в качестве секретаря Нарышкина, Кюхельбекер сопровождал его в Париж.

[2] Т. е. «Наташа» и «Певец».

произведениях других; — но его губят самолюбие, упрямство и лень.

. . . .

8 Июля.

⟨Наконец я доволен слогом и стихами своей легенды: в ней без сомнения есть еще ошибки, но в подробностях я их теперь еще не вижу; что же касается до других — важнейших, они такого рода, что неразлучно сопряжены с самым изобретением этого предания или по крайней мере с тем образом, в каком мне оно представлялось; итак, их едва ли могу исправить.⟩

Солнечное затмение, бывшее на днях, родило во мне множество размышлений: между прочим и о просвещении. Что может быть вожделеннее, прекраснее, благотворнее истинного просвещения? — Однако же оно тогда только истинное, когда просвещению ума предшествует улучшение сердца, в противном случае просвещение иногда пагубнее всякого суеверия. В XVIII-м столетии — говорит Ижорский [1] —

«Все просвещалось, самые передни!»

Беда, когда люди с низкими, лакейскими душами, люди, которых может укротить один страх, лишатся спасительных предрассудков, необходимых для них! Пусть для подлецов и злодеев затмения, кометы, моровые поветрия, землетрясения и пр. и пр. всегда останутся послами и признаками гнева божия! Их презрительное суеверие принесет пользу и пользу великую: припадки страха, причиняемого им знамениями небесными, удержат их от многого,—хотя на то время, пока продолжатся эти припадки!

. . . .

[1] Ижорский — герой одноименной поэмы Кюхельбекера, о которой см. на стр. 348 — наст. изд.

10 Июля.

Писал к матушке и брату. Баллады Катенина: «Убийца» и «Леший» по содержанию уступают его «Наташе», но по слогу лучше: в них нет тех неисправностей, какие попадаются в последней.⟩

С удовольствием прочел я извлечение из Рикордовой книги: «Освобождение Головнина».[1] Замечу еще два отрывка из записок путешественника по Камчатке — Добеля.[2]

11 Июля.

Сегодня я был свидетелем материнских уроков, которые преподавались у меня на окне: воробьина самка привела туда клевать крошки трех своих птенцов. Я ее заметил и прежде, но тогда она сама их кормила. Ныне же кормила она, и то только сначала, самого маленького из них; а потом и его приучала клевать без ее помощи, и это вот каким образом: вспорхнула к крохам, взяла одну их них, показала ее ему, а потом вдруг улетела; что в переводе значит: ты видишь кроху, ты видел, как и где я ее взяла; ступай же, изволь клевать, а я улетаю, чтоб ты не надеялся на меня.

⟨Принялся опять за Греческий язык: перечитывал 7 книгу Илиады. Нынешний месяц хочу перечесть 7, 8 и 9, а в августе, если Бог даст, 10, 11 и 12-ую.⟩

12 Июля.

И так вот опять 12 число июля![3] Прошлого года отметка моя на этот день была ознаменована печатью ве-

---

[1] О Рикорде и Головнине см. примечание на стр. 53 — 54 наст. изд.

[2] Добель, Петр Васильевич (умер в 1855 г.) — путешественник и писатель о России (гл. обр. о Сибири) и о Китае.

[3] См. стр. 65 наст. изд.

личайшего уныния. Ныне я, слава богу, несколько бодрее. *

. . . .

⟨15 Июля.

Худое начало нового дневника! Не знаю, что сегодня отметить: весь день читал «Сын Отечества»—и не нашел ни одной мысли, которая бы стоила того, чтобы быть записанною.

17 Июля.

Скоро можно мне будет приняться за переправку комедии «Нашла коса на камень. [1] — Сегодня я кончил 8 книгу Илиады.⟩

18 Июля.

⟨Писал к матушке, Юстине Карловне и Наташе. ⟩ [2])

Резкие приговоры редко бывают справедливы. Вяземский [3] в известных — когда-то — стихах говорит:

У вас Нева, —
У нас Москва;
У вас Хвостов,
У нас Шатров. [4]

А между тем Шатров [5] поэт не без проблесков воображения, не без теплоты чувства, не без мыслей новых и удачных. В языке и механизме стихов сам князь Петр Андреевич [6] мог бы у него кое чему научиться.

---

* 13-го июля в подлиннике вырвано, осталось 4 или 5 строк, которые трудно разобрать. На обороте этой страницы скрепа тетради комендантом, инженер-генерал-майором Гобенет (?). *(Прим. ред. «Рус. Стар».)*.

[1] См. стр. 248 наст. изд.

[2] Наталье Григорьевне Глинке.

[3] О кн. П. А. Вяземском см. на стр. 351 наст. изд.

[4] Из стихотворения «Сравнение Петербурга с Москвой» (1822). См. «Литературная мысль» № 2, Пб. 1922.

[5] Шатров, Николай Михайлович (1767—1841) — поэт, писал оды, подражания псалмам, послания etc.

[6] Вяземский.

«Песнь дружбы» (на смерть Николева [1]) Шатрова, несмотря на то, что большая часть стихов в ней дюжинные, не есть однакоже произведение дюжинное; вторая строфа оканчивается двумя стихами, которые не испортили бы и самых выспренных од Клопштока [2] или Державина: [3]

«И само время скоротечно
При звуках арф небесных спит».

Много-ли у Вяземского стихов, которые выдержали бы сравнение с этими двумя?

⟨20 Июля.

. . . .

Кончил вторичное чтение 7, 8, 9 книг Илиады и довольно успешно: в пять приемов, из которых три достались на 7 и 8, а два на 9-ую книгу.

21 Июля.

Перечел свое подражание Шекспирову фарсу «The Taming of the Shrew» * первыми тремя действиями я так недоволен, что почти решился бросить это произведение. Четвертое действие однакоже несколько лучше именно потому, что почти переведено из Шекспира.⟩ [4]

. . . .

Я не слишком большой любитель русских, очень часто не русских, слов новейшей фабрики. Но глагол о п л а м е н и т ь, употребленный Ф. Глинкою, хорош и мог бы, по

---

*) «Укрощение строптивой».

[1] Николев, Николай Петрович (1758 — 1815) — поэт Екатерининского и Павловского времен, автор знаменитой в свое время трагедии «Сорена и Замир» (1785).

[2] Friedrich-Gottlieb Klopstock (1724 — 1803) — немецкий поэт, автор огромной эпопеи «Мессиада» (1748 — 1773) и большого количества од и лирических драм; в XVIII веке произведения Клопштока неоднократно переводились на русский язык, но в среде литературной молодежи десятых и двадцатых годов Клопшток уже не был популярен. Кюхельбекер в лицее слыл за поклонника Клопштока; стихи его звали «клопштокскими».

[3] О Державине, см. на стр. 355 наст. изд.

[4] Речь идет о комедии Кюхельбекера — «Нашла коса на камень»; см. стр. 248 наст. изд.

моему мнению, войти в состав языка: если говорят **воспламенить**, почему же не сказать при случае и **опламенить**, т. е. **оварить пламенем**?

23 Июля.

⟨На досуге перечел я первую часть своей легенды и,— хотя слова два-три переменил, — одно место отметил крестиком, а касательно другого остался в нерешимости, вообще доволен и ходом и слогом оной.⟩

Статья Батюшкова: «Нечто о морали, основанной на религии», принадлежит к лучшим в сем роде на русском языке. Есть однакоже в ней некоторые мнения, с которыми я не совершенно согласен, напр. слишком строгий приговор Жан-Жаку. Не по гордости, так полагаю я, страдалец Руссо[1] отвергал утешение религии; он, смею думать я, принадлежал к тем злополучным, которых, когда их безверие простирается еще далее Жан-Жакова, Пушкин говорит: их

«Ум ищет божества, а сердце не находит».[2]

Такое безверие ужасно, — но оно более болезнь, несчастие, нежели — преступление.

24 Июля.

Со мною то, чего давно не было: **не знаю чем заняться**. Переправлять фарс свой[3] — не хочу: он, кажется, не стоит переправки; приняться за перевод из Шекспира по времени года слишком поздно, не успею кончить до октября; приняться за значительное сочинение летом — не могу, потому что при том должен пить кофе, а его негде варить; — сегодня от нечего делать взялся я опять за Гомера, — читаю 10 книгу Илиады,—

---

[1] См. стр. 353 наст. изд.
[2] В стихотворении «Безверие» (1817 г.).
[3] «Нашла коса на камень».

хотя и предполагал перечесть 10, 11 и 12 книги не прежде, чем в конце Августа.

О разборе Катенина «Ольги» не пишу ни слова по двум причинам: этот разбор сделан Гнедичем[1] и возражал на оный Грибоедов;[2] — первый в последнее время моей светской жизни был со мною в ссоре,[3] а второй мне более, чем друг.

25 Июля.

Ныне семь лет, как покинул я Петербург.

С наслаждением прочел я «Описание Острова Таны» Головнина.[4]

⟨27 Июля.

Перечел по утру вторую часть своей легенды: она требует еще больших перемен; но едва ли займусь ими теперь, потому что легенда успела мне порядочно надоесть.

28 Июля.

С третьего дня бьюсь над балладою: «Кудеяр».[5] Не знаю, будет ли в ней прок? До сих пор еще очень затрудняюсь размером, от которого я в течении последних девяти лет совсем отвык: я выбрал Амфибрахий, стих, которым написаны мои «Рогдаевы псы»; но куплет будет короче, чем в этой последней балладе.[6] Сверх того со дня на день уверяюсь более и более в том, что писать рассказы куплетами — дело очень щекотливое.⟩

---

[1] «С. О.», 1816, ч. XXXI, стр. 3 — 22.

[2] Ibid., стр. 150 — 160.

[3] Причину ссоры Кюхельбекера с Гнедичем точно установить невозможно, но по всей вероятности она произошла именно благодаря враждебным отношениям с Гнедичем друзей Кюхельбекера — Грибоедова и Катенина.

[4] В «С. О.» 1816 г.

[5] Напечатана несколько раз (см. в издании Ю. Н. Верховского: «Поэты-декабристы», 1926, стр. 229 — 238).

[6] Баллада заключает тридцать пять строф по семь стихов. «Рогдаевы псы» написаны строфами по одиннадцати стихов (напечат. в «Мнемозине», ч. III. 1824, стр. 13 сл.).

29 Июля.

Перечел 5 песнь «Петра Великого» Шихматова: эта песнь у него из слабых, но и в ней множество бесподобных стихов. Не понимаю, право, людей, каков напр. Никольский (сын), [1] который смеет называть поэму Шихматова «стыдом Российской Словесности».

. . . .

⟨1 Августа.

Сегодня прохаживался я по плацформе во время грозы: она подействовала на меня вдохновительно; две хорошие строфы баллады, коею теперь занимаюсь, вылились из моего воображения под звуки грома, который

«в отзывах дальних рокотал.»⟩

. . . .

2 Августа.

⟨Письма Греча к Измайлову [2] своею живостью довольно занимательны.⟩

---

[1] Никольский, Павел Александрович (1790 — 1816) — писатель, переводчик; издавал журнал: «Цветник» (вместе с Измайловым, 1810) и «Пантеон русской поэзии» (1814). Статья его «Об оде» напечатана в «С. О.» 1815, № 21. Отец Никольского — Александр Сергеевич (1755 — 1834) — писатель и ученый.

[2] — Измайлов, Александр Ефимович (1779 — 1831) — баснописец, прозаик и журналист; издатель журналов: «Цветник» (с Беницким и потом с Никольским, 1809 — 1810), «Сын Отечества» (1817) и «Благонамеренный» (1818 — 1827), а также и «Альманаха Муз» на 1826 — 1827 гг. В сборнике Академии Наук СССР «Памяти декабристов» (вып. I, 1926, стр. 240 и сл.) напечатаны выдержки из писем Измайлова к П. Л. Яковлеву о декабрьских событиях 1825 года, в которых неоднократно упоминается Кюхельбекер. В письме от 1-го февраля 1826 г. читаем: «Кюхельбекер попался. Вот собака-то с жиру взбесилась. Если бы не дурацкий либерализм, был бы он теперь человеком... (указ. соч., стр. 243). — Кюхельбекер оставил следующую лаконичную характеристику Измайлова: «...Классик, простодушен, дюж, забавен, откровенен, не лишен веселости» («Литературные Портфели», I, 1923, стр. 73). — «Письма издателя «С. О.» к редактору» — «С. О.» 1817—1819.

О спорах Загоскина и Измайлова [1] покойный Грибоедов очень хорошо сказал:

«Один напишет вздор,
Другой на вздор разбор:
А разобрать всего труднее,
Кто из обоих их глупее?» [2]

Впрочем это относится к Загоскину Наблюдателю [3] и автору «Богатонова»: [4] но автору «Юрия Милославского» Грибоедов, который так живо чувствовал все прекрасное, конечно отдал бы полную справедливость.

---

[1] Стихи Грибоедова — из его памфлета — «Лубочный театр» (1817), направленного против М. Н. Загоскина. В каноническом тексте они читаются так:

Один напишет вздор,
Другой на то разбор,
А разобрать труднее
Кто из двоих глупее.

(П. с. с. А. С. Грибоедова, под ред. А. Введенского, 1892, стр. 123.).

Эти же стихи цитировал Бегичев в письме к Кюхельбекеру от 23 мая 1825 г. («Р. Ст.» 1875, XIII, стр. 378). История памфлета «Лубочный театр» вкратце сводится к следующему: Грибоедов очень ревниво следил за успехами своих первых драматических опытов, не отличавшихся, впрочем, особенными достоинствами. М. Н. Загоскин в своей заметке по поводу возобновления в 1817 г. на сцене пьесы Грибоедова «Молодые супруги» (1815) отметил несколько стихов, по его мнению «дурных, шероховатых» и прибавил: «читая подобные стихи, поневоле вспомнишь слова Мизантропа:

Такие, граф, стихи
Против поэзии суть тяжкие грехи».

(«Северный Наблюдатель» 1817, № 15, отд. III, стр. 54 — 56).

Обидевшийся Грибоедов ответил Загоскину «Лубочным Театром». Позднее Грибоедов примирился с Загоскиным.

[2] Письмо к издателям Сына Отечества о «Богатонове или провинциал в столице» — «С. О.» 1817, ч. 39, стр. 88 — 102; подпись: Ювенал Прямосудов. (Очевидно А. Е. Измайлов), — М. Н. Загоскин подписывал свои статьи в «Сев. Набл.» в 1817 г.: Антон Прямосудов.

[3] «Северный Наблюдатель» — журнал, издававшийся Загоскиным с Покорским и Ивановым в 1817 г.

[4] «Богатонов или провинциал в столице» — комедия Загоскина (1817).

⟨3 Августа.

О нынешнем дне не знаю, что сказать. Я не был празден: но стыжусь отметить, что целое утро и два часа после обеда занимался своею балладою и — выходил не более пяти строф, из которых сверх того последняя едва ли не выбросится или, по крайней мере, переделается.

4 Августа.

. . . .

Свиньина «Описание Царского Села» перенесло меня на несколько минут в мирное это убежище моих отроческих лет.⟩

5 Августа.

⟨Надеюсь в Понедельник 7-го числа кончить свою балладу.⟩

Лучшая из четырех пиэс моих, какие попались мне в «Сыне Отечества» на 1817 год — «К Матюшкину». [1] Ее одну, быть может, я не выбросил бы, если бы должен был составить собрание мелких своих стихотворений. Жаль, что переправки, какие я в ней сделал, утрачены.

6 Августа.

Целый день дождь: у меня в комнате так темно, что я почти по необходимости весь день проспал.

⟨7 Августа.

. . . .

Баллады своей я не окончил. От нечего делать читаю «Picture of Italy». * — Не худо бы, чтобы в Петербурге догадались да прислали бы мне какую нибудь новинку!⟩

---

* «Картина Италии» (англ.). Книга нам неизвестная.

[1] «К Матюшкину» — «С. О.», 1817, ч. 39, № XXII, стр. 228 — 229. — Три других пьесы: «Элегия» (к Дельвигу), «Отчизна» и «Дифирамб» (из Шиллера).

— Матюшкин, Федор Федорович (1799 — 1872) — адмирал, товарищ Кюхельбекера по Царскосельскому лицею. По окончании

8 Августа.

⟨Напоследок кончил я свою балладу. Она занимала меня довольно долго. В слоге старался я, сколько позволял новейший размер, держаться — оборотов и речений наших старинных народных сказок.⟩

Покойник А. Е. Измайлов был истинно добрый мужик: я знал его очень хорошо, любил его и ему многим обязан. Но в своих перебранках с Наблюдателями он из рук вон мужиковат!

9 Августа.

Стыдно и смешно мне было, когда прочел я в «Сыне Отечества» свою пиэсу: «Элегия к Дельвигу».[1] Мне было с небольшим двадцать лет, когда я написал ее, вышел только что из лицея, еще не жил, а приготавливался жить; между тем, тема этой рапсодии — отцветшая молодость, разочарование etc. Другая моя пиэса: «Отчизна»,[2] гораздо лучше. В собрании мелких моих стихотворений она получила бы место. «Дифирамб»[3] (из Шиллера) слишком небрежен в своем механизме; на другого же рода достоинство он не может иметь никакого притязания.

С наслаждением прочел я несколько явлений из комедии: «Своя семья»,[4] написанных Грибоедовым: в этом отрывке виден будущий творец «Горя от ума».

курса (в 1817 г.) отправился в кругосветное плавание под начальством известного В. М. Головнина.—Стихотворение Кюхельбекера написано перед отъездом Матюшкина («Скоро, Матюшкин, с тобой разлучит нас шумное море...»).

[1] «Элегия» (к Дельвигу) — «С. О.» 1817, ч. 41, № XL, стр. 105 — 106 (дата: 6 окт. 1817 г., подпись: Влгм.).

[2] «Отчизна»—«С. О.» 1817 г., ч. 42, № XLIX, стр. 161—162 (подпись Вильгельм; Царское село, 1817).

[3] «Дифирамб», из Шиллера (к Дельвигу) — «С. О.» 1817, ч. 41, № XLIX, стр. 152 (Царское село, 1815 г.).

[4] «Своя семья или замужняя невеста» — комедия в 3 действиях, написанная (в 1817 г.) кн. А. А. Шаховским в сотрудничестве с А. С. Грибоедовым и Н. И. Хмельницким. Грибоедов написал начало 2-го действия (пять сцен, напечатанных в «С. О.» 1817).

10 Августа.

Не трудно находить прекрасные стихи в сочинениях Пушкина, Жуковского, Грибоедова; но выписывать их считаю бесполезным, потому что их довольно много и сверх того они всем известны. Когда же случится мне найти нечто истинно хорошее в произведениях стихотворца дурного, посредственного или по крайней мере мало известного, тогда почти считаю обязанностью внесть такую находку в свой дневник.

Олин [1] — горе-богатырь в поэзии; но между тем вот из его пиэсы: «Ночь в Аркадии»,—изображение водопада, которое заслуживает быть выписанным:

«Посмотри, как водопад
«Стекловидный, шумный, пенный,
«Лунным блеском осребренный,
«С гор крутых в отлогий луг
«Льет алмазы и жемчуг.»

Только 5 стихов — не более, — прочие, правда, гиль;— но по крайней мере эти пять стихов точно хороши.

11 Августа.

Говорил я о своих пиэсах, напечатанных в «Сыне Отечества» на 1817 год. Сегодня упомяну я об элегии Туманского, напечатанной тут же. [2] Для 17-ти летнего поэта она истинно хороша и лучше в некоторых отношениях тех, которые написал я 20-ти лет. В ней даже есть стих, который не относительно, а положительно

---

[1] Олин, Валериан Николаевич (1788 — 1840) — плодовитый поэт, переводчик и журналист. В 1818 — 1819 гг. Олин издавал «Журнал древней и новой Словесности»; в 1821 г. газету «Рецензент»; в 1831 г.— журнал «Колокольчик».— Олин начал свою литературную деятельность подражаниями Державину.

[2] «Поле Бородинского сражения», элегия, подражание Тидге— с примечанием: «Первый опыт семнадцатилетнего поэта». — О Туманском см. стр. 353 наст. изд.

прекрасен. Жаль, что он не разлучно соединен с предшествующим ему дурным стихом:

«Муж почитаемый в сердцах не умирает,
«Из самой вечности бросает тень свою».

12 Августа.

. . . .

В статье (о метеорологии), читанной Каразиным[1] в 1810 году в московском обществе испытателей природы, несколько гипотез очень смелых, но, быть может, таких, которые оправдаются лет через сто, пятьдесят, или и ближе.

Примечательнейшая из этих гипотез — предположение, что человек может покорить себе электрическую силу и употреблять ее орудием усовершенствования произведений своих, точно так, как покорил себе воду, пары и пр.

⟨15 Августа.

От доброго сердца хохотал я над экзаметром маленького Глинки;[2] в его сказке: «Бедность и Труд», этот стих у него кудахчет курицей, гогочет гусем, свищет и чиркает чижом и пр. и все это звукоподражание.[3] Но звукоподражание у Виргилия и Гомера, кажется, не то: у них оно не насильственный набор слов, нанизан-

[1] Каразин, Василий Назарович (1773—1842) — деятель русского просвещения, основатель Харьковского университета; много занимался опытными науками. В 1817 г. Каразин написал донос на Пушкина и Кюхельбекера министру внутренних дел гр. Кочубею, (см. стр. 319 наст. изд.).

[2] Федора Николаевича.

[3] Говоря о звукоподражании, Кюхельбекер имеет в виду следующие стихи этой сказки:

«Утки трюшком, ковыльком, шепелявые плещутся в лужах;
Говорных гордых гусей долговыйна ватага гагачет,
Сипло шипят на прохожих... Вдруг клекчут, мурлычут индейки...
Каркает чорный вран, грохает грач и сорока стрекочет...
Свищет и чиркает чиж...

ных единственно для того, чтобы произвести нечто, похожее на звуки природы; а нечаянный подарок, данный языком вдохновению, подарок, которого, быть может, вдохновение и не заметило. — Сверх того сказка Глинки подражание «Овсяному киселю» Жуковского.[1] Жаль, что Федор Николаевич[2] никак не может или не мог в то время (в 17, 18 годах) удержаться от подражаний. Едва Жуковский перевел несколько Гётевых Оттав Оттавами,[3] как и Глинка тотчас счел обязанностию написать несколько Оттав («Осеннее чувство»); едва начал ходить по рукам, еще рукописный, Жуковского, «Кисель», как у Глинки уж и готова сказка: «Труд и Бедность» (в которой много и труда и бедности); едва Пушкин написал в своем «Руслане» известные стихи: «О, поле, поле! кто тебя . . .», — как и у Глинки немедленно подоспело послание к Пушкину, которое начинается: «О, Пушкин, Пушкин! кто тебя . . .».[4] — Такое ребячество в состоянии уронить человека и с бо́льшим талантом! — Таланта же, однакоже, у Глинки не отнимаю: и в самых подражаниях его заметно дарование, заметна даже оригинальность, ибо он подражает одним формам, — сущность же у него большею частью — своя. — Еще слово о звукоподражании: насильственное

---

[1] «Овсяный кисель» (из Гебеля) — 1816 г.

[2] Глинка.

[3] Кюхельбекер имеет, повидимому, в виду стихотворение Жуковского «Цвет Завета» (1819), представляющее в некоторых частях (строфы 2, 3 и 8) довольно близкое подражание известному «Посвящению» (Zueignung), предпосланному «Фаусту». — В качестве первого опыта русских октав, стихотворению «Цвет Завета» предшествовала элегия «На кончину ее величества, королевы Виртембергской» (написанная месяцем или двумя ранее).

К тому же 1819 году относятся октавы Кюхельбекера: «К Музе» («С. О.» 1819, ч. 51, № III, стр. 131).

[4] «К Пушкину» («О Пушкин, Пушкин! кто тебя Учил пленять в стихах чудесных?») — «С. О.» 1820. Напечатано с примечанием: «Стихи сии написаны за год перед сим по прочтении двух первых Песней Руслана и Людмилы».

звукоподражание, по моему мнению, столько же смешно и нелепо в поэзии, сколь оно по единогласному приговору всех людей со вкусом нелепо и смешно в музыке.

Кстати, потому что дело идет о смешном: — восхитил меня князь Петр Иванович Шаликов великолепною ахинеею, которою он извещает о чем-то касательно истории Карамзина. Что тут сказано, я никак не понимаю (да едва ли и сам Шаликов понимал, что писал); несмотря на это — «Новость», напечатанная на 157 стр. в № 10 «Сына Отечества», удивительна, трогательна, нежна, изящна, словом, достойна — Шаликова!⟩

16 Августа.

⟨По утру занимался я лирическою пиэсою — «Надежда»; план хорош, — но худой знак, что во второй раз ее начинаю и не могу привести к концу.⟩ . . . .

«Овсяный кисель» Жуковского, образец истинной простоты (в этой пиэсе мне все показалось прелестным, даже самый экзаметр, хотя я ныне решительный ненавистник этого размера).

. . . .

⟨17 Августа.

Пишу письма. Брату посылаю «Кудеяра»: переписывая, я сделал в этой балладе несколько удачных перемен.⟩

19 Августа.

Со всеми мнениями Карамзина историческими, литературными, философическими невозможно быть согласным; а должно признаться, что прозою у нас никто лучше его не пишет и не писал; отрывок из VIII-го тома его истории — «Осада и взятие Казани» — напечатанный в «Сыне Отечества», написан мастерски, и Пушкин очень справед-

ливо сказал, что в этой прозе гораздо более поэзии, чем в поэме Хераскова.[1]

. . . .

20 Августа.

Опять прошло воскресенье: время проходит так скоро, что и не успеешь заметить, как недели мелькают! — Если только справедливо замечание, будто бы время проходит скоро в счастии, — и меня нельзя назвать несчастным.

21 Августа.

В присланных мне сегодня номерах «Сына Отечества» несколько бранчивых критик на театральные произведения Шаховского, Катенина и Хмельницкого: мало в этих критиках отрадного; особенно же отличился Б . . . .[2] разбором «Эсфири» Катенина.[3] Жаль, а должно признаться, что этот разбор образец привязчивости, ложного остроумия и — невежества. Последнее особенно обнаруживается в суждениях о языке и слоге этой трагедии, например, Б . . . . не знает или не хочет знать, что внуши на славянском синоним глаголу внемли, что воня слово отнюдь не низкое, а принадлежащее церковному языку и пр.

⟨Гораздо дельнее этих театральных критик Цертелева[4] статья «О подражательной гармонии»: в ней пространнее

---

[1] В «Россиаде» («ироическая поэма» в 12 песнях, 1779). — Херасков, Михаил Матвеевич (1733 — 1807) — поэт и драматург.

[2] Б... — Бестужев, Александр Александрович (1797 — 1837) — декабрист, член Северного Общества. Известен как писатель-прозаик, поэт и критик, под псевдонимом «Марлинский»; деятельный сотрудник столичной печати, издатель альманаха «Полярная Звезда» (1823 — 1824, совместно с Рылеевым). За участие в декабрьском восстании был обращен на поселение в г. Якутск, а в 1829 г. определен рядовым в отдельный Кавказский корпус.

[3] Бестужевский разбор перевода трагедия Расина «Есфирь» (переводчик П. А. Катенин) — «С. О.» 1819 г.

[4] Цертелев, князь, Николай Андреевич (1790 — 1869), — известен преимущественно как собиратель памятников народной мало-

почти то же сказано, что в отметке 15 августа говорил я о сем украшении. — Попались мне опять три мои пьесы, две в стихах, одна в прозе. — Стихи «К самому себе» [1] в отношении к механизму хороши, но по содержанию никуда не годятся; послание же «К Пушкину и Дельвигу» [2] — послание, comme il y en a tant, * сверх того написано очень небрежно; «Письмо Лицейского Ветерана к Лицейскому Ветерану» [3] молодо, но вообще дельнее стихов. До сих пор в числе грехов моей юности нашел я только две пьесы, которые читал, не краснея: «К Матюшкину» и «Отчизна».⟩

22 Августа.

Замечание Цертелева на Востокова: [4] «Опыт о русском стихосложении» очень умны и доказывают, что рецензент человек мыслящий; — но едва-ли основание их справедливо; — едва-ли справедливо, что в старинных русских стихотворениях существуют настоящие стопы; по крайней мере весьма сомневаюсь, чтоб не только легкие, но и тщательные поправки могли восстановить в сказках Кирши Данилова стопосложение, — искаженное будто бы изустным преданием. Впрочем попытка не шутка, а спрос не беда! — Одно отдельное замечание Цертелева меня поразило, — оно совершенно справедливо; но справедливо не только в отношении к нашим довольно неправильным

русской поэзии. Ему принадлежит также «Опыт общих правил стихотворства», Спб. 1820 г. — Цертелев писал и стихи (над которыми смеялись Пушкин и Боратынский).

* Каких так много! (Франц.).

[1] «К самому себе» — «С. О.» 1818, ч. 49, № XLIII, стр. 225 — 6 (подп. Вильгельм).

[2] «К Пушкину и Дельвигу (из Царского Села)» — «С. О.» 1818, ч. 48, № XXV, стр. 129 — 130. подп.: (Вильгельм Кбр.), — первонач. в «Благонамеренном» 1818, III, стр. 133 — с опечатками.

[3] «Письмо Лицейского Ветерана (из Царского Села)» — «С. О.» 1818, ч. 49, № XLV, стр. 332 — 4.

[4] Востоков, Александр Христофорович (1781 — 1864) — знаменитый филолог, поэт и переводчик.

простонародным стихам: «скорее руские песни» (говорит Цертелев) «можно обвинить в излишней явственности гармонии» — только не гармонии, а скорее мелодии, — «нежели в неощутительности оной» — другими словами: стихи, писанные простонародным размером, слишком однозвучны. Тоже самое можно сказать и о новейших дактилях, амфибрахиях etc. Не смотря на умничанья, на русском языке стих ямбический самый разнообразный, самый благозвучный и самый приличный всем родам поэзии, только — надобно уметь владеть им, — а это конечно труднее, чем употреблять наобум дактили, амфибрахии, пеоны и другие скачущие стопы.

⟨23 Августа.

Был у меня пастор: давно не имел счастия видеть его у себя; тем приятнее была мне беседа с ним.

По утру я кончил лирическое стихотворение «Надежда»; завтра внесу окончание оного в тетрадь.⟩

25 Августа.

Вчерашней отметки нет, потому что прежде времени нечаянно погасил свечу.

Сегодня я начал перечитывать 12-ю книгу Илиады; читал, впрочем, довольно лениво (на меня опять нашла сонливость).

. . . .

В «Сыне Отечества» на 1818 и 1819 гг. два описания кораблекрушения, одно, написанное Н. А. Бестужевым, [1]

[1] Бестужев, Николай Александрович (1791 — 1855) — брат А. А. Бестужева-Марлинского, моряк, художник, декабрист, член Северного Общества; был приговорен в каторжную работу вечно; после тринадцати лет каторжных работ—в 1839 г. поселен в г. Селенгинске, Иркутской губ., вместе с братом Михаилом Александровичем. — Братьям Бестужевым в Селенгинск Кюхельбекер пересылал из Баргузина свои дневники. — Николай Бестужев был товарищем Кюхельбекера по членству в масонской ложе Избранного Михаила. — «Известие о разбившемся российском военном бриге Фальке в Финском заливе у Толбухина маяка 18 окт. 1818 г.» (подпись:... й ...ъ.).

другое, Ратмановым:[1] сердце сжимается, когда читаешь изображение таких бедствий. Об известной сатире Милонова[2] «На женитьбу в большом свете» — ни слова: она прославилась — одним неблагопристойным и двумя истинно острыми стихами; других примечательных в ней нет.

26 Августа.

⟨Кончил 12 книгу Илиады. Теперь язык Греческий отложится месяца на три.⟩ Речь, произнесенная Карамзиным в Российской академии, 5-го декабря 1818 года, невольно заставляет улыбнуться, — не содержанием своим, слогом, — (хотя содержание и слог и не совершенно таковы, каковыми должны были быть в сем случае) — но . . . Шишков слушал Карамзина; Шишков должен был слушать и слушать с изъявлением удовольствия слова: чувствительность, симпатия etc., слушать и некоторые мысли, которые он давно объявил ересью и верно не переставал и тогда считать ересью, сверх всего этого слушать даже нечто похожее на поучение.

. . . .

⟨28 Августа.

Мало утешительного в моих произведениях, напечатанных в «Сыне Отечества»! Из них в номерах, присланных мне сегодня, попались мне — «Элегический отрывок»,[3] «Песнь

---

[1] Ратманов, Макар Иванович (1772 — 1833) — вице-адмирал русского флота. — В 1818-м году Ратманов отводил в Кадикс уступленные испанскому правительству три фрегата. Для возвращения оттуда, команда с этих фрегатов посажена была на четыре купеческих транспорта. Тот транспорт, на котором находился М. И. Ратманов претерпел крушение у мыса Скагена (в Ютландии). — Описание этого крушения Ратманов напечатал в «С. О.».

[2] Милонов, Михаил Васильевич (1792 — 1821) — поэт-элегик и сатирик, ученик профессора А. Ф. Мерзлякова, принадлежал к литературной партии, враждовавшей с «Беседой», но не был членом «Арзамаса». — «На женитьбу в большом свете», сатира, подражание Ювеналу и Буало.

[3] «Отрывок» — «С. О.» 1819, ч. 53, № XIII, стр. 37 — 38 (дата: 1818 г.).

Лопаря»,[1] сокращенный перевод Каллимахова «Гимна Аполону».[2] «Отрывок» изрядно написан, но содержание его — отцветшая молодость, по коей тосковать мне в 1819 г. было слишком рано. «Песнь Лопаря» — ученическое произведение; перевод из Каллимаха лучше и отрывка и песни, однако же поэтическая совесть моя мне говорит, что он не может быть близким, ибо я в то время слишком худо знал по Гречески и переводил, имея больше в виду немецкое переложение Штольберга,[3] нежели подлинник. В числе стихотворений, напечатанных в Гречевом журнале, должен заметить две кантаты Жан Батиста Руссо:[4] «Вакх» и «Торжество Любви», переведенные кн. Голицыным;[5] из них вторая особенно хороша.

29 Августа.

В Гречевом разборе «Истории Философических систем» Галича, в коем много поверхностного, ложного, пристрастного, — есть однакоже великая истина, которую вытвердить наизусть не мешало бы нашим юным Шеллингистам: «Язык есть — единственное орудие мыслей . . . и от совершенства сего орудия зависит и совершенство самого дела» (т. е. философического сочинения). Далее сие правило пояснено: «Сочинитель учебной книги обязан писать языком и слогом внятным

[1] «Песнь Лопаря» — «С. О.» 1819, ч. 52, № IX, стр. 138 (первонач. в «Амфионе» 1815, сентябрь, стр. 34, под заглавием «Песнь Лапландца»: перепеч. в «Собрании Образцовых Русских Сочинений», 1822, ч. VI, стр. 135).

[2] «Гимн Аполлону» (сокращенный перевод из Каллимаха) — «С. О.» 1819, ч. 54, № XVIII, стр. 273 — 276, (дата: 1817 г.).
— Каллимах — греческий поэт (IV в. до нашей эры.)

[3] Christian Graf zu Stolberg-Stolberg (1748 — 1821) — немецкий поэт и переводчик.

[4] Jean-Baptiste Rousseau (1671 — 1741) — французский лирический поэт.

[5] Голицын, князь Николай Сергеевич (1796 — 1833) — друг П. А. Катенина, отставной поручик. Во II т. «Сочинений и переводов» Катенина помещены два упоминаемые выше стихотворения кн. Голицына (стр. 179 — 184 и 185 — 187).

своей публике и приличным степени умственного ее образования». — Это я сто раз твердил любезному моему Володе Одоевскому, — но! . . .

Пересматривал вторую часть «Семи спящих отроков» и сделал в ней несколько перемен, впрочем они не совершенно те, какие я предполагал было.⟩

30 Августа.

Что делают мои имянинники: Александр Ив. О . . . .,[1] Александр Александр. Бестужев, П. (?) * и Пушкин? — Дай боже им, — если не счастья (оно на земле не бывает), по крайней мере — спокойствия сердечного, которое лучше во сто крат того, что в свете под-час выдают нам за счастье!

⟨По утру я выправлял или лучше сказать просто перечитывал 1-ую часть своей легенды, ибо переправки ограничились только тем, что одну строфу я вычеркнул, а в другой два стиха заменил новыми двумя.⟩

. . . .

31 Августа.

На счет приятеля своего Плетнева[2] я ошибался и на сей раз — рад, что могу сознаться в ошибке. Я в нем

---

* Вопросительный знак принадлежит, очевидно, редакции «Рус. Старины».

[1] Одоевский, князь Александр Иванович (1802 — 1839) — поэт, декабрист, член Северного Общества, друг А. А. Бестужева, К. Ф. Рылеева и А. С. Грибоедова, двоюродный брат кн. В. Ф. Одоевского; находился с Кюхельбекером в дружеских отношениях и жил с ним на одной квартире в Петербурге, в доме Булатовой, на Почтамтской ул., против Исакиевского собора (с октября по 14 декабря 1825 г.). — Кюхельбекер называл А. И. Одоевского «человеком истинно просвещенным» («Р. Ст.», 1904, № 2, стр. 383) и «человеком с богатой и теплой душой» (Отчет Имп. Публ. Биб-ки за 1893 г., прилож., стр. 70). Одоевский был приговорен к каторжным работам на 12 лет (срок был сокращен до восьми лет), в 1832 г. поселен на Тельминской фабрике Иркутской губ., откуда в 1833 г. написал государю письмо о раскаянии своем, с просьбою о прощении; потом жил в с. Елани, Иркутской губ., г. Ишиме, Тобольской губ., а в 1837 г. был определен рядовым в отд. кавказский корпус.

[2] О П. А. Плетневе, см. на стр. 354 наст. изд.

предполагал гораздо менее таланта, чем он действительно имеет. Его элегия: «Гробница Державина», конечно, не может назваться хорошим стихотворением, — но в ней заметно воображение; заметно нечто истинно поэтическое.

. . . .

2 Сентября.

⟨От нечего делать вынул я сегодня из чемодана старые тетради и пересматривал их, между прочим прочел я «Зоровавеля» и Р-ский дневник.[1] — В «Зоровавеле» нашел я важный недостаток: эпизоды, например, о Кире, — о войне Дария с Вавилоном, некоторые довольно пространные уподобления и аллегории затьмевают главный рассказ. Сверх того есть и такие стихи, которые решительно не в тоне, решительно разочаровывают, напр.

«Пророк противник влаги лозной» —

Эти пятна не худо стереть; итак займусь выправкой моего любимца, — если только не найду другого нужнейшего занятия.⟩

В «Р . . . . . . дневнике» все мягче, живее, свежее, чем в нынешних: самое уныние в нем представляет что-то поэтическое. Тогда еще душа у меня не успела очерстветь от продолжительного заточения; впрочем и самое заточение было в Р ... не слишком тяжко; по крайней мере в последние $4^1/_2$ месяца; полтора месяца, правда, было и в Р . . . трудно.

---

[1] Р-ский дневник — ревельский дневник. — Кюхельбекер был отправлен по высочайшему повелению под строжайшим присмотром из Динабурга через Ригу в Ревель 15 апреля 1831 года, где пробыл недолго — всего пять месяцев — до 7 октября 1831 г. Перемещение это было вызвано перехваченным письмом Кюхельбекера к Грибоедову, тайно отправленным им через освобожденного из той же тюрьмы князя Оболенского. — Именно в Ревеле, 25 апреля 1831 г., с разрешения коменданта, Кюхельбекер начал вести свой Дневник. Тетради ревельского Дневника не уцелели. Дошедшие до потомства Кюхельбекера тетради Дневника начинаются с записи от 10 декабря 1831 г., когда он был уже в Свеаборге.

〈3 Сентября.

. . . .

Сверх того прочел я своего з д е ш н е г о дневника первую и вторую тетради.

Январьские 1832 года лирические пиэсы мои [1] требуют больших перемен. Сонетами же я вообще доволен. Жаль, что их только пять. Я бы очень рад был, если бы их число увеличилось.〉

. . . .

〈6 Сентября.

Для избежания праздности принялся я пересмотреть и переписать вместе лирические свои духовные стихотворения: сегодня переписал я три первых и в двух сделал значительные перемены.

В «Сыне Отечества» нашел я еще две старинные свои пиэсы: «Memento mori» [2] и «Ручей»; [3] последний я в последствии переделал — и он точно стоил переделки; жаль только, что напечатан первый начерк этой пиэсы. — Перевод мой из Виланда: «Письмо к молодому поэту» [4] искажен самыми грубыми опечатками. Такие же опечатки встречаются и в моих стихотворных пиэсах: но как Греч толку в стихах не знает, — их кое-как еще можно ему простить. Но проза, кажется, стихиею же его; почему бы не быть несколько исправнее.〉

---

[1] Т. е.: «Утренняя Молитва» («Отец - Хранитель, Боже мой!»), «Молитва Господня» («Отец Ты наш, живый на небесах!»), «Спасение» («Как с поля битвы пар зловонья»).—Пять сонетов см. в изд. Балицкого.

[2] «Memento mori» — «С. О.» 1819, ч. 57, XLVI, стр. 173 — 174.

[3] «Ручей» — «С. О.» 1819, ч. 55, № XXXII, стр. 274 — 275 (напечатано под заглавием «Баллада» и датировано 30 июля 1819 г.).

[4] «Письмо к молодому поэту», из Виланда (проза) — «С. О.» 1819, ч. 57, № XLV, стр. 193 — 216; № XLVI, стр. 262 — 269. — Christoph-Martin Wieland (1733 — 1813) — немецкий поэт и критик.

11 Сентября.

Получил я сегодня I том «Истории» Карамзина; завтра начну в ней рыться; авось отыщу предмет для драматического сочинения; хотелось бы мне написать зимою что-нибудь подельнее моих пустых поэм, которые едва-ли меня переживут.

В «Сыне Отечества» прочел я с удовольствием — и с досадою Катенина «Мстислава». Нападки на это стихотворение Бестужева конечно бо́льшею частию несправедливы и внушены пристрастием: но «Мстислав» все же мог бы быть гораздо совершеннее, если бы Катенин был менее самолюбив, если бы он, умеющий, подобно Бокингему в Шекспировом «Генри VIII», столь хорошо советывать другим, захотел вслушиваться в советы собственной поэтической совести.

⟨12 Сентября.

Целый день читал: по утру «Историю», а потом «Сын Отечества». Желалось мне очень найти что-нибудь для сочинения драматического, — но едва-ли решусь выбрать предмет из повествований первых пяти томов «Истории» Карамзина.⟩

. . . .

16 Сентября.

Я сегодня кончил I том «Истории» Карамзина. Есть у него выходки, которые, как ни крепись, а невольно заставляют разсмеяться, напр. вывезенные Владимиром из Корсуня капища (истуканы), доказывающие любовь сего Князя к изящным искусствам; или: военные трубы древних русских, доказывающие их любовь — к музыке!

. . . .

20 Сентября.

В предисловии Шаховского к «Полубоярским затеям»[1] несколько мыслей новых и довольно важных. Во 1-х, Шаховской очень справедливо, так мне по крайней мере кажется, полагает, что Мольер в «Мизантропе»[2] не над Мизантропом хотел смеяться; во 2-х, о фон-Визине говорит Шаховской: «действующия лица, выведенные им, имеют одно свойство с Вандиковыми[3] портретами: мы не знаем, с кого они были списаны, а уверены, что они похожи»; — третья мысль будто бы «везде, куда только хотя мало достигает просвещение, созидаются театры» — исторически несправедлива: арабы и персы в свое время были просвещены и очень просвещены, а театра никогда не знали; — наконец мысль, что улучшение нравов должно быть целию драматического искусства, — не стоит и опровержения.

Прочел еще несколько отрывков, напечатанных в «Сыне же Отечества», и «Отчета о луне» Жуковского. Это конечно то, что Г.[4] называл мозаическою работою: но в этом мозаике есть и чистое золото.

22 Сентября.

. . . .

Смерть Владимирка Галицкого прекрасный предмет для баллады, а скитания Святослава Ольговича — для исторической картины в роде «Гётева Геца фон-Берлѝхинген».[5] ⟨Балладу-то, кажется, я когда-нибудь и в самом деле напишу.⟩

---

[1] «Полубоярские затеи» — комедия в 5 д. кн. А. А. Шаховского, оставшаяся неизданной.

[2] «Misanthrope» — комедия Мольера (1666). — Jean-Baptiste Poquelin, dit Molière (1622 — 1673) — французский драматург, — один из любимейших французских писателей Кюхельбекера: «лучшие истинные Поэты сей земли (т. е. Франции. —*С. Х.)* напр. Расин, Корнель, Мольер» («О направлении etc.», «Мнемозина», II, стр. 39).

[3] Van-Dyck (1599 — 1641) — фламандский живописец.

[4] Грибоедов.

[5] «Götz von Berlichengen mit der eisernen Hand» — трагедия Гете. — Г. фон Берлихинген (1480 — 1562) — германский рыцарь.

25 Сентября.

⟨Кончил сегодня послание к брату. [1]⟩

Перечитывая осенние книжки «Сына Отечества» на 1820 г., я очень понял негодование Греча на литературную знать: в самом деле он, связавшись с Воейковым, который обещал ему золотые горы, больно ошибся в своем расчете; журнал Греча на 1818 и 1819 года гораздо лучше, чем на 1820. [2] Разбор «Людмилы и Руслана» [3] — образец педантства и невежества, однакоже не злонамеренности, как в то время думали мы, приятели Пушкина.

26 сентября.

Ужасная смерть Андрея Боголюбского описана Карамзиным что-то бесцветно. Признаюсь, что в извлечении Арцыбашева [4] из летописей она меня сильнее поразила.

. . . .

27 Сентября.

Страсть у Николая Михайловича [5] наряжать наших древних славян во фраки! Доказательств, что эта страсть у него неисцелима, в 3-м томе довольно, напр. Мстислав

---

[1] «Послание брату, в день его имении» («Короче день...») — см. в изд. Балицкого, стр. 79.

[2] Кюхельбекер ошибается: Н. И. Греч издавал «Сын Отечества» совместно с А. Ф. Воейковым, начиная только с 1821 г. (по март 1822 г.).

[3] «Руслан и Людмила» — поэма А. С. Пушкина, написанная им в 1817—1820 гг. (т. е. в годы, к которым относится его сближение с Катениным), встреченная очень сочувственно «архаистами» и весьма неодобрительно противоположным лагерем, упрекнувшим автора в «простонародности» и «грубости» (подробнее см. у Ю. Н. Тынянова — «Арх. и Пушкин») Об этой поэме сочувственно упоминает Кюхельбекер даже в своей оппозиционной статье «О направлении etc.», отмечая «печать истинной народности», которой отмечены многие ее стихи. — Разбор поэмы «Руслан и Людмила» — в 64 ч. «С. О.», 1820 (№№ 34 — 37), за подписью В. (А. Ф. Воейкова).

[4] Арцыбашев, Николай Сергеевич 1773 — 1841). — Историк, враждовавший с Карамзиным.

[5] Карамзина.

Храбрый в летописи говорит: «аще ныне умрем за Христіаны, то очистимся грехов и бог вменит кровь нашу с мученики» etc. Но Николаю Михайловичу показалось неблагопристойным говорить о грехах, о мучениках и, перефразируя только конец речи старославянского витязя, он его из христианина грековосточной церкви 12 столетия жалует в философы 18-го и заставляет произнести следующую великолепную тираду: «за нас бог и правда; умрем ныне или завтра; умрем же с честию!»

⟨В «Сыне Отечества» Плетнева ода «Совесть»; в ней очень много хорошего; но для меня всего удивительнее — как удачно он попал на слог философических од Державина.⟩

. . . .

И в «Сыне Отечества» нашел я две думы, говорящие о Донском герое. Первая, которая называется его именем, очень не дурна и принадлежит к хорошим произведениям Рылеева;[1] только начало несколько натянуто.

Вторая: «Евдоксия,»[2] не знаю чья, вообще слабее первой и напоминает несколько манеру Нечаева; впрочем не без достоинства. — В «Сыне Отечества» на 1822 г. заслуживает быть замеченным еще стихотворение Д. Глебова: «Байрон в темнице»;[3] в этой элегии (?) много чепухи, но есть и хоро-

---

[1] Рылеев, Кондратий Федорович (род. в 1795 г. — казнен в 1826 г.) — декабрист, член Северного Общества и главный его руководитель; поэт, приобрел известность своими «думами» — небольшими историческими картинами в стихах, поэмами и одами на гражданские темы. Издавал в 1823 — 1825 гг. вместе с А. А. Бестужевым альманах «Полярная Звезда». — Рылеев принял Кюхельбекера в Северное Общество. Кюхельбекер в 1827 г. написал стихотворение «Тень Рылеева» («В ужасных тех стенах, где Иоанн»). — «Что за прелестный человек этот Кюхельбекер» — писал Рылеев Пушкину (см. переписку Пушкина, под ред. В. И. Саитова, т. I, стр. 205).

[2] «Евдоксия, супруга Донского в Переяславле Залесском» — «С. О.» 1822, ч. 81, № XIV, стр. 227 — 230 (без подписи).

[3] Глебов, Дмитрий Петрович (1789 — 1843) — патриотический поэт первой четверти XIX века.

— «Бейрон в темнице», элегия — «С. О.» 1822, ч. 81, № XLIII, стр. 121 — 125 (подпись: Г. б. в.).

шие стихи; последние два очень удачны, несмотря на небольшую неправильность:

«Для вас» — (гении) — «не создана в теперешнем минута,
Но веки в будущем даны».

(«Для вас даны» — нельзя сказать).⟩

. . . .

12 Октября.

Вот и половина моего срока кончилась: семь лет и девять месяцев я прожил в заключении; остается столько же. Доживу ли я до конца этого срока?

. . . .

⟨13 Октября.

Жаль, что я вчера не прочел прошлогодней отметки 12-го октября; она, полагаю, подкрепила бы, утешила бы меня.⟩

28 Сентября.

Третий том Карамзина очень занимателен: Роман и Даниил Галицкие и несчастный, но великий Мстислав Мстиславич такие лица, которыми поэзия могла бы чрезвычайно хорошо воспользоваться, если бы только нравы и обычаи того времени были известнее.

29 Сентября.

У Карамзина заметил я две особенности в слоге: он употребляет е г о вместо с в о й (в цитатах я напротив того нашел, что летописец употребил с в о й вместо е е); и — два параллельных имени — (в одном и том же падеже) без союза *И*.

6 Октября.

Отрывок «Цеикс и Гальциона» принадлежит без сомнения к самым лучшим метаморфозам Овидия. Перевод Жуковского мне во многих отношениях очень нравится: даже экзаметр у него как-то разнообразнее и в то же время отчет-

ливее, чем у Гнедича. За то «Отчет о солнце»[1] редкая ахинея; — одному только Воейкову в «Послании к жене» назначено было судьбою превзойти этот отчет в прозаизмах и многословии. Жуковского стихотворение: «Жизнь» и Глинки аллегория в прозе: «Знакомая незнакомка» — не без достоинства: вопреки всему, чтобы можно было сказать противу сего рода, мистика близкая родня поэзии и произведения, в которых она участвует, — должны непременно стать выше большей части умных прозаических посланий и многих даже модных элегий.

10 Октября.

Прочел я сегодня с вниманием княжение Дмитрия Донского. Но вряд ли можно влить в драматическую форму главный подвиг его: он более способен принять образ романтической поэмы в роде Скоттовых. Однако же вся жизнь Донского, не исключая его ранней, а посему и поэтической смерти, могла бы кажется быть представлена в исторической картине в роде Шекспировых «Histoires». * Жаль, что Димитрию не был товарищем при Куликове Тверской; если бы это было, можно было бы написать ряд «Histoires», начиная с убиения Михаила I Тверского до соперника Димитриева Михаила II.

14 Октября.

Я сегодня мало делал путного: мысли мои — почти лихорадочно — скачут от одного предмета к другому: читаю, а между тем совершенно о другом думаю; ⟨по всему видно, что я не здоров и что третьегоднешнее прошло мне не даром — болит и голова.⟩

. . . .

---

* Исторических трагедий («Генрих IV», «Генрих VIII», «Ричард III» и др.).

[1] Жуковского.

В «Сыне Отечества» нашел две прелестные безделки Туманского.[1]

. . . .

⟨16 Октября.

Начал я сегодня своего «Сироту»:[2] размер пятистопные ямбы, расположение рифм такое же, как в «Юрий и Ксения», а образцем, как кажется, будет служить мне — Краббе.

18 Октября.

Ни одного из своих сочинений не начинал я так успешно, как «Сироту»; введение — без малого 200 стихов — готово. Кроме того, работаю с удовольствием. Завтра с божией помощью приступаю к самой поэме.⟩

19 Октября.

⟨Начал сегодня самую поэму, но еще не добрался до главного рассказа.⟩

Был у меня мой добрый, почтенный пастор: и так наш лицейский праздник[3] не провел же вовсе один.

⟨20 Октября.

Мой «Сирота» теперь идет несколько медленнее, но спасибо! совершенно остановки еще не было. Всего более я должен беречься многословия и лишних эпизодов. Главного рассказа я и сегодня еще не начинал; однакож, надеюсь, что приступлю к нему в Понедельник, т. е. 23 числа.⟩

---

[1] «Больное дитя» и «Жалоба» (см. в «Собр. стихотв. и писем В. И. Туманского», изд. 1912 г., стр. 104 — 105).

[2] «Сирота» — поэма в «пяти разговорах». Напечатано только «Посвящение» этой поэмы А. С. Пушкину. (См. последнюю публикацию в сборнике Ю. Н. Верховского «Поэты-декабристы», Л. 1926, стр. 220. — Ср. запись в Дневнике Кюхельбекера от 22 ноября этого же года, стр. 149 наст. изд.

[3] Годовщина основания лицея (19 октября 1811). Кюхельбекер посвятил этому дню два стихотворения: в 1836 — 1838 гг.

21 Октября.

Живорослъ употребляет Никонов вместо Зоофит:[1] это слово составлено в духе русского языка и заслуживает получить у нас право гражданства.

В «Сыне Отечества» напечатана небольшая легкая философическая статья Сомова:[2] «Ум», с примечаниями, как полагаю, — цензора. Эти примечания сами-по-себе очень справедливы; не смотря на то, я читал их с каким-то неприятным чувством. Отчего? Они все содержания важного, богословского — и высказаны тут не кстати, присовокуплены к статейке в виде противуядия, между тем как в оной вовсе нет яду. «Не употребляй имени господа бога твоего всуе».

⟨23 Октября.

Занимаюсь довольно успешно «Сиротою»; полагаю кончить первый разговор, не начиная главного рассказа.

Как не радоваться, когда найдешь хорошее, где того не ищешь и не ожидаешь? — Стихи Хвостова к Львову[3] (по случаю чтения О. Л. С. в доме Державиной) вообще очень не дурны, а последний стих:

«Там должно Музам петь, где жило вдохновенье» —

истинно прекрасен.

---

[1] Зоофиты (Zoophyta) — буквально: животно-растения. В настоящее время слово это употребляется как синоним кишечно-полостных. — Слово «живорослъ» бытовало в великорусском языке; его отмечает В. И. Даль (см. стр. 481, 7 строка снизу. — Толк. слов. вел. - р. яз. М. 1863). — Никонов — лицо нам неизвестное.

[2] Сомов, Орест Михайлович (1793 — 1833) — поэт, критик и журналист, весьма образованный и даровитый литератор, сотрудник «Северной Пчелы» и «Сына Отечества», соредактор барона А. А. Дельвига по «Северным Цветам» и «Литературной Газете». — В декабре 1825 года, по подозрению в принадлежности к Тайному Обществу, Сомов был арестован, но вскоре освобожден.

[3] — «Федору Петровичу Львову, на случай чтения высочайше утвержденного Общества Любителей Словесности в зале Дарьи Алексеевны Державиной, 1823 года, мая 22 дня».

— Львов, Федор Петрович (1766 — 1836) — государственный деятель и писатель, принимал деятельное участие в «Беседе Русского

24 Октября.

Сегодня я кончил пересмотр и внесение в одну тетрадь своих лирических стихотворений духовного содержания; «Сиротою» я сегодня не занимался.

25 Октября.

После прекрасного вчерашнего дня — самая осенняя погода — снег, ветер, ненастье. В моей комнате еще в девять часов было темно, а в исходе третьего опять смеркалось так, что нельзя было уже читать. — Я мало чем занимался; только внес в тетрадь начало первого разговора— и несколько стихов прибавил.

26 Октября.

Я почти ничем не занимался, раз потому что не в духе, а во-вторых потому что с трех часов уже темно. Я даже мало читал; однакоже в статье Гаммера [1] об Арабских сказках — попалось мне любопытное известие, что Гомеров «Полифем» переведен арабами и принят в состав «Тысячи и одной ночи».

27 Октября.

. . . .

Образец вежливой, умной и в то же время в высшей степени колкой антикритики ответ Греча Арнольду, [2] который издателя «Сына Отечества» просто и самым площадным образом обругал за его отзыв о руководстве к Бухгалтерии, сочиненном Арнольдом. Я этот ответ прочел с особенным удовольствием: он составляет истинный феномен на бесплодном поле нашей полемики, производящем почти одни волчцы и терны.〉

Слова». — Д. А. Державина — вторая жена поэта (урожд. Дьякова).

[1] Joseph von Hammer-Purgstall (1774 — 1856) — немецкий ориентолог.

[2] Арнольд, Карл Иванович (1775 — 1845) — воспитанник берлинского университета, основатель и директор Коммерческой Академии в Москве, автор нескольких трудов по вопросам финансового дела и бухгалтерии.

28 Октября.

Доброго нашего И. К. Кайданова [1] исторический слог ни на что не похож. Из его всемирной истории помещен в «Сыне Отечества» отрывок, в котором он описывает войну 1812 года: тут при имени каждого русского генерала несколько риторических эпитетов и приложений, — тот наш Деций, [2] тот Фабий, [3] а тот Эпаминонд, [4] другой бестрепетный герой, готовый всем жертвовать славе, третий мудрый, прозорливый вождь; словом ни один не пропущен без подобающей ему чести. Не так пишут историю.

⟨29 Октября.

Судя по подписи, о первом представлении Расиновой [5] трагедии, переведенной Лобановым, [6] в «Сыне Отечества» говорит Сомов. В его рассуждении встречаются довольно диковинок, напр. — «будущий талант порукою за настоящую скромность». Что такое будущий талант — я вовсе не понимаю: cela me passe!*) — Но выбор стихов, в которых по мнению Сомова переводчик превзошел Расина — особенно неудачен.

---

* «Это выше моего разумения!» (франц.).

[1] Кайданов, Иван Кузьмич (умер в 1843 г.) — педагог и исторический писатель.

[2] Деций — имя трех знаменитых римских патриотов (340, 295 и 279 гг. до нашей эры).

[3] Фабий (Fabius Cunctator, умер в 203 г. до нашей эры) — римский полководец.

[4] Эпаминонд (род. в 420 — 410 гг. до нашей эры — умер в 362 г. до нашей эры — знаменитый фиванский полководец.

[5] Jean-Baptiste Racine (1639 — 1699) — французский драматический поэт. — Расин — один из любимейших французских поэтов Кюхельбекера: — «лучшие истинные Поэты сей земли (т. е. Франции. — *С. Х.*), напр. Расин, Корнель, Мольер» — («О направлении» etc., «Мн.» II, стр. 39).

[6] Лобанов, Михаил Ефстафьевич (1787 — 1846) — одический поэт и переводчик Расина («Ифигения в Авлиде», СПБ. 1815 и «Федра», СПБ. 1823).—Статья, о которой идет речь в тексте, действительно принадлежит Сомову («Федра», трагедия Расина, перев. Лобанова в стихах» — «С. О.» 1823, ч. LXXXIX; подп. С....в).

30 Октября.

Сегодня после небольшой остановки — продолжал я своего «Сироту».

. . . .

31 Октября.

Целый почти день сочинял и кончил первый разговор: я этому особенно рад, потому что по утру не пил кофе и вижу, что могу же сочинять и без него. Завтра, если бог даст, напишу заключение первого разговора, которое, надеюсь, будет не дурно.⟩

. . . .

1 Ноября.

У нас мало женщин-поэтов: из известных одна только Бунина [1] не совсем дурна. Тем приятнее было мне найти в «Сыне Отечества» (на 1823 г.) несколько стихотворений девушки не без дарований; подпись ее Е. Ф. Б. [2] Последняя из ее пиэс, напечатанных в этом журнале, — «К Лире» — даже может назваться в своем роде (тоскливом) прекрасною.

⟨2 Ноября.

Сегодня я отдыхал и это мне было очень нужно: неумеренною головною работою, которая сверх того у меня сопряжена с телесным напряжением, ибо, сочиняя — хожу, я, было, себя опять расстроил; позыв на пищу и сон совсем у меня вчера и третьего дня пропал; за-то сегодня я ел не как поэт, а как честный, добрый пахарь.

. . . .

---

[1] О Буниной и отношении к ней Кюхельбекера см. на стр. 355 наст. изд.

[2] В словаре псевдонимов В. Карцова и М. Мазаева инициалы Е. Ф. Б. отнесены к В. А. Крылову (лицо нам неизвестное).

8 Ноября.

Почти неделю я не занимался своим «Сиротою» — зато сегодня я начал второй разговор и, кажется, удачно.〉

. . . .

10 Ноября.

Бобрищева-Пушкина:[1] «Наполеон», по слогу темному и сбивчивому, такое стихотворение, которое если бы было русским подлинником, никак не могло бы назваться хорошим; но это перевод с Ламартина [2] и на сей раз переводчику пригодились собственные недостатки, ибо соответствуют недостаткам автора, с которого он списывал: — дух поэзии и слог французского поэта совершенно отразились в переводе русского.

Не могу не выписать двух стихов Хвостова, в которых le sublime de la bêtise * сияет во всем своем величии; они из пресловутого его «Майского гулянья в Екатерингофе»; красно и витиевато изображены стук и шум и суета этого дня и довершены следующею редкою чертою:

«По мостовой у мухи с жуком
Прервалась разговора связь!»**

---

* Апофеоз глупости (франц.).

** В писарской копии «Дневника», хранящейся в Пушкинском Доме Академии Наук СССР — после стихов Хвостова — неизвестной рукой приписано: «Оставлено место для стихов»; рукою редактора «Р. Ст.» М. И. Семевского: «Посмотреть в подлиннике». Следуют две с половиной страницы чистой бумаги.

[1] Бобрищев-Пушкин II, Павел Сергеевич (1802 — 1865) — декабрист, член Южного Общества; после восьми лет каторжных работ — в 1832 году был поселен в Красноярске, с 1839 г. — в Тобольске: в 1856 г. был возвращен в Россию. Писал стихи и басни.

[2] Alphonse-Marie-Louis de Prat de Lamartine (1791 — 1869) — французский поэт. — Кюхельбекер называл Ламартина «лжеромантиком». В 1825 году он писал о нем: «...что же за то и Романтизм всех их, пишущих и не пишущих? Вы обыкновенно останавливаетесь на Ла-Мартине, на французском переводе Байрона, на романах Вальтера Скотта». — «С. О.» 1825, ч. 103, № XVII, стр. 77 (примечание).

〈13 Ноября.

. . . .

«Сирота» мой оживляется только вспышками: боюсь, чтоб оттого не произошли пестрота в слоге и недостаток гармонии в изложении.

18 Ноября.

Есть сочинения, в которых отдельные мысли сами по себе справедливы, но между собой в такой связи, что подают причину к выводу заключения ложного, — сочинения, в которых — все сказанное совершенно истинно, но вместе совершенно противно истине то, что следует из сказанного.

. . . .

20 Ноября.

Мои отметки нынешнего месяца не слишком разнообразны; однако-ж не потому, чтобы мне было скучно, или что ничего не делаю — напротив — я доволен, прилежен, только читаю меньше прежнего.

. . . .

21 Ноября.

Кончил сегодня вторую главу своего «Сироты» и переписал последнюю половину оной: итак я был довольно прилежен, но зато и устал.

22 Ноября.

Написал я посвящение своего «Сироты» Пушкину: оно в оттавах, только в четырехстопных, которые однакоже мне кажутся гораздо менее звучными и сладостными пятистопных.

В «Сыне Отечества» попалась мне прекрасная статья Лемонте (Lemontey) «О точности относительно к слогу, языкам и талантам». [1]

---

[1] Pierre-Edouard Lemontey (1762 — 1826) — французский историк и филолог. Упоминаемая в тексте статья представляет перевод речи, произнесенной Лемонте в Академии 24 апреля 1824 г. («De la precision, considerée dans le style, les langues et la pantomime»).

Впрочем я не со всеми мыслями автора согласен, особенно же с теми, которые предлагает он касательно мнимых будто бы красот в речах и песнях — так называемых дикарей, и успехов языков Французского в 18-м столетии, а Латинского при Цесарях.〉

23 Ноября.

Начал сегодня третью главу «Сироты». Все эти дни себя очень чувствую счастливым: не знаю, как благодарить бога за все наслаждения, которые дарует он мне в умственных занятиях.

25 Ноября.

Странно бы было говорить, что Крылова басни прекрасны: это все равно, что рассказывать за новость о белизне снега или о свете дневном. Но и в прекрасном есть степени: «Рыбья пляска» (напечатанная в «Сыне Отечества») в своем роде совершенство.

27 Ноября.

Сегодня я отдыхал: это мне было необходимо; с 20 числа я почти без перерыву все сочинял; — боюсь растроить здоровье и истощить воображение.

В «Сыне Отечества» прочел я повесть Клайрена:[1] «Разбойничий замок». Терпеть не могу подобных остроумных глупостей! Ужасом вообще шутить не должно: а разгадывать и объяснять рассудительно и как следует здравомыслящему человеку ужасы поэтические — на это может решиться только тот, в ком нет, — как говорит Катенин, — смысла человеческого.

Статья Одоевского[2] о «Венцеславе»[3] всем хороша; только

---

[1] Heinrich Clauren (1771 — 1854) — немецкий поэт и беллетрист.

[2] Александра Ивановича.

[3] «Венцеслав» — пятиактная трагедия французского драматурга Ротру (Jean Rotrou, 1609 — 1650), написанная в 1647 г. и признанная лучшим его произведением. — В 1824 г. эта трагедия была переведена вольными стихами на русский язык А. А. Жандром (см. перевод 1-го действия в «Русской Талии» на 1825 г., изданной

напрасно он Жандру [1] приписывает первое у нас употребление белых ямбов в поэзии драматической: за год до «Русской Талии» были напечатаны: «Орлеанская дева» Жуковского [2] и — первое действие «Аргивян». [3]

28 Ноября.

Любопытная статья в «Сыне Отечества» на 1825 год: «Догадки об обитаемости луны». Что до меня, я не только догадываюсь, но могу сказать твердо уверен, что луна и все тела небесные обитаемы: мне кажется, что это и быть не может иначе.

. . . .

⟨29 Ноября.

С удовольствием и даже большим читаю Повести и Романы; а потому жалею, что сам не умею писать их.

Ф. В. Булгариным, а также отрывки в альманахе «Радуга» 1830 г., стр. 153 — 160). Перевод Жандра был встречен похвалами современников (Грибоедов, Катенин, Пушкин). А. С. Пушкин позднее в набросках предисловия к «Борису Годунову» писал: «Стих, употребленный мною (пятистопный ямб) принят обыкновенно англичанами и немцами. У нас первый пример оному находим мы, кажется, в «Аргивянах». А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии писанной стихами вольными преимущественно употребляет его».

[1] Жандр, Андрей Андреевич (1789 — 1873) — близкий друг А. С. Грибоедова. Известен своими переводами и переделками французских пьес и оргинальными статьями по театру и литературе. Литературная деятельность А. А. Жандра прекратилась в конце двадцатых годов.

[2] «Орлеанская Дева» — 1817 — 1821 (перевод трагедии Шиллера «Die Jungfrau von Orlean»).

[3] «Аргивяне» — трагедия в пяти действиях с хорами. Кюхельбекер писал ее в 1823 году и собирался посвятить императору Александру I. Полный список этой трагедии сохранился в бумагах В. А. Жуковского. и находится в настоящее время в Ленинградской Публичной библиотеке (см. Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1884 г., стр. 46 — 47). Опубликованы из «Аргивян» были только небольшие отрывки: 1) Пролог с хорами — в «Мнемозине» 1824, ч. II, стр. 1 — 28, 2) два хора в «Соревнователе Просвещения и Благотворения», 1825 ч. XXX, стр. 301 — 302, и ч. XXXI, стр. 101 — 105. — «Аргивянам» посвящена отдельная работа Ю. Н. Тынянова (см. Ю. Н. Тынянов «Архаисты и новаторы», Л. 1929).

В «Сыне Отечества» прочел я сегодня повесть «Вильгельмина или Побежденный предрассудок»; [1] в ней много недостатков, особенно в начертании характеров, но главная мысль очень хороша: Мельмот, Вампир, Чайльд-Гарольд — в Пошехонье! [2] Мысль истинно гениальная для пера юмориста, только этот юморист должен бы по крайней мере быть Жан-Полем Рихтером или Гофманом.

30 ноября.

Лучшие две повести из прочитанных мною сегодня в «Сыне Отечества»: «Изобретение Стремян» [3] и «Водопад»; [4] первая совершенно вроде Вольтеровых сказок, а во второй низвержение человека, увлеченного водопадом, и ощущения его изображены истинно мастерскою кистью.⟩

1 Декабря.

По предначертанию, которое я себе составил для зимних занятий, я собственно должен бы был сегодня опять приняться за Греческий язык . . . но под разными предлогами, напр. что неделя уже кончается, что после трудов прошедшей недели можно и отдохнуть etc., я обманул самого себя, и ровно ничего путного сегодня не делал.

⟨3 Декабря.

Опять на меня напала сонливость — впрочем это с некоторой стороны и хорошо: читать много нельзя, потому

---

[1] «Вильгельмина или побежденный предрассудок» — повесть, перевод с немецкого Вл. (Владиславлева?).

[2] Мельмот (Melmoth) — герой одноименного фантастического романа Матюрина (Ch.-Rob. Maturin, 1782 — 1824), вышедшего в 1820 г.; Мельмот — вампир, ‹рекрут дьявола›, вербующий ему жертвы. — Вампир — образ, созданный суеверием средневековья; герой одноименной поэмы Гезера (Ch.-W. Haeser, 1781 — 1813), положенный на музыку Маршнером; опера эта (1828 г.) пользовалась значителным успехом в Европе. — Чайльд-Гарольд (Child Harold) — герой знаменитой одноименной поэмы лорда Байрона (1813 — 1817).

[3] «Изобретение стремян» — повесть, перевод с немецкого Вл. (Владиславлева?).

[4] «Водопад» — повесть, перевод с английского С. С. В — на.

что день короток, а при свечах — больно главам; сочинять же я теперь не в состоянии. Завтра примусь за Гомера.

4 Декабря.

Нынешний день провел я довольно приятно: по утру перечел первую половину первой книги Илиады, а потом после обеда и вечером — читал я «Сына Отечества» на второе шестимесячие 1825 года. Между прочим попались мне тут две моих рецензии: поэмы Шихматова [1] и переводов Фон-дер -Борга; [2] ныне я почти совершенно тех же мыслей, но выразился бы несколько помягче. — «Массилия» [3] по механизму и отделке принадлежит к лучшим из напечатанных моих стихотворений; но она в пошлом описательно-элегическом роде, слишком широко-вещательна, слишком лишена именно той поэзии, которой в разборе переводов Фон-дер-Борга требую от других.⟩

5 Декабря.

⟨Поутру читал я Илиаду;—вечером начал переписывать первую главу своего «Сироты», в промежутках читал я «Сын Отечества».⟩

Слог Вашингтона-Ирвинга [4] имеет много сходства и с слогом Гофмана, и с слогом А. А. Бестужева: — главная отличительная черта всех троих — живость и бойкость, главный недостаток — натяжка. ⟨Впрочем признаюсь мне не в пример более приносит наслаждения рассказ — напр.

---

[1] «Разбор поэмы князя Шихматова: Петр Великий» — «С. О.», 1825, ч. 102, № XV, стр. 257 — 276 и № XVI, стр. 357 — 386.

[2] Разбор фон-дер Борговых переводов Русских стихотворений»— «С. О.», 1825, ч. 103, № XVII, стр. 68 — 83. (Подробнее, см. на стр. 356 наст. изд.)

[3] «Массилия» — стихотворение Кюхельбекера, написанное в январе 1821 г. в Марселе (Массилия — древнее название города Марсель), напеч. в «С. О.» 1825, ч. 102, № XIII, стр. 101 — 105.

[4] Washington Irving (1783 — 1859) — американский новеллист, популярный в России в начале XIX века.

вроде того, который я сегодня прочел в «Сыне Отечества», рассказ, являющий человека чувствующего и мыслящего — нежели все плавные и тщательно обработанные повести тех писателей, у коих нет ничего странного, зато и нет ничего своего, ничего не заимствованного, не пошлого.

6 Декабря.

Я хотел было сегодня писать к моему имянинннку-племяннику [1]... но занятия и дни расположились так, что оставлю это до другого разу. Вторая половина рассказов о домовых Вашингтона-Ирвинга гораздо лучше первой, — особенно оригинальна пляска старой мебели: это картина вроде Каллота, [2] но в своем роде мастерская.

9 Декабря.

В «Сыне Отечества» довольно значительный отрывок повести в стихах: «Беглец».[3] Слог — снимок со слога Пушкина, а еще более со слога Автора «Войнаровского», [4] но снимок рабский, безжизненный. Впрочем кое-где проглядывает в этой повести что-то похожее на талант: описание ночи и часового на цепи у границы не дурно; выходка против невлюбленных довольно курьезна, но за нею несколько хороших стихов (хотя они тут и ни к селу, ни к городу). Вот они:

«Твой (т. е. возлюбленной поэта) прах под камнем гробовым
. . . .
Тебя там нет; ты не под ним,
В моем ты сердце, ты со мною.»

Но вот что истинно странно: автор «Ижорского»[5] (ко-

[1] Николай Григорьевич Глинка.
[2] Jacques Callot (1592 — 1635) — французский живописец и гравер.
[3] «Беглец» — повесть А. Ф. Вельтмана Подпись: Г. Алекс. В....н
[4] Автор «Войнаровского» — К. Ф. Рылеев.
[5] Автор «Ижорского» — В. К. Кюхельбекер.

торый по крайней мере не помнит, чтобы прежде читал этот отрывок повести: «Беглец»), самым разительным образом в начале третьего акта первой части своей мистерии встретился с Г. Алекс. В....ным.

Ижорский (в припадке сумасшествия NB) видит и слышит почти тоже, что не Леолин,[1] а поэт его, сам Г. В...н в полном разуме. Вот стихи сего последнего:

«Как солнце светит над землей,
Так днем ты (т. е. покойница Мария) светишь надо мной:
В глубоком сне, во мраке ночи,
Ты, как луна, блестишь мне в очи;
Хочу обнять — ты высоко,
Хочу достать — ты далеко».

За сими, если не совершенными, однако, исполненными воображения стихами, следует — чепуха; а потом опять два хороших стиха:

«Пусть призрак я один люблю!
Не сон ли жизнь? я сладко сплю.»

Картина в «Ижорском» полнее, — стихи может быть и зрелее и сильнее; — но все же странно и очень странно так встретиться.〉

. . . .

〈13 Декабря.

Давно я не читал ничего с такою досадою, как в «Сыне Отечества»—«Рассмотрение опыта науки изящного» Галича. Если бы только плоскость, глупость, невежество — еще бы можно вытерпеть, да тут явная злонамеренность. Она при бо́льшей зрелости общего образования, конечно, возбудила бы одно презрение; но к несчастию у нас довольно одной такой статьи, чтоб уронить хорошую книгу. Местами критик и прав: но можно ли так критиковать? и можно ли браться

[1] Леолин — герой повести Вельтмана «Беглец».

за разбор философического сочинения, когда большую часть возражений основываешь на словах: мне кажется?

Впрочем эта критика принесла мне и пользу, даже наслаждение, потому что познакомила с мыслями Галича.

14 Декабря.

Читая сегодня повесть Крузе:[1] «Счастливый день», я испытал на самом деле, что Вальтер-Скотт прав, когда говорит о заманчивости рода, изобретенного Анною Радклиф.[2] Должно же еще заметить, что эта повесть не принадлежит (по крайней мере — я так думаю) — к лучшим в этом роде.〉

15 Декабря.

Как опровергнуть эмпириков, утверждающих, будто у людей нет общего идеала красоты? Правда, негр совсем не в тех чертах и формах находит женскую красоту, в которых находит оную европеец; но тут участвуют чувственность и привычка; однакоже ни негр, ни европеец не станет сравнивать того, что находит прекрасным в своей возлюбленной, с предметами отвратительными, напр. негр верно не скажет про толстые губы своей красавицы, что они похожи на кровяные колбасы, — про черный цвет ее тела, что он точь-в-точь запачканная сажею тряпка etc; а найдет в природе предметы истинно привлекательные и усмотрит сходство между ними и тем, что кажется ему прелестным в его подруге.

〈19 Декабря.

В «Сыне Отечества» на 1828 год стихотворение Катенина: «Ахилл и Омир», мне вовсе неизвестное. Оно в смягченном

---

[1] Laurent Kruse (1778 — 1839) — плодовитый датский беллетрист, драматург и критик.

[2] Anna Radcliffe (1764 — 1823) — английская писательница, основательница жанра «романа тайн» и «романа ужасов»; пользовалась большой популярностью в Европе и в России в первую половину XIX века.

виде представляет достоинства и недостатки, свойственные слогу Катенина, но признаюсь, я бы охотно простил ему все прежние недостатки, во всей прежней их силе, если бы только тоже было и с достоинствами. К несчастию этого нельзя сказать. Экзаметры в этой пиэсе не хуже обыкновенных, но употреблены тут не кстати — между рифмованными стихами. Впрочем есть места прекрасные.

В повести: «Спящий Разбойник»[1] — характер Жанетты исполнен истинной поэзии.

. . . .

22 Декабря.

В «Сыне Отечества» попались мне стихи Ал. Крюкова,[2] которые я и прежде читал: «Воспоминание о родине»; я им обрадовался как старым приятелям. Не дурна и другая его пиэса «В память красавице». Крюков без сомнения подражатель Пушкину, но подражатель не бесталанный.

. . . .

23 Декабря.

. . . .

В другом роде прочел я разбор «Паризины» Вердеревского[3] по приведенным примерам видно, что этот перевод не без достоинства. Есть место, где с Вердеревским встретились Пушкин (в «Полтаве») и я (в «Семи спящих Отроках»), именно казнь Гюга, но я «Паризины» не читал: она мне до сих пор только известна по оценке ее в «Теле-

---

[1] Анонимная.

[2] Крюков, Александр Павлович (1802 — 1833) — поэт и прозаик, сотрудничавший почти во всех журналах и альманахах своего времени.

[3] Вердеревский, Василий Е., поэт двадцатых-тридцатых годов.— Кюхельбекер напечатал в своей «Мнемозине» стихотворение Вердеревского «Коннал и Гальвина» (I, стр. 116).

— «Parisina», поэма Байрона (1816 г.) — переведена Вердеревским на русский яз. в 1827 г.

графе», оценке, против которой рецензент «Сына Отечества» вооружается и, кажется, справедливо; не помню, чтобы в числе выписок «Телеграфа» находился упомянутый отрывок.⟩

. . . .

25 Декабря.

Вот уже и в третий раз провожаю Рождество в этих четырех стенах! Впрочем я сегодня, слава богу, вовсе не кручинился: было что читать — и время прошло так, что я и сам не заметил.

28 Декабря.

Попалась мне в «Сыне Отечества» повесть Крузе: «Дружба на Севере», которую я и прежде читал. Она на меня сегодня особенно сильно подействовала: мои лицейские товарищи так и ожили передо мною при этом чтении; раза два или три слезы невольно навертывались мне на глаза; этого ребячества признаюсь я не ожидал от себя на 37-м году такой жизни, которая, кажется, хоть кого бы должна отучить от плаксивости.*

---

* Здесь оканчивается тетрадь дневника за 1833 г. Она прошнурована, как и предыдущая, и скреплена подписью: «Исправляющий должность Свеаборгского коменданта плац-майор полковник Ш т р и к...»[1] Тетради вообще весьма грубой синеватой бумаги; кстати отметим: в разных местах дневника многие строки вычеркнуты, очевидно, комендантскою цензурою. (*Прим. ред. «Р. Ст.».*)

[1] Штриккер (см. «Р. Ст.», 1880, т. XL, стр. 448).

⟨3 Января.

В «Фарисе», переведенном Манасеиным* несколько очевидных опечаток: такое небрежение к труду молодого поэта, сверх того — поэта с дарованием, со стороны Г. г. Издателей «Сына Отечества» истинно непростительно. Перебранки с «Вестником Европы» в статьях: «Ящик» [1] показывают, до чего доходили нелепости Каченовского в 1829 году, но вместе до чего доходили безвкусие и плоскость сочинителей этих статей.

Выписок нет, потому что уже поздно и я устал.⟩

4 Января.

Нравится мне очень, что в «Сыне Отечества» какой-то Н. И. П. (вероятно Николай Иванчин-Писарев), [2] нападая на осмелившихся не ахать и не удивляться необъятной мудрости Карамзина, говорит о завистливой посредственности и под уровень этой посредственности подводит кого же? Аристофана, одного из величайших гениев всех времен и народов! Дай бог всякому Аристофанову посредственность, — тогда авось обойдемся и без зависти!

* — В писарской копии Дневника, хранящейся в Пушкинском Доме Академии Наук, значится: «В форме, приведенной Манасеиным». Писарь несомненно не разобрал фразы Кюхельбекера.

— «Фарис, Арабская Повесть в стихах», соч. Адама Мицкевича (буквальный подстрочный перевод с польского) — «С. О.» 1829, I, стр. 290 — 298; VI, стр. 241 — 247. Подп.: П. Манасеин. Мая 30 дня, К. Динабург. О П. Манасеине, см. на стр. 113 наст. изд.

[1] «Ящик» — один из подотделов большого отдела «Смесь» в «Сыне Отечества» (появился со второго тома за 1829 г.); большинство анонимных заметок в «Ящике» было направлено против «Вестника Европы» и его редактора М. Т. Каченовского.

[2] Иванчин-Писарев, Николай Дмитриевич (1796 — 1849) — поэт.

⟨Комедия: «Смешны мне люди»[1] должно быть не дурна; в двух сценах, напечатанных в «Сыне Отечества» на 1829 год, много хороших стихов, но довольно натяжек и пустословия. Подражание слогу Грибоедова очень заметно.⟩

Наконец могу сказать, что 1 января я опять принялся за своего «Сироту»; сегодня я в первый раз продолжал работу с удовольствием.

5 Января.

Прочел сегодня в «Сыне Отечества» отрывок романа Порфирия Байского:[2] «Гайдамак»; в нем много живости и бойкости, хотя подражание в образе изложения романам Вальтера-Скотта и слишком заметно.

. . . .

⟨14 Января.

Стихотворения в первых 4-х частях «Сына Отечества» на 1829 год почти все выходят из ряда тех, какие обыкновенно попадаются в журналах,. Два перевода Розена[3] из Аттербома[4] знакомят нас и весьма удачно с шведским поэтом, который стоит того, чтобы его знали и вне его отечества; заглавия этих двух пиэс: «Роза солнца» и «Роза и мотылек»; — последняя особенно игрива и свежа.

«Пробуждение весны», собственное стихотворение Розена, в духе двух его переводов. Однако же картина и метафоры тут народные, Русские.

---

[1] Подпись: — стъ — въ (Орест Сомов?).

[2] Порфирий Байский — псевдоним Ореста Сомова.

[3] Розен, барон Егор Федорович (1800 — 1860) — поэт и журнальный критик, сотрудничавший во множестве журналов. В 1831 — 1833 гг. издавал альманах «Альциона» и «Царское Село» (вместе с Н. М. Коншиным). — Стихи Кюхельбекера «К барону Розену», помещенные в III ч. «Мнемозины» (стр. 93), обращены к другому лицу — бар. Михаилу (Мартыну) Карловичу Розену (1796 — 1873).

[4] Peter-Daniel-Amadeus Atterbom (1790 — 1855) — шведский поэт и философ.

Кроме того, в № 21 прелестное во всех отношениях эротическое стихотворение: «Алине». В нем соединено все, что должно быть в подобной безделке: сладость, огонь, роскошь, благозвучие, сверх того нет ничего, чтобы хоть мало-мальски было неблагопристойно.

. . . .

Элегия Глебова [1] в 18-м № не без достоинства, хотя в ней механизм через чур небрежен. Особенно удачен переход после вопросов:

«Где-ж ты теперь?»
«В пустом краю, за светлою Невою,
Стоит вдали уединенный храм».

Самые басни Глинки, Масальского [2] и Бестужева-Рюмина [3] не совсем дурны; особенно второго: «Вареный чай» и первого — «Козленок и поросенок». Начало сей последней басни в духе наших народных сказок и песней и потому именно мне очень полюбилось.

. . . .

15 Января.

⟨Сегодня я начал 4-ю главу своего романа.⟩ [4]

В первый раз со дня моего прибытия сюда, кроме меня и соседа нет арестантов.

---

[1] Глебов Александр — поэт и переводчик двадцатых — тридцатых годов; сотрудник «В. Е.», «Нов. Лит.», «С. О.» и «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду».

[2] Масальский, Константин Петрович (1802 — 1861) — плодовитый поэт, прозаик и драматург, переводчик «Дон-Кихота Ламанчского»; издавал «Сын Отечества» в 1842 и 1849 гг.

[3] Бестужев-Рюмин, Михаил Александрович (умер в 1832 г.) — поэт, издатель альманахов: «Майский Листок» (1824), «Сириус» (1826), «Северная Звезда» (1829) и журнала «Северный Меркурий» (1830 — 1832).

[4] В список своих произведений, пересланный в 1845 г. Жуковскому, Кюхельбекер включил названия трех крупных прозаических опытов: «Последний Колонна» — роман в 2-х ч.; «Семинарист» — начало романа и «Дети генерала Лагранжа» — начало романа. О каком романе говорит Кюхельбекер в данном случае — установить невозможно. В письме к кн. В. Ф. Одоевскому от 23 марта 1825 г. Кюхельбекер сообщал: «Написал я две главы романа» («Р. Ст.», 1904, № 2, стр. 379).

23 Января.

«Взгляд на состояние русской словесности» Плаксина,[1] в «Сыне Отечества» на 1829 год, статья не без достоинства: в ней есть мысли новые, справедливые, резкие, но нет ничего целого, нет ничего удовлетворительного, много постороннего и много диковинок. ⟨К последним, между прочим, принадлежит самое начало, в котором сказано будто бы «в последней половине минувшего столетия язык наш обогатился превосходными творениями во многих родах поэзии и немногих» (спасибо по крайней мере за сей последний эпитет!) «прозы, но в большей части самых гениальных произведений сего времени видно стремление подражать древним или новейшим классическим писателям». Если последнее справедливо (чего и не отрицаю), — где превосходство и гениальность? И сверх того, где же (независимо от всякого если) множество превосходных, гениальных поэтических творений в словесности нашей с 1750 по 1800 год. Замечание о помехах усовершенствованию нашей литературы, особенно об обстоятельстве, что все наши писатели занимались ею только в часы досуга, — очень справедливо. Потом следует похвала двум талантам-преобразователям, т. е. Карамзину и Дмитриеву и апотеоза Жуковского, — «у него и его немногих последователей» находит Плаксин «в самых подражаниях, даже в самых ближайших переводах более особенности, нежели в произведениях предшественников его». А Державин? * — длинный, вовсе к делу неидущий эпизод о классиках и романтиках; впрочем тут довольно занимательны различные определе-

* Пропущено, повидимому, одно или несколько слов.

[1] Плаксин, Василий Тимофеевич (1795 — 1869) — писатель и педагог, автор нескольких учебников истории литературы и изящных искусств. В 1835 г. вместе с А. И. Галичем издавал «Летопись факультета», где поместил ряд статей по истории словесности и педагогике.

ния романтизма; кроме того в этом отступлении есть истинно хорошие мысли (их выпишу завтра). Вслед затем литераторы делятся на разряды: в числе этих разрядов есть разряд тайных литераторов; это — диво дивное! Потом исчисляются проповедники и оценены вообще (несмотря на злоупотребление слов много, множество, много творений, много писателей) довольно справедливо: забыт только Неофит,[1] которого не должно бы было забыть. Потом опять скачок к руководствам: о них сказано справедливо, что оне «чему-то учат, а едва ли чему-нибудь научают». Новый скачок приводит нас к журналам; наконец, общие рассуждения, довольно впрочем справедливые, но упавшие как будто с неба, о причинах, замедляющих успехи нашей словесности. Переход к поэзии: второй акафист Жуковскому, словцо о Батюшкове, слова два полусправедливых о Пушкине и Баратынском и несколько точек после двух-трех надутых фраз, вот и все. Вся лекция состоит из salto mortale: в ней автор мечется во все стороны; говорит много и о многом и обо всем очень поверхностно: системы, целого вовсе нет, но есть мысли и мысли искупают многое — pour employer le mot favorit de Monsieur.〉 *

31 Января.

И так и 1834-го года первый месяц канул в вечность! Январь был для меня уже три раза месяцем скорбных утрат: в 1829 году лишился я в январе, и чуть-ли не 31-го числа, друга моего Александра;[2] в 1831 году умер, в январе же, товарищ мой по лицею и приятель барон Дельвиг;[3] а в прошлом году, 31-го января, скончалась княгиня

---

* (Франц.) Употребляя излюбленное выражение г-на (автора).

[1] Неофит — епископ архангельский. Ряд его речей был напечатан в «Сыне Отечества».

[2] Грибоедова (убит 30 января 1829 г.).

[3] Дельвиг скончался 14 января 1831 г.

*

Варвара Сергеевна, [1] которую я мало знал, но почитал и любил, раз потому, что она того стоила, а во вторых, что она была искренним другом сестры моей Юлии. Что скажет нынешний год?

⟨Поутру я встал до того слабый, что принужден был после чаю опять лечь, сочиняю обыкновенно прохаживаясь; итак я полагал, что нынешнее утро так пропадет; а вышло напротив: стихи вязались как нельзя лучше.⟩

5 Февраля.

Бонштетен [2] в воспоминаниях о своей молодости говорит о своем деде: «всего дедушки не помню; в душе моей напечатлелся только образ старца в креслах, подающего мне дощечку шоколаду». Точно так и я когда-то помнил не деда своего, а только его белую карету; но теперь и об этом воспоминании во мне осталось одно воспоминание. Самая отдаленная картина в галлерее моего младенчества, картина, которая и поныне еще не вовсе изгладилась из души моей,— двор нашего дома в Владимирской улице, лошади с телегой и нянька моя Татьяна, взявшая меня на руки и поднесшая к окну, чтобы заставить смотреть на этих лошадей. Смутные воспоминания о Тепловых, о нашей детской комнате, о первой ребяческой ссоре с Мишею, [3] о Кириловне, о сытном хлебе, посыпанном сахаром, о том, что старший брат обедал прежде или после нас (потому что классные часы в Петровском училище того требовали) и пр. и пр., все эти воспоминания, хотя, кажется, и относятся к времени, предшествовавшему нашей первой по-

---

[1] Долгорукова, урожд. княжна Гагарина; на ее смерть Кюхельбекер написал стихотворение и посвятил его сестре Юлии Карловне (см. изд. Балицкого, стр. 153).

[2] Karl-Victor von Bonstetten (1745 — 1832) — швейцарский писатель.

[3] Миша — брат Кюхельбекера, Михаил Карлович.

ездке в Авинорм, [1] — однако не так отдаленны, как о помянутых лошадях...

7 Февраля.

С большим удовольствием прочел я прекрасную повесть А. М. «Испытание»[2] (в 135 части «Сына Отечества» 1830 года). В ней столько жизни, ума, движения и чувства, что без малейшего сомнения ее должно причислить к лучшим повестям на нашем языке. Автора я, кажется, угадал и сердечно радуюсь, если угадал. Благослови бог того, кто любезному отечеству нашему сохранил человека с талантом! [3] Sapienti sat. *

8 Февраля.

В «Сыне Отечества» на 1830 год отрывок из поэмы Подолинского:[4] «Нищий». Без сомнения, что в этом, хотя и очень небольшом, отрывке заметно дарование, но воля ваша, г. г. издатели, трудность размера, которую «будто бы поэт преодолел с необыкновенным искусством», [5] — по моему мнению им вовсе не преодолена: стихи его, для моего слуха хромают, так точно, как стихи того же размера и расположения в «Шильонском узнике» Жуковского.[6] Впрочем, что можно было сделать из этого раз-

---

* Знающему (мудрому) — достаточно (латин.).

[1] Авинорм — имение отца Кюхельбекера в Эстляндской губ.

[2] А. А. Бестужева-Марлинского.

[3] Речь идет об императоре Николае I, заменившем для Бестужева якутскую ссылку солдатчиной на Кавказе.

[4] Подолинский, Андрей Иванович (1806 — 1886) — поэт. Обширный отзыв Кюхельбекера о Подолинском см. на стр. 272 — 274 наст. изд.

[5] В примечании издателя, между прочим, указывается: «Вся Поэма написана четырехстопными мужескими стихами и равными стансами, в 18 стихов строфа. Это одна из пиитических трудностей, которую Г. Подолинский преодолел с необыкновенным искусством».

Четырехстопный ямб мужеского окончания был новшеством для русского стиха, знавшего только чередование мужеских и женских окончаний. Размер этот был пересажен Жуковским на русскую почву с английского языка.

[6] «The Prisonner of Chillon» — поэма Байрона (1816), переведена Жуковским размером подлинника в 1821 г.

мера на русском языке, совершенно не свойственного эпическому слогу, кажется, Подолинский сделал, или, по крайней мере, пытался сделать. Вторая строфа лучше первой, но и в ней беспрестанные ....,* особенно неприятные в этих стихах, слова лишние и непозволительные пропуски. Тоже самое, помнится, заметил я и в «Узнике» Жуковского. Похвалить однакоже должно Подолинского за то, что рифмы у него довольно разнообразны.

⟨Статью почтенного Влад. Кар. Бриммера: «Об истинном и ложном романтизме»,[1] каюсь, я, было, начал читать с мыслью, что кое-где случится мне и посмеяться насчет своего бывшего товарища по Обществу Любителей Наук и Художеств; но я нашел, что эта статья дельная и предельная, хотя я и не во всем согласен с Автором. Вот замечание очень справедливое: «кто не испытал, что творения Петрарки заставляют читателя погрузиться в самого себя, исследовать свое сердце, разобрать свои идеи etc. — Случается ли это при чтении Гомера или Софокла? — Гомер, кажется, так занимает внимание наше беспрестанным описанием битв и характерами своих героев, что нам не остается времени подумать о себе. Софокл заставляет нас трепетать перед неизбежным роком и мы напрасно желаем хотя когда-нибудь войти в святилище сердца». Замечу впрочем, что о Софокле я должен по необходимости поверить Бриммеру на слово, ибо вот уже 10 лет, как не заглядывал в творение сего трагика. Метафизика сердца, отвлеченные понятия, раздробление чувств и мыслей — по мнению Автора — составляют характер романтизма и потому-то он и Расина и Вольтера, Виланда и Тасса считает романтиками. — За эти две мысли, показывающие че-

* Здесь одно слово не разобрано в рукописи. *(Прим. ред. «Р. Ст.»).*

[1] Бриммер, Владимир Карлович, стихотворец, сотрудник журналов двадцатых годов.

ловека точно мыслящего, хотя вторую и можно бы подвергнуть точнейшему исследованию, — охотно прощаю Бриммеру его высокое мнение о Виланде etc., его нападки на Шлегелей, [1] Тика [2] и Шеллингистов: нельзя же требовать, чтобы все мыслили одинаким образом; благо и то, когда по крайней мере хоть мыслят, а не просто повторяют чужое.»

11 Февраля.

⟨(Получил письма от матушки, Юстины Карловны* и наконец и от брата — два).⟩ Из писем брата первое, от 20 октября, очень занимательно: он в нем описывает свое житье-бытье, говорит о местоположении Баргузина, о климате etc. и в конце сообщает мне несколько тамошних областных слов (жаль только, что не могу разобрать всех их): братан — cousin, сестреница — cousine, стоили бы того, чтоб их приняли в великорусское господствующее наречие.

14 Февраля.

«Вечер на кавказских водах в 1824 году» — сочинение А. М. [3] уступает в зрелости и оригинальности его повести «Испытание», но все же доказывает прекрасное дарование автора. В «Вечере» А. М. подражал несколько приемам Вашингтона-Ирвинга, а местами и Гофмана, впрочем и в подражании этом есть много истинно русского, много такого, что мог написать один только русский романист. Из рассказанных тут повестей последняя мне кажется самою разительною.

---

* В писарской копии Дневника, хранящейся в Пушкинском Доме Ак. Наук, пробел: повидимому пропущено одно или несколько неразобранных слов.

[1] August-Wilhelm и Friedrich Schlegel (1767 — 1845; 1772 — 1829) — немецкие поэты и теоретики искусства.

[2] О Тике см. на стр. 356 — наст. изд.

[3] А. Бестужева-Марлинского.

«Бесприютная», поэма Прова Максимовича[1] разобрана в «Сыне Отечества» на 1830 год — довольно, кажется, снисходительно. От другого критика досталось бы юноше-поэту за стишок:

«Давно-ль знакомы вы с тоской?»

Если можно назвать дарованием — чувствительность слуха и уменье писать гладко (но кто же ныне не пишет гладко?), — у Максимовича есть дарование. Однако должно же признаться, что в таком случае число людей с дарованием и у нас довольно будет значительно, а у Французов, Немцев, Итальянцев едва ли не всякий пишущий стихи приобретает право на название человека с дарованием. С вниманием я перечел все образщики хорошего в сей поэме, выставленные рецензентом, и еще довольно значительный отрывок, напечатанный отдельно в том же журнале — и нашел только четыре стиха, не совершенно пошлых:

«Соскучившись на Юге жить,
Весна, богатая дарами,
Пришла на Север погостить
И подарить его цветами.»

И следующие за ними недурны, — но в них ровно ничего нет нового, а стоит ли писать, если только повторять сказанное и пересказанное? Впрочем Максимович мог бы сказать, что у нас не слишком любят новое... В одном из номеров «Сына Отечества», предшествующих тому, где напечатан разбор «Бесприютной», помещено стихотворение какого-то Р-ча: «Итальянское утро»...[2] — в этой пиэсе говорится про зубы молоденькой девушки:

«В устах мелькнули два ряда,
Как бы очищенных миндалей».

---

[1] Пров Максимович — беллетрист, сотрудник «Сына Отечества» тридцатых годов.
[2] Подпись: Р—ч, — вероятно Раич.

Раич, Семен Егорович (1792 — 1855; настоящая его фамилия была Амфитеатров) — московский литератор и преподаватель сло-

Вернее и прелестнее уподобления трудно вообразить: но издатели почли обязанностью означить этот стих звездочкой и в заключение поставить знаки: ?!⟩

19 Февраля.

Прекратился для меня «Сын Отечества»; признаюсь, что жаль: мне было бы приятно прочесть известия о том, что именно ныне делается в области нашей словесности... но, кажется, меня хотят совершенно отделить от всего мало-мальски не старого: что делать? А, право, для поэта не слишком хорошо повторять одни зады!

⟨Между тем я в ожидании того, что принесет мне завтрашний день, принялся за Робертсонова «Карла» V.[1] Характеру Кардинала Хименеса[2] нельзя довольно удивляться: читая о нем, я по своему обыкновению в воображении драматизировал его историю.

Написал сегодня вступление в 5-ю главу «Сироты».⟩

13 Марта.

Десять дней комната моя не запиралась: это конечно почти все равно; однако же все же как-то легче дышится, когда знаешь, что у дверей твоих не висит замок! По крайней мере спасибо, что уважили же мою болезнь!

весности. В 1823 году издавал альманах «Новые Аониды» и в 1827 году вместе с Ознобишиным «Северную Лиру», редактировал журнал «Галатея» (1829 — 1830, 1839 — 1840). Раич писал небольшие лирические пьесы, которые помещал в различных журналах и сборниках. Ему также принадлежит перевод «Освобожденного Иерусалима» Тассо. — Раич руководил литературным кружком, в который входил молодой Тютчев; есть сведения, что в этот кружок входил и Кюхельбекер. Раич упоминается один раз в письме Кюхельбекера к Туманскому: «Поклонись за меня хорошенько... ученому Раичу («Р. Ст.» 1875, т. XIII, стр. 375). — Кюхельбекер поместил в своей «Мнемозине» стихотворение Раича «Ероты» (II, стр. 152). Кюхельбекер написал песню — пародию: «Раич, Раич, где ты бы?» (см. Записки Кс. Полевого, 1888, стр. 101).

[1] W. Robertson, «The history of the reign of the emperor Charles the Fifth».

[2] Jiménes или Ximénes (1436 — 1517) — кардинал, великий инквизитор Кастильский.

Читая Вяземского — п р о з у, и радуешься, и сердишься. Незнание языка, парадоксы, пристрастие у него на каждом шагу, но он мыслит, а не повторяет одно чужое, и это всего важнее. О наших дюжинных критиках он говорит очень справедливо:

«Не кстати критику применять на-обум к писателям, первенствующим в литературе, фразы готовые и ходячие, которые, как условленные вежливости разговорные, могут быть подносимы безразлично к (?) каждому лицу». (О прозе Жуковского в «Телеграфе» на 1826 год.)

. . . .

26 Марта.

Сегодня для меня был пир: прислали несколько книжек «Телеграфа» на 1830 год.

. . . .

В «Телеграфе» на 1830 год «Литературное зеркало» [1] и прочие выходки Полевого противу всех почти хороших наших стихотворцев, не исключая и Пушкина, — по крайней мере очень странны, если не более. ⟨Достойна примечания «Русская песня» на странице 65 «Зеркала»; — чудным образом подшутила судьба над сочинителем пародий — песня вышла очень не дурная, так что она скорее может назваться слишком близким, но довольно удачным подражанием, а не пародиею песен Дельвига.⟩

В суждении о «Невском Альманахе» другая диковинка: рецензент почти смешал с грязью Козлова, Языкова, Катенина,[2] — людей, в таланте коих одна глупость может сомневаться, — и превозносит «Предание» какого-то г-на К — ва.[3] Между тем в мастерском окончании этого «Пре-

---

[1] См. стр. 357 — наст. изд.

[2] В «Невском Альманахе» на 1830 г., изд. Е. Аладьиным, помещены стихотворения: Козлова — «Явление Франчески»; Языкова — «Элегия» и «А. Д. М—ву»; Катенина—«Вражда и Любовь» и «Песня».

[3] «Предание» (посвящено Н. М. К—чу) подп: К—в, стр. 465 — 471. — Метрическая схема этого стихотворения близка к гекзаметру, но с неравносложными анакрузами и неравносложными рифмическими концовками.

дания», им выписанном, я не мог разобрать меры, да и вряд ли кто найдет ее в этих стихах.

28 Марта.

Вчера забыл я отметить, что повесть Даля: «Цыганка»[1] (в «Телеграфе») не без достоинства, особенно хороши главные два лица Кассандра и Радукан, но гнусный разврат молдаван, который к счастью тут не подробно описан, а только обозначен, — возмущает душу и при одних намеках автора, намеках, впрочем, довольно ясных.

29 Марта.

В первой половине своего рассуждения об умственном воспитании детского возраста, Ястребцов[2] много говорит очень справедливо о недостатках нынешнего воспитания вообще и в России в особенности.

. . . .

Во второй Ястребцов объясняет собственную систему.

. . . .

Одним из главных условий хорошего воспитания Ястребцов полагает, «чтоб преподаваемые науки приготовляли, наивозможно скорее и легче, к тем сведениям, которых требует нынешний дух времени»; а потом утверждает, что дух сей есть «моральный, философский, геройский, но ищущий благосостояния физического». Вследствие сих двух положений автор советует обращать при первоначальном обучении главное внимание на науки механические и естественные и на живые языки европейские; при дальнейшем на науки политические.

---

[1] Даль, Владимир Иванович (1801 — 1872) — русский лексикограф и беллетрист, беллетристические произведения печатал под псевдонимом «Казак Луганский».

[2] Ястребцов, Иван Максимович (род. в. 1776 г. — год смерти неизвестен, во всяком случае не ранее 1841 г.) — педагог и писатель, действительный член российской Академии Наук; печатался в «Московском Наблюдателе», «Литературных прибавлениях к Русск. Инвалиду» и др. журналах.

Рассмотрим сперва основание, а потом и выводы г-на Ястребцова.

Если бы человек существовал единственно для земли, если бы все цели его бытия заключались и оканчивались единственно тем мгновением, в которое он является здесь, без сомнения было бы очень благоразумно устремить внимание единственно на требование сего мгновения, на наслаждения чувственные и благосостояние физическое, буде требует их только мгновение. Но самые требования настоящего *нашего* мгновения, или то, что Ястребцов называет духом нашего времени, противоречат этому мнению, ибо — *сколько знаю я наш век* — он отнюдь не ищет одних польз физических, напротив, к счастью, не только в Германии и Англии, но и во Франции, дух времени ныне не в пример более, нежели то было в 18 столетии, — благоприятствует направлению умов — в первой — *религиозно-философскому*, во второй — *чисто-религиозному*, а в третьей, по крайней мере — *размышляющему*.[1] Что теперь в отечестве Малебранша, Декарта и Паскаля один Cousin, во первых, не справедливо; Дежерандо, Гизо и некоторые другие мощные ему товарищи; во вторых, если бы это и было так, — Cousin, надеюсь, выше целой дюжины Гельвециев, Кондильяков, Дюмарсе и подобных. Что в Англии метафизика скончалась с последним ее воспитателем (или «воспитывателем», как то пишет автор) Стюартом, также ничего не доказывает, ибо чем же была в самое даже цветущее свое время — школьная метафизика англичан, не исключая и эдинбургцев? Метафизику англичан найдете не в Эдинбурге, не в Оксфорде, но в учении их проповедников, особенно методистов, — в стремлении евангельских их человеколюбивых обществ, библейском и других. Если бы все англичане жили только и единственно для машин, торговли,

[1] См. наше примеч. на стр. 358 наст. изд.

счетов и оборотов купеческих, — невозможно было бы объяснить существование и успехи помянутых обществ. О Германии и говорить нечего: она всегда была и будет отечеством мысли. Скажу впрочем мимоходом, что Ястребцов повидимому знает Германию только задним числом. В 1830 году говорит он о Фихте и Шеллинге, но должно заметить, что если где, так именно в Германии ныне несколько поохладели к метафизике, впрочем только к школьной; метафизика (в истинном значении сего слова — наука о предметах не физических, выше — (metà) — физических) ныне у немцев в тесном союзе с верою и от нее заемлет теплоту и силу. Дух времени слово очень неопределенное. Нет сомнения, что дух нашего времени благоприятствует наукам естественным, механике и наукам политическим. Но благоприятствует-ли им исключительно? Самая поэзия не в лучшем-ли ныне цвете, нежели в 18 столетии? Ужели Байрон, Мур, Скотт, Сутей, Казимир де-Лавинь, Ламартин, Альфред де-Виньи, Манцони, немцы, с Гёте до наших современников, Тегнер, Валин, Мицкевич, Пушкин, Грибоедов и пр., стоят не выше Попе и Аддисона, Вольтера и Делиля, Виланда, Клейста, Бодмера?[1] Мне кажется неоспоримым, что главный при-

---

[1] Малебранш (Nicolas de Malebranche, 1638 — 1715) и Декарт (René Descartes, 1596 — 1650) — французские философы. Паскаль (Blaise Pascal, 1623 — 1662) — французский геометр и философ. Кузен (Victor Cousin, 1792 — 1867) — французский философ, основатель так. назыв. «эклектической школы» в философии; в России под его влиянием находился Ник. Полевой. Дежерандо (Joseph-Marie, baron Degérando, 1772 — 1842) — французский философ и публицист. Гизо (François-Pierre-Guillaume Guizot, 1787 — 1874) — французский историк и государственный деятель. Гельвеций (Helvétius, 1715 — 1771) — французский писатель и философ, принадлежавший к группе энциклопедистов. Кондильяк (Etienne Bonnat de Condillac, 1715 — 1780) — французский философ, глава школы сенсуалистов. Дюмарсе (Cesar Chesneau Dumarsais, 1676 — 1756) — французский грамматик, редактор отдела грамматики «Энциклопедии» Дидро. Стюарт (Dugald Stewart, 1753 — 1828) — философ шотландской школы. Эдинбург и Оксфорд — Эдинбургский и Оксфордский университеты, одни из самых старинных в Европе. Един-

знак духа нашего времени — тесный союз, взаимное вспомоществование, гармония между силами двух миров, слившихся в груди человеческой. И одно сие сближение объясняет мне удовлетворительно те великие открытия, какие даровались нашему времени и в мире духовном, и в мире вещественном. Прекрасно говорит автор выше, что «воспитание должно не препятствовать физическому и способствовать, как можно более, умственному развитию детей». Но одни практические науки развивают-ли, как можно более, ум? пробуждают-ли они — мысль? Дорога к уму детскому пролегает не по области сердца и фантазии. (Впрочем явно, что автор и я под словом ум разумеем не одно и то же: у него ум — способность рассчитывать светские выгоды, обогащаться ее сведениями

бургский ун-т был основан в 1583 г., Оксфордский ун-т (University college of Oxford) основан в незапамятные времена (около 872 г. нашей эры). Фихте (Johann-Gottlieb Fichte, 1762 — 1814) — немецкий философ. О Шеллинге и Байроне, см. выше. Мур (Thomas Moore, 1779 — 1852) — ирландский поэт, автор «Lalla Rook» и др. О Скотте, см. выше. Сутей (Robert Southey, 1774 — 1843) — английский поэт так назыв. «озерной школы». Казимир Делавинь (Casimir Delavigne, 1793 — 1843) — поэт, член французской Академии. О Ламартине, см. выше. Альфред де-Виньи (Alfred-Victor, comte de Vigny, 1797 — 1863) — французский поэт и романист. Манцони (Alessandro-Francesco-Tommaso Antonio Manzoni, 1785 — 1783) — итальянский поэт и прозаик. Тегнер (Essaias Tegnér, 1782 — 1846) — шведский поэт. Валин (?; может быть Далин?, но Далин принадлежит первой половине XVIII в., 1708 — 1763). Мицкевич (Adam Mickiewicz, 1798 — 1855) — польский поэт, зачинатель польского романтизма. О Грибоедове и Попе, см. выше. Аддисон (Joseph Addison, 1672 — 1719) — английский поэт и журналист. Делиль (Jacques Delille, 1738 — 1813) — французский поэт, автор знаменитой поэмы «Jardins» (1780); мало вероятно, чтобы Кюхельбекер имел в виду Delisle, легкого поэта — по прозвищу Delisle-Couplet (умер в 1784 г.). Виланд (Christoph-Martin Wieland, 1773 — 1813) — немецкий поэт и прозаик. Клейст; — по смыслу абзаца, Кюхельбекер имеет в виду Ewald Christian von Kleist (1715 — 1759); мало вероятно, чтобы речь шла о Heinrich-Wilhelm von Kleist (1774 — 1811) — знаменитом романтике, деятеле германского национально-патриотического движения, или же о Franz-Alexander von Kleist (1769 — 1797) — незначительном поэте, рано умершем и вскоре забытом. Бодмер (Johann-Jakob Bodmer, 1698 — 1783) — швейцарский поэт и критик.

общеполезными; я называю умом — мыслящую силу — главное преимущество человека перед бессловесными). Кажется не подлежит сомнению, что природа, производя на свет детей, имеет в виду цель общую, а не частную, не механику, политику etc. — а человечность (Humanität). Если ребенок может со временем приобрести хорошие сведения механические, химические, политические, — тем лучше. Но главное, раскрой его человечность, его мысль, его душу! Нужно-ли сказать, что этого не достигнешь, если не положишь в основание воспитанию его сведений и чувствований религиозных, нравственных и отчасти принадлежащих области изящного?

Естественные науки, без сомнения, должны непременно войти в состав самого первого воспитания дитяти, — но пусть они ведут его от творения к творцу. Механику я заменил бы географиею и астрономиею (разумеется, сообразными с силами ребенка), ибо машинистам не всем же быть, а получить в понятии об огромности вселенной мерило для неизмеримого творца — благотворно и для будущего государя, и для будущего пахаря.

Еще прочел я вчера же отрывок из романа Лажечникова: «Последний Новик».[1] По отрывку видно, что это очень близкое подражание манере Купера:[2] топография Нейгаузена и окрестностей совершенно в роде американского романиста, но к несчастью эти топографии и у Купера довольно скучны, а дикая Америка в своих исполинских очерках не чета же нашей Лифляндии! Удачнее изображе-

---

[1] Лажечников, Иван Иванович (1794 — 1869) — писатель, автор известных исторических романов: «Последний Новик» (отд. изд. 1832 г.), «Ледяной Дом» (1835), «Басурман» (1838).

[2] James-Fenimore Cooper (1789 — 1851) — американский писатель-романист; в тридцатых и сороковых годах романы Купера из северо-американской жизни были весьма популярны в России. Белинский объявил Купера «величайшим художником», ставил его выше Вальтер-Скотта, а печатавшийся в 1840 г. в «Отечественных Записках» роман его «Следопыт» (The Pathfinder) назвал «Шекспировской драмой в форме романа».

ния Паткуля, военного суда, раскольника, но и тут слишком приметно подражание.

30 Марта.

Несколько писем Словцова к брату.[1] Давно уже письма Словцова, всякий раз, когда попадались они мне в журналах, возбуждали во мне живое сердечное участие. И он когда-то был несчастлив: из каждой почти строки его писем несется какой-то отголосок прежних скорбных ощущений, наполнявших душу его в заточении. Словцова слог, просто сказать, дурен: но можно-ли думать о слоге, когда везде видишь или, лучше сказать, слышишь его глубокомыслие, его чувство? Какая разница между ним и господином издателем «Телеграфа!»[2] Вот что например пишет Словцов:

«Знаю, что ныне нет славы для страны, если нет мануфактур, но можно-ли простодушно смотреть на служителей мануфактур, исчезающих то в зависимой нищете от ограниченных привычек, то в здоровье от запертой жизни? Нет, пусть у нас за Уралом не будет богачей, etc...; за то наши Зауральцы не сделаются вице-машинами и не будут терпеть от машин, как в Англии!»

А вот и замечание премудрого господина Полевого: «почтенный автор, кажется, не с надлежащей точки зрения и весьма односторонно смотрит на мануфактурную промышленность. Вопрос оной весьма сложен и выводы противны его выводам».

1 Апреля.

Статьи в «Живописце» Полевого[3] сбиваются несколько на слог и приемы подобных статей в «Благонамеренном»;[4]

---

[1] Словцов, Петр Андреевич (1767 — 1843) — сибирский историк, этнограф и поэт (его стихи, см. в «Пантеоне русской Словесности» Мартынова). Письма Словцова к брату являются продолжением его книги «Письма о Сибири» (Спб. 1826).

[2] Н. А. Полевым.

[3] «Новый Живописец Общества и Литературы», составленный Николаем Полевым, ч. I, М. 1830. ч. II — М. 1831, ч. III — М. 1832; выходил в качестве приложения к «Московскому Телеграфу».

[4] «Благонамеренный» — журнал, издававшийся А. Е. Измайловым с 1818 по 1827 г. в Петербурге. В «Благонамеренном» участво-

но, по моему мнению, польза от них очевидная, и Полевой заслуживает истинную признательность не за форму и вымыслы своего «Живописца», а за множество истин, которые пора бы давно высказать. Нельзя не благодарить бога и вместе нельзя не быть признательным и к правительству, что наконец с ябедников, взяточников, пиявок и воров всякого разбора, etc. можно ныне смелою рукою срывать личину, под которою они так долго скрывались. Желал бы я очень, чтобы этот «Живописец» Полевого не прекращался; в литературном отношении от него не много пользы, но тем более в нравственном.

6 Апреля.

Читая «Телеграф» на 1831 год, начинаю уважать Полевого не только, как литератора, но и как человека. Он заключил мир с Гречем и Булгариным:[1] между тем судит о их произведениях беспристрастно, а иногда и строго. Это делает ему истинную честь. Вот что между прочим он говорит о романе: «Петр Иванович Выжигин»:[2]

«Он» (автор) «хотел непременно вместить в одно и то же сочинение — и картины нравов, и события исполинского 1812 года, и любовные похождения героев романа, и великие исторические лица. Вышла такая смесь, что читаете и изумляетесь намерению автора...

вали члены основанного в Петербурге в 1801 г. «Общества Любителей Словесности», председателем которого был А. Е. Измайлов и членом которого в 1817 г. был избран В. К. Кюхельбекер. — В «Благонамеренном» Кюхельбекер поместил несколько своих произведений.

[1] «Сын Отечества» и «Северная Пчела» первоначально были весьма враждебно настроены к процветавшему «Московскому Телеграфу» и осыпали его бранью и придирками по самому ничтожному поводу (напр.: «Северная Пчела» посвятила целую колонну своего 125 № за 1825 г. указанию на одну ошибку, допущенную «Моск. Тел.» в цитате из Мольера). В свою очередь «Моск. Телеграф» не оставался у них в долгу. — Однако, отношения Полевого с Булгариным и Гречем постепенно изменялись; отзывы «Северной Пчелы» впоследствии были весьма благоприятны для прежнего недруга (см. напр. рецензию на «Византийские легенды» Полевого 1841 г.).

[2] «Петр Иванович Выжигин. Нравоописательный исторический роман XIX века». Спб. 1831.

О Ф. В. Булгарине — авторе «Выжигина», — см. на стр. 358 — наст. изд.

Всего несообразнее то, что весь 1812 год вмещен в роман со всеми его ужасами и чудесами (по крайней мере автор старался об этом) и эти чудеса истории перепутаны с мелкими приключениями двух любовников. От сего являются в романе два главные героя: Наполеон и Петр Иванович Выжигин! Они идут рука об руку, не могут расстаться и заставляют нас дивиться тому, как не усмотрел этой несообразности сочинитель».

Выше, рассуждая вообще, Полевой говорит:

«Не вставляйте огромных исторических действователей в вашу тесную раму бедного, мелкого мира, где была буря в стакане воды, когда в то же время горизонт целого государства или государств пламенел от пожара, рушившего царства и изменившего судьбы народов».

Помнится, что говорю почти тоже в отметке, в которой упоминаю об этом романе Булгарина, и в другой, в которой осмеливаюсь высказать свое мнение об «Аббате» Вальтер-Скотта. Очень я рад, что мысли мои встретились с мыслями самого деятельного и дельного из наших журналистов.

Жаль, право, что при неоспоримых достоинствах, при рвении ко всему благородному, полезному и прекрасному и многих познаниях Полевого, у него иногда встречаются суждения, похожие на его премудрое замечание о Словцове, — а иногда почти ребяческое... невежество. Примером последнего может послужить слово многобожие, которым Полевой передает греческое: пантеизм, в переводе разбора «Истории крестовых походов» Мишо. [1]

. . . .

8 Апреля.

[Прочел]* повесть Марлинского: «Страшное гаданье», которая доказывает великий талант автора, однако, ис-

---

* ? Вставлено нами по смыслу предложения.

[1] Joseph-François Michaud (1767 — 1839) — французский публицист и историк. Его известный труд «Histoire des Croisades» появился в печати в 1811 — 1822 гг. Отрывки из этого труда появились в переводе в «С. О.» 1821 — 1822.

кренно признаюсь, по моему мнению должна уступить его повести: «Испытание», в коей вижу я более оригинальности и менее подражания, более даже истинного воображения, не смотря на то, что в ней нет чертовщины, нежели в «Страшном гаданье»; ⟨наконец исполненную резких и новых мыслей статью о «Новой школе в поэзии французской».⟩

. . . .

11 Апреля.

Один из примечательнейших дней в моей жизни с самого начала моего заточения.

Сколько родилось и пробудилось во мне! Но не для меня радость: я при ней хуже, чем при скорби. Впрочем могу-ли назвать добродетелью то, что при малейшем нарушении порядка моей однообразной жизни теряет силу свою? И так напрасно я сказал, что при радости я хуже, чем при скорби: радость только для меня явление необыкновенное, а потому-то при ней сильнее обнаруживается мой внутренний человек, чем при скорби, к которой я уже привык и которая посему на меня и слабее действует.

17 Апреля.

⟨Читаю и не замечаю, как время летит; но должно быть умеренным во всем. От сегодняшнего чтения мало останется в голове; — перебегаю со статьи к статье и боюсь остановиться на тех, которые по заглавию кажутся мне особенно занимательными: берегу их pour la bonne bouche. * — Замечу, однако, из Библиографий следующее:⟩ Полевой отзывается слишком небрежно и несправедливо о переводе Шиллерова «Валленштейна» Шишковым:[1] раз,

---

* На закуску (франц.).

[1] Александром Ардалионовичем, переводчиком.

— «Wallenstein» — драматическая трилогия Шиллера: «Лагерь Валленштейна», «Пикколомини», «Смерть Валленштейна» (играно впервые в Веймаре в 1798 г.).

этот перевод точнее, вернее и не в пример стихотворнее Ротчевских;[1] во вторых, не слишком понимаю, чего Полевой хочет от наших переводчиков? — почему он называет только литографиями переводы в роде перевода Шишкова? В них довольно высокая (если и не самая высшая, возможная на русском) степень точности и верности и притом соединена с поэзиею: ужели это не дает права на название живописного снимка? лучше-ли Вронченкины[2] переводы? Они, правда, почти надстрочные; но вернее-ли? Где у Вронченки гармония стихов Мильтона? сила и свобода Шекспировы? все у него связано, все приневолено, везде виден труд, везде русский язык изнасильствован. Букву, тело своего подлинника, конечно, передает Вронченко; за то Шишкову доступнее душа, поэтический смысл переводимых им авторов. Впрочем скажу с Альфредом де-Виньи: совершенного перевода нет и не может быть. Сверх того, как часто, и к несчастью бо́льшею частью справедливо, жалуется издатель «Телеграфа» на леность наших писателей, на охоту их заниматься вздором! Но вот является прекрасное начало труда не легкого, труда во всех отношениях похвального, достойного одобрения— и что же? Полевой, написав несколько поверхностных, резких и в добавок несправедливых замечаний, говорит: «и так о переводах г-на Шишкова не скажем более ни слова!» Конечно, Шишков не Вельтман[3] и не

---

[1] Ротчев, Александр Гаврилович (1813 — 1873) — писатель и переводчик; печатался в «Сев. Пчеле».

[2] Вронченко, Михаил Павлович (1801 — 1855) — переводчик Мицкевича, английских и немецких поэтов.

[3] Вельтман, Александр Фомич (1800 — 1870) — беллетрист и археолог. Кюхельбекер высоко ставил Вельтмана — прозаика, неоднократно восхищался «народностью» его произведений и заочно посвятил ему свою поэму «Вечный Жид» (см. посвящение в «Р. Ст.» 1878, т. XXI, стр. 404: ...«примите, милостивый государь, мои отрывки: я вам их посвящаю, потому что не знаю чем иным отблагодарить вас за удовольствие высокое и живое, какое доставили мне ваши сочинения...»).

Ушаков,[1] друзья и сотрудники издателя «Телеграфа»; но больно мне думать, что Полевой меня морочит, когда говорит о своей любви к отечеству, языку русскому, просвещению, о своем беспристрастии, бескорыстии etc.

18 Апреля.

Прочел я — во первых: отрывок из сказки Гофмана: «Золотой горшок»;[2] воображение и тут тоже дикое, страшное, но мощное; о целом однако же нельзя судить по отрывку; во вторых: примечательную статью барона Экштейна «О драме в Англии до Шекспира и о Шекспировой драме».[3] Многоречивое вступление в эту статью заставило меня ожидать, что она будет полнее. Разумеется, что с католическими парадоксами Экштейна я, искренний протестант, никак не могу согласиться, да с ними едва ли может согласиться и католик, только бы был не совершенно слепой. Вот образчик: Экштейн называет протестантизм «угнетающим, гонителем философии, поэзии, искусств». Не всякий протестантизм — пуританство, точно так, как и католик Фенелон[4] не тоже, что Торквемада.[5] ⟨Есть впрочем мысли, с которыми я совершенно со-

---

[1] Ушаков, Василий Аполлонович (1789 — 1838) — критик и романист. В №№ 21 и 22 «Литературных Листков» за 1824 г. он напечатал за подписью —ій—овъ «Письмо к Издателю» («Литер. Листков» — Булгарину), в котором оспаривал основные положения знаменитой статьи Кюхельбекера («О направлении etc.»). На статью Ушакова отвечал В. Ф. Одоевский в четвертой части «Мнемозины», что вызвало новую анти-критику Ушакова («Антикритика. Ответ Кн. В. Ф. Одоевскому» — «С. О.», 1825, ч. 104, № XXI, стр. 99—107).

[2] Заимствовано из сборника «Phantasiestücke in Callot's Manier, Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Enthusiasten», 1814 — 1815, Bamb.).

[3] Ferdinand, baron d'Eckstein (1790 — 1861) — французский публицист.

[4] François de Salignac de La Mothe-Fénelon (1651 — 1715) — французский богослов и прозаический писатель.

[5] Thomas Torquemada (1420 — 1498) — великий инквизитор Испании, знаменитый своей жестокостью.

гласен — например: «Чем сильнее становится наше промышленное (industrielle) просвещение, тем более и более чувство изящного, любовь к простоте и истине изглаживаются в людях».

Сверх того просто историческое в этой статье очень важно; я им воспользуюсь в другой раз.〉

. . . .

28 Апреля.

Fiat justitia et pereat mundus! * Хотя и жаль, а должно же наконец сказать, что Батюшков вовсе не заслуживает громких похвал за «Умирающаго Тасса», какими кадили ему за это стихотворение, когда он еще здравствовал, и какими еще и по ныне например в «Телеграфе» кадят за оное его памяти. «Умирающий Тасс» перевод с французского; подлинник охотники могут отыскать в французском «Альманахе Муз» 90-х годов; автор—женщина. [1]

О «Письме к Эрману» Марлинского [2] Полевой говорит: «по нашему мнению в русской словесности нет ничего, чтобы можно было поставить рядом с этим произведением, где поэтическими красками изображены две дикие живописные страны России, — Сибирь и Кавказ, и где не знаете, чему более удивляться: науке или поэзии, жизни или дару слова». Искренно признаюсь, я, прочитав это письмо, также удивляюсь — а именно удивлению Полевого и его стран-

---

* Да свершится справедливость и да погибнет мир (латинская пословица).

[1] См. стр. 359 наст. изд.

[2] Доктор Georg-Adolph Ermann (1806 — 1877) — профессор Берлинского университета; в 1822 г. предпринял большое путешествие по Сибири. В начале 1829 года Эрман встретился с А. Бестужевым, сосланным в Якутск. — У Шамиссо (1781 — 1838) есть поэма «Die Verbannten», 2-ая часть которой посвящена Бестужеву и его встрече с Эрманом (на русский язык поэма эта не переведена).

ному идолопоклонству такому произведению, которое в глазах моих умная шалость — и только. Говорю это смело, ибо верно никто другой охотнее меня не отдает полной справедливости Марлинскому; на это сто и одна причина; вот некоторые: он был мне искренний приятель; — я знаю и уверен, что он человек с большим талантом; — мы оба пали под одним и тем же ударом Рока. Но еще раз: fiat justitia et pereat mundus; * письмо к Эрману в глазах моих гораздо ниже повести: «Испытание», и даже других двух рассказов, уступающих оной: «Вечер на Кавказских водах» и «Страшное гаданье». Особенно мне не по нутру это злоупотребление остроты и дарования, эта неугомонная ловля каламбуров, иногда впрочем удачных, которою Марлинский в письме к Эрману меня иногда совершенно выводит из терпения.

1 Мая.

Вынул я из чемодана свою поэму: «Юрий и Ксения»[1] с тем, чтоб ее выправить. Сегодня прочел я первые четыре песни и оказалось, что я, вероятно, к этому произведению не довольно еще простыл; ошибки, какие я заметил, не слишком важны, — кое-где лишнее, — приступ несколько спутан etc. Анахронизмов решительно не выправлю: пусть они останутся на забаву будущим моим критикам, — если только будут у меня когда-нибудь критики.

2 Мая.

Читаю повесть Марлинского: «Амаллат-Бек». Она для меня вдвойне занимательна: раз потому, что чуть ли не лучшее сочинение Марлинского (разумеется, из читанных мною), а во вторых, потому что Амаллата и Верь-

---

* Да свершится справедливость и да погибнет мир. (лат.)
[1] См. стр. 83 наст. изд.

ховского я лично знавал.[1] Кажись, будто вчера был тот Новый год, когда разговаривал я с первым у А. Вельяминова,[2] а с той поры прошло 13 с лишним лет! Верховский был также человек истинно отличный; мы с ним ладили.

8 Мая.

В «Телеграфе» разбор Кс. Полевого[3] «Душеньки» Богдановича.[4] В этом разборе есть много очень дельного и справедливого; не понимаю я только охоты издателя «Телеграфа» и его товарищей (из которых, без сомнения, самый лучший Ксенофонт) вечно начинать с яиц Лединых. Речь о Душеньке: к чему тут короткое обозрение истории Франции, начиная с Наполеона и восходя до Людовика XIV? И сколько в пышных фразах обозрителя

---

[1] Амаллат-Бек — колоритная фигура кавказского горца — непримиримого врага России. В декабре 1822 г. в Дербентском крае началось движение против русского владычества; полковник Верховский с батальоном отправился в каракайдакские деревни, где по слухам готовилось восстание. На обратном пути, возле Дербента, он был убит Амаллат-беком и его тремя слугами. Незадолго перед этим, в 1820 г., Амаллат-Бек сдался на милость победителей, получил пощаду и, по просьбе Верховского, был определен прапорщиком в русскую армию. После убийства Верховского, Амаллат-Бек бежал в Аварию, где его провозгласили ханом. — Кюхельбекер мог встретиться с Верховским и Амаллат-Беком во время своего пребывания на Кавказе в 1821 г. — Убийство Верховского и история Амаллат-Бека послужили материалом для повести А. А. Бестужева-Марлинского.

[2] Вельяминов, Алексей Александрович (1785 — 1838) — генерал-лейтенант, ближайший сподвижник и сотрудник А. П. Ермолова на Кавказе, где и протекла по преимуществу его административная и военная деятельность. — Свое знакомство с А. А. Вельяминовым Кюхельбекер засвидетельствовал в показании Верховной Следственной Комиссии по делу о декабристах (см. «Восстание декабристов». Центрархив, т. II, стр. 142).

[3] Полевой, Ксенофонт Алексеевич (1801 — 1867) — критик, брат известного Николая Полевого, с которым тесно связаны его деятельность и судьба.

[4] Богданович, Ипполит Федорович (1743 — 1802) — поэт и драматург. Поэма «Душенька», написанная около 1775 г. и напечатанная впервые в 1783 г., была чрезвычайно популярна и до 1841 г. выдержала 15 изданий.

полусправедливого и совершенно ложного! Можно ли например утверждать, что при Людовике XIV во Франции не было религии? Можно ли Боало [1] и Реньяра [2] ставить на одну доску с Доратом, [3] Башомоном, [4] Берни? [5] Можно ли регенту [6] придать эпитет: ничтожной памяти?

Но вот и хорошее: «Неужели», — говорит Ксенофонт Полевой, «и в наше время еще не понимают, что чернь, толпа не заключается в границах, отмеренных масштабом гражданских установлений; неужели на площадях только толпится чернь? Нет! она не повинуется гражданским законам, наряжается в платье почетных людей и наводняет собою гостиные также, как и грязные улицы и кабаки. Если принять в собственном значении слово душегубец, то никто не погубил столько душ, как эта разноцветная и разночинная толпа, эта чернь, подразделяющаяся и на знатных, и на мелких, и на богатых, и на нищих».

. . . .

---

[1] Nicolas Boileau Despréaux (1636 — 1711) — французский поэт и теоретик поэзии. К Буало Кюхельбекер относился весьма холодно; он упоминает это имя в статье «О направлении etc.»: «сатиры остряков прозаической памяти Горация, Буало и Попа» (стр. 33).

[2] Jean-François Regnard (1655 — 1709) — французский комический поэт.

[3] Claude-Joseph Dorat (1734 — 1780) — аффектированный и легкомысленный французский поэт XVIII века. — О нем упоминает Кюхельбекер в поэме «Вечный Жид» (6-й отрывок):

«А между тем Дора́, Бернар и Сен-Ламбер
Без мысли и печали
Свои стишки водяные кропали...
Им всем в провинции жестоко подражали...»

(«Р. Ст.», 1778, т. XXI, стр. 447 — 448; также в изд. Балицкого.)

[4] François Bachaumont (1624 — 1702) — французский писатель, сотрудник Шапеля.

[5] François-Joachim de Bernis (1715 — 1794) — прелат и поэт.

[6] Регент — Ришелье.

15 Мая.

В 1832 году издали свои стихотворения Гнедич и Давыдов. [1] То-то бы меня одолжили Пушкин или родные мои, если бы меня порадовали этими новинками! Особенно желалось бы мне почитать старика Дениса.

16 Мая.

Вчера забыл я отметить, что при чтении того, что Полевой говорит о «Наполеоне» Дюмаса, [2] во мне живо пробудилась мысль о «Вечном Жиде». Я его, было, уже начал в 1832 году формою эпическою; но ныне он ожил для меня в одежде драматической мистерии. Впрочем, может быть, если в самом деле примусь за него, сохраню и повествовательный отрывок, который будет служить, так сказать, прологом, введением в трагедию. В воображении моем означались уже четыре главные момента различных появлений Агасвера: первым будет разрушение Иерусалима, вторым падение Рима, третьим поле битвы после Бородинского или Лейпцигского побоища, четвертым смерть его последнего потомка, которого мне вместе хотелось бы представить — и вообще последним человеком. Но между третьим и вторым должны быть непременно еще вставки, например изгнание жидов из Франции в XIV, если не ошибаюсь, столетии.

17 Мая.

Примечательный день! Во первых по утру вынул я из чемодана своего «Агасвера», [3] прочел его, и мысли, как про-

---

[1] Давыдов, Денис Васильевич (1784 — 1839) — поэт-партизан. В 1816 г. Давыдов был избран в члены «Арзамаса», где получил прозвище «армянина». — Кюхельбекер поместил в своей «Мнемозине» — «извлечение из записок генерал-майора Д. В. Давыдова» (I, стр. 13 сл.).

[2] Alexandre Davy de la Pailleterie Dumas (1803 — 1870) — франц. романист и драматург. — «Наполеон» Дюмаса — «Napoléon Bonaparte» — одна из ранних пьес Дюма.

[3] Т. е. поэму «Вечный Жид».

должать, стали толпиться в голове моей: если удастся,— «Вечный жид» мой будет чуть ли не лучшим моим сочинением. Во вторых получил я давно ожидаемого «Тасса» Кукольника.[1] Разумеется, что я тотчас с жадностью принялся за трагедию: в ней много, много превосходного; читая многие места, я невольно плакал. Судить о творении Кукольника я еще не в состоянии: но у него талант великий, хотя, кажется, и не совсем драматический.

19 Мая.

Читая «Телеграф» на 1832 год, часто я готов подумать, что спал лет двадцать Эпименидовым сном и вдруг проснулся! Сколько перемен во мнениях, в образе мыслей читающего и пишущего мира, как в Европе, так даже у нас в России!

Благоговение французов к веку Людовика XIV совершенно, кажется, исчезло; впрочем эта перемена еще не самая удивительная: я ее предвидел еще в 1821 году, в бытность мою в Париже. Но, если только верить Полевому, которому впрочем боюсь верить слепо, — немцы спохватились, что и у них еще собственно нет народной словесности. Уланд,[2] Берне,[3] Менцель[4] и Гейне[5] (по

---

[1] Кукольник, Нестор Васильевич (1809 — 1868) — поэт и драматург. Выступил с большим успехом на столичной литературной арене в 1832 г. с драматической фантазией «Торквато Тассо». — В письме к Пушкину от 3 августа 1836 г. из Баргузина Кюхельбекер писал: — «не слишком ли ты строг и к Кукольнику?... язык Кукольник знает плохо, стих его слишком изнежен, главный порок его — болтовня; но все же он стоит, чтобы на пр. ты принял его в руки: в нем мог бы быть путь; дай ему более сжатости, силы, бойкости: мыслей и чувства у него довольно, особенно (не во гнев тебе) если сравнить его кое с кем из наших сверстников и старших братий». (Переписка Пушкина, изд. Акад. Н., т. III, стр. 361).

[2] Johann-Ludwig Uhland (1787 — 1862) — немецкий поэт.

[3] Ludwig Börne, в еврействе Löb Baruch (1786 — 1837) — немецкий публицист.

[4] Wolfgang Menzel (1798 — 1873) — немецкий публицист и историк.

[5] Heinrich Heine (1797 — 1856) — знаменитый немецкий поэт.

словам Полевого) — нынешние корифеи немцев. И у нас критика заговорила таким голосом, каким еще не говаривала. Кажется, наши мнимо-великие, начиная с альфы до омеги, скоро, скоро будут тем в глазах не одного Полевого, чем были они в моих глазах еще в 1824 году. Пора! Но к пишущим, действующим, Полевой, по моему мнению, слишком строг, иногда даже несправедлив: жизни и движения, прилежания и любви к искусству, у нас, конечно, еще не слишком много, — но все же не в пример более, чем за десять, за двадцать лет, и этому то приращению сил и усердия следовало бы подчас отдавать справедливость.

20 Мая.

Сегодня перечел первые три действия Кукольникова «Тасса»: стихов прекрасных много, но целое — слабо.

Мне жаль вымолвить это; да делать нечего. Не стыжусь, что трагедия меня сильно встревожила: в моем ли положении не принять участия в страданиях Тасса, хотя бы эти страдания были изображены человеком без малейшего таланта? А в Кукольнике напротив талант, и не малый, хотя и не драматический.

. . . .

27 Мая.

⟨[Получил письма: от матушки и от сестрицы Юлии Карловны к матушке из Неаполя. Графиня Полье отправляется в Сицилию, а, может быть, оттуда переедет и в Мальту. Кроме писем прислали мне еще несколько томов Гете, белье и табачный кисет Наташиной [1] работы: добрая мне его приготовила в подарок к моим именинам, которые очень кстати завтра.]⟩ *

* Взятое в квадратные скобки зачеркнуто в писарской копии.

[1] Наташа — племянница Кюхельбекера, Наталья Григорьевна Глинка.

В «Телеграфе» прочел я вчера примечательное рассуждение Виктора Гюго о поэзии.[1] Не согласен я, будто бы стихия смешного так мало проявляется в поэзии древних, как то утверждает Гюго. Напрасно говорит он: «подле Гомеровских» (я уверен, что в подлиннике: homériques; это — скажу мимоходом — не значит гомеровские, а гомерические) «великанов Эсхилла, Софокла, Эврипида, что значит Аристофан и — Плавт?[2] Гомер увлекает их с собою, как Геркулес уносил Пигмеев, спрятанных в его львиной коже». Аристофан гений, который ничуть не уступит Эсхиллу и выше Софокла; а можно ли жеманного Эврипида, греческого Коцебу, ставить рядом с Эсхиллом и даже с Софоклом? Можно ли сближать гениального, роскошного, до невероятности разнообразного, неистощимо богатого собственными вымыслами Аристофана с подражателем, не бесталанным, но все же подражателем — Плавтом?

О Шекспире Гюго говорит: «два соперничествующие гения человечества, Гомер и Данте, сливают во едино свой двойственный пламень и из сего пламени истор-

---

[1] Victor Hugo (1802 — 1885) — глава французских романтиков.— 3 августа 1836 года Кюхельбекер писал Пушкину (из Баргузина): «Hugo, кажется, талант мощный, но стулья, штаны, карнизы etc. его слишком занимают». (Переписка Пушкина, под ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 359). — Кюхельбекер посвятил В. Гюго стихотворение (датированное 20 января 1844 г.), в котором сравнивает свою судьбу с судьбой французского поэта:

С могилы сына моего
На дочерью твоей, Гюго, рыдаю ныне...

(Кюхельбекер узнал о смерти дочери В. Гюго, только-что вышедшей замуж)

В столице мира ты; я в ссылке, я в пустыне,
Но родственная скорбь не то же ли родство?

Все стихотворение проникнуто любовью и уважением (см. «Р. Ст.», 1891, LXXII, окт., стр. 99).

[2] Плавт (Titus Maccius Plautus, умер в 184 г. до нашей эры) — римский комический драматург.

гается — Шекспир». В другом месте утверждает он, что в Шекспире, — «кажется были соединены три величайшие, самые характеристические гения французской сцены: Корнель, Мольер, Бомарше».[1] Признаюсь, ни о Корнеле, ни о Бомарше не могу и вспомнить, когда читаю огромного британца; иное дело Мольер. О трех родах поэзии (единственно возможных: лире, эпопее, драме) сказано очень справедливо: «все есть во всем: только в каждом отдельно господствует одна стихия родовая, которой подчиняются все другие и которая кладет на общность свой собственный характер». Далее: «драма есть полная поэзия. Ода» (не лучше ли вообще лира?) «и эпопея содержат в себе только ее начала, драма заключает в себе развитие той и другой». Совершенно согласен я с правилом: «все, что есть в природе, все то есть и в искусстве». ⟨Еще несколько мыслей, например: 1. «Гений уподобляется монетной машине, которая печатает изображение государя на медной, все равно, как и на золотой монете»; или: 2. «Идея, закаленная в стих, принимает на себя что-то резкое, блестящее — это железо, претворенное в булат»; — очень истинны и притом выражены как нельзя лучше.⟩

Но главное основание рассуждения несколько шатко или, лучше сказать, надлежало доказать не то, что доказывает Гюго: он утверждает, что смешное в праве являться в области поэзии и что оно в поэзии новых является чаще, чем в поэзии древних; — первое едва ли подлежит сомнению и посему и доказывать это не для чего; второе — едва ли справедливо. Доказать, кажется, надлежало, что смешное в праве являться и в патетических творениях, в трагедии, эпопее героической etc., что оно в них является чаще у новых, чем у древних, и что безобразное (а не

[1] Pierre-Augustin Caron de Beaumarchais (1732 — 1799) — французский драматург.

смешное) в праве требовать поэтического изображения, ибо составляет контраст, тень, диссонанс прекрасного, сторону, необходимую для полной, художественной гармонии.

⟨28 Мая.

Слишком три года не читал я ничего Французского: вот почему первые два десятка страниц Куперова романа: «Красный Корсар», который теперь занимает меня, подействовали на меня странным образом; мне было точно, как будто вижу и слушаю человека, с коим я бывал очень знаком, да раззнакомился.⟩

. . . .

30 Мая.

Кончил «Красного Корсара». Не знаю, что сказать об этом романе. Характер главного лица несколько изношен, но мастерски поновлен. Прочие лица, кроме, быть может, негра и его товарища, ничтожны. Есть места прекрасные, напр. кораблекрушение и смерть Негра; но целое, признаюсь, кажется мне довольно обыкновенным, чтоб не сказать, пошлым; сцена, правда, довольно нова: да самая-то сказка столь же поношена, как и главный характер. С великодушными разбойниками, кажется, познакомили нас довольно давно Шиллер и мистрисс Радклиф. Wilder также лицо не слишком привлекательное.

⟨31 Мая.

Перечитываю Илиаду с 13 до 19 песни. Начал я это повторение с 23-го числа; но Воскресенье, Понедельник и Вторник были заняты у меня другими упражнениями. Сегодня перечел я всю 16 песнь, т. е. 867 стихов в одно утро: это, кажется, честно.

«Кормчий» Купера по видимому лучше «Красного Корсара». Глава 5-я первого тома, в которой изображен труд-

ный, опасный проход фрегата между утесами ночью в бурю должна быть удивительна, потому что даже меня, вовсе не знающего морского дела, заставила принять живейшее участие в описанных тут маневрах и движениях.〉

1 Июня.

Главный недостаток,—по моему мнению,—в романах Купера и отчасти даже Скотта, однообразие лиц и характеров. И в «Кормчем» встречаю я своих старых знакомых! Впрочем должно сказать, что Купер славный живописец: морское сражение изображено, как нельзя лучше.

2 Июня.

Кончил сегодня повторение прочитанных зимою книг Илиады. В понедельник примусь с божиею помощью за Иосифа Флавия,[1] которого получил сегодня.

Издание старинное; под посвящением 1574 год.[2]

〈3 Июня.

Дочел «Кормчего».—Этот роман, по моему мнению, выше «Красного Корсара». Подробностей превосходных множество: крушение Шунера и смерть храброго Тома Коффина и злодея Диклена чуть ли не лучшее место, но и другие, например сражение, смерть Полковника и Больтрона, восхождение солнца на море достойны славы Купера. Своим героям дал Купер несколько черт во всех его романах, общих всем тем лицам, которые изображает он с особенною тщательностию (con amore);* но вообще они занимательнее характеров «Корсара».

. . . .

---

* С любовью (итал.).

[1] Josephus Flavius (род. в 37 — 38 г. нашей эры,— умер после 100 г.) — еврейский историк.

[2] Либо опечатка, либо описка писаря или самого Кюхельбекера: издания сочинений Флавия, датированного 1574 г., не существует. Кюхельбекер, должно быть, имеет в виду первый греческий текст полн. собр. соч. Иосифа Флавия, изданный в Базеле в 1544 г.

4 Июня.

Читаю «Пирата» Вальтер-Скотта. В первый раз, кажется, прочел я его в Париже в 1821 году.

5 Июня.

Пора мне приняться за что-нибудь! Чтение Иосифа Флавия не слишком вдохновительно, а романы пища довольно приятная, но вместе и слишком легкая для ума и воображения. Я крепко изленился.⟩

. . . .

8 Июня.

Нельзя не удивляться искусству, с которым Вальтер-Скотт иногда одною чертою придает жизнь и истину лицам, какие выводит на сцену! ⟨Актер сделался морским разбойником. Чем отличить его? Имя бывшего питомца Талии и Мельпомены — Джон Бонс, но Молодец в настоящем своем быту не разлюбил высокопарности, к коей привык в прежнем, и требует, чтобы его называли Фридрихом Альтамонтом!⟩

9 Июня.

Вчера кончил я «Пирата». Скотт далеко превосходит Купера в рисовке характеров; но замечательно, что у него обыкновенно не главные лица, а второстепенные особенно хорошо представлены. ⟨Клевеленд, Мортант, Норна, Мина в «Пирате» главные: из них одна только Норна удивительно хороша; Клевеленд, по моему мнению, уступит «Красному Корсару» Купера, а Мина и Мортант не заключают в себе ничего особенного. Зато какая прелесть— Брента! А Гальпро? А Триптолем? А Бонс?⟩ —Это истинно Шекспировская галлерея портретов самых естественных и при том в высокой степени поэтических!

. . . .

10 Июня.

Сегодня для меня тройной праздник: Троицын день, мое рождение и ровно 17 лет, как нас выпустили из лицея.

Угощал я самого себя — апельсинами. Давно я не ел их. Где то время, когда сам рвал их с дерева в окрестностях Ниццы?[1]

⟨11 Июня.

После вчерашней отметки посетил меня еще пастор и просидел довольно долго: вот почему я вчера долго не мог заснуть; приснился же мне человек, о котором никогда не думаю, — Людовик-Филипп, Король Французов!

Нынешний день провел я не скучно, но и не весело: по утру написал довольно длинное письмо к брату и прочел изрядную проповедь на Духов День Лефлера;[2] после же обеда дремал и поворачивался с боку-на-бок, читал замечания к «Чайльду Гарольду» Байрона. Не знаю, решусь ли перечесть поэму в французском переводе прозою, и прозою, которая по двум-трем обращикам кажется мне ниже посредственной.⟩

13 Июня.

Наконец, кажется, прервется моя недеятельность: забродило у меня в голове — романом, за который, не отлагая, примусь завтра же. Удивительно, что рассуждения о словесности, критики (разумеется не такие, какие обыкновенно печатаются в «Сыне Отечества»), сочинения теоретические о предметах искусств изящных etc. действуют на меня вдохновительно. Нынешним предложением романа я занимался, правда, и прежде, но мысль о нем была во мне не ясна, мутна; некоторый вид полу-

---

[1] В Ницце Кюхельбекер был в марте 1821 г., во время своего заграничного путешествия.

[2] Josias-Friedrich-Christian Löffler (1752—1816) — немецкий богослов.

чила она только сегодня, когда в «Сыне Отечества» читал я рассуждение Вольфг. Менцеля о Шиллере и Гёте; сверх того нет никакого отношения или только отношение самое далекое между тем, что я читал и что намерен написать: хороший разбор, оригинальный взгляд на поэзию, глубокие, новые мысли о прекрасном движут меня силою не прямою, а косвенною, не тем, чему меня учат, а общим волнением, какое производят в собственном моем запасе мыслей и чувствований.

14 Июня.

⟨Начал я сегодня роман, которому покуда нет еще названия.⟩

Занимательны и местами даже истинно трогательны записки покойной Елены Сергеевны Те.....вой,[1] напечатанные в первых номерах «Сына Отечества» на 1831 год. Как жаль, что она умерла так рано!

⟨15 Июня.

Кончил сегодня первую главу своего романа.⟩

17 Июня.

Мне суждено с некоторого времени встречаться в журналах с такими знакомыми, с которыми я уже не чаял встретиться. В числе их из первых — Марлинский. В «Сыне Отечества» на 1831 год есть его повесть: «Наезды», с подписью А. Б.; она отличается от других его сочинений необыкновенною трезвостью и умеренностью слога; впрочем довольно занимательна. Есть и стихи Марлин-

---

[1] Телепневой (1808 — 1828). В тексте «Р. Ст.» вместо «Т.....вой» напечатано: «Тепловой»; в дошедшей до нас писарской копии Дневника к «Т» рукою Семевского приписано: «епловой?» (с вопросительным знаком); проверить свою догадку Семевский, повидимому, не успел и в текст вкралась ошибка. Семевский, должно быть, предполагал, что автором записок является сестра (?) известной писательницы — Надежды Сергеевны Тепловой. (О Е. С. Телепневой см. Заметку Б. Л. Модзалевского в V вып. Пушкин и его современники».)

*

ского в «Сыне Отечества» на 1831 год: переводы и подражание Гёте посредственны; лучше баллада — «Саатырь». Кроме Марлинского не могу не упомянуть о почтенной умной В. Ми...ше...вой, Варваре Семеновне Миклашевичевой, [1] с которою во время оно познакомил меня Грибоедов; отрывок ее романа напечатан в 19 и 20 номерах того же журнала. [2] Этот отрывок истинно прелестен и показывает талант высокий, мужественный.

. . . .

⟨22 Июня.

Целое утро провел над попыткой составить первый хор своего «Архилоха». [3] Стихов с пятнадцать, не более, коекак слепились, но истинного вдохновения не было. Увидим, что далее.⟩

23 Июня.

Перечел первое действие неконченного своего «Ивана, купеческого сына». [4] Первая сцена несколько растянута: прочие очень не дурны. Не худо бы его продолжать: по крайней мере выправлю то, что уж написано.

⟨«Архилох» стал и, кажется, покуда не двинется.

24 Июня.

Иванов день. Разумеется, что и сегодня я думал о бедном своем имяниннике [5]... думает ли он под час обо мне?

---

[1] Миклашевичева, или Миклашевич, Варвара Семеновна (1786—1846 г.) — писательница и переводчица, друг А. А. Жандра, близкая приятельница Грибоедова и Ал. Одоевского.

[2] Отрывки из романа «Село Михайловское или помещик XVIII столетия» (отд. изд. Спб. 1864 — 1865). — Три главных действующих лица этого романа: Заринский, Ильменев и Рунин списаны с Одоевского, Рылеева и Грибоедова.

[3] Не дошедшая до нас трагедия Кюхельбекера, близкая, повидимому, его же «трагедии с хорами» — «Аргивяне».

[4] См. стр. 35 наст. изд.

[5] Именинник — Иван Иванович Пущин. В 1834 году он находился в каторжных работах на Нерчинских рудниках.

Начало второго действия моей драматической сказки довольно оригинально. Что, если удастся продолжать ее? Попытаюсь. — Наконец, остановлюсь же хоть на чем-нибудь.⟩

25 Июня.

⟨Начал переправлять своего «Ивана»:⟩ главный порок моего слога или, лучше сказать, слога моих первых начерков — многословие. Все почти мои поправки состоят в сокращениях.

26 Июня.

⟨Встал сегодня в четвертом часу, и от пяти до десяти довольно удачно занимался выправкою своей сказки; потом читал.⟩

Мне уж случилось говорить о Плаксине и его понятиях о поэзии. [1] Первая его статья еще была довольно сносна; но его «Разбор Бориса Годунова», который сегодня прочел я в «Сыне Отечества», из рук вон: diese Kritik ist unter aller Kritik. *

. . . .

27 Июня.

Есть в «Сыне Отечества» еще разбор «Бориса Годунова», который лучше разбора, сочиненного г. Плаксиным; — автор некто Средний Камашев. [2] Главный упрек Камашева Пушкину, что предмет поэтом обработан слишком поверхностно, — к несчастью справедлив. К тому же и вся критика написана гораздо отчетливее критики Плаксина; но и после нее можно бы многое сказать о History ** Пушкина.

---

* Эта критика ниже всякой критики (немец.).

** Так называют исторические трагедии Шекспира.

[1] См. стр. 162 наст. изд.

[2] Иван Камашев — журналист конца двадцатых — начала тридцатых годов.

30 Июня.

. . . .

Пришла мне мысль: нельзя ли Самозванца превратить в Русского Фауста? [1]

1 Июля.

Сегодня прочел я повесть Марлинского: «Лейтенант Белозор». В ней изредка автор сбивает на скромный лад Густава Шиллинга [2] и это истинно жаль, потому что тут терпит все, даже вкус и прелесть слога. Впрочем и эта повесть несомненно доказательство истинного, прекрасного таланта Марлинского и его неимоверных успехов. Есть в ней даже места истинно высокие, хотя целое более в прежнем роде Марлинского легком, шутливом, пенящемся, как шампанское, или неустоявшаяся брага. ⟨Признаюсь, я не ожидал найти в этом ветренном разсказе например следующего: «Нигде так величественно не слышится бой часов, как над бездной Океана — во мгле и тишине. Голос времени раздается тогда в пространстве, будто он одинокий жилец его и вся природа с благоговением внемлет повелительным вещаниям Гения веков, зиждущего незримо — неотклонимо».

В другом роде — Гофманском — бесподобны пляска букв и игра в мячики мертвецов.

3 Июля.

По утру выправлял свою сказку: в этот раз потребовалось менее сокращений.⟩

. . . .

---

[1] Идея создания Русского Фауста занимала Кюхельбекера в течение всей его жизни (ср. в письме Языкова от 1825 г. на стр. 341 наст. изд.). — Эта идея осуществилась в «Ижорском».

[2] Friedrich Gustav Schilling (1766 — 1839) — немецкий романист и поэт.

4 Июля.

⟨По утру занимался своею сказкою; пересмотрел и перенес в другую тетрадь изрядный отрывок; однако, я им еще не доволен.⟩

Фонтаней,[1] разбирая сочинения Карла Нодье,[2] говорит о его сказке «la Fée aux Miettes»: * «почитаю бредни Мишеля за любопытную, но невозможную фантазию расстроенного воображения, а сказкам Гофмана верю, как он сам с убеждением». Вот в чем и по моему мнению именно состоит преимущество Гофмана над Вашингтоном-Ирвингом и над нашим Марлинским.

7 Июля.

⟨Сегодня со мною было то, что Гёте рассказывает про себя, а именно, когда излагал я моему доброму пастору план «Ивана купеческого сына», главная идея во мне самом развилась полнее и определеннее: изустное, живое сообщение своих мыслей послужило мне вдохновением.⟩

При развязке заставлю Ивана покуситься продать за редкую статую окаменелого своего друга и благодетеля Булата. Этот сарказм, выражающий низкую и подлую половину человеческой природы, составит резкую противоположность с трагическим действователем, движущим Андоною, которая для разочарования злополучного богатыря решается пожертвовать даже кровью и жизнию своего дитяти.

. . . .

* «Фея крохоборка».

[1] Fontaney (умер в 1837 г.) — французский журналист, сотрудник «Revue des Deux Mondes».

[2] Charles Nodier (1780 — 1844) — франц. новеллист. — «Сочинения Карла Нодье» — перевод статьи Fontaney в «С. О.».

⟨8 Июля.

. . . .

После обеда прочел я в «Сыне Отечества» (жаль только, что без начала) повесть: «Вывеска».[1] — Это почти то же, что «Mignon» в «Вильгельме Мейстере» Гёте; однако без поэзии; зато истина в этой сказке или в этом анекдоте раздирает сердце.⟩

10 Июля.

И еще повесть Марлинского: «Латник». В подробностях очень много истинно гениального: особенно в рассказе Зарницкого о своих детских летах и в появлениях «Латника»; но целое несколько сбито и мало оригинального вымысла в основе обоих рассказов.

11 Июля.

Лет 15 тому назад в наших журналах являлись русские повести, которые, бывало, читаешь, так сказать, ex officio,* а для отдыха после этого довольно тяжкого труда принимаешься за переводные. Теперь, спасибо, уж не то: повесть Марлинского например гораздо лучше, чем прочитанная мною сегодня Раупаха:[2] «Ночь накануне Рождества Христова». Чудесное плохо удалось Раупаху.

12 Июля.

Вот опять роковой день 12-го июля;[3] этот раз я почти его не заметил; более всего занимала меня мысль, что завтра можно мне будет уж сказать: до срока осталось менее 7-ми лет.

В «Сыне Отечества» прочел я превосходный отрывок из

---

* По обязанности (латин.).

[1] Сомова (? — подпись: С......в).

[2] Ernst-Benjamin Salomon Raupach (1784 — 1852) — немецкий драматург, поэт и прозаический писатель, живший и преподававший долгое время в России.

[3] См. стр. 65 — наст. изд.

Бальзакова[1] романа: «La peau de chagrin». * Этот отрывок несколько напоминает курьезную пляску стульев, вешалок и столов Вашингтона-Ирвинга; — быть может, арабеск американца подал даже Бальзаку первую мысль, — но разница все же непомерная: у Ирвинга хохочешь, у Бальзака содрогаешься. О Поль-де-Коке[2] ни слова: отрывок из его «Монфермельской молочницы» довольно забавен, но в нем ничего нет нового. Стихов хороших в «Сыне Отечества» не много: но достойны примечания сцены из драмы Розена: «Баторий и Россия».

13 Июля.

С некоторого времени, написав письма к моим милым кровным, чувствую нечто похожее на ту пустоту, которая бывает, когда остаешься один, после сильного наслаждения, например после хорошего театрального представления или разговора с человеком умным и с душою.

⟨Прочел я в «Сыне Отечества» повесть Меримэ[3] «Этрусская Ваза». В ней основа несколько чувственная, даже безнравственная, — при всем том она в высокой степени трогательна.

15 Июля.

. . . .

После обеда я между прочим прочел отрывок из Куперова романа: «Браво»,— бег гондол. Не знаю, почему мне так стало жаль старика Антонио. Даже торжество его над соперниками не радует.

16 Июля.

По утру перечитывал дневник, а потом выправлял начало второго действия сказки. После обеда читал;

* «Шагреневая кожа».

[1] Honoré de Balzac (1799 — 1850) — французский романист.

[2] Charles-Paul de Kock (1794 — 1871) — французский романист.

[3] Prospère Mérimée (1803 — 1870) — французский новеллист и драматург.

между прочим, прочел я окончание повести Дюмаса: «Красная Роза»; ее катастрофа ужасна, но тут ужас вовсе не поэтический.

19 Июля.

Вчера я прочел повесть: «Примирение»,[1] перевод с немецкого и хотел, было, отметить, что ей далеко до повестей новейшей французской школы, — однако оставил так, потому что она не довольно глупа, чтобы о ней говорить. Но сегодня попалась мне другая отечественного изделия, о которой нельзя не упомянуть: ей название: «Полуденный Жар»;[2] между прочим, о полуденном жаре ни слова, а глупости три воза.⟩

20 Июля.

Невозможно порою удержаться от горькой насмешки, когда читаешь русское произведение, подобное повести в «Сыне Отечества»: «Полуденный жар», или некоторым бестолковым рассуждениям, какие нередко встречаются в «Сыне Отечества». Но эта насмешка горька для самого насмешника, потому что больно видеть слабоумие там, где малейший признак ума и дарования радовал бы всякого благомыслящего втрое более, чем в области словесности чужой, иноязычной. За то и прямо хорошее гораздо живее действует на душу русского, если оно русское.

. . . .

⟨21 Июля.

В книжках 24, 25 и 26-й «Сына Отечества» на 1833 год «Извлечение из физики Велланского».[3] — Сие извлечение

---

[1] Анонимная.

[2] Анонимная.

[3] Велланский, Даниил Михайлович (1774 — 1847) — первый русский шеллингианец, доктор медицины и хирургии, профессор по кафедре анатомии и физиологии.

прочел я только раз, правда, с напряженным вниманием, но все же после одного прочтения не могу сказать, чтобы я совершенно обнял систему нашего философа, чтобы мог отдать себе совершенно ясный отчет во всех его выводах. Но объяснение большей части главных начал мне кажется удовлетворительным, быть может потому, что и прежде мне случалось читать и самому размышлять об оных.[1]⟩

24 Июля.

В «Сыне Отечества» на 1833 г. повесть Корделье де ла Ну[2]: «Мастерская Улицы Западной» воображения самого дикого, истинно Гофманского в ней много; местами — не столько в слоге — сколько в отступлениях есть что-то напоминающее Жан-Поля. Видно по всему, что нынешние французы крепко онемечились. — Замечу, что эту повесть непременно должно поставить выше некоторых других в этом роде: в ней предложен важный психологический вопрос, вопрос впрочем такой, который едва ли здесь на земле разрешится: «почему дается гений, когда ему суждено погибнуть не развившись?»

25 Июля.

Пишу о Бальзаке, потому что после его прелестной повести: «Г-жа Фирмиани» не могу тотчас заняться чем-нибудь другим. Это в своем роде chef d'oeuvre; тут все: и таинственность, и заманчивость, и юмор, и высокая, умилительная истина; я влюблен в эту Фирмиани! — Как бы я желал своему Николаю[3] встретить в жизни подобную женщину! И как хорош сам Бальзак! Что за разнообразный, прекрасный талант! Признаюсь, я бы желал

[1] Следует отметить, что в 1818 — 1819 гг. (в Петербурге) Кюхельбекер слушал лекции по физике у проф. Соловьева.

[2] E.-C.-H. Cordellier-Delanoue (1806 — 1854) — французский поэт, романист и драматический писатель, известный преимущественно на последнем поприще.

[3] Н. Г. Глинке.

узнать его покороче. Булгарина письма о русской литературе[1] — само по себе разумеется, что тут нет даже Полевого,— однако, не смотря на многое и многое Фальстафское,[2] — есть-же кое-что, по крайней мере что-то похожее на несколько шутовскую, порою почти бесстыдную — искренность; — сверх того отголосок нынешних требований, если и не людей мыслящих ясно, отчетливо, самостоятельно, все же людей хотя чувствующих порою силу прекрасного, способных порою быть увлеченными вдохновением поэта... Их современность уж не будет современностью 20-го столетия; — а Шекспир и Рапсоды[3] вечные современники всех столетий. — Что такое современность нынешняя? — Ответ у Булгарина короткий и ясный: презрение к человечеству! — И вся она тут? — И это не одна сторона нашей современности? И нет еще другой, более светлой? — Впрочем судить Булгарина слишком строго, право, совестно. Спасибо ему за доброе намерение, да за одну неоспоримую истину, им сказанную: «Есть и будет множество подражателей Пушкина, — но не будет следствия Пушкина, как он сам есть следствие Байрона». Разумеется если он сам ограничится быть только следствием.— Но в хваленном «Демоне» Пушкина нет самобытной жизни, — он не проистек из глубины души поэта, а был написан, потому что «должно же было написать что-нибудь в этом роде». Вот вам и современность и ее требования! — И этого-то «Демона» Г. Булгарин ставит выше «Полтавы», выше «Цыган», выше прекрасных сцен в «Годунове»!

Не слушай, друг Пушкин, ни тех ни других, ни жур-

---

[1] «Письмо о русской литературе» (В. А. Ушакову в Москву).

[2] Sir John Falstaff — театральный тип, выведенный Шекспиром в двух частях трагедии «Генрих IV» (особенно во 2-й) и в «Виндзорских Кумушках»; Фальстаф — толстяк, пьяница, хвастун и трус; это имя стало нарицательным.

[3] «Илиада» и «Одиссея».

налистов, готовых кадить тебе и ругать тебя, как велит им их выгода, — ни близоруких друзей твоих! Слушайся вдохновения — и от тебя не уйдет ни современность, ни бессмертие!

Упрекает Булгарин, между прочим, друзей Пушкина за то, что они хотели сделать из него только артиста, живописца и музыканта — говорит, что «писатель без мыслей, без великих философских и нравственных истин, без сильных ощущений — есть просто гударь, хотя бы и пр.». Но без сильных ощущений и мыслей можно ли быть и музыкантом, можно ли быть и живописцем? А что Булгарин разумеет под великим и нравственными истинами — мы знаем! Его влияние не слишком-то велико, а, кажется, ему нужна дидактика в новом платье, от которой да сохранит нас бог!

26 Июля.

Получил большой пакет писем. Брат мой женится или, вероятно, уж женат. [1] Трудно выразить, какое впечатление произвело на меня это известие. Дай бог ему счастия! Дай бог радость нашей старушке!

Не прибавляю ничего: слова не выразят ни желаний

---

[1] Брат Кюхельбекера, Михаил Карлович, был женат с 3 июня 1834 г. на мещанке г. Баргузина — девице Анне Степановне Токаревой. Женитьба М. К. Кюхельбекера имеет свою историю: в 1837 г. состоялось постановление Синода о расторжении его брака и разлучении его с женою вследствие того, что еще до брака он крестил незаконного ребенка своей будущей жены. Кюхельбекер в ответ на это постановление писал властям (сохраняем орфографию:) «потому есть ли меня разлучают с женою и детьми, то прошу написать меня в солдаты и послать под первою пулю, ибо мне жизнь не в жизнь»; выражения этой просьбы были признаны «неуместными» и вызвали распоряжение о переводе М. К. Кюхельбекера из Баргузина в другое место — «ближе к надзору начальства, усилив таковой за ним надзор». — По поводу всего этого дела Вильгельм Карлович ходатайствовал перед шефом жандармов графом А. Х. Бенкендорфом за своего брата (см. «Алфавит декабристов», стр. 338 — 339). — Подробно об этом см. в статье Н. Гастфрейнда «Бракоразводное дело Михаила Кюхельбекера» — «Всемирный Вестник» 1903, IV, стр. 240 — 250.

моих, ни надежд, ни уповаю на господа! — совершенно неосновательных опасений! И так, быть может, удастся же мне воспитывать, лелеять, нянчить малюток, и малюток не чуждых мне, детей родного брата, и, скажу, в добавок друга! О, если бы! — но . . . Зачем не могу заснуть сегодня вечером и проспать бесконечные семь лет, после которых могу надеяться, что отпустят меня к родному!

⟨27 Июля.

Провел день очень разнообразно и довольно деятельно: прохаживался, читал, занимался Греческим, чего давно уже не было, даже сочинял, ибо написал небольшую лирическую пиэсу, о которой покуда сам не знаю что сказать.⟩

. . . .

⟨30 Июля.

В «Сыне Отечества» прочел я повесть: «Полюбовная Сделка.» [1] — И в ней много таланта — вообще преобразование русской словесности очень отрадное явление в умственном мире.⟩

. . . . . . 1 Августа.

⟨По-утру⟩ прочел неконченного Шиллерова «Самозванца» [2] ⟨и начал из него выписки, которые надеюсь кончить завтра. После обеда прочел в «Сыне Отечества» повесть «Красный Трактир»; [3] рассказ хорош, но окончание, как во всех почти новейших французских повестях, неудовлетворительно.⟩

. 3 Августа.

По утру собирал сведения о Самозванце. Из показаний, снятых В. И. Шуйским об убиении Димитрия, почти со-

---

[1] Анонимная.

[2] «Demetrius» — трагедия Шиллера, которую он начал незадолго до смерти и оставил неоконченной.

[3] Бальзака.

вершенно для меня ясно, что в смерти царевича не участвовали и не могли участвовать ни Битяговские, ни Качалов, ни кто другой из приставленных Годуновым к несчастному младенцу, а что все они пали жертвами злобы Михаила Нагого и несправедливых подозрений вдовствующей царицы. В самом деле, утешительно думать, что в этом злодействе великий человек, каким должно же признать Бориса, — невинен. После обеда нашла на меня неодолимая тоска . . . О, если бы творческая мысль! Вдохновение! Я бы все забыл.

4 Августа.

Боюсь даже отметить, что я сегодня начал трагедию: «Димитрий Самозванец»;[1] ход у меня будет почти тот же, что у Шиллера, — иные сцены даже просто переведу; — за то характер главного лица предполагаю представить в совершенно ином виде.

⟨6 Августа.

Провел весь вообще день за Карамзиным и Бером:[2] твердого плана у меня еще нет; — но Леонид, кажется, будет играть значущую роль в моей трагедии.⟩

⟨7 Августа.

Поутру читал я Бера; а после обеда перечел своего «Сироту»: ему без сомнения не помешает полежать, а все таки это из лучших моих произведений.⟩

---

[1] «Дмитрий Самозванец» — долгое время занимал Кюхельбекера, но вероятно дальше немногих набросков дело не пошло; во всяком случае трагедия эта, столь широко задуманная, не была окончена, так как не попала в список произведений Кюхельбекера, составленный им для Жуковского в 1845 г. Возможно, что первоначальные замыслы Кюхельбекера вылились впоследствии в его трагедию «Падение дома Шуйских» (см. стр. 313 наст. изд.).

[2] «Летопись Московская» Бера (немецкий пастор в Москве), переведенная с немецкой рукописи, печаталась в «Северной Пчеле» и «Московском Телеграфе» (1831). — Кюхельбекер собирал сведения о Самозванце для задуманного произведения.

8 Августа.

По утру во второй раз занимался своею трагедиею, которую назову «Григорием Отрепьевым», а не «Димитрием Самозванцем» et c'est pour cause. * Пока есть запас из Шиллера, мне нужно только прилежание, авось затем придет и вдохновение.

⟨9 Августа.

Все обстоятельства, кажется, вооружаются против моего плана! Никак не могу вписаться, вработаться в этот новый труд; беспрестанные помехи! Сегодня, было, хотел я заняться хоть переводом первой сцены из Шиллера: но ночь, как нельзя хуже проведенная, лишила меня всякой бодрости и свежести. Право, порою кажусь самому себе страх как похожим на живописца в повести Корделье де ла Ну.⟩ [1].

10 Августа.

Принялся за перевод «Венецианского купца»... И так мой «Григорий Отрепьев» или «Димитрий Самозванец» опять останется одним благим намерением. Но переводу надеюсь лучшей участи: он меня занимает; побежденные трудности возбуждают охоту к работе.

. . . .

14 Августа.

По утру переводил. . . . . Переводится con amore. **

. . . .

⟨15 Августа.

Переводил, но сначала не так удачно, как вчера, третьего дня и в субботу, однако, потом дело пошло лучше.⟩

---

* И это имеет основание (франц.).

** С любовью (итал.).

[1] Теодеберта Мюнье (в повести «Мастерская Улицы Западной в Париже»).

18 Августа.

Нынешний день для меня был днем воспоминаний: перебирал я свои старые тетради и перечел кое-какие из лирических своих стихотворений, — некоторые духовные и «Послание к брату». Они сильно на меня подействовали: в некоторых почерпнул я утешение, подкрепление, в котором, признаюсь, нуждался. Когда меня не будет, а останутся эти отголоски чувств моих и дум, — быть может, найдутся же люди, которые, прочитав их, скажут: он был человек не без дарований; — счастлив буду, если промолвят и не без души.

. . . .

22 Августа.

⟨По утру я переводил: не худо бы кончить на этой неделе первое действие «Купца Венециянского».⟩

. . . .

23 Августа.

По утру переводил: потом читал Карамзина. Надобно же заметить, что я обзавелся кошкою. Была у * меня прежде, т. е. дней с пять тому назад полосатая, как тигр, — только не ужилась; теперь пестрая, белая с черными пятнами — препроказница.

25 Августа.

Кончил сегодня перевод первого действия Шекспирова «Венецианского купца» и дочел VI том Карамзина.

. . . .

27 Августа.

Читал VII том Карамзина. Первая глава этого тома, особенно конец, у него из лучших: это трагедия, и какая!

---

* На этом обрывается дошедшая до нас часть писарской копии Дневника, хранящаяся в Пушкинском Доме Академии Наук СССР.

30 Августа.

. . . .

Кончил сегодня первое явление второго действия «Венецианского купца».

. . . .

3 Сентября.

Есть у меня некоторые сочинения, от которых, так сказать, не могу отстать, которые то и дело выправляю: когда-то я каждый год или через год переделывал «Святополка»;[1] теперь его сменили «Семь спящих отроков». Я их пересмотрел сегодня и кое-что сократил и выбросил, напр. весь эпилог второй части.

4 Сентября.

По утру занимался, но довольно лениво, своим переводом. За то пересмотрел до обеда же начало «Вечного Жида»; выправить ничего не выправил,— но что хуже всех возможных недостатков, целое показалось мне — скучным.

9 Сентября.

Читаю «Вертера». Не смотря на многое, искренно признаюсь, что это творение Гёте предпочитаю иным из его позднейших: в «Вертере» теплота не притворная, есть кое-что называемое немцами: exentrisch, но по крайней мере нет холодной чопорности, притворной простоты и бесстыдного эгоизма, встречающихся в его записках, «Wilhelm Meisters Wanderjahre» etc. *

10 Сентября.

Поэтической жизни в «Вертере» пропасть: но от Гете— автора «Вертера», до Гете, сочинителя напр. «Эпименида»,[2]

---

* В тексте «Р. Ст.»: «Wilhelms Wandeljahre etc.» (?)

[1] «Святополк» — поэма Кюхельбекера в 3 частях, год ее создания неизвестен.

[2] «Des Epimenides Erwachen» — второстепенное произведение Гете.

расстояние не меньше, чем от Вертера до его благоразумных друзей: не стану спрашивать, кто из них лучше; но без сомнения «Вертер» и автор его привлекательнее чинного автора «Эпименида» и людей, которые в жизни то, что автор «Эпименида» в поэзии. Жаль только, что Вертер слишком много хнычет.

12 Сентября.

Надобно сказать, что IX том «Истории Государства Российского» лучшее творение Карамзина: жаль только, что кое-где заметны натяжки и желание блеснуть.

14 Сентября.

Читал я по утру Пушкина легкие стихотворения; а после обеда и вечером прочел Кукольника драму.[1] О Пушкине ни слова: надобно бы было сказать слишком много: о Кукольнике на сей раз скажу, что у него начала лучше окончаний.

Кроме того, прочел я еще Катенина сцены из комедии: «Вражда и любовь»; тут подражание Шекспирову: «Much ado»; * но подражание гениальное, а стихи превосходны.

15 Сентября.

Прочел я «Тартини» Кукольника [1] и первую главу «Онегина»; кроме того несколько мелких стихотворений Пушкина и Катенина. А что ни говори, любезный братец Павел Александрович,[2] ты конечно человек с большим дарованием, но все не Пушкин; ты поэт-художник, он поэт-человек; твое искусство холодно, — у него душа поэтическая. Да и несносно твое самолюбие: ты, кажется, не пропустил ни одного четверостишия, сочиненного то-

---

* «Много шуму...».

[1] «Тартини» — одно из ранних произведений Н. В. Кукольника.

[2] Катенин.

бою, — чтоб только все твои детки были вместе, чтоб ты мог сказать: «се аз и стихи, яже мне дал еси».

18 Сентября.

Сегодня я возвратился к старику своему Карамзину. Он редко бывает глубок. Вот почему меня особенно поразила следующая мысль, мысль глубины ужасной, но едва ли его собственная: «Есть», — говорит историограф на 354 стр. IX тома, — «кажется, предел во зле, за коим уже нет истинного раскаяния, нет свободного, решительного возврата к добру: есть только мука, начало адской, без надежды и перемены сердца».

. . . .

23 Сентября.

. . . .

Дневник мой не исповедь; но не хочу казаться лучшим, чем я в самом деле: вот почему искренно признаюсь, что на поприще своем в последние месяцы я не шагнул вперед, а напротив. Да простят мне, если не говорю в чем я именно недоволен собою: людям до этого нет нужды. Тебя же, мой боже милосердый, молю: нашли мне, если это нужно, скорбь, стыд, унижение, все возможные земные бедствия, но спаси мою бессмертную душу! Эту мольбу произносил я со страхом, но ты знаешь искренно, несколько раз в течение двух последних месяцев в тайне; теперь пусть она стоит здесь написанная — мне в устрашение и напоминание. Если же ум мой помрачится, исцели меня, боже! не предай меня сему ужасному злосчастию: буди мне помощником против самого себя!

25 Сентября.

Благодаря господа, я этот день провел и физически, и нравственно лучше многих ему предшествовавших. Не

жалею я даже, что, так сказать, исповедовался в письмах своих к Наташе и Саше:[1] это было мне необходимо, раз потому, что не хочу казаться моим милым лучшим, чем я в самом деле, а во вторых, потому что считаю подобные признания единственною эпитимиею, какую могу налагать на себя самого.

27 Сентября.

Несправедливость Карамзина к Шуйскому истинно возмутительна. Я в состоянии написать апологию сего великого человека, которого единственная вина — несчастие. Всего несноснее фразы Карамзина, например: «Василий взял святое бремя» (т. е. тело Димитрия) «на рамена свои etc, как бы желая сим усердием и смирением очистить себя перед тем, кого он столь бесстыдно оклеветал в самоубийстве». Как будто девятилетний ребенок может быть самоубийцею.

1 Октября.

Благодарю милосердного бога: я счастливо начал этот месяц, хотя здоровье мое все еще не поправилось, но сочиняю, а это для меня большое счастье. Сегодня написал я первую сцену своего «Ляпунова».[2]

. . . .

19 Октября.

Был у меня мой любезный пастор: и так я лицейский праздник провел не один.

Написал я по утру письма к матушке, сестрице Julie и Наташе. В «Библиотеке»[3] прочел Пушкина сказку: «Пиковая дама»,—«Отрывок из записок Гомозейки» Одоев-

---

[1] Наташа и Саша — племянницы Кюхельбекера: Наталья Григорьевна и Александра Григорьевна Глинки.

[2] «Прокопий Ляпунов» — историческая драма В. Кюхельбекера, нам неизвестная.

[3] «Библиотека для чтения» — крупнейший и первый по времени энциклопедический русский журнал, основанный в 1834 году О. И. Сенковским. «Библиотека для чтения» была самым распространен-

ского [1] и критику драмы: «Рука Всевышнего Отечество спасла» [2] и «Самозванца», Хомякова. [3] В сказке старуха графиня и Лизавета Ивановна написаны мастерски, Герман хорош, но сбивается на модных героев.

Одоевского отрывок — отрывок Одоевского, т. е. сочинение человека, который пишет не свое. С критикою я не совсем согласен: я бы Кукольника драме произнес приговор и построже, и поснисходительнее; к Хомякову рецензент просто, кажется, несправедлив. Приведенная им сцена между Марфою и Антонием бесподобна: равной силы нет ни одной у Кукольника ни в фантазии, [4] ни в драме, [5] ни в «Тартини».

ным журналом своего времени; книжки «Библиотеки», разделявшиеся на 7 отделов: 1) Русская словесность, 2) Иностранная словесность, 3) Науки и Художества, 4) Промышленность и Сельское хозяйство, 5) Критика, 6) Литературная летопись и 7) Смесь — читались в самых глухих углах России. Соредактором Сенковского был Н. И. Греч, издателем А. Ф. Смирдин. — К концу сороковых годов деятельность Сенковского, а с нею и успех журнала — видимо ослабевают. После многих колебаний, под редакцией А. Старчевского в 1854 году журнал, перейдя к А. Дружинину, — изменил свое первоначальное лицо.

[1] Под псевдонимом: В. Безгласный.

[2] «Рука Всевышнего Отечество спасла» — драма из Отечественной Истории в 5-ти актах, в стихах, сочинения Н. К., писанная в октябре 1832 года». — Спб. 1834. — Не отличаясь особенными художественными и историческими достоинствами, эта драма Н. В. Кукольника вполне отвечала вкусам и настроениям широких читательских кругов того времени; Кукольник был сразу же «вознесен», как страстный поэт-патриот. За недоброжелательный отзыв об этой драме был закрыт в 1834 г. «Московский Телеграф» Н. А. Полевого. — Перу Пушкина приписывалась в то время следующая эпиграмма:

Рука Всевышнего три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ход дала
И Полевого удушила.

[3] Хомяков, Алексей Степанович (1804 — 1860) — поэт и мыслитель, один из вождей русского славянофильства. — В 20-ые — 30-ые годы Хомяков был известен только как поэт и драматург. «Дмитрий Самозванец», трагедия в 5 д. М. 1833.

[4] «Торквато Тассо».

[5] «Рука Всевышнего Отечество спасла».

20 Октября.

Из «Библиотеки я узнал, что есть еще другой «Торквато Тассо», кроме Кукольника. [1] Она же меня уведомила о смерти Гнедича, Сомова, Мартынова. [2] Всех более мне жаль Гнедича: мы когда-то были друзьями, потом поссорились; он умер, не помирившись со мною.

22 Октября.

Прочел я повесть барона Брамбеуса. [3] «Вся женская жизнь в нескольких часах», в слоге этой повести есть что-то, напоминающее Марлинского, — но гораздо менее бойкости; — впрочем некоторые картины истинно прелестны. Кукольник плодовит; он написал еще фантазию: «Санназар»; [4] очень хорош отрывок, помещенный в «Библиотеке» в довольно неудовлетворительном разборе этой пьесы. Je me trompe beaucoup * — или эти разборы пишет Плаксин: критики Полевых — Николая и Ксенофонта — конечно также несколько в этом роде, — но все же не то: в них есть и новые мысли, и сведения, и логика: а тут одни кумовские толки (du commérage) о личных ощущениях самого рецензента.

---

* Я сильно ошибаюсь (франц.).

[1] О другом «Торквато Тассо» (не Кукольника) Кюхельбекер узнал из рецензий на драму барона Розена — «Россия и Баторий», драму Кукольника «Торквато Тассо» и одноименную ей драму неизвестного автора, вышедшую в 1833 г., в Петербурге («Б. для. Чт.», 1843, т. I, отд. V, стр. 1 сл.; подпись: Тютюнджю-Оглу, — О. И. Сенковский).

[2] Мартынов, Иван Иванович (1771 — 1833) — классик, эллинист и латинист, либеральный издатель журнала «Северный Вестник» (1804 — 1805). — Мартынов близко стоял к делу организации Царскосельского лицея и по должности директора департамента Народного Просвещения часто являлся на лицейские экзамены по русской и латинской словесности; поэтому возможно, что Кюхельбекер познакомился с Мартыновым еще в лицее.

[3] Псевдоним О. И. Сенковского.

[4] Кукольник — «Джакобо Санназар». Драматическая фантазия, в 4 д. в стихах, 1-е изд. 1834 г.

23 Октября.

«Библиотека» — журнал очень занимательный, только критиками я не слишком доволен; к этим критикам, между прочим, принадлежит статья о книге Галича: «Картина человека»[1]. Осмеять, и даже остроумно, можно и величайшего гения, но насмешка не доказательство: нельзя не хохотать, когда читаешь, как Вольтер цыганит Шекспира и греческих трагиков; да уронил ли он их? Замечу однако, что мнение автора о сомнамбулизме очень примечательно: он не считает сомнамбулизма сном, а бдением, в которое вмешиваются некоторые явления, свойственные обыкновенному сну. Повесть Булгарина: «Первая любовь» довольна пошла; за то его статья: «Чухонская кухарка» очень и очень забавна. Булгарин наделен истинным дарованием, но часто берется не за свое. Теньеровские картины ему удаются; вот его род! У него есть и чувство и подчас глубокое чувство: доказательство — его сиротка в первых главах «Выжигина». Но Булгарин несносен, когда вздумает важничать, выдумывать, когда корчит человека с воображением поэта, романтика!

Прочел я несколько стихотворений Козлова: его «Молитва» истинно прекрасна и стоит того, чтоб ее вытвердить, по крайней мере лучшие строфы.

25 Октября.

Читал я сегодня и «Жизнь Наполеона»,[2] и Библиотеку». В «Библиотеке» статью: «Брамбеус и Юная словес-

---

[1] «Картина человека, опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий». Спб. 1834 г. — Кюхельбекер в другом месте заметил, что «о такой книге гораздо легче говорить, чем ее написать» (см. статью о Галиче в «Русском Биографическом словаре»).

[2] Вероятнее всего, что речь идет о сочинении В. Скотта «Life of Napoleon (9 vols., 1827, в том же году перев. на франц. язык: — «Vie de Napoleon», Paris,9 vols. Отрывки из этого сочинения на русском языке появились в «С. О.» 1827). Сходное название носят сочинения Арно и Жомини.

ность».[1] О юной словесности, может быть, судит Брамбеус вообще довольно справедливо; — но напрасно, кажется, допускает так мало исключений. В самом Бальзаке найдутся повести самой чистой, высокой нравственности, например «Madame Firmiani». Впрочем цель поэзии не нравоучение, а сама поэзия: вот что повидимому строгие осудители нынешней поэзии или, если угодно, словесности совершенно забывают. Однако я слишком худо знаю нынешнюю школу и потому воздерживаюсь от решительного суждения о ней и о толках о ней.

28 Октября.

Прочел в «Библиотеке» Загоскина «Вечер на Хопре» и несколько довольно пустых рецензий. У Загоскина приметно в его трех сказках желание тянуться за Марлинским — но ему до Марлинского далеко: однако, последняя сказка его не дурна — только терпеть я не могу этих пояснений, истолкований etc., которыми хотят они, кажется, предохранить читателя от суеверия, — намерение весьма похвальное, но весьма не поэтическое.

29 Октября.

В «Библиотеке» прочел я примечательную сказку Пушкина в стихах: «О мертвой Царевне и семи богатырях»; механическая часть этой сказки превосходна, — размер и слог совершенно соответствуют предмету. Сверх того, хорош отрывок из записок Дениса Давыдова: «Знакомство с Каменским».[2] Разбор «Мазепы» Булгарина, как все разборы этого рецензента, мне не очень по-нутру, хотя и заметно, что он человек очень не глупый.

---

[1] Барона Брамбеуса (О. Сенковского).

[2] Каменский, Михаил Федотович (1738 — 1809) — русский фельдмаршал, знаменитый столько же своим блестящим участием в двух русско-турецких войнах, сколько и своим несчастным командованием во время первой русско-французской войны.

31 Октября.

Известие о посмертных сочинениях Гете очень занимательно, особенно по выпискам из последнего тома его: «Dichtung und Warheit». * Я сошелся в мыслях с Гете: и я лучшие свои произведения, напр. «Ижорского», считаю более произведением природы, нежели искусства; произведением, если угодно, моей природы, произрастением моей почвы, — но собственно не делом произвола, не следствием холодно обдуманного предначертания и отчетливого труда.

1 Ноября.

Жуковский переложил экзаметрами Шиллеров: «Ein frommer Knecht war Fridolin» [1]. Истинно не знаю, что об этом сказать, однако не подлежит никакому сомнению, что с изменением формы прелестной баллады немецкого поэта и характер ее, не смотря на близость перевода, совершенно изменился.

. . . .

7 Ноября.

. . . .

История самая безобразная, самая нелепая и вместе самая ужасная сказка.

18 Ноября.

Сегодня я прочел рассказы трех русских повествователей: «Сказку про вора и бурую корову» — Луганского, [2] «Анекдоты» — Скобелева [3] и повесть: «Мореход Никитин» — Марлинского. — Луганский чрезвычайно мне полюбился; Скобелев гораздо менее, а Марлинский в начале своей

---

* «Поэзия и Правда».

[1] «Суд Божий» (подражание Шиллеру) — 1831 г., — гекзаметр.— Баллада Шиллера («Der Gang nach dem Eisenhammer») написана рифмованными ямбами.

[2] Казак Луганский — псевдоним В. И. Даля.

[3] Скобелев, Иван Никитич (1778 — 1849), — генерал-от-инфантерии, военный писатель.

повести, где подражает слогу и Луганского и Скобелева — еще менее. За то там, где Марлинский дает разгул не просто шалуну воображению, а восторгу дум и поэзии — талант его является в прекрасном, дивном блеске: в этой повести есть несколько картин и мыслей таких, за которые я готов признать Марлинского самым глубоким из наших умствователей, самым вдохновенным из наших писателей.

19 Ноября.

С большим удовольствием прочел я повесть Ушакова: «Сельцо Дятлово», тут нет ничего идеального, — все чистая проза, — между тем рассказ истинно улекателен и во многих местах у меня навертывались слезы. Окончание разочаровывает, но автор и не думал очаровывать. Это «Сельцо Дятлово» — по моему мнению — самое удачное из всех сочинений Ушакова (разумеется, мною читанных); тоны разнообразны, содержание просто, но заманчиво, и чувство, и юмор истинно русские.

21 Ноября.

Напоследок я кончил сегодня своего «Ляпунова»: пять актов я написал в 52 дня и то с перерывами; иногда по два дня ничего не прибавлял.

24 Ноября.

Библиотечный рецензент, разбирая «Основания словесности» Глаголева,[1] почти утвердительно говорит, что «Слово о полку Игореве» не древнее русское сочинение, а подлог в роде Мекферсонова «Оссиана».[2] Трудно пове-

---

[1] Глаголев, Андрей Гаврилович (год рождения неизвестен — умер в 1844 г.) — писатель, доктор словесности.
— «Умозрительные и опытные основания словесности» (Спб. 1834, в 4-х ч.) — первый в России опыт систематического учебника по словесности.

[2] James Macpherson (1736 — 1796) — шотландский поэт. В 1761 г. он объявил об открытии древнего национального эпоса и в том же году опубликовал: «Фингал» и др. поэмы, принадлежащие кельт-

рить, чтоб у нас на Руси, лет сорок тому назад, кто-нибудь был в состоянии сделать такой подлог: для этого нужны бы были знания и понятия такие, каких у нас в то время ровно никто не имел; да и по дарованиям этот обманщик превосходил бы чуть ли не всех тогдашних русских поэтов и прозаиков, вкупе взятых.

26 Ноября.

Принесли мне «Отечественные Записки» [1] на 1823 год. Не надеюсь найти в них много путного; однако для почину попалась статья занимательная: «Дневник Храповицкого». [2]

скому поэту Оссиану («Fingal, an Ancient Epic Poem in six Books, together with several other Poems composed by Ossian, the son of Fingal, translated from the Gallic Language»). За этим последовала «Temora» (1763) и «Собрание сочинений Оссиана» (1765). Резкое несходство этих двух переводов с дошедшими до нового времени подлинными произведениями III века стало тотчас же предметом широких обсуждений. Между тем Макферсон, под различными предлогами, уклонился от обнародования источников своего издания. По смерти Макферсона, Малькольм Лейнг (Laing), объявил перевод Оссиана полностью подлогом Макферсона. В дальнейшем, опубликование бумаг Макферсона, среди которых нашлось одиннадцать писем на гаэльском наречии, заставило считать «Оссиана» не подлогом, а лишь современной литературной обработкой нескольких устных преданий, записанных Макферсоном в горной Шотландии.

Аналогичные споры возникали и вокруг «Слова о полку Игореве».

[1] «Отечественные Записки» — в двадцатые годы один из наименее заметных русских журналов, издавался П. П. Свиньиным с 1818 по 1830 г. (1818 — 1819 — не как журнал, а как годовой сборник), — к концу двадцатых годов захирел и в 1839 г. перешел в руки А. А. Краевского, поставившего его на большую высоту. На страницах обновленных «Отечественных Записок» объединялись все главные литературные силы сороковых годов. Краевский редактировал «Отечественные Записки» единолично до 1860 г., с 1860 по 1866 вместе с С. С. Дудышкиным, с конца 1866 г. опять единолично, с апреля 1866 г. передал редактуру М. Е. Салтыкову, оставшись только издателем журнала. Прекратился журнал на четвертом номере за 1884 г.

[2] Храповицкий, Александр Васильевич (1749 — 1801) — статс-секретарь императрицы Екатерины II, поэт, драматург и переводчик известных «Памятных Записок» (первая публикация, с большими сокращениями в «Отеч. Записках» П. П. Свиньина, 1821 — 1827. Полное издание вышло в 1774 г.).

28 Ноября.

Не люблю я, искренно сказать, библиотечных рецензентов: всех их несноснее театральный, [1] который обо всем говорит языком самым странным; тут при каждом слове так и видится жеманная улыбка; он до того привык кривляться и скалить зубы, что истинно не знаешь, говорит ли когда-нибудь дело.

2 Декабря.

Брамбеуса: «Любовь и Смерть», и восхищала меня, и — бесила. Есть в этой пиэсе места, которые за душу хватают; но есть и такие натяжки, которые в состоянии заставить бросить книгу.

10 Декабря.

Самый короткий день в году. Я заметил, что у меня вечерние сумерки прежде 10-го декабря становятся длиннее: в конце ноября уже в исходе четвертого часа совершенно бывало темно, а теперь до половины пятого можно уже обойтись без свечи. Подобное наблюдение сделал я и в июне месяце: десятое число июня — самый длинный астрономический день — для меня, для моей комнаты, не есть самый длинный.

12 Декабря.

Мне сделали полочку для книг. — Переборка в комнате меня очень занимала: я воображал, будто хозяйничаю.

14 Декабря.

Вот начался и десятый год по общем нашем несчастии! Много ли в живых из злополучных моих товарищей? [2].

---

[1] Большинство рецензий в «Б. д. Чт.» принадлежит перу самого редактора О. И. Сенковского. Кроме того, театральные рецензии писал и М. А. Яковлев.

[2] До 1835 года из наиболее известных декабристов скончались: Андрей Николаевич Андреев и Николай Петрович Репин (сгорели в 1831 г.), и Александр Осипович Корнилович (умер от желчной горячки на Кавказе в 1834 г.).

18 Декабря.

Сегодня помер мой котенок. Очень мне понятна скорбь Гофмана о его Муре: я своего Васьки никогда не забуду.

19 Декабря.

Весь день протосковал по своем Ваське: пусть смеются! а я раза два сегодня даже принимался плакать, вспоминая своего котика. Подадут есть, — не с кем делиться; — отворю фортку — некого впустить в комнату.— Жаль мне своего Васеньки!

20 Декабря.

В «Библиотеке» прочел я три повести; одна из них: «Княжна Мими» — Одоевского, чрезвычайно хороша; это первое сочинение Володи, которым *я* доволен. — Масальского — «Дон-Кихот XIX века», совершенный вздор; а «Кирджали» Пушкина просто анекдот, но очень хорошо рассказанный.

21 Декабря.

В «Библиотеке» примечательного прочел разбор «Истории Донского войска» В. Броневского:[1] этот разбор очень хорош; — вероятно, он — Сенковского.

Из стихотворений замечу прекрасной версификации: «Молодой орел», Ершова.[2] Надоела мне между прочим судорожная (grimaçante) ирония, с какою с некоторого времени обо всем пишут: всех несноснее в этом случае

[1] Броневский, Владимир Богданович (1784 — 1835) — военный писатель. Его «История Донского войска, описание Донской Земли и Кавказск. минер. вод» (СПБ. 1834) была очень сурово встречена В. Г. Белинским в «Молве» (1834 г.).

[2] Ершов, Петр Павлович (1815 — 1869), — поэт, автор известной сказки «Конек-Горбунок» (напеч. в 1834 г.); печатал стихотворения в «Б. д. Чт.» Сенковского и «Современнике» Плетнева.

С марта по 11 августа 1846 года П. П. Ершов, служивши в Тобольске, был чтецом и ежедневным собеседником ослепшего Кюхельбекера, во время его предсмертной болезни, вплоть до самой его кончины.

знаменитый М. Я., т. е. Михайло Яковлев [1] (только не лицейский); [2] ему вечный смех, он над всем шутит, обо всем рассказывает, как настоящий Скарамуш: и об «Осаде Пскова» Розена, [3] и о самом пошлом водевиле: везде у него заметно одинаковое желание выставить на посмешище автора и выказать свое личное превосходство и над автором, и над читателем. — Высек бы я розгами этого кривляку!

24 Декабря.

Канун Рождества. Я сегодня нето, что весел, напротив, тихая грусть у меня на душе, но спокоен. Слава богу и за это!

Принесли мне Державина. * [4] Рад я перечесть старика! Сегодня пробежал я его «Пожарского» [5] и «Кутерьму от Кондратьев»: [6] чудеса! Заруцкий в женском платье — [7] дивный арабеск! Но предоставлю другим тешиться над старикашей: а дети в «Кутерьме» у него истинно милы и совершенно списаны с натуры. В его третьей части пере-

---

* В подлинной тетради спутаны листы. *Прим. ред. ‹Р. Ст.›.*

[1] Яковлев, Михаил Александрович (1798 — 1858) — писатель, переводчик и журналист; с 1820 г. издавал со Сниткиным и др. журнал «Невский Зритель», в котором в 1820 г. сотрудничал Кюхельбекер (стихи, проза, статьи). Яковлев был строгим для театрального мира рецензентом.

[2] Яковлев, Михаил Лукьянович (1798 — 1868) — товарищ Кюхельбекера по Царскосельскому лицею; поэт двадцатых — тридцатых годов, осмеянный Боратынским (в посланиях «Гнедичу», 1823 г. и «К [Яковле]ву», 1826 г.). Входил в лицейский литературный кружок. Свои стихотворные опыты Яковлев продолжал некоторое время и по выходе из лицея и помещал их в разных журналах. Но уже в изданном им в 1828 г. «Опыте Русской Анфологии» Яковлев не поместил ни одного собственного стихотворения. Кроме того Яковлев был певцом и композитором.

[3] «Осада Пскова»—трагедия бар. Е. Ф. Розена в 5 д. в стихах, вышла в свет в Спб. в 1835 г. (раньше в «Б. д. Чт.» печатались отрывки).

[4] Кюхельбекер читал издание 1808 года.

[5] «Пожарский или освобождение Москвы. Героическое представление в четырех действиях с хорами и речитативами» (1806).

[6] «Кутерьма от Кондратьев, детская комедия в одном действии с хорами» (1806).

[7] Заруцкий (казачий гетман) — действующее лицо драмы «Пожарский»: чтобы пробраться в лагерь Пожарского, он переодевается в женское платье (действие II, явл. III — VIII).

чел я несколько стихотворений таких, которые только теперь истинно оценил: в них что-то восточное, что-то напоминающее «Ost-Westlicher Divan» [1] Гёте.

25 Декабря.

После обеда читал Державина. Его «Добрыня» [2] совсем не дурен: конечно, завязка чуть-чуть держится; за то местами встречаются не только лирические, но даже драматические красоты. Тороп [3] вообще очень хорош: настоящий испанский Грациозо. «Добрыню» я прочел, так сказать, ex officio; * а потом роскошествовал за третьею частью нашего старика! Какой богатый мир картин и чувства! Нет сомнения, что дедушка Державин и у нас на Руси первый поэт и, кажется, долго еще останется первым. Есть у него Сонеты [4] (чего я прежде не заметил); один из них: «Блаженство супруги» хорош; все прочие довольно плохи; не его дело было кроить стихи.

27 Декабря.

Читал и Державина, и «Библиотеку». Признаюсь искренно, что гораздо более люблю Державина, гораздо более удивляюсь ему в его безделках, нежели в больших одах; однако начало его оды «Кровавая луна блистала» [5] истинно чудесно.

---

* По обязанности (лат.).

[1] Следует: «West - Östlicher Divan» («Западно-восточный Диван» — сборник подражаний восточным лирикам с прозаическим коментарием; он то, должно быть, и познакомил впервые Кюхельбекера с поэтическим Востоком, восторженным поклонником которого он выступает впоследствии в статьях. — «Подробный конспект прозаического аппарата этой книги сохранился в черновой тетради (хранится в Пушкинском Доме при Акад. Наук СССР)» — примечание Ю. Н. Тынянова («Арх. и Пушкин» в сб. «Пушкин в мировой литературе», стр. 392, 85).

[2] «Добрыня, театральное представление с музыкой в пяти действиях (1804).

[3] Действующее лицо «Добрыни».

[4] Их всего пять: «Мои Грации» и «Блаженство супруги» (1807 г.).; «Посылка плодов», «Прогулка», «Задумчивость» (1808 г.).

[5] «На выздоровление Мецената» (Н. И. Шувалову).

1 8 3 5

1 Января. *

Вот уже в четвертый раз встречаю новый год в этих стенах! Но слава богу, нынешний день провел я приятно, не скучал, не тосковал. Еще бы было лучше, если бы случилась какая-нибудь новинка; однако и старье принесло мне наслаждение: я с удовольствием прочел несколько од Державина. К стати внесу в тетрадь стихи, которые сочинил я в последних числах декабря; я их отправил к племянникам. **

. . . .

3 Января.

8-м письмом Шеллинга [1] я попеременно то восхищался, то приводим был в недоуменье. Все, что он говорит о счастии и блаженстве (Glück-Seligkeit und Seligkeit) превосходно: я совершенно согласен с ним и Спинозою, [2] что блаженство не есть награда за добродетель, но сама добродетель.

6 Января.

Спасибо старику Державину! Он подействовал на меня вдохновительно; тремя лирическими стихотворениями я ему обязан: переписанным в самом начале нынешнего дневника, конченным вчера и начатым и конченным сегодня. У Державина инде встречаются мысли столь

---

* В новой тетради, прошнурованной, как и прежние, комендантом крепости инженер-генерал майором. *Прим. ред. «Р. Ст.».*

** В тексте «Р. Ст.» следует стихотворение «Мое предназначение» (см. том XLI, 1884 г., стр. 343—346).

[1] «Philosophische Briefe über Dogmatismus und Kriticismus» («Письма о догматизме и критицизме», 1795.)

[2] Baruch Spinoza (1632 — 1677) — голландский философ.

глубокие, что приходишь в искушение спросить: понял-ли сам он вполне то, что сказал. Таков напр. стих в оде «бог»:

«Я есмь, — конечно есть и ты!»

В этом одном стихе опровержение и догматизма, и критицизма (или реализма и идеализма). Обе системы в том согласны, что крайний итог их... 0. — Но пусть соберутся все мудрецы мира и доказывают мне, что я не существую, не есмь, — я, быть может, стану в тупик от их диалектики, да все же им не поверю. Тоже самое скажу им, когда они, обескачествуя высочайшее существо, приведут и его к нулю. Вера в премудрую, преблагую, в всемогущую, самобытную причину вселенной столь же необходима мне, сколь необходима мне вера в собственное существование. Без той и другой я совершенно теряюсь в хаосе; без них моим единственным спасением из бездны отчаяния может быть только смерть или безумие.

. . . .

Простился я сегодня с Державиным: отдал его. Но непременно через пол-года или год (разумеется, если буду жив и еще здесь) опять его выпрошу. Третья часть, т. е. Оды, названные стариком анакреонтическими,[1] венец его славы. — Они истинно бессмертны; тут почти нет ни одной, в которой не было бы хоть чего нибудь прекрасного, даже в самых слабых найдешь или удачную черту, или счастливый оборот, или хотя живописное слово. Лучшие же такие перлы русской поэзии, которые мы смело можем проти-

---

[1] Под названием «анакреонтических стихотворений» разумели сборник песен, принадлежащий ранней Византийской эпохе (он ошибочно приписывался Анакреонту — древне-греческому лирику, род. около 570 г. до нашей эры). В России анакреонтические оды переводили: Кантемир, Ломоносов, Херасков, Державин, Гнедич, Пушкин и др. О русской анакреонтической оде см. монографию Г. А. Гуковского (в «Русской поэзии XVIII века», Л. 1927).

вопоставить самым лучшим созданиям в сем роде иностранцев и даже древних.

12 Января.

С нынешнего дня мне остается еще до срока 6 лет и 6 месяцев; прошло же моего заточения без малого (потому что меня арестовали около 20-го числа 1826 г.) — 9 лет. [1]

28 Января.

Елисавета Кульман, [2] — что за необыкновенное восхитительное существо! Стихи ее лучше всех дамских стихов, какие мне случалось читать на русском языке; но сама она еще не в пример лучше своих стихов. Сколько дарований, сколько души, какое воображение! и это все должно было погибнуть семнадцати лет! Тут можно с глубоким чувством истины и скорби произнесть многозначущие слова, которые от бессмысленного употребления порою

---

[1] Кюхельбекер считает срок своего заключения в 15 лет (по сокращению первоначального срока 22 августа 1826 г.); освобожден же от содержания в крепости он был не через шесть с половиной лет, а через одиннадцать месяцев — 14 декабря 1835 года.

Арестован Кюхельбекер был в Варшаве — 19 января 1826 г.

[2] Кульман, Елизавета Борисовна (1808 — 1825) — поэтесса. Успев обнаружить из ряда вон выходящее дарование, она умерла 17 лет от роду. Уже 13 лет Кульман владела немецким, французским, итальянским и английским языками и хорошо знала греческий, латинский и славянские языки. Под влиянием своего учителя Гросса-Гейнриха Кульман начала писать в духе греческих поэтов и написала два сборника стихотворений: «Венок» и «Стихотворения Коринны». Ознакомившись с ее стихами, Гёте писал Гросс-Гейнриху: «Объявите молодой писательнице от моего имени. от имени Гёте, что я пророчу ей современем почетное место в литературе, на каком бы из известных ей языков ни вздумала она писать». Жан-Поль Рихтер прислал лестный отзыв, а известный знаток греческой литературы Фосс говорил о «Стихотворениях Коринны»: «Эти стихотворения можно почесть мастерским переводом какого-нибудь поэта блистательных времен греческой литературы, о котором мы до сих пор не знали». — Литература немецкая и итальянская считают Кульман также своею. В Италии и Германии ее произведения выдержали по несколько изданий.

Кюхельбекер посвятил Е. Кульман длинное стихотворение («Елизавета Кульман», см. «Рус. Ст.», т. XLI, февр., стр. 352 — 355).

стали так пошлы, слова, которые теперь произносит преравнодушно бездушный наследник ничтожного богача, когда извещает о смерти этого человека, собственно вовсе никогда не жившего, или лицемерная вдова, когда хоронит мужа и едва может скрыть радости, что наконец избавилась от того, кого ненавидела, слова: «неисповедимы пути Провидения», и точно, как не назвать их неисповедимыми, когда подумаешь, чем бы могла быть Елисавета, если бы смерть ее у нас не похитила так рано!

Статью о ней написал некто Никитенко; [1] он сам человек с душою, с мыслями и дарованием. Не оставляю и я без приношения священной, девственной тени Элизы! Как жаль, что я ее не знал! Нет сомнения, что я в нее бы влюбился, но эта любовь была бы мне столь же благотворна, сколь были мне вредны страстишки к мелким суетным созданиям, в которых не было ничего изо всего того, чем дарило их мое слишком щедрое воображение.

. . . .

16 Февраля.

Наконец, бившись три дня, я переупрямил упорную Державинскую строфу, [2] которая особенно трудна по расположению рифм и по краткости стихов; не знаю, какова пьэса, только знаю, что она обошлась мне не дешево.*

. . . .

---

* В тексте «Р. Ст.» следуют две строфы стихотворения «Росинки», целиком перепечатанного во всех «Собраниях» стихотворений Кюхельбекера. Приводим из него первую строфу:

Сон побежденный
С выси янтарной
Канул за лес:
Шар лучезарный,
Око вселенной,
Сердце небес —
Всходит, — и пало
Тьмы покрывало,
Сумрак исчез!

[1] Никитенко, Александр Васильевич (род. в 1804 или 1805 г. — умер в 1877г.) — мемуарист и критик, профессор по кафедре русской словесности; впоследствии академик. В 1839 — 1841 гг. редактировал «Сын Отечества».

[2] См. стихотворение Державина «На кончину великой княжны Ольги Павловны».

2 Марта.

Вечером прочел несколько занимательных статей в — «Библиотеке»; между прочим отрывок из воспоминаний о Сирии Осипа Морозова.[1] Этот Осип Морозов чуть ли не тот же Осип Сенковский: по крайней мере и у Морозова те же Марлинсковские замашки и то же незнание русского языка, что у Брамбеуса-Сенковского. Впрочем и у того, и у другого не отнимаю ни воображения, ни завлекательности, ни истинного таланта. Но все же Марлинский подлинник, а они оба списки, и все же не быть им законодателями в русском языке.

14 Марта.

Ныне, 14-го марта 1835 г., добрался я в греческом подлиннике до последнего стиха Илиады; начал я ее 9-го июня 1831 года, стало быть читал без малого четыре года. Довольно медленно! однако не надобно забыть, что иногда по 6 месяцев я не заглядывал в книгу, а кроме того каждую песнь перечел три, четыре и иную и пять раз.

18 Марта.

С наслаждением прочел я отрывок из воспоминаний о Сирии Морозова (Сенковский, Брамбеус и Морозов непременно одно и то же лицо); название этому отрывку «Затмение Солнца». Тут все хорошо, — кроме следующей ереси: «душа по истине столько же облагороживается на вершинах земли, сколько на первых высотах общества». — Охота профессору Сенковскому быть маркизом! Что за первые высоты общества? Не читал же профессор «Онегина». Иное дело, если он на высотах общества полагает людей не самых светских, а самых умных и добродетельных: это соль земли и между ними подлинно чувствуешь себя благороднее и лучше. Только точно ли люди

[1] Осип Морозов — один из псевдонимов О. Сенковского.

самые умные и добродетельные в тех кругах, которые в обыкновенном разговоре называются высотами общества? Как вы об этом думаете, господин профессор?

20 Марта.

Сегодня начал я Шеллинговы «Исследования о существе человеческой свободы». [1]

...Начало этого творения удивительно: какая глубина и вместе какая ясность! — Преклоняю колено пред великим мыслителем и прошу у него прощения, что было понял его криво! — Особенно для меня поразительно согласие его учения с учением святой религии христианской.

. . . .

26 Марта.

Об «Арабесках» Гоголя «Библиотека» также судит по своему: [2] отрывок, который приводит рецензент, вовсе не так дурен; он напротив возбудил во мне желание прочесть когда-нибудь эти «Арабески», которые написал как видно по всему, человек мыслящий.

29 Марта.

Читал сегодня Голикова. [3] — Чудак покойник Голиков! Хорошо ли, худо ли, а рассказал он историю Петра

---

[1] «Философское исследование о сущности человеческой свободы и связанных с этим вопросом предметах» (1809).

[2] Рецензия на «Арабески» — в «Б. для Чт.» (февраль 1835 г.), написана О. Сенковским. Как и большинство других отзывов, рецензия Сенковского была не совсем доброжелательна.

В письме к Пушкину из Баргузина от 3 августа 1836 г. Кюхельбекер писал: «Гоголь. — Из выписок Сенковского, который его впрочем ругает, вижу, что он должен быть человек с истинным дарованием. Пришлите мне его комедию» (очевидно, «Ревизор» — *В. О.*), см. Переписку Пушкина, ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 361.

[3] Голиков, Иван Иванович (1735 — 1801) — курский купец, автор «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранных из достоверных источников и расположенных по годам», вышедших первым изданием у Н. И. Новикова в Москве в 12 томах (1788 — 1789) с 18-ю томами Дополнений (1790 — 1797).

Великого, кажется, — и конец делу, — история доведена не только до смерти, но даже до похорон героя. Не тут-то было! — «я, говорит автор, рассказал вам жизнь Петра, но во многих случаях врал; так дайте же перескажу вам всю историю еще раз!» — а затем издает «почтенный муж, достойный многих хвал» — дюжину, может быть и более — томов дополнения!

3 Апреля.

Брамбеус! — перечел я его диатрибу: «Брамбеус и юная словесность». [1] Какие у него понятия о словесности, — «Стихотворения, т. е. поэмы в стихах, и поэмы в прозе, т. е. романы, повести, рассказы, всякого рода сатирические и описательные творения, назначенные к мимолетному услаждению образованного человека, — вот область словесности и настоящие ее границы». С чем имею честь поздравить господина Брамбеуса! я бы лучше согласился быть сапожником, чем трудиться в этих границах и для этой цели. Светский разговор у него прототип слога изящного; а публика состоит из жалких существ, которые ни рыба, ни мясо, ни мужчины, ни женщины. «Увы» — восклицает он далее в конце своего разглагольствия — «кто из нас не знает, что в числе наших нравственных истин есть много оптических обманов!» — После этого: увы! — и подобных понятий о словесности, слоге и публике, — считаю позволенным несколько сомневаться в искренности тяжких нападок, которыми обременяет Брамбеус новых французских романистов и драматургов.

15 Апреля.

Сегодня ровно четыре года, как вывезли меня из Динабургской крепости. [2]

---

[1] См. запись от 25 октября 1834 г., (стр. 216 наст. изд.).
[2] См. стр. 13 — 14 и 49 наст. изд.

15 Апреля.

По утру прочел в третий раз «Торквато Тассо» Кукольника. — Это лучшее создание нашего молодого поэта. Первый акт и начало второго, т. е. сцена между Лукрециею и Джюлио Гаскано и затем монолог Лукреции так хороши, что на нашем языке я ничего подобного не знаю: они достойны Шиллера, могут смело выдержать сравнение с лучшими сценами германского трагика. К несчастию все то, что за ними следует до самой сцены в 3 акте между Константини и молодым Мости, не зрело, слабо, вымышленно. Потом идет ряд прекрасных сцен или выходов (как их называет автор) до разговора между Константини и Альфонсом; — этот разговор необходимо бы переделать, потому что он почти ничего не открывает касательно клевет, под которыми страждет Тассо, — все тут темно, сбивчиво, неопределенно, — между тем, как точность и ясность тут особенно нужны. Следуют опять прекрасные сцены до конца четвертого акта; только вот вопрос: зачем «видение» Тасса «принимает совершенный вид черного духа с крылами», т. е. беса, а говорит как ангел света? Сверх того превосходная сцена, в которой терзание, раскаяние, перед самою смертью, вспышки непотухшей страсти и смерть Лукреции — была бы еще лучше, если бы мы знали в чем именно состоит клевета страдалицы-преступницы. В пятом акте много красот, — но много и необдуманного, даже в самых лучших местах, например, в пророчестве Тасса: о Державине и России прелесть, но о Тевтах темно, бледно, — не знаешь: хвалит ли, бранит ли их Торквато; — «о том юноше холодном и суровом» — должно бы непременно сократить — если и не вовсе выкинуть. Сверх того в венчании Тасса слишком много оперного: все это должно бы быть проще. Оба монолога Тасса в 1 и 2 выходах этого акта исполнены чувства и фантазии, но народные сцены вообще слабы,

а Тассова перебранка с чернью почти смешна, — тем более, что невольно принимаешь сторону черни против заносчивого выходца из больницы святыя Анны. — Но еще раз красоты в этой фантазии первой степени и далеко перевешивают недостатки; «Торквато Тассо» Кукольника лучшая трагедия на русском языке, не исключая и «Годунова» Пушкина, который, нет сомнения — гораздо умнее и зрелее, гораздо более обдуман, мужественнее и сильнее в создании и в подробностях, но за то холоден, слишком отзывается подражанием Шекспиру и слишком чужд того самозабвения, без которого нет истинной поэзии.

20 Апреля.

Кукольника драма «Рука всевышнего отечество спасла», — несколько в последних актах утомительна тем, что Минин, и Пожарский, и Трубецкий, и Ржевский собственно одно и то же самое, но первый акт истинно прекрасен; он весь согрет чистым высоким чувством: Минин в этом первом акте превосходен. — Теплота везде, — парение почти лирическое во всей драме: к несчастию этот лиризм совершенно уничтожает другую необходимую стихию драматическую — ясность и отчетливость.

12 Мая.

Большую радость бог послал мне: мой «Ижорский» мне прислан, напечатанный. [1] Жаль только, что в нем ошибок типографских бездна. Худой же корректор Владимир Федорович Одоевский. Но все же я и ему благодарен за труд. Считаю не нужным упоминать здесь, к кому по этому случаю я особенно считаю себя обязанным быть признательным: упоминать о нем было бы здесь как то не к стати; только — бог мне свидетель, — что чувствую его благодеяния.

---

[1] См. стр. 349 наст. изд.

19 Мая.

Сказать ли? — Право боюсь даже в Дневнике высказать на этот счет свое мнение. — Но быть так! — Читаю по вечерам мелкие стихотворения Пушкина; бóльшая часть (и замечу: все почти хваленые, напр. «Демон», «Подражание корану», «Вакхическая песнь», «Андрей Шенье» etc.) слишком остроумны, слишком обдуманы, обделаны и расчитаны для эфекту, а потому (по моему мнению) в них нет... вдохновения. За то есть другие менее блестящие, но мне особенно любезные. Вот некоторые: «Гроб юноши», «Коварность», «Воспоминание», «Ангел», «Ответ Анониму», «Зимний вечер», «19 октября». — «Чернь» всячески перл лирических стихотворений Пушкина.

22 Мая.

В «Библиотеке для чтения», в статье о посмертных сочинениях Гёте попалось мне мнение Больвера [1] (автор «Рейнских Пилигримов»),[2] разделяемое, повидимому, издателями «Библиотеки», будто: «Проза сердцá (?) просвещает, трогает, возвышает гораздо более поэзии»; будто: «самый философический поэт наш (т. е. английский) преложенный в прозу, сделается пошлым»; будто: «Чайльд-Гарольд, кажущийся таким глубокомысленным творением, обязан этим глубокомыслием своему метрическому слогу: в самом деле, в нем нет ничего нового, кроме механизма слова»; замечу, что Байрона на днях, за неимением подлинника, перечел именно в прозе и в дурной французской прозе — а все таки удивлялся дивной глубине его чувств и мыслей (хотя тут мысли дело второстепенное), сверх того, — сам я рифмач и клянусь

[1] Edward-George Bulwer, Earle Lytton (1803 — 1873) — английский романист и политический деятель.

[2] «The Pilgrims of the Rhine» (появились в печати в 1834 г.; — в русском переводе в 1835 г.).

совестью, что рифма очень часто внушала мне новые неожиданные мысли, такие, которые бы мне ни коим образом не пришли бы на ум, если бы я писал прозою; да мера и рифма вдобавок учит кратко и сильно выражать мысль, выражать ее молниею: у наших великих писателей в прозе эта же мысль расползается по целым страницам.

4 Июня.

Повесть: «Фрегат Надежда» из лучших сочинений Марлинского. Особенно она мне потому нравится, что тут автор не так расточителен на «Бестужевские капли»;[1] их тут мало и везде кстати. Единственный недостаток этого прелестного творения — морские варваризмы, без которых мы, профаны, очень и очень могли бы обойтись. — Марлинский человек высокого таланта: дай бог ему обстоятельств благоприятных! У нас мало людей, которые могли бы поспорить с ним о первенстве. Пушкин, он и Кукольник — надежда и подпора нашей словесности; ближайший к ним — Сенковский, потом Баратынский.

---

[1] «Бестужевские капли» — рецептура гр. А. П. Бестужева-Рюмина — (раствор железа в смеси спирта с эфиром) — известное лекарственное средство. Цветистый слог А. А. Бестужева-Марлинского один из его современников (Греч) назвал «Бестужевскими каплями».

ДНЕВНИК ПОСЕЛЕНЦА

Баргузин, 3-е Сентября 1837 г.

ПОСЛАНИЕ К БРАТУ.

Минули же и годы заточенья;
А думал я: конца не будет им!
Податели молитв и вдохновенья,
Они парили над челом моим
И были их отзывом * песнопенья.
И чтож? обуреваем и томим
Мятежной грустию, слепец безумный,
Я рвался в мир и суетный и шумный.

Не для него я создан. Только шаг
Ступить успел я на священный прах
Приюта тихих дум, — и уж во власти
Глухих забот, и закипели страсти,
И дух земли, непримиримый враг
Небесного, раздрал меня на части:
Затрепетали светлые мечты
И скрылися пред князем темноты.

Мне тяжела, горька мне их утрата:
(Душа же с ними свыклась, жизнь срослась);
Но пусть! — я и без них любовью брата
Счастлив бы был; с ним вместе, не страшась,
Вступил бы я в борьбу, — и сопостата
Мы побороли бы; нет, дружных нас
Не одолел бы! — Может быть, и лира
Вновь оживилась бы на лоне мира.

---

* В рукописи, хранящейся в биб-ке Акад. Наук: *отзывы*.

О! почему, неопытный борец,
Рукой неосторожной грудь родную
Я сжал и ранил? — Пусть восторжествую,
Пусть и возьму столь лестный мне венец,
Ах! лучше бы я положил, певец
Забытый всеми, — голову седую
В безвестный темный гроб, чем эту грудь,
И без того больную, оттолкнуть!

Где время то, когда, уединенный,
К нему я в даль объятья простирал,
Когда и он, любовью ослепленный,
Меня к себе под кров свой призывал?
Я наконец перешагнул Урал,
Перелетел твой лед, Байкал священный;
И вот свою суровую судьбу
Я внес в его смиренную избу!

Судьбу того, кто с самой колыбели
Был бед звездою всем своим друзьям...
За них, подъемля руки к небесам,
Молился, чтобы скорби пролетели
Над милыми, — сердца их я же сам,
Бывало, расстерваю! — Охладели,
Заснули многие; ты не отъят,
Ты мне один остался, друг и брат!

А между тем... Покинем и забудем,
Забудем бури, будто злые сны!
Не станем верить ни страстям, ни людям;
Оставь мне, отпусти мои вины,
Отныне в жизни неразлучны будем!
Ведь той же матерью мы рождены.
Сотрем все пятна с памятной скрижали;
Все пополам: и радость, и печали!

11 Сентября.

Ездил по мох. Физических сил, кажется, у меня больше, чем когда приехал: теперь я гребу довольно исправно.

13 Сентября.

Была мне сегодня поэтическая минута: работали у меня на чердаке и пели, уныло, протяжно; погода была мокрая, осенняя, и читал я повесть, которая совершенно соответствовала и пенью, и погоде, а именно: «Любовь и Смерть» Брамбеуса; да заснул за пеньем, погодою и повестью.

17 Сентября.

День Любви, Надежды, Веры.

Бессоница от забот; но благодарю господа за нее; я беседовал с самим собою, с совестью и с минувшим и укрепился в уповании на бога.

17 Ноября.

Опять два месяца, что я не писал дневник: да писать не было о чем, кроме горя.

21 Ноября.

Вчера определился ко мне работник, мальчик 15-ти лет; зовут его Харитоном Чирковым; я его погладил по голове, он потом погладил и меня по голове-же.

Сегодня начал я свою автобиографию. [1]

2 Декабря.

В первый раз не совсем неудачно вырабатывал 4-ю книгу «Вечного Жида». В «Телеграфе» на 1833-й год попалась мне повесть: «Живописец», [2] которая очень недурна, особенно хорошо лицо старого иконописца. По слогу она что-то сбивается на манеру Одоевского.

---

[1] Автобиография Кюхельбекера не дошла до его семейства (см. «Р. Ст.», 1875, т. XIII, стр. 356).

[2] Н. А. Полевого.

19 Января

Покинул я Баргузин. Сижу на Итанце у Оболенского. [1] Расставанье было тяжко, но я должен был решиться на этот шаг. Храни, господи, моего бедного брата!

7 Февраля. Акша. [2]

Поутру читал Евангелие от св. Матфея на греческом; потом занимался с моими миленькими ученицами [3] исто-

[1] Оболенский, князь Евгений Петрович (1796 — 1865) — декабрист, член Союза Благоденствия и Северного Общества: после тринадцатилетней каторжной работы в 1839 г. поселен в с. Итанцинском, Верхнеудинского округа Иркутской губ.; в 1841 г. переведен в г. Туринск Тобольской губ., в 1842 г. — в г. Ялуторовск, а в 1856 г. возвращен в Европейскую Россию. В. К. Кюхельбекер был дружен с Оболенским; три биографически-ценных письма Кюхельбекера к Оболенскому (из Баргузина и из Акши от 1839 — 1841 гг.), см. в сборнике «Декабристы — неизданные материалы и статьи», под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Труды Пушкинского Дома. М. 1925.

[2] В Акшинскую крепость Нерчинского округа Кюхельбекер был переведен по собственному прошению из Баргузина 16 января 1840 г. (По биографии в «Р. Ст.», а по «Алф. декабр.» 16 сентября 1839 г.). Перевод этот был вызван со стороны Кюхельбекера соображениями материального характера, кроме того его привлекал сравнительно благоприятный Акшинский климат. В Акше Кюхельбекер нашел чрезвычайно к нему расположенную семью майора А. И. Разгильдеева (о нем см. на стр. 250 — наст. изд.), дочерям которого, а также сыну казачьего атамана Истомина он давал уроки, получая за это 800 руб. в год. Достатки Кюхельбекера в Акше достигали в общей сложности (посылки из России, продажа хлеба, вознаграждение за уроки) — 1950 руб. в год.

[3] Ученицы Кюхельбекера — дочери акшинского майора А. И. Разгильдеева — Анна Александровна и Варвара Александровна.— 5 июня 1841 г. Кюхельбекер писал Е. П. Оболенскому: «своими ученицами я очень доволен; с Разгильдеевой я теперь в приятельских отношениях; она, кажется, теперь оценила мои старания и верит, что я свое дело знаю. ...Аннушка и Васинька (sic! Варенька?— *В. О.*) составляют истинное мое утешение (см. сб. «Декабристы» под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана — Труды Пуш-

рию, а после обеда навестил гроб Аврамова [1] и был у здешнего священника.

. . . .

12 Февраля.

Перепишу две пиэсы, которые я написал, одну еще в сентябре месяце в Урикском [2] селении, когда молотили мой хлеб, а другую в Верхнеудинске. — Первая на смерть моего незабвенного Николая, [3] другая на Рождество для атаманского Петиньки. [4] *

14 Июня.

12-го вечером родился у меня сын-первенец, мертвый. Вчера я его похоронил и при выносе дал ему имя Феодор.

19 Октября. **

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,

кинского Дома, 1925, стр. 163). Аннушке Разгильдеевой (род. в 1825 г.) Кюхельбекер посвятил стихотворение «Аннушке в альбом» (см. «Р. Ст.» 1890 г., т. LXXII, стр. 68).

* Пропущенные нами стихотворения см. в «Р. Ст.», т. LXXII, стр. 68 — 69.

** Нижеследующее стихотворение в рукописи, хранящейся в биб-ке Академии Наук, имеет заголовок: *«19 октября 1837* (sic! — *В. О.*) *года»*.

[1] Авраамов (Аврамов), Павел Васильевич (1791 — 1836) — декабрист, член Союза Благоденствия и Южного Общества; после восьмилетней каторжной работы в 1832 г. был поселен в Акшинской крепости, Иркутской губ., где и умер.

[2] Урик — село в 18 верстах от Иркутска, где с 1836 г. жили на поселении декабристы М. С. Лунин, С. Г. Волконский с семьей, братья Александр и Никита Муравьевы и доктор Ф. Б. Вольф.

[3] Глинка, Николай Григорьевич (1811 — 1839) — племянник Кюхельбекера, сын Григория Андреевича и Юстины Карловны Глинок, умер от боевых ран, полученных на Кавказе. Николай Глинка пересылал Кюхельбекеру книги в Ревельскую цитадель; с Николаем Глинкой Кюхельбекер переписывался и из тюрем, и из Сибири.

[4] Пронюшки (?). Очевидно описка писаря или опечатка в тексте «Р. Ст.» (см. «Р. Арх.», 1872, № 5, стр. 1006 или стр. 310 наст. изд.).

В средине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушенных сил!
Блажен! лице его всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая Эдемская заря.

* * *

А я один средь чуждых мне людей,
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей!
В тот гроб бездонный, молнией сраженный,
Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять Лицея день священный;
Но Пушкина уже меж вами нет!

* * *

Не принесет он новых песней вам, —
И с них не затрепещут перси ваши;
Не выпьет с вами он заздравной чаши:
Он воспарил к заоблачным друзьям!
Он ныне с нашим Дельвигом пирует;
Он ныне с Грибоедовым моим:
По них, по них душа моя тоскует;
Я жадно руки простираю к ним!

* * *

Пора и мне! — Давно судьба грозит
Мне казней нестерпимого удара:
Она того меня лишает дара,
С которым дух мой неразрывно слит!
Так! перенес я годы заточенья,
Изгнание и срам и сиротство;
Но под щитом святого вдохновенья,
Но здесь во мне пылало божество!

* * *

Теперь пора! Не пламень, не перун
Меня убил; нет, вязну средь болота,
Горою давят нужды и забота
И я отвык от позабытых струн.
Мне ангел песней рай в темнице душной
Когда-то созидал из снов златых; —
Но без него не труп ли я бездушный
Средь трупов столь же хладных и немых.

22 Октября.

Хочу вести опять дневник не совершенно по прежнему, однако, по крайней мере, отличать все, что со мною случится маломальски примечательного и суждения о том, что приведется прочесть не совершенно пустого.

Сегодня я был на горе довольно высоко; искал своего быка, да и нашел. При этом случае удалось мне насладиться прекраснейшим видом: все окрестные деревни и город, как на блюде. Устал я, между прочим, как собака, и потерял свой кушак.

15 Января.

Они моих страданий не поймут,
Для них смешен унылый голос боли,
Которая, как червь, таится тут
В груди моей. — Есть силы, нет мне воли;
Хоть миг покоя дайте! — нет и нет!
Вот вспыхнуло: я вспрянул, я поэт; —
Божественный объемлет душу пламень,
Толпятся образы, чудесный свет
В глазах моих, — и все напрасно: нет!
Пропало все! — Добро бы с неба камень
Мне череп раздвоил, или перун
Меня сожег: последний трепет струн
Разорванных вздохнул бы в дивных звуках,
И умер бы, как грома дальний гул;
Но я увяз в ничтожных, мелких муках,
Но я в заботах грязных утонул!
Нет! не страшусь убийственных объятий
Огромного несчастья: Рок, души! —
Ты выжмешь жизнь, не вырвешь ты души... *
Но погибать от кумушек, от сватей,
От лепета соседей и друзей!..
Не говорите мне: — «Ты Промефей!»
Тот был к скале заоблачной прикован,
Его терзал не глупый воробей,
А мощный коршун. — Был я очарован
Когда-то обольстительной мечтой;
Я думал: кончится борьба с судьбой

* В рукописи, хранящейся в биб-ке Акад. Наук: *«не выдавишь души»*.

И с нею все земные испытанья;
Не будет сломан, устоит борец,
Умрет, но не лишится воздаянья
И вырвет напоследок свой венец
Из рук ужасной бедности слепец! *
Она берет тебя из стен твоей темницы, **
Толкает в мир, — (ведь ты *** о нем жалел!)
А твой-то **** мир исчез, как блеск зарницы,
И быть нулем отныне твой ***** удел!

19 Января.

Сегодня уехал от нас молодой чиновник, служащий по особым поручениям при генерал-губернаторе, по фамилии Успенский. [1] Я в его обществе провел несколько очень приятных не баргузинских часов. В добавок просил его кое о чем, с чего, ежели удастся, начнется для меня совершенно новая жизнь.

Из всего читанного мною в последнее время (а в книгах я, к счастью, не имел недостатка) мне особенно понравилась Подолинского «Смерть Пери», [2] — это истинно восхитительная поэмочка, стихи тут чистый мед. Не забыть и Вельтманова «Лунатика»; [3] тут много Жан-Полевского и вместе много совершенно русского.

---

* В рукописи, хранящейся в биб-ке Акад. Наук следующее разночтение:

«Из рук суровых... Бедный я слепец!»

** Ibid.:

Судьба берет меня из стен моей темницы.

*** Ibid.: *Я.*

**** Ibid.: *Мой-то.*

***** Ibid.: *Мой.*

[1] Успенский, Н. П. — один из самых надежных чиновников губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперта. В 1841 г. он производил известный обыск у декабриста М. С. Лунина и арестовал его (см. книгу Гессена и Когана «Лунин и его время». Л. 1926, стр. 123).

[2] «Смерть Пери» А. Подолинского. Спб. 1837.

[3] «Лунатик» А. Ф. Вельтмана роман из эпохи 1812 года. Вышел в свет в 1834 г.

7 Сентября.

Сегодня получил я напечатанный экземпляр фарса: «Нашла коса на камень». [1]

---

[1] «Нашла коса на камень». Фарс в пяти действиях. Москва. В типографии Августа Семена при императорской Медико-Хирургической Академии. 1839». (Цензурное разрешение: Москва, янв. 20 дня 1839 г. Цензор и кавалер Иван Снегирев. Стр. 126.) — Ни в одном из известных нам библиографических указателей, равно как и ни в одной из биографий Кюхельбекера не говорится об этом анонимном издании. «Нашла коса на камень» — считалась до настоящего времени утраченной и только в 1928 году нам посчастливилось приобщить это интересное произведение к краткому списку отдельных изданий Кюхельбекера. Каким образом, через кого и когда удалось Кюхельбекеру переслать свою комедию в Москву — неизвестно. «Нашла коса на камень» — подражание комедии Шекспира «Укрощение строптивой»; см. также стр. 117 — 118 наст. изд. (Благожелательные отзывы об этой книге Кюхельбекера см. в «Отечественных Записках» 1839 г., т. V, отд. 7, стр. 22 — 24, и в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду» 1839 г., т. II, стр. 114 — 115, № 6 от 12 августа).

1 8 4 0

16 Февраля.

Были у нас в Акше беги; [1] на масляинной, говорят, их будет много. В вечеру бостонили мы у Истомина. [2]

18 Февраля.

Хотел, было, продолжать «Ижорского», но еще не было творческого электрического удара, а просто обдумать план не мое дело: все, что я когда-нибудь обдумывал зрело и здраво, лопало и не оставляло по себе ни следа.

Вчера я прочел «Фельдкюмелеву свадьбу» Коцебу. Право, у Коцебу было необыкновенное комическое дарование. Теперь вошло в моду его ругать и презирать, но, ей богу, большая часть чванных и заносчивых умников, которые им пренебрегают, сто раз хохотали до слев за его фарсами, если только в них столько ума, чтобы понять истинно смешное.

. . . .

28 Февраля.

В числе царственных стихотворцев нашего времени надобно заметить покойного хана Монголии Юн-дун-Дордзи, который, судя по рассказам здешнего учителя, должен был быть поэтом, едва-ли уступающим в таланте его величеству королю Людовику Баварскому. [3]

---

[1] «Конские беги» — одно из традиционных, сохранившихся до наших дней—восточносибирских развлечений; устраиваются в течение всего года, но специальный сезон для них—«масляная» неделя (см. статью Е. Титова «Конские бега в Восточном Забайкалье» в сборнике «Сибирская живая старина», вып. II, 1924, стр. 38 — 54).

[2] Истомин — Акшинский казачий атаман.

[3] Карл-Август-Людовик, король Баварский (1786 — 1868) — рано обнаружил любовь к литературе, музыке и искусству, выступил как поэт и писатель-архаист.

4 Марта.

Марлинского рассказ «Военный Антикварий», как все из-под пера этого писателя, жив и боек, только немножечко то, что французы называют chargé. *

Мой Мишенька [1] вчера начал делать: ладушки, ладушки! Только он что-то эти дни неможет.

10 Марта.

Начал свою корреспонденцию: сегодня я изготовил письма к Орлову [2], Курбатову [3] и Разгильдееву. [4] Был у Истоминых.

---

* Утрированным, каррикатурным (франц.).

[1] Мишенька — старший сын Вильгельма Карловича Кюхельбекера — Михаил Вильгельмович; род. 29 июля 1840 г., ум. 22 декабря 1879 г. После смерти отца, Михаил Вильгельмович шестилетним мальчиком был взят на воспитание Юстиной Карловной Глинка (вместе со своей сестрой Юстиной Вильгельмовной). По высочайшему распоряжению именовался не Кюхельбекером, а Васильевым; под этой фамилией он был определен в 1850 г. в Ларинскую гимназию в Петербурге, по окончании которой, в 1855 году поступил в Петербургский университет на юридический факультет. В 1856 г. получил право носить фамилию отца и все права дворянства. В 1863 г. Михаил Кюхельбекер служил прапорщиком в царскосельском стрелковом батальоне (впоследствии был майором). В 1876 г. служил директором правления общества для улучшения помещений рабочего и нуждающегося населения в Петербурге.

[2] Орлов, Александр Иванович — городской лекарь в г. Верхнеудинске (см. Адрес-Календарь на 1840 год, ч. II, стр. 292). Кюхельбекер посвятил Орлову стихотворение, где именует его «философом и поэтом» (см. «Р. Ст.» 1890 г., т. LXXII, стр. 67).

[3] Вероятно, В. В. Курбатов — экзекутор Иркутского Губернского совета, цензуровавший между прочим письма С. Г. Волконского к И. И. Пущину (см. «Декабристы на поселении» — из архива Якушкиных. М. 1926, стр. 68), а может быть и А. Курбатов, автор книги «Статистические сведения о лесной и рыбной промышленности Верхнеудинского округа» (1841). Кроме того, нам известен Дмитрий Яковлевич Курбатов, в 1840 г. служивший в Нерчинске смотрителем больницы.

[4] Разгильдеев, Александр Иванович — майор, сотенный командир села Акши. В это время А. И. Разгильдеев был в отъезде из Акши (в Чинданти). — Разгильдеев очевидно зазывал к себе в Акшу Кюхельбекера из Баргузина; по словам его брата, М. К. Кюхельбекера, он обещал ему «полное содержание и другие золотые горы» (письмо к Е. П. Оболенскому — см. сб. «Декабристы», Труды Пушкинского Дома, 1925, стр. 163).

«Эмма» Полевого занимательна; но везде видно подражание: тут и Жан-Поль, и Гофман, и Марлинский, нет только одного Полевого. «Мешок с золотом» оригинальнее. [1]

20 Марта.

Я сегодня был опять на Елозиной горе. Тепло и приятно; в Баргузине, я полагаю, еще такие морозы, что только держись. Писал я опять Орлову. Вчера я кончил «Mémoires de la comtesse du Barry»: [2] в этой книге очень много занимательного, но в Аннушкиной библиотеке она не годится; надобно сказать отцу, чтоб он ее отобрал.

25 Марта.

Прекраснейший весенний день. Переписываю своего «Итальянца». [3] Аннушка в первый раз с тех пор, как знаю ее, огорчила меня, правда, безделицею; но я принял эту безделицу к сердцу, именно, потому, может быть, что люблю ее. Оскорбления от тех, кого не люблю, могут меня раздосадовать, но никогда не опечалят.

26 Марта.

Был у меня тунгузский лама, который лечит Наталью Алексеевну.[4] Он сказал, что на тунгузском языке 31 буква; сверх того, рассказал мне, как они постятся по три дня, в любое время ничего не едят, не пьют и как можно менее спят, даже слюны не глотают.

---

[1] «Эмма», «Мешок с золотом» и др. — см. в сборнике Полевого «Мечты и жизнь» («Были и повести», 4 т., Санктпетербург 1834).

[2] Marie-Jeanne-Gomard de Vaubernier, comtesse du Barry (род. в 1743 г., умерла на гильотине 18 фримера II года, т. е. 8 декабря 1793 г.) — знаменитая фаворитка Людовика XV. «Мемуары» (также как и «Анекдоты», «Письма» и другие сборники, изданные за ее именем) — вульгарный апокриф.

[3] «Итальянец» — не дошедшая до нас поэма (?) Кюхельбекера.

[4] Разгильдеева (?)

27 Марта.

Когда раз разочаруешься на счет кого-бы то ни было, трудно даже быть справедливым к этому лицу. Царствование Гёте кончилось над моею душою и, что бы ни говорил в его пользу Гезлитт [1] (в Rev. Britt. [2]), мне невозможно опять пасть ниц перед своим бывшим идеалом, как-то падал я в 1824-м году и как-то заставил пасть со мною всю Россию. Я дал им золотого тельца, они по сю пору поклоняются ему и поют ему гимны, из которых один глупее другого; только я уже в тельце не вижу бога.

1 Мая.

Вчера приехал А. И. Разгильдеев из Чинданти [3] и привез с собою племянника, который взял с собою несколько книг — Grande nouvelle et grand évenement pour Akcha! * Тут, между прочим, три томика «Московского Наблюдателя» [4] на 1836-й год.

3 Мая.

Внесу в дневник для памяти некоторые события моей акшинской жизни, которые иным очень легко могут пока-

---

* Большая новость и большое событие для Акши (франц.).

[1] William Hazlitt (1778 — 1830) — английский эссеист и литературный критик.

[2] «Revue Britannique. Choix d'articles traduits des meilleurs écrits périodiques de la Grande-Bretagne» — журнал, издававшийся в Париже с 1825 г. до текущего столетия.

[3] Чиндант — станица на китайской границе, к западу от Нерчинского хребта.

[4] «Московский Наблюдатель» — историко-литературный и философский журнал, издававшийся в Москве с 1835 по 1840 год; до 1838 г. — орган московских «любомудров»; возглавлялся С. П. Шевыревым (оффициальным редактором журнала был В. П. Андросов); ближайшими сотрудниками Шевырева были: Е. А. Боратынский, А. С. Хомяков, В. И. Даль, Н. Ф. Павлов, А. Ф. Вельтман, М. П. Погодин, П. А. Мельгунов и др. К 1836 году относится жаркая полемика между «Телескопом» и «Московским Наблюдателем» (Белинский и Шевырев). С 1848 г. ближайшее участие в журнале принимает Белинский; с его приходом журнал, конечно, приобрел совершенно иную окраску.

заться моею собакою à l'Alcibiade, * но, право, иные ошибутся.

1. Это случилось уже давно, т. е. с месяц тому назад. Был я у вечерни. Вечерня отошла. Священник подзывает меня к себе, — подхожу, он наклоняется, я также, и что-же? вдруг чмок и я его поцеловал, — не знаю почему показалось мне, что он хочет поцеловать меня; между тем, как он только хотел дать мне просфору для Миши. [1]

2. В Пасху пришли ко мне с христославием: я подошел под благословение к священнику, а потом, расходясь, и к дьячку. Но лучше всего:

3. Нынешнее происшествие: умер некто старик Баскаков. [2] У Разгильдеевых вижу человека, который мне показался его сыном, — надобно же ему сказать какое-нибудь приветствие, чтобы показать ему, что принимаю участие в его утрате. «Здравствуйте, дай бог царствие небесное вашему батюшке!» *Нат. Ал.:* [3] «да что вы, В. К. — его отец уже лет с двадцать как умер!» — *Я:* «извините, отец дьякон, мне показалось, что вы Баскаков». А на поверку, это ни Баскаков, ни дьякон, а третий — Мусорин. Вот рассеянность!

4 Мая.

Переписываю «Юрия и Ксению». Дай-то бог, чтоб эта поэма пошла в ход. В голове у меня бродит «Самозванец» и, кажется, довольно оригинальный; Самозванец —

---

* Т. е. «Алкивиадовым псом». — Алкивиад, более всего в жизни любивший молву и не слишком разборчивый в средствах обратить на себя внимание, велел отрубить хвост великолепному породистому псу, который стоил ему 7.000 драхм и вызывал восторги афинян. — Отсюда поговорка: couper la queue de son chien, или — couper la queue du chien d'Alcibiade, которая применяется в том случае, когда кто-либо совершает экстравагантный поступок с целью обратить на себя внимание.

[1] Миша — сын В. К. Кюхельбекера, Михаил Вильгельмович.

[2] Вероятно А. Н. Баскаков — житель Селенгинска (см. о нем в записках декабриста М. А. Бестужева — «Р. Ст.», 1881, т. 32, № 11).

[3] Разгильдеева (?)

волхв, род Фауста, словом такой, каким был Гришка в глазах простого народа.

8 Мая.

В «Наблюдателе» прочел я рассказ Гейне «Флорент. ночи». Судя по ним, Гейне стоит своей славы; легкость, острота, бойкость, необычайные, особенно в немце. Портрет англичан и английского языка очень хорош; тут, право, что-то истинно Вольтеровское.

12 Мая.

Сегодня ровно 14 лет моей очной ставке с К.[1] Чудный видел я сегодня по утру сон: будто я в какой-то земле, где Рылеев и Каховский; в добавок Р.[2] будто тут жив, — а между тем мне рассказали его смерть: он, говорили мне, когда объявили ему его жребий, попросил надеть белую рубашку и потом простился с женою, дочерью в какой-то комнате, и с тестем на дворе, куда старика привели в кандалах. Дочь, при прощанье, он взял на руки и стал поднимать все выше, выше до потолка, покуда ребенок не закричал. — Спрашивал я: почему же и Каховский не надел белой рубашки? — Ему позволили бы, и был ответ: «Да он об этом не просил». — Тут мой Миша[3] проснулся и разбудил меня.

26 Мая.

Сегодня день рождения покойного Пушкина. Сколько тех, которых я любил, теперь покойны!

---

[1] К. — Каховский, Петр Григорьевич (1797 — 1826) — декабрист, один из пяти казненных 13 июля 1826 г.

Очная ставка Кюхельбекера с Каховским имела место 12 мая 1826 г. (см. показания Кюхельбекера высочайше учрежденному комитету от 12 мая 1826 года: «жалею, что здесь ничего не могу прибавить к защите Каховского: мне бы легче было бы писать о нем, нежели о самом себе». — «Восстание декабристов». Центрархив. 1926, т. II, стр. 183).

[2] Рылеев.

[3] Сын Кюхельбекера.

В душе моей всплывает образ тех,
Которых я любил, к которым ныне
Уж не дойдет ни скорбь моя, ни смех![1]

Пережить всех — не слишком отрадный жребий! Высчитать ли мои утраты?

Гениальный, набожный, благородный, единственный мой Грибоедов; Дельвиг умный, веселый, рожденный, кажется, для счастия, а между тем несчастливый; бедный мой Пушкин, страдалец среди всех обольщений славы и лести, которою упояли и отравляли его сердце; прекрасный мой юноша, Николай Глинка, который-бы был великим человеком, если бы не роковая пуля, он, в котором было более глубины, чем в Дельвиге и Пушкине и даже Грибоедове, хотя имя его и останется неизвестным! И почти все они погибли насильственною смертью,[2] а смерть Дельвига, смерть от тоски и грусти,[3] чуть-ли еще не хуже! — Кто у меня остался? Матушка, некогда женщина необыкновенная, ныне развалина, и ей 84-й год. Сестра Юстина Карловна, слава богу, хоть она, но все-же это не матушка; конечно, у ней чувства много, но нет этого удивительного, поэтического воображения, которым и за 70 лет еще моя старушка молодела и очаровывала; а предрассудки! Другая сестра[4] — доброе, милое существо, но и просвещением и умом слабее Юстины: нет, таких женщин, какова была моя матушка, право не много; я не знавал ни о д н о й подобной! — Брат; мы друг друга не понимаем! Вот и все, и со всеми я разлучен!

---

[1] Из поэмы Кюхельбекера «Вечный Жид».

[2] Грибоедов был растерзан 30 января 1829 г. тегеранской чернью; Пушкин умер от смертельной раны на дуэли 29 января 1837 г.; Н. Глинка умер от боевых ран в 1839 г.

[3] Несчастная семейная жизнь, а также столкновения с III отделением (по делам «Литературной Газеты», сократили дни А. А. Дельвига (скончался 14 января 1831 г.).

[4] Юлия Карловна

31 мая.

Ходил я с девицами на Козлову гору и дорогою рассказывал им сказку Гофмана: «Der Sandmann». * Флора здешняя прелестна.

. . . .

11 июня.

Чудное создание человек! — Как в нас неодолима склонность верить предсказаниям, особенно, разумеется, благоприятным, хоть-бы они были и нелепы, хоть-бы мы и ясно видели, что они пустяки! — Так, например, вчера мой приятель лама Мурай предсказал мне долголетие, и я очень склонен ему верить. — Между тем, что его пророчество вздор, я не только уже потому должен был видеть, что оно основано на хиеромантии и на пульсе, но и что он при том, рассмотрев мою руку, примолвил, что я должен бы быть счастлив и что не понимает, как я попался в Сибирь! Прошу покорно: я и — с ч а с т л и в!

22 июня.

Провел неделю, в которой отстал от всех своих занятий, за то познакомился с очень милым человеком, М. А. Дохтуровым. [1] Это тот самый маленький русский доктор, the little russian doctor, ** о котором говорит Байрон, знакомец милорда стихотворца, Трелавнея [2] и теперь мой; он перебывал в университетах дерптском, берлинском, гейдельбергском, в плену в Истамбуле, лекарем в Одессе, в Петербурге, наконец в нерчинских заводах, — сын он

---

* Или «Der Teufel vom Sande» — песчаный чорт.

** Маленький русский доктор (англ.).

[1] Дохтуров, Михаил Афанасьевич — сын Афанасия Афанасьевича Дохтурова и графини Варвары Федоровны Толстой (умерла в 1838 г.); служил штаб-лекарем в Одессе и ординатором Одесской городской больницы в 1837 — 1838 гг.

[2] Русская транскрипция Trelawney (произнос.: Трелбуни); в тексте «Р. Ст.»: Травельней (?) — Edward-John Trelawney (1792 — 1881) — английский литератор, друг Байрона и Шелли

графини Толстой, племянник известного генерала, [1] был когда-то адъютантом Закревского, [2] знает по немецки, итальянски, французски, восточные языки, латинский, ново-греческий, пишет стихи, рисует, стреляет метко из пистолета, фигурка маленькая, черномазенькая, сыплет анекдотами, либеральничает немножечко и философствует, умен, любезен, вспыльчив, благороден, скуп — словом европеец. — Лицем он немножечко похож на покойного А. А. Шишкова.

Вот стихи, которые написал я ему на память:

Так, знаю: в радужные дни
Утех и радостей, в круженьи света
Не вспомнишь ты изгнанника поэта;
Хоть в непогоду друга помяни!
Молюсь, чтобы страданья и печали
Летели и тебя в полете миновали;
Но не был никому дарован век
Всегда безоблачный и ясный:
Холоп судьбы суровой человек.
Когда нависнет мрак ненастный
И над твоею головой, —
Пусть об руку с Надеждою и Верой,
Как просвет среди мглы взволнованной
и серой,
Тебе предстанет образ мой.

26 Июня.

Вчера проводили мы нашего доброго Александра Ивановича [3] до перевоза, что за волостью; — с ним уехал и

[1] Генерал Дохтуров, Дмитрий Сергеевич (1756 — 1816) — участник войн 1789 — 1790, 1805 и 1807 и Отечественной — 1812 гг.

[2] Закревский, граф Арсений Андреевич (1783 — 1865) — генерал-адъютант, финляндский генерал-губернатор (1823 — 1831), министр внутренних дел (1828 — 1831), состоял членом верховного суда над декабристами.

[3] Разгильдеева.

Дохтуров. Жаль было бедного казака, как он над своими детьми плакал; из детей мне, особенно, было жаль Аннушки. Вот стихи, которые Дохтуров написал мне на память:

Уж я опять, опять на тризне
На безотрадной, роковой
По призраках минувшей жизни,
По грезах жизни молодой.

За этою строфою следует несколько, которые просто ни на что не похожи; а потом две, одна истинно прекрасная, другая, которая, если она внушена только искренностью, должна меня очень и очень утешать:

Минута жизни, но удалой
Отрадней многих тяжких лет;
И лучше гибнуть, но со славой,
Чем прозябать без бурь и бед.

***

О, не жалей же о свободе,
Ни о былом, знакомец мой,
Ты вечен в памяти народа,
А я все в гроб возьму с собой.

13 Июля.

Дневник пишу лениво, да, право нечего писать; книг нет, стихи или не пишутся, или некогда. Ужели здесь еще хуже будет, нежели в Баргузине? Врагов-таки я успел же себе нажить: злейший — Дунька, [1] которую мы сюда привезли; она вредит нам, где только и как только может.

Перечел я Луганского [2] «Бакея и Маулену», славная вещь, хотя и не повесть . . . Луганский и Вельтман, право, самые даровитые из нынешних наших писателей.

. . . .

24 Июля.

То, чего уже давно боюсь, приближается. Матушка в апреле была при смерти больна: она приобщалась св. таин, но этот раз, слава богу, ее здоровье поправилось.

---

[1] Вероятно, нянька Миши Кюхельбекера (см. запись от 1-го августа того же года).

[2] В. И. Даля.

Сумрачен, мой господи! и вечер дней моих: один за другим все меня покидают, все те, которых я любил!

Не радует меня прекрасный твой мир, мой боже! Я столько и стольких любил и стольких утратил, что, право, устал, утомился даже от печали, не могу даже и ей предаться с тем последним наслаждением, которое, наконец, одно остается тому, кто все переотведал; я ее теперь боюсь, а, бывало, любил и в таком-то расположении души через месяц, через год прочту я весть, что нет уже той, которая мне была всего дороже в мире! — Поневоле пожелаешь: ах, еслибы не дожить до этой вести!

27 Июля.

Что-то завтра будет? Ждут губернатора;[1] мне с ним надобно поговорить об очень важном и щекотливом деле.

28 Июля.

Сегодня, в день рождения моего Миши, [2] приехал губернатор и привез мне очень отрадное письмо от Сельского. [3] Руперт [4] принял посвящение моих «Шуйских» [5] и хлопочет о том, чтоб их напечатать; сам Сельский, кажется, несколько совестился и, может быть, и в самом деле вышлет мне часть моих денег. Губернатор очень милый человек: он мой старый знакомец и помнит, как мы обедали с ним вместе во дворцовом карауле у брата. Ложусь спать в тот самый час, когда я услышал первый крик Миши!

---

[1] Гражданского губернатора Восточной Сибири — А. В. Пятницкого.

[2] Миша — сын Кюхельбекера.

[3] Сельский, Илларион Сергеевич (1807 — 1861) — член Совета Главного Управления Восточной Сибири, правитель дел сибирского отделения Научного Русского Географического Общества.

[4] Руперт, Вильгельм Яковлевич (1787 — 1849) — генерал-губернатор Восточной Сибири с 1837 по 1847 г.

[5] «Падение дома Шуйских» — историческая драма Кюхельбекера, до нас не дошедшая.

1 Августа.

Мало радостного было со мною во все эти дни. Миша мой болен и хуже, чем когда-нибудь; сам я отказался его лечить; пользует его Татьяна Ивановна: [1] будет ли лучше? Жена возненавидела жизнь; и я, признаюсь, жажду покоя. Если Миша будет моим предшественником в тот мир, пусть его чистенькая душенька скажет моим, что отец скоро, скоро будет! В нянькаx была у меня старая ведьма, настоящая шекспировская колдовка; она, обобрав меня, отошла: теперь девчонка; зовут Маланьей, дай-то Бог, чтоб ужилась!

22 Августа.

. . . .

Читать нечего, а, право, хотелось бы. Перебрал я ящик с бумагами, сколько тут разных впечатлений! сколько испытанного, перечувствованного, забытого или такого, о чем и вспомнить тяжело! Тяжело вспомнить не одни заблуждения, но и те ощущения невозвратные, которые волновали мою душу когда-то при первых наитиях набожности, любви к ближним, тоски по родных, по тех, из которых судьба меня потом кое с кем опять привела в болезненное столкновение! Все это прошло и уж не воскреснет! — и что же осталось в душе моей? Ужели одно беспредельное желание покоя? Nolli me tangere! * Более ничего не хочу, все прочее — восторги поэзии и веры, любовь, дружба, самая грусть — все мне приелось. Боже мой! или это состояние долго продолжится?

28 Августа.

Кому мои отметки, напр., о книгах пригодятся? Мишели, если он переживет меня? Разве только ему! Впрочем-то и книг-то прочел я очень не много в течение моего 15-ти

---

* Не тронь меня! (лат.).

[1] Лицо нам неизвестное.

летнего странствования по крепостям России и степям Сибири.

В день, когда за 13 месяцев родился мой Миша, начну новый дневник; сознаюсь, что это по чувству суеверия. Его рождение и годовщина его рождения принесли мне счастие, вот почему и желаю думать, что в тетради, в которой стану записывать примечательные случаи моей жизни со дня его рождения, встретится этих случаев более счастливых нежели несчастных.

Укрепи меня, боже, на стезе жизни! дай мне упование, что ведешь все к лучшему, и чтобы не было в моем дневнике таких отметок, как предпоследняя!

5 Сентября.

Слава богу, — я, говоря по сибирскому, сегодня отстрадался, т. е. кончил жатву и сенокос.

Комедия Коцебу: «Бюро» и драма: «Аббат Лэпе» напомнили мне лицей: драму-то воспитанники второго выпуска, наши приемники, представляли в какой-то праздник, на котором и я был, еще при добром нашем директоре Е. А. Энгельгардте; [1] а комедию, вместо Корнелия Не-

---

[1] Энгельгардт, Егор Антонович (1775 — 1862) — директор Царскосельского лицея (1816 — 1823), — поддерживал постоянную связь с лицеистами первого — Пушкинского — выпуска (1817) вплоть до самой смерти. Пять длинных писем Энгельгардта к Кюхельбекеру (1823 г.) см. в «Рус. Ст.», 1875, XIII, стр. 362 — 376. В своих письмах к «вольнолюбивому сумасброду» и «бунтовщику» Кюхельбекеру (в 1823 г. он был политически уже весьма неблагонадежен) благонамеренный и прекраснодушный Энгельгардт всячески осуждал действия своего питомца: «Ты много, много виноват, и тем более виноват, что от вины твоей страдаешь не ты один, но и твоя мать и Лицей наш». — Во всех своих письмах Энгельгардт настойчиво предлагает Кюхельбекеру «одуматься» и стать «памятным отечеству и человечеству»: «не лучше ли, вместе того, чтобы истощать силы наши на борьбу бесполезную, употребить их на постепенное улучшение того, что нас окружает». Кюхельбекер послал Энгельгардту свою «вольнолюбивую» трагедию «Аргивяне»; Энгельгардт в ответ писал: «Аргивян ныне тебе печатать нельзя... В Аргивянах есть множество мест, мыслей, выражений, из коих могут извлечь яд, чтобы тебя отравить, погубить».

пота,[1] читал с ними, до слабости добрый (чтоб не более сказать), наш профессор А. И. Галич.[2]

10 Сентября.

Мишенька начинает ходить: стоит он уже без помощи и переступает шага три или четыре.

Ты мой милый сын, — если господь продлит жизнь твою, — прочтешь и эту отметку, может быть, тогда, когда давно истлеют кости твоего несчастного отца. Помни же, как я тебя любил, как всякое твое развитие радовало мое сердце, которому мало было дано радостей в жизни!

14 Сентября.

Приехал сюда новый вахтер и привез мне поклон от Шапошникова.[3] Подчивал он своими книгами, а именно: «Милордом Георгом»,[4] «Венециеном»[5] etc., однако, я их возьму и, если и не прочту, то хоть пересмотрю.

19 Сентября.

Приехали сюда: в 1-х, патер Дизидерий,[6] католический священник, и давно ожидаемый Успенский с каммер-юнкером Львовым.[7]

---

[1] Cornelius Nepos (99 — 24 до нашей эры) — римский историк, автор «Хроник» и «Жизни знаменитых мужей».

[2] См. стр. 39 наст. изд.

[3] Лицо нам неизвестное.

[4] «Повесть о приключении английского милорда Георга и о Бранденбургской маркграфине Фредерике-Луизе etc.» — обработка Матвея Комарова. (Нам известно изд. 1834 г.).

[5] «История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцывене» — обработка Филипова (нам известны изд. 1829 и 1834 гг.) — как и предыдущее, — лубочное произведение, проникнувшее в Россию в конце XVII — начале XVIII вв.

[6] Лицо нам неизвестное.

[7] Львов, Леонид Федорович — титулярный советник, камер-юнкер двора Е. И. В., секретарь министра государственных имуществ (1845) — сын известного Федора Петровича Львова; в 1839 г. был командирован графом Киселевым в Восточную Сибирь. Его воспоминания о Сибири см. в «Р. Арх.», 1885, №№ 1 — 4.

20 Сентября.

Я провел время приятно, особенно со Львовым; но поступил очень не осторожно, чтоб не сказать более.

21 Сентября.

Слышал, как Львов играет на скрипке; — почти стольже, как самая музыка, занимали меня выражавшие глубокое чувство лица Аннушки и Истомина; прочим cette belle musique ne faisait ni chaud, ni froid, * но довольно, что и двое сильно, живо были тронуты. И это не бездельное Торжество!

Львов, кажется, имеет ко мне доверенность и я всею душою хочу верить в его душу.

Il n'y a rien de plus beau, que la foi, même si l'on se trompe dix mille fois. **

23 Сентября.

Сегодня уехал Львов.

25 Сентября.

Перечитываю от скуки Дмитриева.

26 Сентября.

Что сказать мне о Дмитриеве? Он очень неровен. Лучшее, что он написал, мне кажется, — сатиры: особенно послание Попа к Арбутноту [1] отличается силою и легкостию; перевод Ювеналовой сатиры также богат сочными стихами. Басни гораздо ниже Крыловских и по содержанию и по слогу. Еще слабее лиро-эпические стихотворения: «Освобождение Москвы», «Ермак», «К Волге». Сказки выше басен; особенно мне всегда нравилась картина, которую и покойный Дельвиг очень любил; кстати скажу, что, пере-

---

* От этой прекрасной музыки не было ни тепло, ни холодно (франц.).

** Каламбур, пропадающий в переводе на русский язык (foi — вера и fois — раз). Буквально: «нет ничего более прекрасного, нежели вера, даже если ошибаются десять тысяч раз».

[1] Перевод из Попа (Pope): «Epistole to Dr. Arbuthnot».

читывая Дмитриева, я беспрестанно вспоминал Дельвига: как часто и много мы с ним читали и перечитывали старика! И должно-же сказать, что мы оба ему многим обязаны.

5 Октября.

Приехал Дрейер [1] и привез мне назад из Селенгинска мои книги и рукописи, да письма от Бестужевых: письмом Николая я не очень доволен, особенно досадны commérages * Орлова. [2]

7 Октября.

После очень и очень неприятного вчерашнего дня я сегодня веселился, как ребенок. Истомин для нас затеял un petit bal de famille et imaginez vous, ** я, старый хрыч, плясал без отдыху кадрили, мазурки, вальсы и бог знает что еще, разумеется путал фигуры как нельзя лучше: но, право, мы более веселились, чем на ином чопорном городском настоящем балу.

21 Октября.

Наконец, привелось мне в дневнике говорить не о Коцебу, не о Шписсе, [3] не о Поль-де-Коке, а о Жуковском, которого 4-е издание [4] попалось мне в первый раз в руки в 1840 г. В «Леноре» [5] есть превосходные строфы; она, без сомнения, выше и «Людмилы» и «Ольги» Катенина; есть кое-какие и слабые места, — но в мире нет ничего совершенного. Переделка «Батрахомиомахии» [6] в своем роде — прелесть, особенно спасибо поэту, что он так удачно воспользовался русскою сказкою в лицах: «Как мыши кота по-

---

* Сплетни (франц.).
** Небольшой семейный бал и, представьте себе,... (франц.).
[1] Лицо нам неизвестное.
[2] Доктора А. И. Орлова.
[3] Christian-Heinrich Spiess (1755 — 1799) — немецкий писатель, автор ряда комедий, драм и романов приключений.
[4] Изд. 1835 г.
[5] Перевод баллады Бюргера (1831).
[6] «Война мышей и лягушек», сказка (отрывок — 1831 г.).

гребают». «Сказка о спящей царевне»,[1] мне кажется несколько слабее Пушкинских хореических сказок. Зато «Царь Берендей»[2] очень и очень хорош; из нового это после «Кота Мурлыки» самое лучшее. «Перчатка»[3] образцовый перевод, хотя кажется размер подлинника и не соблюден. Даже анекдот — «Неожиданное свидание» рассказан умилительно, прекрасно. «Две были и еще одна» (с аллеманского) не без большого достоинства, однако, по моему, уступают старому моему знакомцу «Красному Карбункулу».[4] Жуковский едва ли не примирил меня опять с экзаметром, впрочем, все же не до такой степени, чтоб я сам стал когда-нибудь опять им писать или даже одобрил его экзаметрические переводы «Фридолина» и «Сражения с змеем»[5] Шиллера, в которых рифма и романтический размер не одни украшения, а нечто такое, с чем душа моя свыклась с самого младенчества. Жена à propos de * царевича Белая Шубка[6] говорит, что белые мыши в Баргузине не редкость.

23 Октября.

Есть два рода занимательности: когда читаешь книгу и не бросаешь ее, потому что хочешь узнать, — чем-то все это кончится, или, когда какое-нибудь творение уже знаешь, когда только для того перечитываешь его стра-

---

* По поводу (франц.).

[1] «Спящая царевна» (1831) — сказка, написанная хореическим стихом, как и пушкинские сказки («Царь Никита» — 1825 г., «Сказка о царе Салтане» — 1831 г., «О мертвой царевне и о семи богатырях» — 1833 г., «О золотом петушке» — 1833 г.).

[2] Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване царевиче etc. (1831 г.). гекзаметр.

[3] «Перчатка» (1831) — перевод Шиллеровой баллады «Der Handschuh»; немецкий подлинник представляет опыт vers libre; Жуковский перевел это стихотворение ямбом, строками разных стоп.

[4] Перевод сказки Гебеля (1816).

[5] «Сражение с змеем» — близкое подражание Шиллеру, — гекзаметры; в немецком подлиннике («Der Kampf mit dem Drachen») — рифмованные ямбы. — О переводе «Фридолина» см. на стр. 218 наст. изд.

[6] В «Войне мышей и лягушек».

ницы, чтоб опять насладиться теми из них, которые при прежних чтениях шевелили тебе душу. . .

Нет спору, что диалог французской трагедии Расина, вообще, не очень естествен: в нем слишком много круглоты слишком мало небрежности, слишком мало перерывов и живости, il est trop aprêté, trop épique, die Sprache wird zum Gesang, * как говорит Шиллер, но через чур. — Однако, в «Британнике» [1] эта принужденность, эта неестественность кстати; Агриппина, как тщеславная женщина, должна любить репрезентацию, должна любить слушать самое себя и любоваться своими фразами; — Нерон еще притворщик, еще лицемер, а лицемеры всегда были охотники до тирад; Бурр не может еще отстать от привычки проповедовать, которую приобрел во время своего менторства; а Сатане-Нарциссу также не возможно обойтись без велеречия. — Все эти говоруны придают диалогу трагедии некоторое единообразие; но ни в одной из известных мне французских театральных пиэс это единообразие не извинительнее, чем в «Британнике», потому что оно основано на характере действующих лиц и, что всего удивительнее, не лишает его даже того интереса, который с первого взгляда ему противоречит.

. . . .

6 Ноября.

Я всегда считал «Гафолию» [2] совершеннейшим творением Расина, — и теперь остаюсь при этом мнении; тут все бесподобно: обоего роду занимательности, о которых помянул я в отметке 23 октября, здесь соединены в высокой степени;

---

* Он слишком отделан, слишком эпичен (франц.), речь тяготеет к напевности (немецк.).

[1] «Britannicus» — трагедия Расина (1669); нижеупоминаемые: Агриппина, Нерон, Бурр (Burrhus) и Нарцисс — действующие лица «Британника».

[2] «Athalie» — трагедия Расина (1691). Нижеупоминаемые: Мафан, Навал, Иодай (Joad, или Joiada) и Иоас — действующие лица «Гафолии».

характеры в тесной раме французской трагедии обрисованы мастерскою рукою: все не исключая и наперсника Мафанова, Навала—живые люди, а не марионеты, и разнообразны до чрезвычайности. Лучшим местом, если только можно выбирать во множестве превосходных, то когда Иоадай бросается в ноги Иоаса. — О стихах уже ни слова: это совершенство, которое должно привести в отчаяние всякого пишущего стихи. «Баязет» [1] — одна из любимых пьес Грибоедова — Барон Брамбеус, верно, ее не любит за несоблюдение восточных нравов. — Я уж где-то в дневнике высказал свое мнение об этих смешных и ребяческих требованиях наших недавно оперившихся ученых, ориенталистов, индологов etc. — Характерами «Баязет» несколько слабее «Гафолии»; но Акомат и Роксана [2] бесподобны. — Свиньина [3] роман не совсем вздор и не совсем хорош: скачки огромные: есть, однако, места недурные.

. . . .

9 Ноября.

Кюхельбекер в Акше получил письмо от Жуковского из Дармштадта и письмо, которое показывает высокую благородную душу писавшего. — Есть же, боже мой, на твоем свете — люди! [4] — Сверх того, он прислал мне свои и Пушкина сочинения.

Письмо Жуковского писано в день рождения Миши, а получено на другой день Михайлова дня. [5]

---

[1] «Bajazet» — трагедия Расина (1672).

[2] Персонажи трагедии «Баязет».

[3] «Ермак».

[4] В ответном письме В. А. Жуковскому, написанном на следующий день — 10 ноября, — Кюхельбекер писал: «...Вот что я в вчерашнюю бессонную, но не мучительную ночь отметил в своем дневнике об этом неоцененном мне письме: «Кюхельбекер в Акше получил...» и т. д. цитируется текст Дневника (см. «Р. Арх.» 1871, т. I, стр. 1 — 80).

[5] 17 (29) Июля 1840 г. Жуковский писал П. А. Плетневу из Дармштадта: «... передайте приложенное письмо генералу Дубельту. В нем находится письмо Кюхельбекеру, которому я не

22 Ноября.

С 18-го по нынешний день жил я в Варашанте [1] и молотил хлеб. Всего у меня $114^1/_2$ пудовок. К тому прикупил я у Николая Фильшина [2] еще 10 пуд., сюда же привез 93, так что у меня на заимке осталось для посева $31^1/_2$ пуда. — В Варашанте было скучно и тоскливо; по вечерам Александр [3] сказывал нам сказки.

. . . .

6 Декабря.

С стесненным сердцем я ожидал сегодняшнего дня: надобно было непременно заплатить кое-кому 20 рублей, а взять их совершенно было не у кого. — Но, милый сын мой (для тебя в особенности, пишу этот дневник), я столько в жизни испытал явных доказательств божией помощи, что не отчаявался и надеялся на совершенно неожиданную какую-нибудь выручку. Это так и случилось: два добрых человека, А. Я. Попов [4] и бедняжка Саличевский [5] заплатили за меня этот долг.

успел написать при отъезде моем за границу; но это письмо лежит у меня на сердце; прошу вас попросить Дубельта, чтобы его немедленно отправил. Приложите к нему экземпляр моих сочинений и экземпляр сочинений Пушкина, которые возьмите на мой счет у Смирдина и передайте Дубельту с просьбою доставить при письме Кюхельбекеру. Поспешите это исполнить мой добрый Петр Александрович, вы крайне меня этим обяжете» (см. Сочинения и Переписка Плетнева, т. III, стр. 533).

[1] Арашанта, или Варашанта — современные Аршаны, селенье Иркутской губ., к западу от Забайкалья на реке Кынорге, в Тункинской долине у подножья Саянского хребта.

[2] Лицо нам неизвестное.

[3] ? — лицо нам неизвестное.

[4] А. Я. Попов — может быть, коллежский регистратор Попов — ревизор казенных поселений, которому был поручен надзор за декабристами, размещенными на заводах Иркутской губ. В Центральном Архиве Восточной Сибири (св. 3, оп. № 40) находится «Дело о кол. рег. Попове, сделавшем извет на некоторых государственных преступников». Кроме того нам известен еще Михаил Петрович Попов, в 1840 г. служивший начальником III отд. Иркутского губернского совета.

[5] Может быть — *Савичевский* — ссыльный поляк, о котором см. в «Воспоминаниях» С. И. Черепанова (Казань. 1879).

12 Декабря.

Давно не писал я своего дневника; все эти дни были из тех, о которых моя родимая,[1] бывало, говорила словами Эклесиаста: Sie gefallen mir nicht. *

Сегодня 15 лет тому назад родилась Аннушка,[2] итак, когда 14-го декабря 1825 г. меня постигло мое огромное несчастие, существовал уже двухдневный младенец, которому суждено было быть моим утешением, через 15 лет, здесь, в краю моего изгнания.

22 Декабря.

Вчера поздно вечером господь дал мне сына.[3]

26 Декабря.

Окрестили сына моего и нарекли ему имя Иван по дедушке.[4]

---

* Они мне не милы (немец.).

[1] Мать Кюхельбекера — Юстина Яковлевна.

[2] Разгильдеева.

[3] Второй сын В. К. Кюхельбекера — Иван (умер в младенчестве — 27 марта 1842 г.). Заочным крестным отцом его Кюхельбекер объявил В. А. Жуковского.

[4] Т. е. по отцу жены Кюхельбекера, Ивану Артеневу.

5 Января.

Настрадались мы от холоду; теперь все: я с женой, и с детьми, и с семейством Улиты живем в избе, тут же и работник, в горнице жить невозможно.

20 Января.

Жена меня просила отметить, что Ванюшка [1] в первый раз усмехался.

24 Января.

Прислали прекрасный по картинкам и типографической роскоши Альманах: «Утренняя Заря». [2]

26 Января.

Прелестная повесть: «Божии Дети»,[3] с малороссийского, составляет почти единственное литературное украшение «Утренней Зари;» все прочее, что я тут до сих пор прочел: и стихи и проза, не исключая «4,438-го», кажется,[4] года Одоевского довольно пошло, а кое-что ниже посредственного.

5 Февраля.

Наталья Алексеевна [5] получила несколько номеров «Сына Отечества» и «Отечественных Записок» [6] из Нер-

[1] Младший сын Кюхельбекера.

[2] «Утренняя Заря» — альманах, издававшийся В. Владиславлевым. Второй год. Санктпетербург. 1840. Альманах этот украшают семь превосходных гравюр.

[3] Г. Ф. Основьяненко.

Основьяненко — псевдоним Григория Федоровича Квитки (1778—1843) — известного украинского драматурга и беллетриста.

[4] «4338-й год. Петербургские письма. От Ипполита Цунциева, студента Главной Пекинской школы, к Лингину, студенту той-же школы». — Отрывок из третьей — утопической части неосуществленной в полном объеме исторической трилогии кн. В. Ф. Одоевского.

[5] Разгильдеева (?).

[6] В новой редакции А. А. Краевского.

чинска. — Примечательнее всего тут мне показался разбор Лермонтова романа: «Герой нашего времени».[1] Разбор сам по себе хорош, хотя и не без ложных взглядов на вещи, а роман, вариация на Пушкинскую сцену из «Фауста», обличает (pour employer une expression à la mode *) — огромное дарование, хотя и односторонность автора. Не смотря на эту односторонность, я, судя уже и по рецензии, принужден поставить Лермонтова выше Марлинского и Сенковского, а это люди, право — недюжинные. Итак матушка Россия, — поздравляю тебя с человеком! — Рад, ей Богу, рад, — хотя... Но пусть дополнят это хотя другие.

11 Февраля.

Кроме Лермонтова меня познакомил Краевский [2] еще кое с какими людьми с талантом: с Кольцовым, [3] Огаревым, [4] Гротом. [5]

20 Февраля.

«Воздушный корабль», прелестная пиеса Зейдлица, перевод Лермонтова, [6] живо напоминает «Ночной

---

* Употребляя модное выражение (франц.).

[1] Известная статья В. Г. Белинского.

[2] Краевский, Андрей Александрович (1810 — 1889) — журналист, редактор - издатель «Отечественных Записок» (1839 — 1868); «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду» (1837 — 1843, 1844 — 1846; с 1840 г. они именовались «Литературной Газетой»); «Русского Инвалида» (1847 — 1852); «Санктпетербургских Ведомостей» (1852 — 1862; совместно с Очкиным и под его фирмой) и газеты «Голос» (1863 — 1883). Кюхельбекер, читая в «Отечественных Записках» неподписанные статьи и обзоры В. Г. Белинского, полагал, что они принадлежат перу редактора-издателя Краевского. Расточая свои похвалы Краевскому, Кюхельбекер хвалил таким образом Белинского, не зная даже его имени.

[3] Кольцов, Алексей Васильевич (1808 — 1842) — поэт.

[4] Огарев, Николай Платонович (1813 — 1877) — поэт и публицист.

[5] Грот, Яков Карлович (1812 — 1893) — поэт, переводчик, лингвист и историк литературы; впоследствии академик.

[6] «Воздушный корабль» (1840) — свободное подражание балладам Jos.-Christ. von Zedlitz (1790 — 1862) «Die nächtliche Heerschau» и «Das Geisterschief» (см. J.-C. von Zedlitz. Gedichte. 1832, ss. 16 — 18; 81 — 83).

смотр»,[1] — кажется Уланда, переведенного Жуковским. И эта пиеса отпечатана в «Отечественных Записках», в журнале большого достоинства, о котором напрасно сам издатель Краевский говорит несколько черезчур заносчиво, потому что такая заносчивость прилична одной жалкой посредственности.

Я чего-то жду: каждую ночь вижу во сне дорогу, боязнь и тоска меня гложат. Что-то мне принесет этот год? Ужели мне назначены еще новые испытания! — Вчера я прибегнул к молитве, — и у него, источника всякой отрады, нашел утешение.

23 Февраля.

Вчера я кончил второй акт последней части «Ижорского», теперь еще акт — и расстанусь с созданием, которое занимает меня 16-й год. Жаль! — Какая мысль заменит эту, с которою я так свыкся?

24 Февраля.

Сегодня сосет меня такая тоска, что и сказать не могу. Что-то приближается тяжелое, роковое, чему еще не могу дать имени; я сегодня едва ли в лучшем настроении духа, чем 11 июля 1826 г. накануне прочтения нам сентенции.

28 Февраля.

Пробежал я 2-й томик стихотворений Подолинского.[2] Итог: это русский Маттисон.[3] — Та-же страсть казаться чрезвычайно несчастным, разочарованным, убитым — (отчего? почему? — неизвестно). Тот-же гармонический, цветистый язык и что-то похожее на роскошь картин и живописи — и (больно сказать) то-же бессилие, то же отсут-

---

[1] «Ночной смотр» (1836) — перевод одной из упомянутых выше пьес Цедлица (именно: «Die nächtliche Heerschau»), а не стихотворения Уланда, как предполагал Кюхельбекер.

[2] Изд. 1837 г., Спб., 2 части.

[3] Friedrich von Matthison (1761 — 1831) — немецкий элегический поэт.

ствие истинной поэзии, — что-то однообразное, вялое вопреки всем притязаниям на силу. — Chef d'oeuvre всего собрания — «Гурия». Тут, между прочим, 4 стиха истинно превосходных:

«Снилось, кто-то в море злата
Пролетел и вдруг исчез,
Но с востока до заката
Он раздвинул свод небес».

Конечно, это хорошо, — да это описательная поэзия, — последняя по достоинству. В «Отчужденном», который, впрочем, вздор, — еще есть 4 стиха, в которых истинное, глубокое чувство: девушка говорит своему любезному:

«Ты печален, почему же
Мне печальною не быть?
Радость я делю: кому-же
И печаль твою делить?»

«Сиротка» — прелестный народный миф, худо обработанный. — «Фирдуси» — не дурен, но мог бы быть вдесятеро лучше.

Есть еще кое-что, несколько пиес, которые-бы можно назвать хорошенькими, но это не поэзия. Впрочем, в век таких гениальных пачкунов, каковы Тимофеев [1] и Бернет, [2] спасибо Подолинскому за его уважение к языку

---

[1] Тимофеев, Алексей Васильевич (1812 — 1883) — поэт и прозаический писатель, пользовавшийся в тридцатых годах большой популярностью; Сенковский видел в нем «прямого наследника Пушкина и второго Байрона». Во вторую половину XIX в. Тимофеев уже совершенно забыт. — В письме Кюхельбекера к Пушкину, от 3 августа 1836 г. упоминается Тимофеев, «который (par paranthèse) безбожно обкрадывает и тебя и меня». (Переписка Пушкина, изд. Ак. Н., т. III, стр. 361 сл.).

[2] Бернет — псевдоним поэта Александра Кирилловича Жуковского (1810 — 1864); — Белинский признал в Жуковском «истинное поэтическое дарование».

Имена Тимофеева и Бернета находятся в нерушимом соединении. Так, в 1853 г. Некрасов писал:

Мне жаль, что нет теперь поэтов
Какие были в оны дни —
Нет Тимофеевых, Бернетов
(Ах, отчего молчат они?).

и стихотворению: это не Баратынский, ни даже Языков, но все же человек старой Пушкинской школы, для которого поэзия высокое искусство, а не заикание полупьяного мальчишки.

3 Марта.

Вчера прочел я «Безумную» Козлова [1] и «Дебору» — Шаховского. [2]

«Дебору», кажется, я и прежде читал: она в ложном роде; впрочем, и Озерова [3] хваленные когда-то трагедии в том же ложном классическом роде, в котором рамки до того тесны, что ни одного характера порядочно развить невозможно и где, по неволе, все лица друг в друга стреляют антитезами, потому что им ровно нечего другого делать. Но об этом когда-нибудь после. Язык Шаховского прекрасный для 1809 года: в нем нет почти швилей, а их довольно и предовольно у Озерова. — В Хабере и Первосвященнике [4] есть даже что-то похожее на обрисовку, на оттушовку лица; особенно последний недурен. Только не понимаю, для чего при сочинении т а к о й трагедии нужен был сотрудник, знающий еврейскую словесность?

В «Безумной» много хорошего, только крестьянка сумасшедшая говорит не по крестьянски; — в этом отношении

---

[1] «Безумная, Русская повесть в стихах. Сочин. Ивана Козлова». Спб. 1830».

[2] «Дебора или торжество веры. Подражание Гафолии Расина», в 5 д. Спб. 1811.

[3] Озеров, Владислав Александрович (1769 — 1816) — драматический поэт. — Отрицательное отношение Кюхельбекера к Озерову и предпочтение, оказываемое им Шаховскому, — разумеется — партийное. — Произведения Озерова оказались в свое время в центре борьбы двух господствующих направлений: Шишков и его сторонники высказались против Озерова, «создания французской теории и французских образцов»; именно Шаховской, примыкавший к этой партии и бывший членом театральной дирекции, явился их орудием. Современники указывали на него как на главного виновника гибели Озерова. Окруженный интригами, в сильной нужде, Озеров сошел с ума и умер.

[4] Персонажи трагедии «Дебора».

лучше ее ямщик: его «не пред добром» истинно прекрасно.

5 Марта.

В «Отечественных Записках» прочел я статью «Менцель», Белинского:[1] — Белинского Менцель — Сенковский:[2] автор статьи и прав и не прав; он должен быть юноша; у него нет терпимости, он односторонен. О Гёте ни слова, il serait trop long de disputer sur cela, * но я, Кюхельбекер, противник заклятый Сенковского — человека, вступлюсь за писателя, потому что писатель талант и, право, недюжинный, вступлюсь и за Кукольника, который не приходу Белинского, но, не смотря на все, что и я в нем не менее Белинского и, может быть, с бо̀льшим сознанием дела, порицаю, так же талант, а иногда и душа прекрасная. — Второе, критика комедии Грибоедова: эта критика толкует, что в «Горе от ума» есть обмолвки и противоречия — оно так, но потому-то творение Грибоедова и есть природа, а не математическая или философская теорема, и в природе такие же противоречия, только для близоруких.[3]

16 Марта.

В Краевском мне не нравится, что он, на стать Ушакова и Сенковского, хотя и поосновательнее и глубже распространяется в своих критиках о предметах, совершенно не принадлежащих к делу. Например, разбирает книгу для

---

* Было бы слишком долго спорить об этом (франц.).

[1] «Менцель — критик Гете». — Белинский, Виссарион Григорьевич (1810 — 1848) — знаменитый русский критик.

[2] В. Менцель сначала был либералом, но после революции 1830 г. сделался одним из наиболее выдающихся в Германии представителей крайнего реакционного направления, которое в русской литературе было представлено Гречем и Сенковским.

[3] Кюхельбекер читал большую статью о «Горе от ума» — В. Г. Белинского (1839), напеч. в «Отечеств. Зап.» 1840, т. VIII, № 1, отдел V, стр. 1 — 56. Критика Белинского совпадала в значительной мере с критическими отзывами (1825) о «Горе от ума» М. Дмитриева и А. Писарева (см. на стр. 90 наст. изд.)

детей, а вместо разбора предлинная диссертация о воспитании.

3 Мая.

Прожил я 8 дней в Варашанте, пользовался водами и сеял хлеб; кроме того, прочел я там романы: де-Санглена «Клятва на гробе», [1] Зубова «Астролог карабахский», [2] чей-то «Ужасный Брак», [3] да перечел «Дочь купца Жолобова». [4] — Лучший изо всех последний; прочие — более или менее вздор. Завтра внесу в дневник «Колыбельную песню», которую я написал. *

. . . .

7 Мая.

В «Камчадалке» [5] слишком пересолено: ужасам конца нет. Но все же это роман не без достоинств. Мы изгнанники, в добавок, должны благодарить Калашникова, [6] что он добром помянул наших несчастных предшественников Зуду и Ивашкина. [7] При чтении этого романа несколько раз мелькала в уме моем мысль, что, быть может, через 50,

---

* Опущенную нами «Колыбельную песню» — см. в «Р. Ст.», 1891, т. 72, стр. 88—9

[1] Де-Санглен, Яков Иванович (1776 — 1864) — писатель; роман его — «Рыцарская клятва при гробе» (М. 1832).

[2] «Карабахский астролог, или основание крепости Суши в 1852 году. Исторический закавказский роман. Сочин. Платона Зубова». М. 1834 г., 2 части. — Платон Зубов — бульварный беллетрист 30-х — 50-х годов, автор ряда повестей о Кавказе.

[3] Книга нам неизвестная.

[4] «Дочь купца Жолобова» — повесть И. Калашникова (из иркутских преданий). Спб. 1832 (переизд. в 1842 г.).

Ранее Кюхельбекер читал отрывок из романа «Дочь купца Жолобова» в «Моск. Тел.» 1831 г.

[5] Камчадалка — повесть И. Калашникова (Спб. 1832; переизд. в 1843 г.).

[6] Калашников, Иван Тимофеевич (умер в 1865 г.) — прозаический писатель и поэт, родом сибиряк; печатал стихи в «С. О.» 30-х годов. Его романы представляют одну из первых, в русской литературе, попыток изображения провинциальной жизни.

[7] Зуда и Ивашкин — лица, выведенные в повести «Камчадалка», русские среди камчадалов.

через 100 лет, точно так помянет какой-нибудь даровитый романист о Кюхельбекерах, особенно о Михайле.

10 Мая.

С грустью и наслаждением перечитываю стихотворения моего незабвенного Дельвига.[1] Какой прекрасный талант! Сколько у него свежести, истинного чувства, поэтической чистоты, разнообразия. Как вялы, бледны, безжизненны, в сравнении с ним, бо̀льшая часть нынешних хваленых, даже лучших, хоть бы напр. Подолинский или даже Бенедиктов![2]

30 Мая.

Май таки свое взял: сегодня сюда приехал младший Разгильдеев[3] и привез самые неприятные известия. Раз, по делу Лунина[4] многих допрашивают, многих привозят в Иркутск, — будто бы до 90 человек. Второе, будто бы одного секретного повезли из Читы в Иркутск (в Чите их

---

[1] Кюхельбекер читал их в издании 1829 г.

[2] Бенедиктов, Владимир Григорьевич (1807 — 1873) — поэт; в 1835 г. он издал сборник стихов, который был встречен почти единодушным восторгом. Бенедиктов пользовался необыкновенным успехом в конце тридцатых и в начале сороковых годов.

[3] Очевидно сын (или брат?) А. И. Разгильдеева — инженерный подполковник, работавший в направлении улучшения способов добычи и промывки золота на Нерчинских рудниках; строитель «разгильдеевской машины» (см. Максимов «Сибирь и каторга», ч. III, стр. 357).

[4] Лунин, Михаил Сергеевич (1787 — 1845) — декабрист, член Союза Спасения, Союза Благоденствия, Северного и Южного Обществ. По отбытии десятилетних каторжных работ был поселен в с. Урике — в 18-ти верстах от Иркутска. «Дерзкие мысли и суждения, не соответствовавшие его положению», обнаруженные в сибирских письмах и политических сочинениях Лунина, послужили поводом для годичного запрещения вести переписку (1838), а потом (в 1841 г.) для внезапного его обыска и ареста. Лунин был отправлен в Нерчинские горные заводы и заключен в Акатуевский тюремный замок, где и умер. Дело Лунина повлекло за собой усиление надзора за поселенными в Восточной Сибири декабристами.

всего на все один Завалишин).[1] — Привезли мне дневники, только не все.[2]

7 Июня.

Видел я сегодня у Натальи Алексеевны[3] мальчика, которому здешние тунгусы поклоняются, как воплощению Шигумуни или другого какого-то их бурхана.[4] — Он довольно хорош из себя, но ума очень не дальнего; лет ему около 12-ти.

20 Июня.

Вчера был у меня тунгусский бурханчик. Я подарил ему табакерку и, может быть, худо сделал. Гнать идолопоклонников и силою принуждать их креститься, разумеется, варварство; но строить им божницы, дарить их лам, называть их даже батюшками (как-то делают здешние казаки) — просто значит потакать их грубому суеверию и являть самое постыдное равнодушие к собственной вере.

28 Июня.

Книг мало, только «Revue Etrangère»,[5] в которой я уже прочел самые занимательные статьи, — остался только подбор (Nachlese). Итак перечитываю порою-временем старые дневники: встречаю в них отметки о таких сочинениях, которые вовсе изгладились из моей памяти. На счет

---

[1] Завалишин, Дмитрий Иринархович (1804 — 1892) — декабрист, член Северного Общества; в 1839 г. — после тринадцатилетних каторжных работ — был обращен на поселение в г. Чите. После амнистии 1856 г. остался в Сибири и вернулся в Европейскую Россию только в 1863 г. Заметки Завалишина о Кюхельбекере см. в «Др. и Нов. России», 1878, № 2, стр. 183 — 184. Письмо Кюхельбекера к Завалишину от 19 марта 1840 г. см. в «Р. Ст». 1881, № 10, стр. 419 — 434.

[2] Очевидно из Селенгинска, куда их пересылал Кюхельбекер братьям Бестужевым.

[3] Равгильдеевой (?).

[4] Бурханы — воплощения буддийских богов.

[5] «Revue étrangère de la littérature, des sciences et des arts. Choix d'articles extraits des meilleurs ouvrages et recueils périodiques publiés en Europe» — журнал, издававшийся в С.-Петербурге с 1832 года.

некоторых писателей я свое мнение переменил; к этим, в особенности, принадлежит Бальзак. Теперь нахожу его довольно однообразным, хотя и теперь считаю его человеком очень даровитым.

10 Июля.

Матушка скончалась 26-го марта. Ее жизни было 84 года и 6 дней.

19-го июля 1841 г. в Акше написал мне это мальчик, которого здешние тунгусы почитают бурханом.

26 Августа.

Наконец, я прочел Шекспирова «King John», * которого я так давно уже желал прочесть. В положениях и распорядке сцен кое-какое сходство с «Ричардом III» и «Макбетом»; в характерах, напротив, решительный контраст: Ричард — умный злодей, Макбет — мощный злодей, Джон — злодей слабодушный и слабоумный.

Самый оригинальный характер — побочный сын Ричарда Львиного сердца; самое оригинальное положение, когда эта буйная головушка приходит в ужас, узнав о смерти Артура. Губерт не без достоинства, а сцена его с Артуром превосходна; но только одна она, да, может быть, еще то, что дофин говорит Сельсбери выдержит сравнение с первостатейными сценами и местами в «Ричарде» и «Макбете». Кардинал Легат несколько слишком откровенен с дофином, а протестантские выходки англичан, особенно самого короля, не у места и не во-время. Главное достоинство этой драмы — слог, который очарователен.

3 Сентября.

«Pericles, prince of Tyre», ** подобно «Андронику», Чемерсом (Chalmers) [1] и Мелоном не признается за творение

---

* «Король Иоанн».

** «Перикл, принц Тирский», трагедия Шекспира.

[1] Chalmers (1759 — 1834) — английский биограф и издатель Шекспира (9 vols. 1809). — О Мелоне см. стр. 362 наст. изд.

Шекспира. Что касается до меня, — я, не смотря на чудовищности «Андроника», гораздо охотнее признаю эту пиесу за Шекспирову, нежели «Перикла», разве принять, что, в самое первое время своего авторства, великий драматург только выправил старинную драму. Это роман, и огромный, на который наброшен очень неискусный покров драмы. Первые явления напоминают «Туриндоту» Гоцци,[1] но Гоцци тут выше Шекспира. — Даже прекрасных стихов мало. NB. Теперь постигаю несколько связь между «King John'ом» и прочими Histories * Шекспира: «King John» с ними не в исторической, но в нравственной связи; он их поэтический пролог, их поэтическое сокращение.

10 Октября.

Н. И. Любимов [2] — человек истинно европейский, я провел в его обществе несколько очень приятных дней; его подчиненный Быстров, [3] мне также полюбился. Между прочим, они познакомили меня с стихами Хомякова на перенесение праха Наполеона: эти стихи истинно необыкновенное явление в нашей поэзии.

19 Октября.

Сегодня 30 лет со дня открытия лицея. Теперь всем моим товарищам (оставшимся в живых) за сорок лет. Из тридцати тогда поступивших в лицей умерли, сколько знаю: [4] Ржевский, Корсаков, Дельвиг, Пушкин и, кажется, еще

---

* Историческими трагедиями.

[1] Carlo Gozzi (1722 — 1806) — итальянский драматург и поэт.

[2] Н. И. Любимов, лицо нам неизвестное; возможно, что в данном случае мы имеем дело с опиской или опечаткой; нам известен Василий Михайлович Любимов, в конце тридцатых годов служивший в г. Ялуторовске, а в 1842 г. определенный стряпчим в г. Туринск. В. М. Любимов выделялся из среды сибирского чиновничества бескорыстием и некоторой образованностью.

[3] Лицо нам неизвестное.

[4] Об упоминаемых ниже лицейских товарищах Кюхельбекера см. стр. 361 наст. изд.

Костенский; Есаков застрелился; Тырков сошел с ума, а я и Пущин? осталось, если не считать Гурьева, выключенного еще в 1813-м году, всего двадцать. Итак, целой трети уже нет. Да я вспомнил, что и Илличевский чуть-ли не умер: стало быть, вот уж и перешло за треть. [1]

25 Ноября.

Я этот месяц прочел сочинения Вельтмана. Всего более понравились мне «Виргиния» [2] и «Сердце и Думка», [3] в последней ума и игривости пропасть, но целое несколько растянуто. «Кощей» [4] и «Святославич» [5] утомительны беспрестанными скачками и шарлатанством автора; а «Странника» [6] просто невозможно читать, как читают прозу, а должно перебирать, как собрание лирических пиес и эпиграмм. Вельтман, вообще, более автор отлично хороших страниц, нежели выдержанных книг. Он метит явно в Гофманы и Жан-Поли; но чтобы быть первым, недостает у него силы и собственного суеверного убеждения в истину призраков, которые создает, а со вторым ему никогда не сравниться, потому что у него слишком мало души. Всех ближе подходит он к Уашингтону Ирвингу.

14 Декабря.

Бедный ты мой Суслов! [7] на прошедшей неделе он схоронил одного сына, сегодня другого. Не должен-ли сты-

---

[1] До 1841 года из лицеистов первого выпуска умерли также Саврасов, П. Ф. (1799 — 1830) и Вольховский, В. Д. (1798 —7 марта 1841 г.), это Кюхельбекеру было неизвестно: в противном случае он несомненно упомянул бы о Вольховском, с которым он поддерживал приятельские отношения и по выходе из лицея. Кроме того, между 1822 и 1825 г.г. в Греции погиб Броглио, С. Ф. (род. в 1799).

[2] «Виргиния, или поездка в Россию» М. 1837.

[3] «Сердце и думка. Приключение». 4 ч. М. 1838.

[4] «Кощей Бессмертный. Былина старых времен» в 3 ч. М. 1833.

[5] «Святославич, вражий питомец. Дела времен Красного солнца Владимира», истор. роман, 2 ч. М. 1835.

[6] «Странник» — повесть в стихах и в прозе (М. 1831-32, 2 ч.; 1840, 3 ч.; 1840 — 3 изд., 3 ч.

[7] Лицо нам неизвестное.

диться после того, что меня малейшее выводит из терпения и заставляет роптать на свою судьбу, что я в состоянии был излить свое уныние в стихах таких, какие я вчера выходил у Натальи Алексеевны [1] в ожидании бани. *

. . . .

* Опущенные нами стихи Кюхельбекера см. в «Р. Ст.», 1891, т. 72.

[1] Разгильдеевой (?).

9 Января.

Ни один год моей жизни не начинался так тяжело, как нынешний, а заметить должно, что это пишу я, просидевший десять лет в каземате. Как я дневник свой пишу для тебя, мой сын, не хочу обвинять никого, кроме себя. Только скажу одно: научись из моего примера, не женись никогда на девушке, как-бы ты ее ни любил, которая не в состоянии будет понимать тебя. Сверх того, множество и других забот, более мелких, но все-же мучительных... Обещанных денег все еще нет, — нянька едва-ли останется, стряпка непременно отойдет, — бедная моя жена все еще больна, и я сам нездоров. Оба мы требуем утешения, а между тем . . .

Слава богу, что я получил сегодня письмо от брата, от которого давным давно не было никакого известия.

27 Января.

Положение мое несколько лучше, в моей семье тише; да еще бог послал мне радость. Получено известие, что государь возвратил нашим детям дворянское достоинство. [1] Впрочем, все еще тяжело; жена все еще больна, денег ни копейки, долги ростут и с ними заботы.

26 Марта.

Сегодня годовщина кончины покойной матушки. Вчера поздно вечером скончался больной Степаша [2] мучительною смертию: он отправился от нас послом к матушке; — у ней он будет счастливее, чем в моем несчастном доме. По утру

[1] Дворянское достоинство детям декабристов было возвращено только в 1856 г.

[2] Лицо нам неизвестное.

продиктовал я Перфильеву,[1] в присутствии Александра Ивановича[2] и священника, свое завещание, потому что занемог болезнью, от которой умер Степаша.

27 Марта.

Ванюшка[3] бедный сегодня помер.

10 Апреля.

Июльский дневник кончил я известием о смерти матушки, мартовский отметкою о смерти моего бедного Вани! — Будет-ли этот счастливее?

25 Мая.

У меня суеверие, что май для меня несчастный месяц. Нынешний до сегодняшнего дня прошел для меня без больших неприятностей, и я было думал, что так и кончится; да сверх того после всего, что было со мною с октября, и придумать не мог, что-бы особенного, нового, горького могло со мною случиться. Однако, май не прошел мне даром. С Натальей Алексеевной[4] у меня совершенный и конечный разрыв.

29 Мая.

Тому 27 лет назад, 28-го мая, в день св. Вильгельма, т. е. в мои имянины, и вместе тогда было Вознесение, как и вчера, сидел я в карцере и чуть было не был выключен из лицея. Майские мои несчастья начались рано.

В мае 1817 г., напр., моя ссора с Малиновским[5] и го-

[1] Лицо нам неизвестное.
[2] Разгильдеева.
[3] Сын Кюхельбекера.
[4] Разгильдеевой (?).
[5] Малиновский, Иван Васильевич (1796 — 1873) — по кличке «казак», которую он приобрел за лихость и пылкость нрава, — сын первого директора Царскосельского лицея, старший по возрасту из воспитанников первого курса. По выходе из лицея Малиновский поступил в гвардию. Позднее состоял членом комитета об освобождении крестьян; его многолетняя филантропическая деятельность заслужила ему название «защитника вдов и сирот». Сестра Малиновского была замужем за декабристом Розеном и жила с ним в Сибири.

рячка, следствие этой ссоры, да побег из больницы в пруд Александровского сада, где я чуть-чуть не утопился.[1]

12 Июня.

Третьего дня, 10-го числа, мне пошел 46 год. В этот день я пешком сходил в Арашанту не с образами, а наперед образов. Натурально, что то, о чем теперь скажу, пустяки, но отчего не писать мне в дневнике иногда и пустяков? Дорогой я спрашивал кукушек, сколько жить мне и ближайшим моим родным? Сегодня у меня на пашне служили молебен. Хлеб мой, слава богу, очень не дурен.

17 Августа.

Вчера у меня был такой гость, какого я с своего свидания с Матюшкиным еще не имел во все 17 лет моего заточения — Николай Пущин![2] Подурнел он, голубчик: из хорошенького мальчика стал он некрасивым мужчиною; за то у него душа таже — Пущинская, какая должна быть у брата Ивана Пущина.

16 Сентября.

Если человек был когда несчастлив, так это я: нет вокруг меня ни одного сердца, к которому я мог бы прижаться с доверенностию. Все они теперь от меня отступили, а между тем я бы мог, я бы умел их любить! Бог с ними!

---

[1] За обедом Малиновский вылил Кюхельбекеру на голову тарелку супу. «Кюхельбекер был выведен этим из терпения, выбежал из за стола в сад и бросился в пруд, чтобы утопиться.» (Гаевский — «Пушкин в Лицее» — «Современник», 1863, т. XCVII, стр. 149). Об этом возникло оффициальное дело (за № 462).

[2] Пущин, Николай Иванович (род. в 1803 г.) — брат декабриста Ивана Ивановича Пущина, в 1842 г. был командирован министром юстиции в Сибирь для обревизования мест заключения. В Туринске он встретился с братом Иваном Ивановичем, во время своей поездки перезнакомился со многими декабристами, привезя им вести об их родных.

6 Ноября.

Простился я с Разгильдеевыми, еду сегодня в Цурухай;[1] теперь сижу и жду К. О.[2] Эти слова, которые, кажется, ничего не значат; но они — следствие скольких страданий! Бог с тобою Анна Александровна![3] Ты была моею последнею любовью, и как это все кончилось глупо и гадко! А я тебя любил со всем безумием последней страсти: в твоем лице я любил еще людей. Теперь прилечь-бы и заснуть!

30 Ноября.

Я воротился 27-го числа из Цуруханта, расстался я с своим милым Константином[4] и с ним, может быть, на всю жизнь. Уж эти мне расставанья! Сколько я их пережил!*

Еще одну я к тем рекам причислил,
Которых берег я, скиталец, посетил,
И там с утратою своих сердечных сил
Терзался и молчал, но чувствовал и мыслил,
Разлуку вечную предвидел, но любил.
Да! вот и эти дни, как призрак, пролетели
До гроба-ли ты будешь молодым,
Мучитель-сердце? — Ты скажи: ужели
Всегда блуждать, стремясь к недостижимой цели
Твоим желанием несытым и слепым?
Любить и мыслить... Почему-ж не может
Не мыслить, не любить душа моя?
Какой ее зло́й дух без устали тревожит
И хочет и велит, чтоб вечно тратил я?...

---

* Нижеследующее стихотворение носит в некоторых публикациях название «Аргунь».

[1] Цурухаит — селение на берегу Аргуни, в горах Аргунского хребта.

[2] Лицо нам неизвестное.

[3] Разгильдеева.

[4] См. выше К. О.

Увы! с последним другом расставанье!
По крайней мере без пятна,
Хоть-это сбережет воспоминанье,
И чувств и дум моих скупая глубина.
Прими-же, о Аргунь,[1] мое благословленье!
Ты лучше для меня, чем пасмурный Онон[2]
И там мне было разлученье;
Но перед тем меня прельщал безумный сон
И чуть не умертвило пробужденье!

---

[1] Южная из двух рек, образующих Амур у Усть-Стрелки; берет начало на китайской территории. На реке Аргунь стоит г. Цурухаит.

[2] Левый приток Амура. На реке Онон стоит крепость и селение Акша.

15 Января.

Минул 42 год, один из самых тяжелых в моей труженической жизни. Что-то мне даст нынешний? Хотя и давят меня кое-какие и не пустые заботы, — все-же начался он довольно для меня счастливо: по крайней мере, дома у меня, в сравнении с тем, что было, тихо и благополучно. Сегодня ровно 6 лет, как я женат. Миша начал учиться азбуке со 2-го января.

16 Января.

Сегодня я видел во сне Грибоедова. В последний раз, кажется, я его видел (также во сне) в конце 1831 г. Этот раз я с ним и еще двумя мне близкими людьми пировал, как бывало в Москве. Между прочим, помню его пронзительный взгляд и очки и что я пел какую-то французскую песню. Не зовет ли он меня? Давно не расстается со мною мысль, что и я отправлюсь в январе месяце, когда умерли мои друзья, он и Дельвиг и Пушкин. — Сегодня ровно три года, как я из Баргузина.

С 6 на 7 Марта, около полуночи.

Господь дал мне дочь. [1]

8 Марта.

Получил я стихотворения Зейдля. [2] Тут прочел я балладу «Отче наш», которая, по нежности своего колорита,

---

[1] Устинья (Юстина) Вильгельмовна Кюхельбекер, в замужестве Косова; в 1875 г. она передала для опубликования редакции исторического журнала «Русская Старина» часть литературного архива своего отца и между прочим подлинную рукопись его Дневника. Воспитывалась после смерти Кюхельбекера теткой Ю. К. Глинкой и до 1856 г. именовалась Васильевой.

[2] Книга нам неизвестная; ни в одном из доступных нам библиографических указателей она не упоминается. Автор ее по всей вероятности — Федор Адамович Зейдель, — литератор начала XIX века, переводчик с немецкого.

превосходна. Вчера после обедни омолитвили дочь мою и нарекли ей имя Устинья.

11 Марта.

Написал сегодня прошение о переводе в Кяхту;[1] кроме того, у меня на нынешней почте письмо к графу Толстому,[2] если Кяхта ускользнет, о переводе в Туринск.

. . . .

16 Мая.

Хочу перечесть Пушкина. Начал я с «Руслана». Стихи тут необычайной легкости, прелести и *отзывчивости*. Последнее не безделица. Содержание, разумеется, вздор; создание ничтожно, глубины никакой. Один слог составляет достоинство «Руслана»; за то слог истинно чудесный. Лучшая песнь, по моему, шестая; сражение тут не в пример лучше, чем в «Полтаве».

19 Мая.

Остаюсь при своем мнении, что «Кавказский пленник» и особенно «Бахчисарайский фонтан», хотя в них стихи иногда удивительно сладостны, творения не в пример ниже «Руслана», «Братья Разбойники» их оригинальнее, сочнее, питательнее: ils ont plus de consistence. * «Домик в Коломне» и «Анджело», по слогу бойкому и умному, принадлежат зрелости таланта Пушкина. В первой поэмке Пушкину дался юмор, который так часто ускользает из-под пера его в «Онегине».

---

* Они более содержательны (франц.).

[1] Смерть акшинского ученика Кюхельбекера — Пронюшки Истомина (1843?) и отъезд семьи Разгильдеевых из Акши в Кяхту, а также местный неурожай 1843 — 1844 гг. — были главными причинами того, что Кюхельбекер, сразу лишившись главнейших своих доходов, — решился просить о переводе в Кяхту, в чем ему было отказано так же, как и позднее в переводе в Туринск.

[2] Лицо нам неизвестное; быть может, граф Петр Александрович Толстой (1761 — 1844) — член Государствен. Совета и Совета Министров.

21 Июля.

На-днях прочел я «Мертвые души» Гоголя. [1] Перо бойкое, картины и портреты в роде Ноздрева, Манилова и Собакевича, резки, хороши и довольно верны; в других краски несколько густы и очерки сбиваются просто на карикатуру. Где-же Гоголь (впадает в лиризм)* он из рук вон плох и почти столь-же приторен, как Кукольник, с своими патриотическими сентиментальными niaiseries. **

2 Августа.

Ахт [2] мне показывал вчера Юпитера в небольшой телескоп, я на него смотрел два раза: в первый раз он был с левой стороны освещен красным, а с правой — зеленоватым светом, четыре его спутника видны были очень хорошо. На меня потом напало какое-то томление — неизреченная тоска: так и поманило меня, потянуло в этот прекрасный неведомый мне мир. Он мне показался неизъяснимо тихим и величавым, новым и вместе знакомым... Был-ли уже я когда-нибудь на нем? или свижусь на нем с милыми моему сердцу?

8 Августа.

В последние дни прочел я много для меня совершенно нового: «Марию Тюдор», [3] «Героя нашего времени», [4] и «Маскарад» [5] Лермонтова. «Мария» ужаснейшая чепуха, написанная талантливым человеком. Характер героя — простолюдина [6] — один только истинно хорош: все прочее вздор такой, что мочи нет, а читать все-таки читаешь и не

---

* Скобки взяты нами из «Р. Ст.»

** Вздор, глупость, околесная (франц.).

[1] «Мертвые души» Н. В. Гоголя (I том) вышли в свет в 1842 г.

[2] Лицо нам неизвестное.

[3] «Marie Tudor» — романтическая драма Виктора Гюго (1833).

[4] «Герой нашего времени» вышел отд. изд. в 1840 году. Ранее были напечатаны в «Отеч. Зап.» — «Бэла», «Фаталист» и «Тамань».

[5] «Маскарад» был впервые опубликован в «Стихотворениях М. Лермонтова», 1842 г., ч. III.

[6] Gilbert'a

можешь оторваться. Лермонтова роман — создание мощной души: эпизод «Мэри» особенно хорош в художественном отношении; Грушницкому цены нет, — такая истина в этом лице; хорош в своем роде и доктор; и против женщин нечего говорить . . . а все-таки! Все-таки жаль, что Лермонтов истратил свой талант на изображение такого существа, каков его гадкий Печорин. «Маскарад», не в художественном, а в нравственном отношении выше, потому что тут есть, по крайней мере, страсти.

В Кяхте на просьбу о переводе туда отказали.

21 Ноября.

Провел дней с 5 довольно гадко в мерзкой, вонючей избе, покуда в горнице не выморозили тараканов. Сегодня перебрался опять в горницу и насладился я минутой блаженства, когда по утру перешел в горницу и тут с полчаса сидел very comfortably * в чистоте, тишине и теплоте, я истинно был счастлив: для человеческого счастья, право, немного нужно.

---

* Очень удобно (англ.).

*

1 8 4 4

. . . .

6 Марта.

Как ни лениво пишу дневник, а под числом 6-е марта у меня каждый год есть хоть небольшая отметка. В эту минуту моей Тинешке [1] минул год: дай бог, чтоб она выросла мне на радость!.. Пугает меня несколько ее сердитый нрав!..

Вопрос: может-ли возвыситься до самобытности талант эклектический-подражательный, каков в большей части своих пьес Лермонтов? Простой и даже самый лучший подражатель великого или хоть даровитого одного поэта, разумеется, лучше бы сделал, если-бы никогда не брал в руки пера. Но Лермонтов не таков, он подражает или, лучше сказать, в нем найдутся отголоски и Шекспиру, и Шиллеру, и Байрону, и Пушкину, и Кюхельбекеру, и даже Пфпрели, Глейму [2] и Илличевскому. Но и в самых подражаниях у него есть что-то свое, хотя бы только то, что он самые разнородные стихи умеет спаять в стройное целое, а это не безделица. [3]

10 Марта.

Получил письмо от Юстиньи Карловны и разрешение проситься в Кургановский уезд.

26 Марта.

Пасха. Люди по своему гуляют, веселятся. А я?

И радость и печаль равно душе моей противны...

Страшно подумать, как я ко всему стал равнодушен.

---

[1] Дочь В. К. Кюхельбекера — Юстина Вильгельмовна.
[2] Johann-Wilhelm Gleim (1719 — 1803) — немецкий поэт.
[3] Ср. с отзывом Шевырева («Москвитянин» 1841, ч. II, № 4, стр. 525 — 540). Об «ощущении поэзии Лермонтова как собирательной», см. у Б. М. Эйхенбаума — «Лермонтов», Л. 1924, стр. 15 — 18.

Сегодня годовщина матушкиной кончины, а я не могу найти в груди своей ни одного живого чувства, ни скорби, ни надежды на свиданье в лучшем мире, ни даже отчаяния, безверия. Я не то чтобы не верил, но вера мне слишком уж знакома. Я ее знаю наизусть, я ее всю перечувствовал: не могу найти в ней ничего уже нового. Я и для нее почти уже отжил, как для чувственных наслаждений, напр., я был когда-то пребольшой охотник есть хорошее, — теперь и тут не нахожу ничего, чтоб мне шибко нравилось; ем без разбору, без вкусу . . . так механически, как я, из привычки и для примера своему семейству, каждый вечер мыслею, памятью, а не сердцем молюсь или, лучше сказать, читаю свои молитвы. И искусства мне опротивели. А что вы еще скажете? Умер Вадковский, [1] человек, с которым я когда-то жил душа в душу, — что-же? Мне, право, кажется, будто я его никогда не знавал; ум-то, правда, говорит: «вот ты почему-бы должен грустить, вот какую ты понес потерю — последний или, по крайней мере, один из последних, кто тебя любил, покинул тебя навсегда» и пр. Но сердце окаменело: бьешь в него, требуешь от него воды живой, сладких, горьких слез, — а сыплются только искры, суеверные приметы, напр., в роде той, что всем моим друзьям суждено было умереть в январе.

28 Мая.

Стихи, которые перепишу ниже, стоили мне много времени и труда. Не прошла-ли для меня и впрямь пора стихов? *

. . . .

---

* Опущенные нами стихи («Буря выла, по земле Ночь ненастная летала») — см. в «Р. Ст.» 1891, т. LXXII, стр. 101.

[1] Вадковский, Федор Федорович (1800-1844) — декабрист, член Северного и Южного обществ, после тринадцатилетних каторжных работ был назначен в 1839 г. на поселение в с. Манзурское, Иркутской губ., куда не поехал; с 1840 г. поселен в с. Оёке, Иркутской губ., где и умер.

8 Июля.

Был сегодня экзамен в казачьей школе — сносен; слава богу, что дети хоть столько успели.

28 Августа.

Вчера пришла бумага, чтоб меня отправить отселе в Тобольскую губернию, в Кургановский уезд.[1] Если бог даст, отправлюсь в субботу, 2-го сентября.

---

[1] По данным «Алфавита декабристов» это произошло 9 июня 1844 г. (Sic!)

1 8 4 5

г. Курган. 29 Марта.

Постараюсь ныне, когда для меня, так сказать, в новом месте началась новая жизнь, быть в ведении своего дневника точным, добросовестным, и сколько то возможно, по теперешнему состоянию моей души, искренним. Вам, мой новый, но верный друг,[1] буду, по временам, пересылать эти тетради . . . Пусть мысль, что вы будете моею второю совестию, что вы будете читать все тут написанное, поддержит меня и поможет мне всегда быть хоть несколько достойным вас. Не стану вам во всем исповедываться: из моих суждений о людях, о книгах, из отчета в моих занятиях вы сами легко увидите, на какой точке нахожусь и шагаю ли вперед или подаюсь назад. Но будут тут часто вопросы, и два очень тяжелых и теперь давно уже на душе моей. Решусь-ли их предложить вам в этой тетради — не знаю. Скажу вам только, что они снова сильно стали тревожить меня с тех пор, как я стал опять знакомиться новым путем с тем миром, к которому я был когда-то ближе, но от которого меня удалили 1835 год[2] и последовавшие за ним.

Вот мое предисловие к дневнику новому, Кургановскому, который, вероятно, мало будет походить на прежние.

Теперь следовало бы говорить о книгах, которые теперь читаю, да тут столько нового, так много совершенно необычайного, совершенно для меня неожиданного, столько

---

[1] К кому обращается в данном случае Кюхельбекер — нам неизвестно.

[2] Может быть описка или опечатка, не 1825-ли г. подразумевается?

объяснений на то, что мне или казалось просто непонятным или аллегориею или обманом чувств или даже баснями и вымыслами и народными суевериями, что мне сперва необходимо собрать все это в своей памяти.

1 Апреля.

Вечером я был у Басаргиных [1] и видел там Швейковского, [2] одного поляка и смотрителя училища.

2 Апреля.

Начал читать Байронова «Каина», [3] признаюсь, страшно. Богохульства его демона ничего не значат в сравнении с ужасным вопросом, на который нет ответа для человеческой гордости; этот вопрос: зачем было сотворить мир и человека? Тут только один ответ в христианском смирении. «Горшку-ли скудельному вопрошать гончаря: зачем ты меня сделал?» Но бог благ . . . И так не для страданья же он создал то, что создал. Самые простые вопросы без веры неразрешимы.

3 Апреля.

Я от одной книги перехожу к другой: теперь читаю «Гуливера». [4] Хорошо в этой сказке, как автор увлекается сам своим вымыслом и как рассказывает вздор, словно дело, совестливо, отчетливо, с важностию порядочного человека.

---

[1] Басаргин, Николай Васильевич (1794 — 1861) — декабрист, член Юного Общества; после десятилетних каторжных работ был поселен в 1835 г. в г. Туринске, Тобольской губ., в 1841 г. переведен в г. Курган, а в 1846 г. получил разрешение вступить в гражданскую службу в Сибири младшим канцелярским служителем. В 1856 г. возвращен в Европейскую Россию.

[2] Повало-Швейковский, Иван Семенович (род. около 1790 г., умер в 1845 г.) — декабрист, член Южного Общества; после тринадцатилетних каторжных работ, в 1839 г. обращен на поселение, в г. Кургане, Тобольской губ., где и умер 10 мая 1845 г.

[3] «Cain», a mystery (1821) — мистерия Байрона, вызвавшая при своем появлении в печати взрыв восторгов с одной стороны и бурю негодования и даже формальное проклятие с другой.

[4] «Travels of Gulliver» (1727) — сочинение Дж. Свифта (1667 — 1745).

Вечером писать не могу, потому и провел вечер у Басаргина.

5 Апреля.

Опять письмо от Пущина. Моя переписка приходит к концу. Глава мочи нет как болят.

9 Апреля.

У меня глаза болят, а третьего дня очень разболелись . . .

Книга Одоевского: «Русские ночи»[1] — одна из умнейших книг на русском языке. Есть и в ней, конечно, то, что я бы назвал Одоевского особенною манерностию, о которой когда нибудь поговорю подробнее, но все же это одна из умнейших наших книг. Сколько поднимает он вопросов! Конечно, не один почти не разрешен, но спасибо и за то, что они подняты — и в русской книге! Он вводит нас в преддверье; святыня заперта; таинство закрыто; мы недоумеваем и спрашиваем: сам он был ли в святыне? Разоблачено ли пред ним таинство? Разрешена ли для него загадка? Однако, все ему спасибо: он понял, что есть и загадка, и таинство, и святыня.

11 Апреля.

Я здесь давал «Die Seherin von Prevorst»[2] прочесть одному моему знакомому. Он отослал мне книгу через два

---

[1] «Русские ночи» (1843) — самое значительное литературное произведение кн. В. Ф. Одоевского. «Русские ночи» составились из отдельных рассказов, писавшихся и печатавшихся разновременно. «Ночь 1-ая» напечатана была в шестой части «Московского Наблюдателя» за 1836 г. В письме к кн. В. Ф. Одоевскому от 3 мая 1845 г. Кюхельбекер писал: «В твоих Русских Ночах мыслей множество, много глубины, много отрадного и великого, много совершенно истинного и нового, и притом резко и красноречиво высказанного, что в глазах моих не безделица (ты помнишь: я всегда дорожил и формою). Словом, ты тут написал книгу, которую мы смело можем противуставить самым дельным европейским» («Отчет императорской публичной библиотеки за 1893 г.», приложение, стр. 69 — 70).

[2] «Die Seherin von Prevorst. Eröffnungen über das innere Leben des Menschen und über das Hereinragen einer Geisterwelt in die unsere» — нашумевшее сочинение мистического романтика Юсти-

дня с запискою, в которой сказано: «Ich glaube das der Mensch etwas besseres zu thun hat, als solchen Phantastereien nach zu hängen».* Потом он сам у меня был и я с ним разговаривал; его главное возражение, что не для чего, не к чему являться духам.

. . . .

18 Апреля.

Прозелитизм и нетерпимость достались на часть и гг. философов, даже на часть секты индиферентистов! Напр., здесь есть некто, твердо уверенный, что обратит меня в виландо-кантовский немецкий индиферентизм 1770-х годов, [1] а если ему не удастся, он, вероятно, провозгласит меня ханжей, лицемером или глупцом.

ния Кернера (Justinius Kerner, 1786 — 1862). В этом произведении д-р Кернер описал (с проблематичной достоверностью) действительный случай из своей медицинской практики. — Фредерика Hauffe (1801 — 1829) — действительно существовавшая женщина, страдала странными припадками, во время которых она, как ей казалось, видела и беседовала с духами. (Die Seherin von Prevorst — Духовидица из Преворста.)

* Я полагаю, что человек может делать нечто лучшее, нежели предаваться подобным бредням (немец.).

[1] Виланд (Christoph - Martin Wieland, 1733 — 1813) — немецкий поэт, романист и публицист, произведения которого проникнуты сенсуалистическим и ироническим духом, — эмпирия у него торжествует над химерами и иллюзиями. — Кант (Immanuil Kant, 1724 — 1804) — знаменитый немецкий философ, создатель «критического» направления в философии. — В своих «Бреднях духовидца, поясненных бреднями метафизика» (1766) Кант жестоко насмеялся над спиритами, ясновидящими, провидцами etc. В 70-ые и 80-ые годы Кант занят разделением областей знания и веры, которое должно произвести совершенный переворот в мышлении философских вопросов. В этой работе им руководило не безразличие ученого к вопросам веры (как, повидимому, считает недостаточно знакомый с Кантом Кюхельбекер), а, наоборот, стремление, освободив религиозные идеи от компрометтирующих их схоластических «доказательств», подвести под них более прочный фундамент внутреннего религиозно-нравственного чувства. К «критицизму» в этом (и подлинном) смысле Кюхельбекер был весьма близок (ср. запись в Дневнике от 6 января 1835 года — стр. 226. наст. изд.).

19 Апреля.

На счет моего индиферентиста я ошибся, и, признаюсь, очень рад. Не впаду же и я в ошибку, в которую, полагал, что он впадет; стану верить, что он в своих мнениях искренен и не усумнюсь в его честности. Но все же для его счастья позволительно мне желать, что б он был другого мнения.

30 Апреля.

Швейковский приобщился святых таин и написал завещание.

Был у меня Бригген [1] и рассказывал много интересного.

1 Мая.

Краевский, без всякого сомнения, лучший наш критик, умный, честный, добросовестный. Но, пораженный тем, что безотрадно в нынешнем состоянии общественного быта, он слишком резко не извиняет, нет, почти оправдывает тех, которые нарушают основания, святые правила этого быта, напр. святость супружества. Он любовницу Печорина чуть ли не предпочитает прекрасной Татьяне Пушкина; он находит, что в браке без любви много гадкого и возмутительного, даже порочного . . . Это, конечно, так, но все же жертва подобного брака, если свято хранит долг свой в глазах самого же Краевского, пусть бы только он захотел хорошенько все раздумать, не только должна нравственно стоять непременно выше прелюбодейки, но и казаться существом не в пример более прекрасным и поэтическим. Нет, общественное мнение не совсем вздор; оно, конечно, очень часто впадает в заблуждение, часто

---

[1] Бригген, фон-дер, Александр Федорович (1795 — 1859) — декабрист, член Союза Благоденствия; пробыв в каторжных работах один год, он был поселен в г. Пелыме, Тобольской губ., затем в 1836 г. в гор. Кургане, Тобольской губ. С 1838 г. служил в Сибири по гражданскому ведомству; в 1856 г. амнистирован и возвращен в Россию.

и справедливые его приговоры бесчеловечны; но все же оно основано на вечной идее истины, красоты и совершенства. Жоржзандовские[1] разглагольствования никак не очистят той, которая раз уронила себя перед самою собой; тут Eugène Sue[2] с своею «Fleur de Marie»[3] видел гораздо дальше всей школы Сен-Симонистов.[4] Честность — вот условие, sine qua non,* под которым мужчина достоин своего имени: женщина не может почитать бездельника, а целомудрие — вот честность женщины.

2 Мая.

Май уж для меня начинается; это значит, начинаются неприятности. Сегодня получил я известие, что не позволяют мне жить в городе.[5]

3 Мая.

Писал письма к гр. Орлову,[6] Одоевскому[7] и Свистунову,[8] неужто откажут?

** Conditio sine qua non — необходимое условие (лат.).

[1] Жорж-Занд, Aurore Dupin, baronne Dudevant, dite Georges Sand (1804 — 1876) — французская романистка.

[2] Eugène Sue (1804 — 1857) — французский романист, автор «Вечного Жида» («Le Juif errant»), был необыкновенно популярен в сороковые годы своими, «гуманистическими» романами.

[3] — Персонаж из «Тайн Парижа» Еженя Сю: выросшая среди разврата, Fleur de Marie сохранила, однако, душевную чистоту.

[4] Сен-Симонисты — последователи социально-политического учения Сен-Симона: Галеви, Дювержье, Байи, Анфантен, Базар; в 1825 — 26 гг. они издавали «Le Producteur».

[5] Кюхельбекеру было разрешено поселиться в пяти верстах от г. Кургана в слободе Смолинской.

[6] Орлов, граф (впоследствии князь), Алексей Федорович (1786 — 1861), — брат декабриста Михаила Федоровича Орлова; с 1844 г. — шеф жандармов и главный начальник III отделения собственной его величества канцелярии; с 1856 г. председатель государственного совета и комитета министров.

[7] Письмо к кн. В. Ф. Одоевскому, о котором говорит Кюхельбекер, содержало просьбу о переводе в Курган из-за болезни; Одоевский служил тогда в собственной е. и. в. канцелярии и мог помочь своему ссыльному другу (см. в Отчете Императорской Публичной Библиотеки за 1893 г., приложение, стр. 69 и сл.).

[8] Свистунов, Петр Николаевич (1803 — 1889) — декабрист, член Северного и Южного Обществ, после десятилетних каторж-

6 Мая.

Бедный Швейковский очень плох.

7 Мая.

Сегодня разговаривал с женою я о том, что у нас мало, да чем-то мы будем жить и пр. Вдруг блеснула мне мысль, что спаситель велит только заботиться о настоящем дне и что он, верно, меня не оставит . . . Эта мысль меня удивительно как утешила и успокоила.

10 Мая.

Сегодня, в 3 часа ночи, скончался на моих руках Иван Семенович Швейковский; при смерти его был фон-дер Бригген и Басаргин.

12 Мая.

Перелистывал стихотворения Шиллера. Они на меня подействовали очень странно; мне стало жаль поэта, жаль точно так, как мне жаль, когда размышляю о жизни императора Александра Павловича, который в моих глазах — одно из самых трагических лиц в истории.

15 Мая.

Фон-дер Бригген прочел мне 4 и 5 главы своего «Цесаря»;[1] пятая очень занимательна и в высокой степени оживлена драматическим интересом.

18 Мая.

Сегодня, через двадцать лет, я ел спаржу и раков.

ных работ в 1835 г. был поселен в с. Индинском (Каменка) Иркутской губ., с 1839 г. в Кургане, в 1856 г. возвратился в Европейскую Россию. П. Н. Свистунов присутствовал при кончине Кюхельбекера, и описал его последние часы в письме к Ю. К. Глинке (от 16 августа 1846 г.).

[1] В 1840-х годах ф.-д. Бриген переводил Юлия Цезаря и рукопись передал Жуковскому. Издание не было осуществлено из-за смерти Жуковского.

18 Мая.

Бриггену вышел перевод на Кавказ. [1] Он, бедный, в самом трудном теперь положении, говорит, что это для него все равно, что 13-го июля 1826 года. [2] Тогда его разлучили с одним семейством, теперь с другим. [3]

22 Мая.

Сегодня ровно два месяца, как я в Кургане. Вот так-то все проходит! Сколько было ожиданий, страхов, надежд, когда я отправлялся сюда! — и все это теперь за мною, и теперь, вероятно, те люди, с которыми я жил в Акше, из которых кое-кто, кажется, меня и любил, начинают уже забывать меня! [4]

Vanitas vanitatum! *

23 Мая.

Слава богу, принялся опять за дело, а то я все эти дни читал неимоверные глупости, именно второй том «Ста русских литераторов»; [5] тут нет ни одной живой статьи и Фаддей Булгарин сияет в этом сборнике как звезда первой величины; он, по крайней мере, хоть смешен.

25 Мая.

Третьего дня я совершенно случайно вспомнил несколько стихов пьесы, которую я написал 24 года тому назад в Грузии — на взятие греками Триполицы. [6] Я тогда толь-

---

* Суета сует (латин.).

[1] ф.-д. Бригген на Кавказ не был переведен.

[2] 12-го июля 1826 г. декабристам был объявлен приговор.

[3] В Сибири Бригген имел вторую семью (прижил трех дочерей и одного сына).

[4] Очевидно Разгильдеевы.

[5] «Сто Русских литераторов», издание книгопродавца А. Смирдина (вышло 3 тома, 1839 — 1845) — «собрание самых верных портретов известнейших современных литераторов Русских... с приложением оригинальной, новой, нигде еще ненапечатанной статьи каждого автора». Во II т. «Ст. Рус. Лит.» помещена повесть Булгарина «Победа от обеда».

[6] Пьеса «На взятие Триполлицы »(«Глагол господень был ко мне» напеч. в «Литературном Вестнике» 1902, кн. 2, по автографу

ко-что начал знакомиться с книгами ветхого завета, которые покойный Грибоедов заставил меня прочесть.

. . . .

26 Мая.

Сегодня день рождения покойного Пушкина.

Я сбился с своей коллеи; у меня было множество гостей: Бригген, Пейкер,* Пасек,* Чайковский,[1] Бассаргин, Щепин[2] и Башмаков,[3] а причина прихода некоторых та, что Евгения Андреевна[4] была в бане и, стало быть, у городничего не играли в карты.

27 Мая.

Сегодня ночью я видел во сне Крылова и Пушкина.[5] Крылову я говорил, что он первый поэт России и никак этого не понимает. Потом я доказывал преважно ту же тему Пушкину. Грибоедова, самого Пушкина, себя я называл учениками Крылова; Пушкин тут несколько в насмешку назвал и Баратынского. Я на это не согласился;

хранящемуся в Ленинградской Публичной Библиотеке в бумагах А. А. Краевского (папка № 17, I — II), см. по поводу этого стихотворения заметку в «Литературном Вестнике», 1902, кн. 4. См. также отзыв Пушкина об этом стихотворении на стр. 320 наст. изд.

* Пейкер, Пассек — лица нам неизвестные.

[1] Нам известен Севастьян Осипович Чайковский, в 1840 г. бывший заседателем земского суда в Иркутске.

[2] Щепин-Ростовский, князь, Дмитрий Александрович (1798 — 1859) — декабрист, член Северного Общества; после тринадцатилетних каторжных работ в 1839 г. был обращен на поселение в с. Тасеевском Канского округа Енисейской губ., с 1842 г. жил в Кургане, а в 1856 г. возвратился в Европейскую Россию.

[3] Башмаков, Флегонт Миронович (1780 — 1859) — декабрист; в 1823 г. за растрату казенных сумм был разжалован из полковников в рядовые, а в 1826 г. за участие в восстании Черниговского полка был сослан в Сибирь, где и прожил в крайней бедности последние 30 лет своей жизни.

[4] Лицо нам неизвестное.

[5] Интерпретацию этого «историко-литературного» сна см. у Ю. Н. Тынянова («Архаисты и Пушкин» в сб. «Пушкин в мир. лит.», стр. 273).

однако, оставался при прежнем мнении. Теперь не во сне скажу, что мы, т. е. Грибоедов и я, и даже Пушкин, точно обязаны своим слогом Крылову, но слог только форма, роды же, в которых мы писали, все же гораздо выше басни, а это не безделица.

28 Мая.

Сегодня, в свои именины, я получил письмо и деньги от сестры и Басаргин подарил мне часы.

. . . .

4 Июня.

Загоскин не блистательный талант, но человек, хотя несколько и ограниченный, с теплою душою и русским умом. Его «Мирошев» [1] принадлежит к лучшим романам на русском языке.

6 Июня.

«Мирошев» Загоскина точно очень недурная книга; повторяю, я прочел этот роман с удовольствием; но в «С. О.» [2] такая нелепая ему похвала, что так и хочется г. рецензенту напомнить стих Крылова: «Услужливый дурак опаснее врага».

10 Июня.

Минуло мне сегодня 48 лет. Печально я встретил день своего рождения, пока не сошлись гости. Я стал выхаживать стихи, да не удалось составить более того, что следует:

Еще прибавился мне год
К годам унылого страданья;
Гляжу на их тяжелый ход,
Не ропща, но без упованья.

---

[1] «Кузьма Петрович Мирошев» — повесть из времен Екатерины II М. Н. Загоскина (1842).
[2] «Сыне Отечества».

* * *

Что будет, знаю наперед:
Нет в жизни для меня обмана,
Блестящ и весел был восход,
А запад весь во мгле тумана.

Вдобавок я болен.

16 Июня.

Опять погорячился и разбранился с Щепиным; да он, право, лучше меня, — первый протянул мне руку, между тем, как я ему, бог знает, что наговорил.

6 Августа.

Опять месяц прошел — и я не писал своего дневника. Я был болен, меня мучила хандра, которая отчасти произошла от праздности. Справедливо изречение старинных азбук: «праздность мать всех пороков!» Во время хандры я успел поссориться с Басаргиным и понаделал, бог знает, сколько глупостей.

Статья, которую я сегодня кончил, статья о нашей грамматической терминологии. Она, если бог даст, будет добрым началом ряда статеек о русской грамматике.

21 Сентября.

Перебрался в свой собственный дом, и вдобавок больной.
. . . .

9 Октября.

. . . .

Пишут будто бы скончалась Э. Ф. Брейткопф.[1] Еще один ангел возвратился в свою отчизну небесную!

---

[1] Брейткопф, Э(милия?) Ф. Вероятно дочь Анны Ивановны фон-Брейткопф (1747 — 1823) — начальницы училища ордена св. Екатерины и Екатерининского института. Семья Брейткопф была в родстве с Кюхельбекерами. Об отце Брейткопф («papá Брейткопф»)

10 Октября.

И ты на небо воспарила,
Унылых дней моих светило!
Любви, души моей звезда,
Ты возвратилася туда,
Куда тебя давно манило
Все, что тебе когда-то было
Святым и милым! — Ты опять
Там обняла отца и мать,
И вновь к тебе простерли братья
С улыбкой радости объятья,
Пред богом ты — и не одна,
Тебе сестра возвращена. *

Кюхельбекер упоминает в письме к матери из Веймара от 17 (29) ноября 1820 (см. «Р. Ст.» 1875, XIII, стр. 342). В своих показаниях Кюхельбекер указал на то, что 12 декабря 1825 г. (за день до восстания) он с братом Михаилом Карловичем провел вечер в Смольном монастыре у девиц Брейткопф («Восстание декабристов», т. II, стр. 168), Э. Ф. Брейткопф посвящено стихотворение Кюхельбекера: «Эмилии» (приблиз. дата 1838 — 1839 гг.), см. в изд. Балицкого, а также стихотворение, печатается выше, от 10 октября.

* На этом кончается публикация «Русской старины» (см. стр. 17, стр. 7 снизу и далее).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

ПИСЬМО В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА К В. А. ЖУКОВСКОМУ.[1]

Тобольск, 11 Июня 1846 года.

В конце единственного письма, добрейший Василий Андреевич, какое я имел счастие получить от вас в Сибири, письма уже писанного давно, 29 Июля 1840 года из Дармштадта, вы изволили мне приказать отвечать вам через генерала Дупельта. Я это тотчас исполнил по получении вашего письма, а именно в Ноябре месяце того же года. Потом я еще писал к вам в начале 41 года, когда родился покойный сын мой Иван, и просил вас о позволении называться ему вашим заочным крестником. Наконец я писал к вам еще в третий раз из Акшинской же крепости в половине 42 года. Ни на одно из этих писем я не получил ответа. Зная ваше прекрасное, благородное сердце, которое так и высказывается в каждом слове вашего письма, я уверен, что вы моих писем не получили. В последний раз я писал к вам 20 Дек. 1845 г. из Кургана, через графа Алексея Федоровича Орлова; и этого письма вероятно вы не получили, а почему я так думаю, позвольте вам сказать ниже.

Первый раз решаюсь писать к вам неофициально. Бог милостив, авось хоть эти строки дойдут до вас! Вы писали Александру Федоровичу Бригену, что в Июне или в Июле будете в Москве, или в Петербурге; а истинно добрый и честный человек, который взялся наверно доставить

---

[1] Письмо это взято нами из «Рус. Архива» (1872 г., стр. 1004—1008).

это письмо в собственные ваши руки, едет завтра в Москву, а потом побывает в Петербурге. Крайняя только нужда и необходимость горькая заставляет меня писать к вам не совсем позволенным путем. Вы видите, что я слеп: едва ли я буду в состоянии в конце письма подписать собственною рукою свое имя, однако постараюсь.

Теперь я, без лишних жалоб коротко и ясно, так сказать исторически, изложу вам, в каком нахожусь теперь положении. Из дому, с сорокового года, т. е. с того времени, как истощилась выручка от распродажи моего Ижорского, я получаю постоянно 650 рублей ежегодно, тремя присылками в разное время. В Акше это было очень и очень достаточно, потому что со стороны, а именно от моего ученика и учениц, я получал 800 рублей, а с продажи хлеба, хотя и не всякой год, 500 р. и более. В Акше климат прекрасной; Азиатские товары довольно дешевы, за то Европейские, самые простые, напр. мыло, чудовищно дороги. Однако я бы никогда не стал перепрашиваться из Акши в Курган, еслибы не лишился вдруг и отчасти самым ужасным образом лучшей части моих доходов: незабвенный мой Пронюшка Истомин упал с кабриолета и размозжил себе голову; а вслед за тем семейство Разгильдеевых выехало из Акши в Кяхту. В 43-м и 44-м годах, в добавок, сделался неурожай; в 43-м я не выходил с серпом в поле: все до тла выжгло; в 44-м не воротил я и своих семян. После отбытия Разгильдеевых каждая книга стала в Акше каким-то неслыханным явлением, какою-то кометою: ее завозил разрозненную, растрепанную и засаленную какой-нибудь пьяный заседатель. Выпросишь ее хоть на ночь и читаешь прошлогоднюю перебранку гг. Булгарина и Полевого. В 45-м году мне разрешили переехать в Курган. В Кургане много хорошего: климат прекрасный, все очень дешево, есть люди, есть книги, но доходов ровно никаких и, в добавок я и слеп. Здесь в Тобольске лечусь

и доедаю так сказать mes économies d'Akcha. * Предвидя совершенную нищету себе и своему семейству, я в третий месяц своей болезни, а именно, как я вам сказал — 20 Декабря прошлого года, обратился с письмом к графу Орлову (при письме было письмо и к вам, с полным списком моих сочинений); писанное графу Орлову было таково, что, кажется, и камень от него бы тронулся. Оно, вы отгадаете, заключало две просьбы: во-первых, чтоб сам граф благоволил войти представлением об разрешении печатать мне свои стихи и прозу, или, по крайней мере, напечатать хоть третью часть Ижорского, которого две первые части еще в 35 году государь император изволил приказать напечатать в III отделении собственной своей канцелярии. Вторая просьба состояла в том, чтоб сделал милость граф Алексей Федорович и непременно доставил вам, моему благородному другу, строки, где говорю от души к душе, и к душе Жуковского. Граф отказал мне в первой просьбе, полагаю он не исполнил и второй. Отказ его заключается в следующих словах: «В 1840 году граф А. Х. Бенкендорф входил с представлением о разрешении Кюхельбекеру печатать безыменно его сочинения и переводы, и получил ответ, *что еще не время*. Вот почему граф А. Ф. Орлов не осмелился войти представлением о том же предмете». Но с 40-го года прошло шесть лет; из сильного и бодрого мужчины я стал хилым, изнуренным лихорадкой и чахоточным кашлем стариком, слепцом, которого насилу ноги носят. Когда же настанет это время? Мои дни сочтены: ужели пущу по миру мою добрую жену и милых детей? Говорю с поэтом, и сверх того полуумирающий приобретает право говорить без больших церемоний: *я чувствую, знаю, я убежден совершенно, точно также, как убежден в своем существовании*, что Россия не десятками может противопоставить Европейцам писателей, равных мне по во-

* Мои Акшинские сбережения.

ображению, по творческой силе, по учености и разнообразию сочинений. Простите мне, добрейший мой наставник и первый руководитель на поприще Поэзии, эту мою гордую выходку! Но, право, сердце кровью заливается, если подумаешь, что все, все мною созданное, вместе со мною погибнет, как звук пустой, как ничтожный отголосок! Спасите, мой друг и старший брат по Поэзии, теперь покуда хоть третью часть Ижорского: откройте мне средство доставить вам ее, вместе с выправленным экземпляром первых двух отделений. Faites en s'il est possible une seconde édition, qui seule aura sens complet; ce n'est que la troisième partie qui le donne à l'ouvrage, qui sans cela reste un monstre. * Потом вступите, если возможно, в сношение с генералом В. А. Глинкою, начальником Уральского хребта, моим лучшим, испытанным в счастии и несчастии другом. Вы вдвоем придумаете, что можно будет еще сделать; я на вас совершенно полагаюсь, как на одного из благороднейших, из самых добродушных людей, каких я знавал, как на поэта, как на Жуковского. Удастся, слава богу; не удастся, не вы виноваты: воля божия!

Целую вас.
Вильгельм.

Адрес: «Его превосходительству, милостивому государю Василию Андреевичу Жуковскому».

---

* Сделайте, если возможно, второе их издание, которое одно будет иметь полный смысл, получаемый сочинением лишь с третьею частью, без коей оно чудовищно.

II

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ИМ ДЛЯ СОБРАНИЯ ЕГО СОЧИНЕНИЙ, ОТПРАВЛЕННЫЙ ИМ В 1845 г. К В. А. ЖУКОВСКОМУ. [1]

Театральные пиесы: «*Ижорский*», трагедия-мистерия;* «*Иван — купеческий сын*»; «*Нашла коса на камень*», фарс;* «*Шекспировы духи*» — комедия;* «*Падение дома Шуйских*», историческая драма; «*Прокопий Ляпунов*», историческая драма; «*Возвращение молодого Товия*», пастораль; «*Архилох*», — трагедия; «*Аргивяне*», — трагедия. [2]

Переводы: «*Макбет*», три первых действия; «*Ричард II*»; первая и вторая части «*Генриха IV*»; «*Ричард III*»; «*Венецианский купец*», первое действие.

Рассказы в стихах: «*Давид*», поэма в десяти книгах; «*Юрий и Ксения*», поэма в шести песнях; [3] «*Сирота*», поэма в пяти разговорах; [3] «*Зоровавель*», поэма в трех частях; «*Семь спящих отроков*», поэма в двух частях; «*Святополк*», поэма в трех частях; «*Вечный жид*», — пять отрывков. **

Рассказы в прозе: «*Последний Колонна*», роман в 2-х частях; «*Семинарист*», начало романа; «*Дети генерала Ла Гранжа*», начало романа; «*Адо*», * повесть напечатанная в «Мнемозине», теперь исправленная; «*Путешествие на луну*»,* рассказ, напечатанный в «Мнемозине»; повесть, которой заглавие не помню, напечатана в «Невском Зрителе». [4]

---

[1] Список этот был опубликован Н. Дубровиным в «Рус. Старине» (1902 г., т. CX, стр. 45—119). Звездочкой нами отмечены произведения Кюхельбекера, напечатанные при жизни поэта, двумя звездочками—напечатанные посмертно. См. также стр. 362 наст. изд.

[2] Из этой трагедии были напечатаны при жизни Кюхельбекера только отрывки («Мнемозина», ч. II, 1824, и «Соревнователь» 1825, чч. 30 и 31).

[3] Два отрывка из поэмы «Юрий и Ксения» и посвящение поэмы «Сирота» А. С. Пушкину были опубликованы Балицким в «Собрании стихотворений Кюхельбекера».

[4] «Осада города Обиньи» («Невский Зритель» 1820, ч. I, март).

Лирические стихотворения: Духовного содержания: гимны, оды, песни, переложения псалмов и других мест св. писания, сонеты, легенды и элегии; светские: оды, песни, элегии, послания, баллады, сонеты, епитафии, гимны — всего около 200 нумеров.[1]

Критика и эстетика: «*Подробный разбор исторических драм Шекспира*»; «*Описание Дрезденской галлереи*»,* напечатанное в «Мнемозине» и теперь исправленное; с десяток критик, напечатанных в «Conservateur Impartial», в «Сыне Отечества», в «Невском Зрителе» и в «Мнемозине»; «*Письмо к молодому поэту*», переделка из Виланда. *

Филология: Статьи о русском языке; «*Жители Забайкалья и Закаменья*».

Богословие и правоучительные сочинения: «*Толкование на молитву господню*»; «*Смерть*», переделка проповеди Гердера; «*Двенадцать писем*, названных *Европейскими*», * напечатаны прежде. «*Извлечения*» из моего дневника, которые только-что начаты и вероятно составят пять или шесть больших томов. Эти извлечения состоят из замечаний о книгах, которые я читал в последние 20 лет и местами из собственных размышлений; касаются они религии, философии, особенно Шеллинговой и Спинозовой, поэзии, эстетики, филологии и грамматики, особенно языков: русского, греческого и английского; истории и этнографии.

«*Прежние письма мои*» к Дельвигу из за границы. *

---

[1] Стихи Кюхельбекера печатались в следующих журналах и альманахах: 1815 г. — «Амфион»; 1817—1824 гг. — «Сын Отечества», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Благонамеренный», «Невский Зритель», «Полярная Звезда», «Мнемозина». Кроме того, несколько стихотворений Кюхельбекера были помещены в «Собрании образцовых русских сочинений» 1822 г.; в 1824 г. отд. изд. вышло стихотворение Кюхельбекера «Смерть Байрона»; в 1829 г. три стихотворения Кюхельбекера были напечатаны Дельвигом в «Северных цветах». — О посмертных публикациях см. на стр. 16 наст. изд.

П Р И М Е Ч А Н И Я

К стр. 25.

George-Gordon Noel, Lord Byron (1787 — 1824) — величайший британский поэт, сыгравший огромную роль в истории европейских литератур начала XIX века. Едва ли не более всего его влиянием отмечена русская поэзия двадцатых годов прошлого века (о русском байронизме см. труд В. М. Жирмунского «Байрон и Пушкин» Л. 1924 и др.). Кюхельбекер представляет в России оппозицию чрезмерному увлечению Байроном и подражательному характеру произведений русских байронистов. Ценя гений британского поэта, он вместе с тем отказывался поставить «однообразного» и «лирически-пристрастного» Байрона на одну доску с «эпическими» и «всеобъемлющими» Гомером и Шекспиром. Разгар полемики Кюхельбекера, направленный против Байрона, особенно же против его подражателей относится к 1824 г.: «Обыкновенно ставят на одну доску», — возмущался он, — «огромного Шекспира и однообразного Байрона» («Мнемозина», II, стр. 41) «. . . Безымянные, отжившие для всего брюзги . . . у . . . Байрона (Child-Harold) надеюсь — далеко не стоят не только Ахилла Гомерова, ниже Ариостова Роланда, ни Тассова Танкреда, ни славного Сервантесова Витязя печального образа» (ibid., стр. 40). В ответе на замечания Булгарина Кюхельбекер развивает и поясняет свою мысль: «Байрон однообразен и доказать сие однообразие не трудно. — Он живописец нравственных ужасов, опустошенных душ и сердец раздавленных: живописец душевного ада; наследник Данта, живописца ада вещественного. И тот и другой однообразны: *Чистилище* Дантово слабое повторение его *Тартара; Гяур*, *Корсар*, *Лара*, *Манфред*, *Чайльд-Гарольд* Байрона — повторения одного и того же страшного лица, отъемлющего своим присутствием дыхание, убивающего и сострадание и скорбь, обливающего зрителя стужею ужаса. Но непомерна глубина мрака, в который нисходит Байрон бестрепетный, неустрашимый. Не смею уравнить его Шекспиру, знавшему все: и ад и рай, и небо и землю — Шекспиру, который один во всех веках и народах воздвигся *равный* Гомеру, который подобно Гомеру есть вселенная картин, чувств, мыслей и знаний, неисчерпаемо глубок и до бесконечности разнообразен, мощен и нежен, силен и сладостен, грозен и пленителен! Не уравню Байрона Шекспиру: но Байрон об руку с Эсхилом, Дантом, Мильтоном, Державиным, Шиллером — и прибавлю, с Тиртеем, Фемистоклом и Леонидом перейдет, без сомнения в дальнейшее потомство» («Мнемозина», III, стр. 172 — 173). Почти одновременно с появлением этих статей (1824) Россия узнала о смерти Байрона. Огорченный и смертью поэта и этим досадным совпадением, Кюхельбекер посвятил смерти Байрона большое стихотворение («Смерть Байрона» — «Мнемозина», III, стр. 190), в том же году вышедшее

отдельным изданием: «Смерть Байрона, стихотворение В. Кюхельбекера». М. 1824, Предисловие — стр. 1 — 3; текст — стр. 4 — 11; приложение: портрет Байрона.

К стр. 25.

Начало знакомства и дружбы Кюхельбекера и Пушкина восходит к октябрю 1811 г., когда оба они были приняты в только - что открытый Царскосельский лицей. Линия личных и литературных отношений Пушкина и Кюхельбекера — запутана и невыяснена окончательно до сих пор; с одной стороны нужно учесть явные выражения взаимной любви и привязанности, пушкинские стихи «Мой брат родной по Музе, по судьбам», а с другой — резкие и злые выпады поэтов друг против друга и крупнейшие литературные разногласия. В лицейские годы дружба Пушкина и Кюхельбекера не раз омрачалась шумными ссорами и взаимными обидами; значительная часть лицейских эпиграмм, сыпавшихся на голову «Кюхли», «Вилли» etc., — принадлежит перу Пушкина. Уже по выходе из лицея — около 1818 года — между друзьями вспыхнула ссора, закончившаяся, повидимому, вопреки заверениям биографов Кюхельбекера («Р. Ст.» 1875, т. XIII, стр. 338), — дуэлью. Поводом к ней послужила известная Пушкинская эпиграмма:

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно,
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.

(см. у П. И. Бартенева в «Р. Арх.» 1866, стр. 1161 — 1162, и в «Рус Речи» 1861, № 94 — «Пушкин в Южной России», — а также в «Современнике» 1863, № 7, стр. 149).

Сближению Кюхельбекера и Пушкина на лицейской скамье в значительной степени способствовало и то обстоятельство, что оба они были поэтами, оба рано начали свою литературную жизнь. В лицее Кюхельбекер считался по авторитетному заверению его товарища Модеста Корфа — одним из первых поэтов, стоявших непосредственно после Пушкина и выше Дельвига. Своеобразный уклон литературной деятельности Кюхельбекера, проявившийся уже в лицее в подчеркнутом его интересе к немецкой и античной поэзии, а также его бо́льшая, нежели у других лицеистов, эрудиция — завоевали внимание молодого Пушкина. Пушкин рано оценил блестящие дарования и острый критический ум Кюхельбекера и назвал позднее своего товарища — «живым лексиконом и вдохновенным комментарием».

Ю. Г. Оксман любезно поделился с нами своими соображениями относительно того, что известное послание «К другу стихотворцу» («Арист! и ты в толпе служителей Парнасса!»), которым дебютировал Пушкин в печати (апрель 1814 г., «Вестник Европы», № 13) — обращено к Кюхельбекеру (в прежнее время возможность этого допускал Л. Н. Майков).

Прощаясь с лицеем 9 июля 1817 г., Пушкин обратился к Кюхельбекеру со стихами «Разлука» («В последний раз в сени уединенья, Моим стихам внимает наш пенат, Лицейской жизни милый

брат, Делю с тобой последние мгновенья . . .». В декабре 1818 г Пушкин вторично пишет Кюхельбекеру стихи («Мечтателю») — и в том же году ему отвечает Кюхельбекер в посланиях: «К Пушкину и Дельвигу» («С. О.» 1818, ч. 48, № XXIII, стр. 129 — 130; первоначально в «Благонамеренном» 1818 г., ч. III, № 8, стр. 133 — 135) и «К Пушкину» («Благонамеренный» 1818, ч. III, № 8., стр. 136 — 137). В первом послании Кюхельбекер вспоминает

тройственный союз,
Союз младых певцов, и чистый, и священный

(«Тройственный союз» — Пушкин, Дельвиг и Кюхельбекер), — и посвящает Пушкину следующие стихи:

. . . мой огненный, чувствительный певец
Любви и доброго Руслана,
Тебе, на чьем челе предвижу я венец
Арьоста и Парни, Петрарки и Баяна.

В мае 1820 г., когда Пушкин был выслан на юг, — Кюхельбекер написал стихотворения «Поэты» («Соревнователь Просвещения и Благотворения» 1820, IV, стр. 78), вызвавшее донос известного впоследствии деятеля русского просвещения В. Н. Каразина министру внутренних дел гр. В. П. Кочубею — на Пушкина и Кюхельбекера (см. «Р. Ст.» 1899, май; также примечание Александра Блока к стихотворению Пушкина «Разлука» — в I томе собрания сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова). В этом стихотворении, обращенном к друзьям-поэтам Дельвигу и Боратынскому, — Кюхельбекер писал, между прочим:

Так не умрет и наш Союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастьи и в несчастьи твердый,
Союз любимцев вечных Муз!
О, вы, мой Дельвиг, мой Евгений!
С рассвета ваших тихих дней
Вас полюбил небесный гений!
И ты, — наш юный Корифей, —
Певец любви, певец Руслана! . . .

В мае 1822 г. Пушкин получил от Кюхельбекера письмо в стихах и сообщил Н. И. Гнедичу: «Кюхельбекер пишет мне четырехстопными стихами, что он был в Германии, в Париже и на Кавказе, и что он падал с лошади» (Переписка Пушкина, изд. Ак. Н., т. I, стр. 44). Сам Кюхельбекер, сообщая эти стихи в письме к Жуковскому, писал: «. . . прилагаю при сем безделку, которую написал к Пушкину, прочитав его Кавказского Пленника . . .»:

Мой образ, друг минувших лет,
Да оживет перед тобою!
Тебя приветствую, Поэт!
Одной постигнуты судьбою,
Мы оба бросили тот свет,
Где мы равно терзались оба,

Где клевета, любовь и злоба
Размучили обоих нас.
. . . .
На Рейнских, пышных берегах,
В Лютеции, в столице мира,
В Гесперских радостных садах,
На смежных небесам горах,
О коих сладостная лира
Поет в златых твоих стихах,
Близь древних рубежей Персиды,
Средь томных северных степей —
Я был добычей Немезиды,
Я был игралищем страстей!
Но не ропщу на Провиденье:
Пусть кроюсь ранней сединой
Я молод пламенной душой;
Во мне не гаснет вдохновенье.
И по нему, товарищ мой,
Когда средь бурь мятежной жизни,
В святой мы встретимся отчизне,
Пусть буду узнан я тобой.

(См. «Р. Арх.» 1871, т. I, стр. 0170 — 0171.)

Отход Кюхельбекера от литературных позиций Пушкина и его кружка, определившийся около того времени, его сближение с Грибоедовым, внушившим ему пристрастие к «библейской» поэзии — все это было остро воспринято Пушкиным: «Читал стихи и прозу Кюхельбекера» — писал он брату Льву Сергеевичу 4 сентября 1822 г. из Кишинева — «что за чудак! Только в его голову могла войти жидовская мысль воспевать Грецию, великолепную, классическую, поэтическую Грецию, где все дышет мифологией и героизмом, славянорусскими стихами, целиком взятыми из Иеремии. Что бы сказал Гомер и Пиндар? Но что говорят Дельвиг и Боратынский? Ода к Ермолову лучше, но стих:

Так пел в Суворова влюблен Державин

слишком уж греческий. Стихи к Грибоедову достойны поэта, некогда написавшего: «Страх при звоне меди заставляет народ устрашенный толпами стремиться в храм священный. Зри, боже! Число великий, унылых тебя просящих сохранить им цель труд, многим людям принадлежащий», и проч. Справься об этих стихах у Дельвига» (Переписка Пушкина, изд. Ак. Н., т. I, стр. 51). Приведенные Пушкиным стихи — один из курьезных начальных опытов Кюхельбекера в русском стихотворстве, — перевод «Грозы» Сен-Ламбера, помещенный в лицейском журнале, вероятно в насмешку над автором. Отдельные стихи из послания Кюхельбекера «Грибоедову» (напр. «резвоскачущая кровь») Пушкин пародировал в своей «Оде его сиятельству графу Хвостову» (1825), переключая пародию на одический стиль Кюхельбекера вообще; объектом послужила ода Кюхельбекера «Смерть Байрона», написанная с явной ориентацией на архаический стиль; имя Байрона Кюхельбекер в своей оде свя-

зал с именем Пушкина (см. строфы V — VI). Этому вопросу посвящена отдельная работа Ю. Н. Тынянова «Ода его сиятельству графу Хвостову» (Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова» 1923, стр. 75 — 92).

Но, несмотря на все это, в 1824 г., когда Кюхельбекер в сотрудничестве с кн. В. Ф. Одоевским издавал альманах «Мнемозина», Пушкин неоднократно справлялся о его издательских делах и дал обещание прислать в «Мнемозину» стихи: «Кюхельбекер едет сюда — жду его с нетерпением . . . Дал ли ты ему Разбойников для «Мнемозины» (кн. Вяземскому из Одессы 15 июля 1824 г. — Переписка, т. I, стр. 125. — Кюхельбекер в Одессу не поехал. *В. О.*). В «Мнемозине» было напечатано пять стихотворений Пушкина: «Вечер», «Мой демон», «К морю», «Татарская песня» (из «Бахчисарайского фонтана», с музыкой кн. В. Ф. Одоевского) и «Слеза» (с музыкой М. Л. Яковлева). Пушкин писал потом: «Не стыдно ли Кюхле напечатать ошибочно моего Демона! Моего Демона! После этого он и верую напечатает ошибочно. Не давать ему за то ни Моря, ни капли стихов от меня» (Переписка, т. I, стр. 154 — 155). В январе 1825 г. Пушкин писал Вяземскому: «Что мой Кюхля, за которого я стражду, но все люблю? Говорят его обстоятельства не хороши — чем не хороши?» (Переписка, т. I, стр. 169).

В апреле 1825 г. уже в Михайловской ссылке Пушкин ждал к себе гостей Дельвига и Боратынского и надеялся, что они привезут с собою и Кюхельбекера, «который верно сердится на меня, за то, что мне не по нутру *Резвоскачущая кровь Гриб-а* (ibid., стр. 202). Около того же времени Рылеев писал Пушкину в Михайловское: «В субботу был я у Плетнева с Кюхельбекером и с братом твоим. Лев прочитал нам несколько твоих стихотворений. . . Можешь себе представить, что делалось с Кюхельбекером. . . Как он любит тебя! . . . (ibid., стр. 205).

В 1825 г. вышла комедия Кюхельбекера «Шекспировы Духи», сохранившаяся в библиотеке Пушкина с дарственной надписью автора: «Другу Александру от Кюхельбекера» и с отчеркнутыми карандашем страницами предисловия (см. Б. Л. Модзалевский — «Библиотека Пушкина стр. 56, № 206.). Получив комедию, Пушкин писал Кюхельбекеру в первой половине декабря 1825 г.: «Нужна ли тебе моя критика? Нет! Неправда ли? все равно; критикую: ты сознаешься, что характер поэта неправдоподобен; сознание похвальное, но надобно бы сию неправдоподобность оправдать, извинить в самой комедии, а не в предисловии. Поэт мог бы сам совеститься, стыдиться своего суеверия: отселе новые комические черты. Зато Калибан — прелесть. Непонимаю что у тебя за охота пародировать Ж-го. Это простительно Цертелеву, а не тебе. Ты скажешь что насмешка падает на подражателей а не на него самого. Милый, вспомни что ты, если пишешь для нас, то печатаешь для черни; она принимает вещи буквально. Видит твое неуважение к Ж. и рада etc.» . . . «Ты видишь, мой милый, что я с тобой откровенен по прежнему; и уверен, что этим тебя не рассержу: но вот чем тебя рассержу: Кн. Шихматов несмотря на твой разбор и смотря на твой разбор, бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля. . . ай, ай, больше не буду! не бей меня». (Переписка, т. I, стр. 315—316. Ж.—Жуковский; «твой раз-

бор» — статья Кюхельбекера о поэме Шихматова «Петр Великий». *В. О.*). Письмо это Кюхельбекеру прочесть не удалось; оно пришло в Петербург накануне, или в самый день 14 декабря. В письме к Плетневу, написанном очевидно в тот же день, что и предыдущее, Пушкин отозвался о «Шекспировых Духах» весьма резко: «Кюх. . . духи дрянь; стихов хороших очень мало, вымысла нет никакого. Предисловие одно порядочно. Не говори этого ему он огорчится» (ibid., стр. 314).

Пушкин всегда был высокого мнения о критическом даровании Кюхельбекера. См. напр. в письме к Вяземскому (от 1825 г.): «Мне жаль, что от Кюх. отбили охоту к журналам, он человек дельный с пером в руках — хоть и сумасброд» (ibid., стр. 259), — или к Бестужеву (1825): «Сколько я не читал о Романтизме, все не то; даже Кюхелб. врет» (ibid., стр. 308).

Литературные расхождения Кюхельбекера и Пушкина, о которых сам Кюхельбекер говорит с достаточной откровенностью (см. напр. запись в Дневнике от 17 января 1833 г. на стр. 88 наст. изд.) определили собой ту независимость и смелость, с какой Кюхельбекер открыто нападал в печати и в письмах на своего лицейского товарища. Напр.: «Пушкин без сомнения превосходит большую часть русских современных ему стихотворцев: но между лилипутами не мудрено казаться великаном» («Разговор с Ф. В. Булгариным» — «Мнемозина» III, стр. 169 — 170); или об «Онегине»: «Господина Онегина (иначе же нельзя его назвать) читал: есть места живые, блистательные: но ужели это поэзия?. . .» (Из письма к кн. В. Ф. Одоевскому от 5 апреля 1825 г., см. в «Р. Ст.» 1904, № 2, стр. 380). Неустойчивость литературных симпатий Кюхельбекера — общеизвестна; так же изменилась впоследствии его оценка «Онегина», см. стр. 42 наст. изд. (запись в Дневнике от 21 февраля 1832 г.).

Боевая статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии etc.» («Мнемозина», II) не могла, конечно, не привлечь к себе внимание Пушкина, которому было отведено в ней не последнее место (Кюхельбекер выдвигал вперед поэму «Руслан и Людмила», как «подающую великие надежды», и строго отзывался о «Кавказском пленнике» и элегиях Пушкина). Пушкин не замедлил откликнуться на статью Кюхельбекера: см. предисловие к первой главе «Евгения Онегина» (1824); стихотворение «Соловей и кукушка» (1825) и особенно заметку «О вдохновении и восторге», на которую еще П. В. Анненков («Материалы. . .», стр. 257 — 258) указывал, как на возражение на статью Кюхельбекера. В бумагах академика Л. Н. Майкова была в свое время найдена небольшая тетрадка Пушкина, содержащая черновик его замечаний по поводу двух статей Кюхельбекера в «Мнемозине» («О направлении etc.» и «Разговор с Булгариным»). В этих заметках Кюхельбекер назван «человеком ученым и умным». — «Не смотря на то, многие из суждений его [как общие так и частные]» Пушкин полагал «ошибочны[ми] во всех отношениях». Далее Пушкин подробно останавливается на различии восторга и вдохновения и приходит к решительному утверждению: «Гомер неизмеримо выше Пиндара — Ода стоит на низших ступенях поэм, не говоря уже об Эпосе, трагедия, комедия, сатира и все более ее требуют творчества . . . Но *плана* нет в оде и не

может быть. . . *Ода* исключает постоянный труд, без коего нет истинно Великого» (см. «Пушкин и его современники», вып. 36, стр. 34 сл.). Позже на статью Кюхельбекера Пушкин откликнулся в четвертой главе «Онегина» (см. строфы XXXII — XXXIII: «Но тише! Слышишь? Критик строгий повелевает сбросить нам элегии венок убогий...».

Примечательно категорическое утверждение П. А. Плетнева в письме к Я. К. Гроту («Переписка Грота и Плетнева», т. III, стр. 384), что Пушкин «мастерски в Ленском обрисовал лицейского приятеля своего Кюхельбекера». Черновики второй главы «Евгения Онегина» подкрепляют это утверждение характерными для Кюхельбекера чертами, которыми был обрисован первоначально «геттингенец» Владимир Ленский («крикун, мятежник и поэт», «презренье суеты, славолюбивые мечты, ученость, вид немного странный» и др. многозначительные варианты). Историколитературная интерпретация этого утверждения Плетнева дана в исследовании Ю. Н. Тынянова «Архаисты и Пушкин» (в сб. «Пушкин в мир. лит.» на стр. 283 — 286); см. также статью И. Н. Розанова — «Кюхельбекер — Ленский» («Красная Новь» 1926, № 6, стр. 212 — 219).

Не лишен известного интереса и тот факт, что в 1827 г. Пушкин, выбирая эпиграф для своего «Арапа Петра Великого» в одном варианте слегка только перефразировал строфу Кюхельбекера из его «Аргивян» (д. III, явл. 3), точно передав два первых стиха:

.....как облака на небе,
Так мысли в нас меняют легкий образ:
Мы любим и чрез час мы ненавидим;
Что славим днесь, заутра проклинаем!

(см. заметку Ю. Г. Оксмана в сб. «Атеней», I — II, 1924, стр. 164 — 166). Литературным отношениям Пушкина и Кюхельбекера посвящены главы в двух исчерпывающих вопрос работах Ю. Н. Тынянова: «Ода его сиятельству графу Хвостову» и «Архаисты и Пушкин».

19 октября 1825 г. в стихотворении в память основания лицея Пушкин посвятил Кюхельбекеру известную строфу:

. . . .
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было, —
Мой брат родной, по музе, по судьбам? . . .
. . . .
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди, огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи,
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Но «запоздалому другу» не довелось уже придти к Пушкину: 14-ое декабря 1825 г. вырвало Кюхельбекера из литературной и дружеской среды. Как всегда необычайно метко и остро, Пушкин окрестил Кюхельбекера именем французского революционера Анахарсиса Клоотца, — энтузиаста и чудака, казненного в 1794 году; «Анахарсис Кюхля» — вот каким рисовался Пушкину мятежник Кю-

хельбекер. В ответ на сообщение Дельвига: «Наш сумасшедший Кюхля попался etc.» (см. на стр. 336 наст. изд.) он писал: . . .радуюсь что Тевтон Кюхля не был славянин, а охмелел в чужом пиру» (Переписка, т. I, стр. 327). Такое слегка ироническое отношение к «декабризму» Кюхельбекера руководило вероятно Пушкиным и тогда, когда он рисовал веселую карикатуру на длинную несуразную фигуру своего Вильгельма, вооруженного и палашом и пистолетом на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. (См. «Былое», № 25, 1924, стр. 3 — 11, заметка Н. О. Лернера, там же и репродукция карикатуры).

14 октября 1827 г. Пушкин на глухой станции Залазы, возле Боровичей, случайно встретился с Кюхельбекером, которого перевозили из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую. Драматическое описание этой встречи оставил сам Пушкин (см. его известную заметку «Встреча с Кюхельбекером»). Кюхельбекер позднее—в июле 1828 г. — в общем письме к Пушкину и Грибоедову из Динабурга писал: «Свидание с тобою, Пушкин, в век не забуду» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 68), а в 1830 г. вспомнил еще раз: «Помнишь ли наше свидание в роде чрезвычайно романтическом: мою бороду? фризовую шинель? медвежью шапку? Как ты, через семь с половиною лет, мог узнать меня в таком костюме? Вот чего не постигаю!» (ibid., стр. 180. Кюхельбекер не встречался с Пушкиным с 1820 года. *В. О.*). В лицейскую годовщину того же 1827 г. Пушкин в стихах, посвященных товарищам юности, вспомнил и погребенных «в мрачных пропастях земли» Пущина и Кюхельбекера.

Кюхельбекер — в крепостях. Пушкин беспрестанно заботится о своем несчастном товарище. В 1834 г. он обращается в III отделение с просьбой о «позволении доставить Вильгельму Кюхельбекеру экземпляр всех моих сочинений» (Переписка, т. III, стр. 119). Книги Кюхельбекеру он, согласно утверждению самого Кюхельбекера (см. ниже) — пересылал; велась между ними и переписка, до нас, к сожалению, не дошедшая (в значительнейшей своей части). В 1833 г. Кюхельбекер посвящает Пушкину свою поэму «Сирота» (см. запись в дневнике от 22 ноября 1833 г. на стр. 149 наст. изд.) В 1835 г. Пушкину наконец удалось — после пятилетних, повидимому, стараний (см. письмо Пушкина к Бенкендорфу 1831 г.; — Переписка, т. III, стр. 240) — напечатать анонимно две первые части мистерии Кюхельбекера «Ижорский»; в том же 1835 г. он писал П. А. Осиповой: «. . .Император явил милость свою многим из заговорщиков 1825 года, между прочим и моему бедному Кюхельбекеру. По указу должен он быть поселен в Южной части Сибири. Страна прекрасная, но я желал бы знать, что он поближе к нам. . .» (Переписка, т. III, стр. 260; приводим в переводе с франц.).

Кюхельбекер в Сибири, на поселении. Переписка продолжается. 12 февраля 1836 г. Кюхельбекер пишет Пушкину из Баргузина: «Двенадцать лет, любезный друг, я не писал к тебе. . . (sic! очевидно, Кюхельбекер не решался вспоминать о своей прежней — нелегальной — переписке с Пушкиным. *В. О.*). «Не знаю, как на тебя подействуют эти строки; они писаны рукою когда-то тебе знакомою; рукою этою водит сердце, которое тебя всегда любило, но двенадцать

лет не шутка. Впрочем *мой* долг прежде всех лицейских товарищей вспомнить о тебе, в минуту, когда считаю себя свободным писать к вам; *долг*, потому что и ты же более всех прочих помнил о вашем затворнике. Книги, которые время от времени пересылал ты ко мне, во всех отношениях мне драгоценны. Раз, они служили мне доказательством, что ты не совсем еще забыл меня, а во вторых приносили мне в моем уединении большое удовольствие. . . Верь, Александр Сергеевич, что умею ценить и чувствовать все благородство твоего поведения: не хвалю тебя и даже не благодарю, потому что должен был ожидать от тебя всего прекрасного; но клянусь, от всей души радуюсь, что так случилось». (Переписка Пушкина, т. III, стр. 278 — 279.) В письме к Жуковскому от 24 мая 1838 г. Кюхельбекер назвал Пушкина своим другом «под конец жизни чуть ли не единственным. Ныне кто (особенно из пишущей братии) примет во мне такое живое, сердечное, деятельное участие, какое Пушкин принимал во мне — узнике, а потом изгнаннике («Р. Арх.» 1871, т. I, стр. 0176).

В апреле 1836 г. III отделение узнало, что Пушкин получил от Кюхельбекера письмо; немедленно же Пушкину было послано следующее предписание: «Милостивый государь, Александр Сергеевич! Его сиятельство граф Александр Христофорович (Бенкендорф. *В. О.*) просит вас доставить к нему письмо, полученное вами от Кюхельбекера, и с тем вместе желает непременно знать через кого вы его получили etc.». («Переписка, т. III, стр. 304; там же — на странице 305 — ответ Пушкина). Ответные письма Пушкина к Кюхельбекеру в Сибирь, к сожалению, до нас не дошли; на то, что они были, указывает начало второго из уцелевших писем Кюхельбекера сибирского периода: «Признаюсь любезный друг, что я, было, уже отчаялся получить ответ на письмо мое; но тем более я ему обрадовался; жаль только, что при нем не было первой книжки твоего журнала: я ее не получил» (Переписка, т. III, стр. 359). Журнал, посланный Пушкиным и не полученный Кюхельбекером — пушкинский «Современник»; в том же письме Кюхельбекер, очевидно в ответ на предложение Пушкина, писал: «Участвовать в твоем журнале я рад. Мои условия: по 24 листа печатных или по 12 статей в стихах и в прозе в год за 2000 или 1500; разумеется, что мелкие стихотворения не в счет. Не дорого ли?» Последнее из дошедших до нас писем Кюхельбекера к Пушкину датировано 18-м октября 1836 г. Сообщая о предстоящей своей женитьбе (см. стр. 360 наст. изд.), Кюхельбекер посылает Пушкину свои стихи «19 Октября», где ему посвящены следующие строфы:

Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? Как перуны
Сибирских гроз, его златые струны
Рокочут. . . Песнопевец, это ты!
Твой образ — свет мне в море темноты.
Твои живые, вещие мечты
Меня не забывали в ту годину,
Когда, уединен, ты пил кручину.

Когда ты и, как некогда Назон,
К родному граду простирал объятья,

И над Невою встрепетали братья,
Услышав гармонический твой стон:
С седого Пейпуса, волшебный, он
Раздался, прилетел и прервал сон,
Дремоту наших мелких попечений,
И погрузил нас в волны вдохновений.

Весть о смерти Пушкина дошла до Кюхельбекера очевидно в мае 1837 г.; тогда же им было написано стихотворение «Тени Пушкина» (см. «Литературный Вестник» 1902, кн. 2). Помянул его Кюхельбекер и в замечательном своем стихотворении «Блажен кто пал как юноша Ахилл» (см. стр. 244 наст. изд.):

...И вот опять Лицея день священный,
Но Пушкина уже меж вами нет!
Не принесет он новых песней вам,
От них не затрепещут груди ваши,
Не выпьет с вами он заздравной чаши,
Он воспарил к заоблачным друзьям.
Он ныне с нашим Дельвигом пирует,
Он ныне с Грибоедовым моим . . .

Тогда же, 20 октября 1838 г. Кюхельбекер писал своей племяннице Наталье Григорьевне Глинке (см. «Р. Арх.» 1901, № 6, стр. 239—240): «Вчера была наша лицейская годовщина. Я праздновал ее совершенно один: делиться было не с кем . . . я принялся сочинять, если только можно назвать сочинением стихи, в которых вылились чувства, давно уже просившиеся на простор. . . Много, может-быть, между пишущей молодежью людей с бо́льшим талантом, чем я, но, по крайней мере, в этот день я преемник лиры Пушкина, и я хотел оправдать в своих глазах покойного поэта, хотел доказать хоть не другому кому, так самому себе, что он не совсем же даром сказал о Вильгельме:

Мой брат родной по Музе, по судьбам.

К стр. 26.

Johann-Christoph-Friedrich von Schiller (1759 — 1805) — знаменитый немецкий поэт и драматург.

Отношение Кюхельбекера к Шиллеру, повидимому, еще более отрицательное, чем к Байрону: «Обыкновенно ставят на одну доску», писал он в 1824 г., — «великого Гёте и недозрелого Шиллера. . .» («Мнемозина, II, стр. 41). В «Разговоре с Булгариным» Кюхельбекер пространно развивает эту мысль: «Шиллерова поэтика не без предрассудков; предубеждения его противу великих французских трагиков известны. Драматург Шиллер в младшем графе Море, в Дон-Карлосе и маркизе де Поза, в Максе, в лицах, которые изобразил с самою бо́льшею родительскою (сочинительскою) нежностью (con amore) представляет себя, одного себя только по чувствам и образу мыслей, бывшим его *собственными в разных* эпохах его жизни. Шиллер перескакивал от Поэзии к Истории, от Истории к Поэзии, от Трагедии Шекспировой к Дидеротовой Драме и Гоцциевым маскам, от прозы к стихам и наконец от новейших к древним, — не с вну-

треннпм сознанием собственных сил — стяжанием мужа, но с беспокойством юноши. В доказательство приведу только его *Тридцатилетнюю Войну и Освобождение Нидерландов*, исполненные блестков, противоположностей, витиеватости, вовсе не исторических; его *Марию Стуарт*, которая не есть ни История, ни Трагедия; его *Коварство и Любовь*, где Шекспир и Дидерот, ужас и проза, ходули и низость нередко встречаются на одной и той же странице; реторические тирады, которые иногда попадаются даже в *Валленштейне*, в лучшем Шиллеровом творении; наконец его *Мессинскую Невесту* в которой он вдруг Иокасту Еврипидову, хор и роковое предопределение Греков переносит в средние века, в лоно Христовой Церкви, в Сицилию, покорную северным завоевателям. Шиллер почти никогда не перестает быть Европейцем, немцем XVIII столетия; а если где и подражает древним,—то не у места и не кстати: Кассандра его— живая Немка. В так называемых балладах: *Ивиковы Журавли*, *Порука*, *Кольцо Поликратово*, *Торжество* (das Siegesfest), в переводе 2 и 4 песни Энеиды, он заставляет Музу древней Эллады и Авзонии распевать Оттавы-римы, Стансы и Куплеты на Итальянскую стать, а сверх того краски Греческих местностей и нравов Греческих разводит северною водою, многословием, и в первых четырех описаниями, едва ли не Делилевскими. В *Колоколе* (die Glocke, творении,— скажем мимоходом — изобилующем превосходными стихами, но рожденном не вдохновением, а подобно мозаику, по прозаическому предначертанию слепленном из частей совершенно разнородных) в Колоколе напротив Князь Теней, Айдес Греков является с тем, чтоб похитить с земли Немецкую мещанку (Ach! die Gattin ist's, die Theure! Ach! es ist die treue Mutter, Die der schwarze Fürst der Schatten Wegführt aus dem Arm des Gatten! . . . Denn sie wohnt im Schattenlande! и проч.). Далее в Дон-Карлосе характеры: Филиппа, Позы и Карлоса составлены по немецкому же образцу; они не могли существовать ни на престоле, ни близь оного, а еще менее под небом полуденным. Иоанна Д'Арк в конце третьего и в начале четвертого действия своею невозможною и не поэтическою любовью к Лионелю возмутит всякого просвещенного читателя. В Лирических стихотворениях Шиллера господствует *одна* мысль, или лучше сказать, *одно* чувство — предпочтение духовного (идеального) мира существенному, земному: чувство без сомнения высокое, истинно Лирическое: но им ли одним должна ограничиться Поэзия? Одностороннее, не показывает ли оно феорию одностороннюю же? Сие чувство лет десять повторяется во всех почти произведениях Русского Парнаса писателями, отголосками Жуковского, Шиллерова отголоска: но, как возмужалый только Гений может иметь учеников, состязающихся с ним, а не рабски ему подражающих . . . позвольте . .. усомниться в истинном достоинстве и прочном бессмертии сей Германо-Русской школы. Конечно, Шиллер усовершенствовался бы и созрел, если бы жизнь его продлилась долее: Валленштейн и Вильгельм Тел уже являют мощного, счастливого соперника шекспирова, соперника, который может быть, воссел бы рядом с сим единодержавным властителем Романтической Мельпомены.—*Валленштейнов стан* в своем роде произведение образцовое и уже не являет ни одного из вышеупомянутых недостатков; но к несчастью

одна ласточка без подруг своих только предвещает, а не составляет еще весны. Итак, почтенный и любезный Ф. В., сами решите, прав ли я или не прав, когда называю Шиллера несозревшим, противополагая ему Гете?» («Мнемозина», IV, стр. 166 — 170).

К стр. 28.

Брат Кюхельбекера — Михаил Карлович (год рождения неизвестен, скончался в 1859 г.) — декабрист, морской офицер, в 1821 — 1824 гг. совершил кругосветное плавание на Камчатку; член Северного Общества, приговорен к каторжным работам на 8 лет (срок был сокращен до 5 лет). По отбытии каторги — был поселен в г. Баргузине, Иркутской губ.; по амнистии 1856 г. восстановлен в правах, но в Европейскую Россию не вернулся. Был женат на баргузинской мещанке А. С. Токаревой и имел шесть дочерей: Иустину, Юлию, Александру, Екатерину, Анну и Анастасию; после смерти М. К. Кюхельбекера четыре из них были усыновлены и воспитаны мужем его племянницы Натальи Григорьевны Глинки — генералом Францем Викентьевичем Одинцом. М. К. Кюхельбекер оставил по себе в Сибири добрую память, он — между прочим — завел в своем доме госпиталь и с успехом лечил окрестных крестьян и поселенцев. В. К. Кюхельбекер посвятил брату много стихотворений; напр.: «Послание к брату» («Минули же и годы заточения»; см. на стр. 239 наст. изд.); «Брату в день его имянин» (Свеаборг, 1833) и др.

Старшая сестра — Юстина Карловна. Была замужем за Григорием Андреевичем Глинкой (1776 — 1818), бывшим профессором русского языка и русской словесности в Дерптском университете (1803 — 1810) и «кавалером» (помощником воспитателя) при великих князьях Николае и Михаиле Павловичах (1811 — 1818); кроме того Г. А. Глинка издал несколько своих переводов с немецкого и французского языков, несколько оригинальных—гл. обр. научных книг и напечатал несколько стихотворений (в 1801 и 1803 гг.). Юстина Карловна имела трех сыновей: Дмитрия, Бориса и Николая Григорьевичей и трех дочерей — Наталью, Александру и Юстину. Все они неоднократно упоминаются Кюхельбекером в Дневнике. Юстина Карловна Глинка была одним из самых близких друзей Кюхельбекера; она занималась его домашним воспитанием и была — по его же определению «второй его матерью»; когда Кюхельбекер был арестован в Варшаве — Юстина Карловна сама отправилась в Петербург дать отчет во всех своих действиях, связанных с побегом брата — «государственного преступника» (она помогла Кюхельбекеру бежать в Варшаву, снабдив его лошадью, слугами и деньгами). Имя Ю. К. Глинки попало в «Алфавит декабристов». И в последующие годы Юстина Карловна все время пыталась облегчить участь Кюхельбекера беспрерывной моральной и материальной поддержкой, а после его смерти в 1845 г. навестила в Тобольске его семью и добилась разрешения взять на воспитание сына и дочь покойного. Кюхельбекер посвятил Ю. К. Глинке несколько стихотворений (см. в издании Балицкого).

Младшая сестра — Юлия Карловна (Julie). Ей посвящено Кюхельбекером стихотворение «На смерть княгини Варвары Сергеевны

Долгоруковой» (см. в издании Балицкого), а также строфы в стихотворении «Закуп»:

«В образе доброй сестры мне посланный ангел-хранитель,
Или забуду тебя, Юлия, сладостный друг . . .».

(Тетрадь стихотворений Кюхельбекера из собрания Пушкинского Дома, № 9228, LIII б, 53—58.)

К стр. 29.

В своих статьях Кюхельбекер неоднократно упоминает имена персидских лириков; см. «Разбор поэмы князя Шихматова: Петр Великий», стр. 259, и «О направлении в нашей Поэзии etc.», стр. 49. Здесь он призывает к изучению восточной литературы: «Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей». — См. также примечания Ю. Н. Тынянова к «Арх. и Пушк.», стр. 392 и стр. 224 наст. изд.

К стр. 31.

Первые образцы русского сонета дали: Тредьяковский (1735), Сумароков (1759), несколько мало известных поэтов XVIII века (напр. С. В. Нарышкин), Жуковский (1806), Туманский (1819), Пушкин (1830), Деларю, Подолинский и др. Но основателем русского сонета следует признать Дельвига, забывшего для него «гекзаметра священные напевы». Нам известно семь сонетов Кюхельбекера: «Рождество», «Пасхальный первый», «Пасхальный второй», «Магдалина у гроба господня», «Вознесение» и «Два сонета» (напечатаны с ошибками в издании Балицкого).

К стр. 32.

Грибоедов, Александр Сергеевич (1795 — 1829) — может быть причислен к самым близким друзьям Кюхельбекера. Знакомство их следует отнести к 1817 г., когда оба писателя одновременно поступили на службу в Коллегию иностранных дел и неоднократно встречались в литературных салонах столицы. Потом пути их разошлись и только в 1821 г. они встретились снова на Кавказе, в Тифлисе. К этому времени и следует приурочить начало их взаимной дружбы и любви (Кюхельбекер встречался с Грибоедовым после 1821 г. еще два раза: в 1823 г. — в Москве и в апреле — мае 1825 г. в Петербурге). Кюхельбекер сам неоднократно подчеркивал факт большого влияния, какое оказывал на него Грибоедов, и ставил своего друга и как писателя и как человека весьма высоко, выше Пушкина, Дельвига и других своих приятелей... В биографии Кюхельбекера («Рус. Стар.», 1875, т. XIII, стр. 343) читаем: «Автор «Горе от ума» понял и оценил Кюхельбекера, который, в свою очередь, привязался к нему со всей горячностью своего пылкого сердца. Грибоедов имел на него громадное влияние; между прочим он указал своему другу на красоты священного писания в книгах Ветхого Завета . . . Стихами, обогащенными «библейскими» образами, Кюхельбекер воспевал в бытность в Тифлисе победы восставших греков над турками». Примечательно то, что друзья Кюхельбекера видели в Гри-

боедове «демона» своего Вильгельма, уводившего его из их литературного лагеря. Дельвиг писал ему: «Грибоедов соблазнил тебя, на его душе грех» («Р. Ст.» 1875, т. XIII, стр. 360), а Туманский прямо указывал: «Какой злой дух, в виде Грибоедова удаляет тебя в одно время и от наслаждений истинной поэзии и от первоначальных друзей своих» (ibid., стр. 375).

Кюхельбекер посвятил Грибоедову свою комедию «Шекспировы духи» (1825) и несколько стихотворений; напр.: «А. С. Грибоедову, при отсылке к нему в Тифлис моих «Аргивян», в котором, между прочим, есть такие стихи:

Поэту я вручу Камен Ахейских дар:
Не он ли воспитал во мне их чистый жар?

(см. в «С. О.» 1823, ч. 84, № X, стр. 128—129, без подписи); «К Грибоедову» (Тифлис, 1821; см. в «Моск. Тел.» 1825, т. I, стр. 118—119); «Памяти Грибоедова» («Когда еще ты на земле дышал, О друг мой незабвенный»,—см. в издании Балицкого, стр. 77, или в издании Верховского — «Поэты-декабристы», стр. 211). Грибоедов в свою очередь отвечал Кюхельбекеру полной взаимностью; в 1821 г., в Тифлисе Кюхельбекер был самым близким для него человеком; одному ему читал он первые главы писавшегося тогда «Горе от ума» и другое, недошедшее до нас драматическое произведение. Он писал Кюхельбекеру после его вынужденного отъезда из Тифлиса — в октябре 1822 г.: «Теперь, в поэтических моих занятиях доверяюсь одним стенам» («Р. Ст.» 1875, т. XIII, стр. 361), а в письме к сестре Кюхельбекера Ю. К. Глинке от 26 января 1823 г. оставил следующие примечательные слова о своем друге: «Я хочу поговорить с вами о человеке, который во всех отношениях лучше меня и который равно дорог как вам, так и мне». (Приводим в переводе с французского, см. «Р. Ст.» 1875, т. XIII, стр. 345). Грибоедов непрестанно заботился о Кюхельбекере; так, напр., в 1825 г. он писал А. А. Жандру и В. С. Миклашевич: «. . . сто раз благодарю вас, что нянчите Вильгельма, чур не заглядываться, тотчас треснется головою об пол» (см. Собр. соч. А. С. Грибоедова, изд. Ак. Н., т. III, стр. 168). Тогда же, в мае 1825 г., Грибоедов пытался устроить Кюхельбекера на службу и писал своему приятелю С. Н. Бегичеву: «Журналисты повысились в моих глазах 5 процентами, очень хлопочут за Кюхельбекера, приняли его в сотрудники (речь идет повидимому о Булгарине и Грече. *В. О.*) и кажется удастся определить его к казенному месту. У Шишкова не удалось, в Почтамте тоже и в Горном Департаменте, но где-нибудь откроется щелка» (ibid., стр. 173).

10 июля 1830 г. Кюхельбекер написал из Динабурга общее письмо к «любезным друзьям и братьям, поэтам Александрам» (Пушкину и Грибоедову); см. переписку Пушкина, изд. Ак. Н., т. II, стр. 68.

Имена Грибоедова и Кюхельбекера еще раз неожиданно соединились на страницах судебного дела: уволенный от службы в феврале 1823 г. «по домашним обстоятельствам» из Елизаветградского гусарского полка с чином штабс-ротмистра, дворянин Новгородской губ. кн. Сергей Сергеевич Оболенский был предан суду за дезертирство, неприличную игру в карты и рулетку и за грубое

и дерзкое письмо своему начальнику барону Будбергу. По высочайшей конфирмации 29 декабря 1826 г. он оказался соседом Кюхельбекера по одиночной камере в Динабургском крепостном замке, а в 1828(?) г. был отправлен — в сопровождении урядника Аксюка в Грузию — для определения рядовым в Нижегородский драгунский полк. Повздоривши по дороге с сопровождающим его урядником и слегка ранивши его саблей в бок, Оболенский был обыскан. При обыске у него нашли между прочим несколько шифрованных бумажек и подозрительное письмо; следствие установило, что автором этого письма был Кюхельбекер; Николай I отдал распоряжение: «иметь за Оболенским строжайший присмотр и допросить Кюхельбекера». Кюхельбекер показал: письмо писано им А. С. Грибоедову. На изложенный доклад 13 февраля 1829 г. последовала высочайшая резолюция: «Поставить на вид динабургскому коменданту (Егору Криштофовичу. *В. О.*) — что не должно было ему давать писать». 28 апреля 1830 г. был вынесен строгий приговор по делу Оболенского («Лишив дворянства и княжеского достоинства, также воинского звания, как вредного для службы и нетерпимого в обществе, — сослать в Сибирь на поселение». Высочайшая резолюция гласила: «Быть по сему»). Письмо Кюхельбекера сохранилось в архиве военного суда; приводим его целиком: «Я долго колебался, писать ли к тебе. Но, может быть, в жизни мне не представится уже другой случай уведомить тебя, что я еще не умер, что люблю тебя попрежнему: и не ты ли был лучшим моим другом? Хочу верить в человечество, не сомневаюсь, что ты—ты, тот же, что мое письмо будет тебе приятно: ответа не требую — к чему? Прошу тебя, мой друг, быть, если можешь, полезным вручителю: он был верным, добрым товарищем твоего В . . . в продолжении шести почти месяцев; он утешал меня, когда мне нужно было утешение; он тебя уведомит где я и в каких обстоятельствах. Прости! До свидания в том мире, в который первый вновь заставил меня верить. В. К.» (см. статью А. В. Безродного — «В. К. Кюхельбекер и А. С. Грибоедов. Из дела Главного Военного Суда 1829, № 14.» — в «Ист. Вестн.» 1902, № 5, стр. 596 и сл.).

К стр. 36.

Ширинский-Шихматов, князь Сергей Александрович (1785—1837) — поэт и прозаик, действительный член Академии Наук и «Беседы любителей русского слова». В своих литературных взглядах Шихматов являлся последователем А. С. Шишкова («архаистом»), вместе с последним восставал против перевода Библии на русский язык и, следуя программе Шишкова, представлял в своих произведениях оппозицию «очистителям языка» — карамзинистам. Кюхельбекер необыкновенно высоко ставил Шихматова; он отводил ему место непосредственно после Державина (которого считал первым русским поэтом). В стихотворении «Участь Поэтов» (1821—1823?) он говорил:

Шихматова бесчестит осмеянье,
Клеймит бездушный лепет остряков:
Но будет жить в веках певец Петров!

(Тетрадь Кюхельбекера из собрания Пушкинского Дома, № 9288, LIIIб, 53 — 58.)

В статье «О направлении etc.» Кюхельбекер называет Шихматова: «Поэт, заслуживающий занять одно из первых мест на Русском Парнассе» («Мнемоз.» II, стр. 29). Весной 1825 г. Кюхельбекер готовил большую статью о Шихматове: «Пришли мне Шихматова» — писал он Одоевскому — «одна из главных причин, побудивших меня сделаться журналистом — желание отдать справедливость этому человеку» («Р. Ст.» 1904, № 2, стр. 381). Статья Кюхельбекера, («Разбор поэмы князя Шихматова: Петр Великий») появилась в «С. О.» 1825, ч. 102, № XV, стр. 257—276; XVI, стр. 357—386; здесь он писал: «У нас есть Поэт с дарованием необыкновенным, который (не упоминая уже о других его истинно прекрасных трудах) подарил нас двумя лирическими Эпопеями, из коих одна должна назваться *единственною* по сю пору на языке Русском; а другая менее совершенна, однако же изобилует великими красотами. Пятнадцать уже лет как лучшая из них напечатана, но поныне никто не вздумал отдать ей должную справедливость, между тем, как во всех периодических изданиях гремят похвалы посредственным и дурным переводчикам и подражателям иностранных произведений . . . Говорю о Князе Сергее Александровиче Шихматове, написавшем Поэму: Петр Великий» (стр. 257 — 258); «. . . может быть во всей Российской Словесности нет произведения, которое бы представляло столько *отдельных* красот . . .». (ibid., стр. 262).

К стр. 37.

Friedrich-Wilhelm-Joseph Schelling (1775—1854) — немецкий философ, завершитель трансцендентального или критического идеализма Канта и создатель новой натурфилософии. Чрезвычайное увлечение Шеллинговой натурфилософией и философией искусства пережила вместе с остальной Европой и Россия в двадцатых и тридцатых годах XIX столетия. Идеи Шеллинга излагали с академических и университетских кафедр профессора: Велланский, Галич, Павлов, Давыдов, Надеждин и др. Под сильнейшим влиянием Шеллинга находились почти все «любомудры», лишь впоследствии обратившиеся к гегельянству. Сильным влиянием Шеллинга отмечено и развитие философских воззрений Кюхельбекера. Впервые познакомил Кюхельбекера с мыслями немецкого философа шеллингианец А. И. Галич, преподававший в Царскосельском лицее. В дальнейшем, значительную роль в развитии миросозерцания Кюхельбекера должна была сыграть дружба с кн. В. Ф. Одоевским, убежденнейшим шеллингианцем, одним из образованнейших молодых людей своего времени. — Однако философские занятия Кюхельбекера, по собственному его признанию, никогда не отличались систематичностью. Поэтому даже и любимого своего философа Кюхельбекер, как видно, знал недостаточно, или же — по недостатку философской подготовки — не всегда правильно его понимал. В этом отношении интересна запись в его Дневнике от 26 января 1832 г. (стр. 37 наст. изд.). — Известную мысль Шеллинга, что *природа не вне художника, а в нем самом*, — мысль долженствовавшую обосновать целокупность явлений художественного (künstlerisch) сознания (т. е., *теоретическое утверждение о бытии*), — Кюхельбекер, не колеблясь, принимает за *требование* искрен-

ности, естественности от художника, — за чисто *практический* постулат.

К стр. 41.

Johann-Wolfgang Goethe (1749 — 1832) — знаменитый немецкий писатель. Молодой Кюхельбекер — страстный поклонник Гёте; — он подражает ему («Амур-Живописец», — «Мнемозина», IV, стр. 63 и другие стихотворения); он возмущается тем, что «обыкновенно ставят на одну доску великого Гёте и недозрелого Шиллера» («Мнемозина», II, стр. 41); он его называет единственным романтиком: «. . . в Европе всякую Поэзию свободную, народную стали называть Романтическою. Существует ли в сем смысле Романтическая Поэзия между Немцами? — *Исключая Гете* (курсив наш. *С. Х.*) и только в некоторых немногих его творениях, они всегда и во всяком случае были учениками Французов, Римлян, Греков, Англичан, наконец Итальянцев, Испанцев. — » («Мнемозина» II, стр. 35). Обширное высказывание Кюхельбекера о Гёте находим в его «Разговоре с Булгариным» («Мнемозина» III): «Гёте во 1-х не имеет Шиллеровых предрассудков: ибо рассуждая с Французами и о Французах (как то: в своих отметках о Французских классиках, в разборе Дидеротова сочинения о живописи, в примечаниях к изданной и переведенной им книге Дидерота — *Племянник Рамо)* — не помнит, что он Немец, старается познакомиться, помириться с образом мыслей Французов, сих природных своих противников, проникнуть во все причины, заставляющие их думать так, а не иначе. Во 2-х, он всегда забывает себя, а живет и дышит в одних своих героях. В чем могут убедить каждого его Гец, Тасс, Фауст и даже Вертер. В 3-х он всегда знает чего ищет, к чему стремится. В 4-х с дивною легкостию Гёте переносится из века в век, из одной части света в другую. *В Фаусте и Геце* он ударом волшебного жезла воскрешает XV век и Германию императора Сигисмунда и Максимилиана; в *Германе и Доротее, в Вильгельме Мейстере* мы видим наших современников и современников отцев наших, Немцев столетий XIX и XVIII всех возрастов, званий и состояний. *В Римских Элегиях, в Венецианских Эпиграммах*, в путевых отметках об Италии встречаем попеременно современника Тибуллова, товарища Рафаэля и Бенвенуто Челлини, умного немецкого ученого и наблюдателя; в *Ифигении* он Грек; древний Тевтон в *Вальпургиевой Ночи*; поклонник Брамы и Маоде в *Баядере;* в *Диване*, сколько возможно Европейцу, никогда не бывавшему в Азии—Персиянин!» (стр. 170—172). — В дальнейшем отношение Кюхельбекера к Гёте значительно изменилось (см. запись в Дневнике на стр. 252 наст. изд.). — О своем личном знакомстве с Гёте Кюхельбекер упоминает в письме к матери из Веймара 17/29 ноября 1820 г.: «В Веймаре я познакомился с великим Гёте; он был ко мне очень милостив и, казалось, весьма интересовался русской литературой. Он хорошо помнит папа́ Брейткопф, расспрашивал о нем с большим участием и подарил мне одно из новейших своих произведений.» («Р. Ст.» 1875, т. XIII, стр. 341 — 342.) Об этой встрече упоминает Гёте в своем дневнике.

К стр. 46.

Полевой, Николай Алексеевич (1796 — 1846) — издатель, романист, журнальный критик и историк. В 1824 — 1825 гг. принимал участие в «Мнемозине» Кюхельбекера и Одоевского (в IV книжке помещена проза Полевого «Спутник Жизни» — стр. 56 сл.); с последним Полевой сблизился в 1824 г. Об отношении Кюхельбекера к Полевому в то время можно судить по следующим строкам из письма его к Одоевскому (сентябрь—октябрь 1825 г.): «. . . вырвись, ради бога, из этой гнилой, вонючей Москвы, где ты душою и телом раскиснешь! — Твое ли дело служить предметом удивления Полевому и подобным филинам? Что за радость щеголять молодыми, незрелыми, неулегшимися еще познаниями перед совершенными невежами? . . .» («Р. Ст.» 1904, № 2, стр. 382 — 383). Впоследствии, как видно из замечаний в Дневнике, мнение Кюхельбекера изменилось в пользу Полевого. Что касается отношения последнего к Кюхельбекеру, то оно всегда было самым благожелательным. В 1825 г. Полевой отзывался о «Шекспировых Духах» Кюхельбекера следующим образом: «Вся пиеса вообще наполнена какою то непритворною веселостью; стихи, несмотря на некоторые негладкости, очень хороши. Завязка доставила сочинителю несколько удачных сцен. Нам кажется только, что характер поэта отделан не совсем отчетливо» («Моск. Тел.» 1825, № 22, стр. 197). Отзыв этот не случаен: в борьбе младших «архаистов» с «очистителями» языка Полевой склонялся на сторону первых. «К этой партии», — писал он в 1833 г. — «принадлежат люди прилежно изучавшие иностранную словесность и убежденные, что прежде всего надобно быть чистым сыном своего отечества, заимствовать силу и краски у своего народа и воскрешать старинный и, если можно, то и древний быт, древний язык, древние понятья потому что, все это в нынешнем русском мире образовано слишком уж по иностранному . . . Это люди, по большей части, основательно учившиеся, глубоко понимающие романтизм и готовые на все прекрасное — только под славянским знаменем. К этому разряду писателей принадлежат почетные имена русской литературы: Грибоедов, Жандр, автор «Ижорского» и некоторые другие. К ним принадлежит и Катенин» («Моск. Тел.» 1833, № 8, стр. 563). В 1836(?) г. Кюхельбекер пытался напечатать в России «Сборник Нравственных Изречений». Сборник этот был отправлен им из Баргузина Н. Полевому через III отделение; Бенкендорф в разрешении печатать отказал (об этом см. глухое упоминание в статье М. Азадовского, в сб. «Сибирь и декабристы», Иркутск 1926, стр. 108). О знакомстве Кюхельбекера с Полевым, см. в Записках Кс. Полевого, 1888, стр. 93.

К стр. 50.

Дельвиг, барон Антон Антонович (1798 — 1831) — поэт, издатель альманахов: «Северные Цветы» (1825 — 1831), «Подснежник» (1829 — 1830, вместе с Е. Аладьиным) и «Литературной Газеты» (1830), товарищ Кюхельбекера и Пушкина по Царскосельскому лицею, одна из центральных фигур литературного мира двадцатых годов. Отношения между Дельвигом и Кюхельбекером

были самые дружеские; дружба их оставила след и в поэзии того и другого: см. хотя бы стихотворение Дельвига «К Кюхельбекеру» (1817?) в сб. «Неизданные стихотворения Дельвига» под ред. М. Л. Гофмана, 1922, стр. 40 — 41, — или упоминание о Кюхельбекере в стихотворении «Тихая жизнь; на приезд трех друзей» (Вольховского, Кюхельбекера и Боратынского, см. у Д. Ф. Кобеко — «Имп. Царскос. Лицей», 1911, стр. 145); а также стихи Кюхельбекера: — «Послание к Дельвигу и Пушкину» 1818 г. («Благонамеренный» 1818, т. III, № 8, стр. 133 — 135, или «Сын Отечества» 1818, ч. 48, № XXIII, стр. 129 — 130), «Дифирамб», посвящен. Дельвигу («С. О.» 1817, ч. 41, № XLII, стр. 152); в 1820 г. Кюхельбекер обратился к Дельвигу и Боратынскому со стихотворением «Поэты» («Соревнователь Просвещения и Благотворения» 1820, ч. IV).

Своими ранними симпатиями к классической поэзии Дельвиг был обязан в первую очередь Кюхельбекеру, который еще в лицее привил ему любовь к германическому направлению в литературе и познакомил его с немецкой и античной поэзией; в письме к Дельвигу из-за границы в 1820 г. Кюхельбекер, рассказывая о том, что он перечитывает немецких поэтов, вспоминал: «эти вечера, мой Дельвиг, меня всякий раз переносят в родной Лицей, в наш фехтовальный зал, где мы с тобой читали тех же самых поэтов» («Мнемозина» IV, стр. 67). Об этом же вероятно вспоминал Кюхельбекер в октябре 1817 г., сразу же по выходе из лицея:

. . . Дельвиг когда мы с тобой
Тайными мыслями, верою сердца менялись, когда мы
В светлом слиянии душ, пламенным летом неслись
Там за пределом миров, в минуты священных восторгов.

(«С. О.» 1817, ч. 41, № XLI, стр. 105 — 106; «Элегия. К Дельвигу».)

Можно предполагать, что Кюхельбекер перевел на немецкий язык оду Дельвига «К Диону» (см. Дельвиг — «Неизд. стих.», стр. 61), а когда Кюхельбекер в 1815 г. готовил издание на немецком языке книгу «О древней Российской Словесности», Дельвиг сообщил об этом читателям «Российского Музеума» письмом к издателю (в т. IV, № 11 за 1815 г.). Связь, т. о., между двумя поэтами была самая тесная; Кюхельбекер относил Дельвига к числу наиболее дорогих для себя людей — вместе с Грибоедовым и Пушкиным:

Он (Пушкин. *В. О.*) ныне с нашим Дельвигом пирует,
Он ныне с Грибоедовым моим,
По ним, по ним душа моя тоскует,
Я жадно руки простираю к ним . . .

В 1820 г. Кюхельбекер по рекомендации Дельвига отправился в заграничное путешествие вместе с А. Л. Нарышкиным, в качестве его личного секретаря. Первоначально место это было предложено самому Дельвигу. Свои путевые впечатления Кюхельбекер опубликовал в виде писем, обращенных к Дельвигу. В исходе 1822 г., когда отход Кюхельбекера под знамена «дружины» Шишкова, Шихматова и др. определился достаточно явно, — Дельвиг писал

ему: «Ах, Кюхельбекер! Сколько перемен с тобою в два-три года... Так и быть! Грибоедов соблазнил тебя, на его душе грех! Напиши ему и Шихматову проклятия, но прежними стихами, а не новыми. Плюнь и дунь и вытребуй у Плетнева старую тетрадь своих стихов, читай ее внимательнее и, по лучшим местам, учись слову и обработке» («Р. Ст.» 1875, т. XIII, стр. 360).

В начале февраля 1826 г. Дельвиг писал Пушкину: «Наш сумасшедший Кюхля попался, как ты знаешь по газетам, в Варшаве. Слухи в Петербурге переменились о нем так, как должно было ожидать всем знающим его коротко. Говорят, что он совсем не был в числе этих негодных Славян, а просто был воспламенен, как длинная ракета. Зная его доброе сердце и притом любовь хвастать разными похождениями, в которые жизнь бросала его, я почти был в этом всегда уверен . . . Как от сумасшедшего от него можно всего ожидать, как от злодея — ничего» (Пушкин, Переписка, изд. Ак. Н., т. I, стр. 323 — 324).

В 1829 г. Дельвиг напечатал в «Северных Цветах» три стихотворения Кюхельбекера: «Ночь», «Луна» и «Смерть», подписанные буквою К.; в том же 1829 г. в альманахе Дельвига «Подснежник» были напечатаны сцены из мистерии Кюхельбекера «Ижорский», — разумеется без обозначения имени автора. В 1830 г. Кюхельбекер послал Дельвигу первую часть своего «Ижорского» (см. стр. 348 наст. изд.) при письме, которое случайно уцелело в бумагах Пушкина (см. «Р. Арх.», 1881, I, стр. 140).

Кюхельбекер высоко ставил Дельвига, как поэта (см. стр 277 наст. изд., запись в Дневнике от 10 мая 1841 г.) и весьма ценил его русские песни. Но Дельвиг подчас весьма резко отзывался о поэтических произведениях Кюхельбекера; так, напр., он писал ему в исходе 1822 г.: «Кассандра твоя — хорошие идеи в сторону — урод; два акта трагедии Тимолеон, которые я читал, имеют много хороших стихов, но хоры однообразны; слишком много поют о Евменидах, а сцены не движутся; не знаю, каковы три последние» («Р. Ст.» 1875, XIII, стр. 360).

К стр. 52.

William Shakespeare (1564 — 1616). Шекспир, «единодержавный властитель романтической Мельпомены» («Разговор с Булгариным», стр. 170) был вместе с Гомером («Шекспир . . . один в веках воздвигся равный Гомеру» — ibidem) «вечным спутником» Кюхельбекера. «Шекспир» — писал он: «вселенная картин, чувств, мыслей и знаний, неисчерпаемо глубок и до бесконечности разнообразен, мощен и нежен, силен и сладостен, грозен и пленителен» (ibid., стр. 172 — 173). Влиянием Шекспира отмечено драматическое творчество Кюхельбекера («Шекспировы духи», «Нашла коса на камень»). Кроме того Кюхельбекер много переводил Шекспира (см. стр. 313 наст. изд.).

К стр. 63.

Жуковский, Василий Андреевич (1778 — 1852) — один из вождей русского романтизма, знамя младших карамзинистов — «очистителей языка», старший соратник Пушкина и его литературных

сверстников. Отношения Кюхельбекера к Жуковскому — и личные и литературные — не отличались особенной устойчивостью. Первоначально, в первые годы по окончании лицея, Кюхельбекер был чрезвычайно близок к Жуковскому, подражал ему в своих поэтических опытах, входил в кружок молодых поэтов (Плетнев, Баратынский, Дельвиг), группировавшихся вокруг Жуковского. Для Кюхельбекера первой поры характерны следующие его слова о Жуковском, как о проводнике германического духа, как о зачинателе нового периода русской литературы: «Жуковский не только переменяет внешнюю форму нашей поэзии, но даже дает ей совершенно другие свойства. Принявши образцами своими великих гениев, в недавние времена прославивших Германию, он дал (выразимся словами одного из наших молодых поэтов) *германический* дух Русскому языку, ближайший к нашему национальному духу, как тот свободному и независимому» (перевод статьи Кюхельбекера «Coup d'oeil sur l'état actuel de la litterature russe» из «Conservateur Impartial» 1817, № 77, помещенный в «В. Е.» 1817, № 17 — 18, стр. 154—157). В 1820 г. Кюхельбекер провозгласил Жуковского «гением, творения которого бы должны быть предметом народной гордости и сладострастием душ высоких и чувствительных» («Невский Зритель» 1820, февраль, стр. 106). — Несколько позднее — в 1823 г., Кюхельбекер посвятил свою поэму «Кассандра» Байрону и Жуковскому. В письме к Жуковскому от 17 февраля 1823 г. он писал о «Кассандре»: «. . . Она посвящена вам и Бейрону!— Возьмите на себя труд в тоже время быть и ее издателем . . . В непродолжительном времени перешлю к вам также небольшой роман, который, быть может, напомнит вам наши былые беседы . . . Изволили вы получить мою трагедию? («Аргивяне». *В. О.*) — Не сделаете ли вы мне милость, не напишете ли вы мне свое о ней суждение? — Буду ждать от вас с нетерпением ответа на просьбу мою; ибо уверен, что вы охотно исполните ее, зная, как дорожу вашим суждением» («Р. Арх.» 1871, т. I, стр. 0170 — 0171). Сам Жуковский называл себя «духовным отцом» Кюхельбекера (см. его письмо к Кюхельбекеру от начала 1823 г. в «Р. Ст.» 1875, т. XIII, стр. 364 — 365,— характеризующее взаимные их отношения, с одной стороны дружественно - почтительные, с другой — дружественно - отеческие). Это время Кюхельбекер вспоминал через двадцать лет в письме к Жуковскому из Баргузина от 24 мая 1838 г.: «Изо всех, кто знавал и любил меня, юношу, почти отрока, в живых очень, очень немногие, а вы в числе этих немногих из писателей для сердца моего занимаете первое место . . . Итак горжусь воспоминанием той дружбы, которой удостаивали вы меня с 1817 г. Вы ободряли меня при первых моих поэтических опытах; в начале моего поприща вы были мне примером и образцом . . . Потом обстоятельства, мнения, люди отдалили меня от вас; но и в 25-м (1825. *В. О.*) году я нашел в вас то же сердце, столь благородное, столь мне знакомое . . .» («Р. Арх.» 1871, т. I, стр. 0174 — 0175).

«Обстоятельства, мнения, люди» — это, конечно, тот отход Кюхельбекера под знамена «шишковцев», который поставил его в ряды прямых противников Жуковского, как главы враждебного литературного лагеря. Нападки Кюхельбекера на Жуковского при-

нимали подчас особенно ожесточенный характер. Таковым напр. было его полемическое пародирование стиля и тем Жуковского в комедии «Шекспировы Духи» (1825), за что и выговаривал ему Пушкин (см. стр. 321 наст. изд.); пародировалось между прочим характерное для Жуковского стихотворение «Жалоба Цереры» и монологи из «Орлеанской Девы» Шиллера — в переводе Жуковского. В боевой и программной статье «О направлении etc.» (1824) Жуковский послужил для Кюхельбекера главным объектом для критических нападений: «Жуковский первый у нас стал подражать новейшим Немцам, преимущественно Шиллеру» — писал Кюхельбекер. — «Жуковский и Батюшков на время стали Корифеями наших Стихотворцев и особенно той школы, которую ныне выдают нам за Романтическую . . . Будем благодарны Жуковскому, что он освободил нас из-под ига французской Словесности и от управления нами по законам Ла-Гарпова Лицея и Баттева Курса; но не позволим ни ему, ни кому другому если бы он владел и в десятеро большим перед ним дарованием, наложить на нас оковы Немецкого или Английского владычества».

Литературная оппозиция, бунт 14 декабря, заключение и ссылка казалось бы должны были окончательно прервать отношения между Жуковским и Кюхельбекером, но Жуковский, — несмотря на всю свою политическую реакционность, несмотря на свое положение при дворе, — никогда не переставал ходатайствовать за своих друзей-декабристов (гл. обр. за Н. Тургенева) перед Николаем I и продолжал вести с ними переписку. Написал он и Кюхельбекеру. Получив письмо Жуковского, Кюхельбекер писал ему: «Хотя я и всегда ожидал от вас всего прекрасного и высокого, однако, признаюсь, долго не верил глазам своим, когда под одним из писем, которые получил вчера, увидел ваше драгоценное мне имя. И что это за письмо! Какая душа отсвечивает тут на каждой строке! — Благородный, единственный Василий Андреевич! . . Ваше письмо стану хранить вместе с портретом матушки, с единственною дожившею до меня рукописью моего покойного отца, с последним письмом и манишною застежкою, наследием Пушкина, и с померанцевым листком, сорванным для меня сестрицей Julie во Флоренции с гроба Корсакова» . . . («Р. Арх.» 1871, т. I, стр. 0176 — 0180.) Ср. также стр. 267 наст. изд. (письмо Жуковского к Плетневу). Жуковский принял самое горячее участие во всех горестях Кюхельбекера, пытался — безуспешно правда — напечатать его сочинения (император Николай не дал на это своего соизволения, так как Кюхельбекер «не дослужил до офицерского чина»), — посылал ему свои и Пушкина сочинения. Кюхельбекер, получив собрание стихотворений Жуковского, писал своему корреспонденту: «Ваши сочинения воскресили для меня все мое былое: при Ахиллесе я вспомнил, что я первый, еще в Лицее, познакомил с ним Пушкина . . .» etc. — Кюхельбекер снова называл себя одним из учеников Жуковского, который у него «учился не пренебрегать чистотой языка и стихосложения, — предметом, повидимому слишком ничтожным для гениальных нерях нынешнего поколения» (ibidem). 21 декабря 1845 г. Кюхельбекер писал Жуковскому из Кургана: «Слишком пять лет прошло, как я имел

счастье получить бесценное для меня письмо ваше из Дармштадта, которое служит мне живым свидетельством и прекрасной души вашей, и того, что вы, по сю спору не равнодушны к тому Вильгельму, который некогда пользовался вашей дружбою . . . О литературном достоинстве своих сочинений говорить не стану; но Бог мне свидетель, что бескорыстная любовь к добру и красоте всегда была моею единственною руководительницею, по крайней мере последних двадцать лет. Вот почему смею считать себя одним из несовсем недостойных представителей того периода нашей словесности, который, по самой строгой справедливости, должен бы называться вашим именем, потому что вы первые нам, неопытным тогда юношам и в том числе Пушкину, отворили дверь в святилище всего истинно-прекрасного и заставили изучать образцы великих иностранных поэтов. Никто из ваших преемников никогда не передавал ни Шиллера, ни Гёте, ни Байрона в таком совершенстве, как вы. Собственные ваши сочинения все живые свидетели души высокой, изящной и благородной. Вы остались и по ныне жрецом того храма, в который нас впустили. После нас наступили другие мнения и толки, расчеты и соображения не совсем литературные — не мое дело судить, выиграла ли тут наша словесность?» (Цит. по статье Дубровина — «Жуковский и его отношения к декабристам» в «Р. Ст.» 1902, т. 110, стр. 94 сл.). Однако в письме к кн. В. Ф. Одоевскому от того же 1845 г. Кюхельбекер отзывается о Жуковском гораздо более сдержанно: «Жуковского люблю и уважаю, как старшего брата, как человека и писателя, но он мне не ровесник, не товарищ, ни по летам, ни по жизни». (Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1893 г., приложение стр. 70 сл.). Последнее письмо Кюхельбекера к Жуковскому от 11 июня 1846 г. (из Тобольска), написанное за два месяца до смерти, весьма важное в биографическом отношении и дополняющее Дневник — см. на стр. 309 наст. изд.

К стр. 68.

Боратынский, Евгений Абрамович (1800 — 1844) — поэт, близкий приятель Кюхельбекера, с которым его впервые познакомил Дельвиг в 1819 г. В начале 20-х годов оба поэта входили в интимный кружок, в котором участвовали еще и Дельвиг и Плетнев и к которому был близок Пушкин; Кюхельбекер воспел этот союз в стихотворении «Поэты» (см. стр., 319 наст. изд.). В январе 1820 г. Боратынский, отправляясь в Финляндию, обратился к Кюхельбекеру со стихотворением: «Прости поэт! Судьбина вновь Мне посох странника вручила; Но к Музам чистая любовь Уж нас навек соединила» etc. (Соб. соч. Е. А. Боратынского, изд. Ак. Наук, т. I, стр. 12). В свою очередь Кюхельбекер посвятил Боратынскому стихотворение «К Евгению» с эпиграфом: contumelia non fredit eum sed errexit.

. . . .
А я пою тебя, страдалец возвышенный,
Постигнутый судьбы железною рукой,
Добыча злых глупцов и зависти презренной,
Но вечно пламенный душой! —

. . . .

Узнают племена, как ты друзей и радость,
Любовь и славу пел,
А злоба между тем твою губила младость
И Музы от тебя не отвращали стрел . . .

. . . .

(Из тетради стихов В. К. Кюхельбекера, из архива Гаевского; собрание Пушкинского Дома, шифр № 18051/CXIV. Б 8, Л. — Водяной знак на бумаге: 1817 г.). Стихотворение, приведенное выше в отрывках, озаглавленное «К Е . . .», — (в оглавлении: «К Евгению») — 41-е по счету; 36-е по счету стихотворение «Прощание» написано Кюхельбекером перед его отъездом заграницу в августе 1820 г., а 43-е написано в Ницце (в Ниццу Кюхельбекер прибыл 1 марта 1821 г.). Таким образом стихотворение, посвященное Боратынскому — написано очевидно заграницей в начале 1821 г. В стихотворении этом содержатся намеки на известные печальные обстоятельства жизни Боратынского после 1816 г. (см. биогр. очерк М. Л. Гофмана в I т. собр. соч. Боратынского изд. Ак. Н. или книгу Филлиповича «Е. А. Боратынский», Киев 1917).

В 1824 г. Боратынский со всей решительностью разделял взгляды Кюхельбекера, изложенные в двух его статьях: — «Я читал с истинным удовольствием в 3-й части ««Мнемозины» разговор твой с Булгариным. Вот как должно писать комические статьи. Статья твоя исполнена умеренности, учтивости и во многих местах истинного красноречия. Мнения твои мне кажутся неоспоримо справедливыми. Тебе отвечали глупо и лицемерно. Не оставляй твоего издания и продолжай говорить правду. Я уверен, что оно более и более будет расходиться; но я советовал бы тебе, сделать его, по крайней мере, ежемесячным. Ты знаешь, что журнальная литература получает всю свою занимательность от занимательности вседневных обстоятельств, о которых она судит и рядит; пропущено время — потеряно действие. Посылаю тебе кое-что для твоего журнала . . .» («Р. Ст.» 1875, XIII, № 6, стр. 377). Боратынский очень ценил Кюхельбекера. В феврале 1825 г. он писал Н. В. Путяте: «Жаль мне что ты не застал Кюхельбекера: он человек занимательный по многим отношениям, и рано или поздно вроде Руссо очень будет заметен между нашими писателями. Он с большими дарованиями . . .» («Р. Арх.» 1867, стр. 266). Боратынский однако не оставил никаких следов сочувственного отношения к самой поэзии Кюхельбекера, а в 1826 г., в письме к Пушкину даже отзывается о ней прямо отрицательно: «Духов» Кюхельбекера читал, не дурно — да и не хорошо. Веселость его не весела, а поэзия бедна и косноязычна... (Соч. Е. А. Боратынского, изд. 1869 г., стр. 420).

Что касается отношения Кюхельбекера к Боратынскому, как к поэту, то оно также никогда не было восторженным, хотя он ставил Боратынского выше Языкова и непосредственно после Пушкина: «Боратынский достойный его (Пушкина. *С. Х.*) товарищ» («О напр. etc.», стр. 43); но Сенковского и Кукольника он ставил выше (см. стр. 235 наст. изд.) — Кюхельбекер поместил в своей «Мнемозине» три стихотворения Боратынского: отрывок из «Эды», «Леда» и «Буря».

К стр. 68.

Языков, Николай Михайлович (1803 — 1846) — поэт. До нас дошел ряд отзывов Языкова о Кюхельбекере, очень важных для понимания их литературных отношений. Нужно при этом иметь в виду обычный резкий тон литературных оценок Языкова; сравнительно с ними, тон заметок о Кюхельбекере серьезный, порою уважительный; одновременно он почти всегда отрицательный, — особенно в отношении к «шишковству» и к «геттингентству» Кюх-ра («высокое и прекрасное»): «Разбор поэмы Петр Великий — просто пустословие; красоты Шихматова, которых Кюхельбекер не доказывает, все заимствованы или из священного писания, или из Ломоносова и Державина, все состоят в словах и, следственно, не дают Шихматову права назваться оригинальным. Сверх того, мне кажется, что Кюхельбекер нередко называет прекрасным и высоким то, что должно бы называть бомбастом» (Письмо А. М. Языкову от 16 авг. 1825 г. из Дерпта» — «Языковский Архив», I, стр. 197). — «Кальдерон мне чрезвычайно нравится — и чем больше читаю его, тем более уверяюсь, что Кюхельбекер его не читал, сказывая, что у Шихматова много с ним сходства. У Кальдерона какое-то особое воображение, огромное и всеобъемлющее. Он краток и пространен в одно время; каждая мысль выражается чрезвычайно кратко, а мыслей у него море. Он на меня сильно действует, как само собою разумеется. Когда нибудь будем читать его вместе. Признаюсь, что читаю его с большим удовольствием, нежели Шекспира: хотя у Кальдерона нет такого искусства в изображении характеров, зато он богаче образами, вовсе оригинальными, а той приверженности к религии праотцев, о которой говорит Кюхельбекер, я не вижу в нем ни капли» (А. М. Языкову 12 сент. 1825 г., «Яз. Арх.», стр. 205). — «К(юхельбеке)р, кажется, корчит русского Лессинга или Шлегеля, но —

> Wo steht geschrieben zu lesen
> dass sie solche Fluchmäuler sind gewesen?

Что он привязывается ни к селу ни к городу к каким-то Романтикам в нашей литературе? Это просто бестолково: ежели Шакспир, Гёте, Шиллер и Тик романтики, то у нас вовсе нет романтиков—не правда ли? . . . Разбор переводов Борга с русского доказывает только то, что Кюхельбекер читал оглавление первой части, а последней вовсе не видал. Жду с любопытством его драматическую шутку; не в шутку можно предсказать, что в ней будут духи Шекспировы, а духа Шекспирова не будет. Не слыхать ли чего об русском Фаусте или о русских Фаустах?». (А. М. Языкову 20 сентября 1825, ibid., стр. 207.) Отзыв Кюхельбекера о переводах ф.-д. Борга(в «С. О.» за 1825 г.— подробн. см. на стр. 356 наст. изд.) — был неблагоприятен для последнего. Языков имел личные основания защищать Борга, ревностного его поклонника, переводчика его стихов на немецкий язык, автора хвалебной статьи о нем в «Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst» 1833 (I Th., s. s. 509 — 514). 14 ноября 1825 г. Языков писал: «Читал ли в «Соревнователе хоры их Кюхельбекеровых Аргивян? В них места достопочтенные. А каковы его духи?

Стихи или проза, красота или посредственность, ум или сумасбродство — эти области так близки одна к другой, что люди неопытные в географии вкуса переходят из одной в другую, сами того не замечая... (ibid., стр. 220). Кюхельбекер поместил в своей «Мнемозине» стихотворение Языкова «Ливония» (IV, стр. 156).

К стр. 74.

Я некогда любитель размеров мало употребительных. . . — Из пьес Кюхельбекера, написанных трехсложным размером (до 1832 г.), нам известны: «Гроб младенца» (1820 г.— четырехстопный амфибрахий), «Рогдаевы псы» (четырехстопный амфибрахий, чередующийся с трехстопным), «Зима» (1817 г. — сапфическая строфа), — «К Матюшкину» (1817 г. — элегический стих), «К моему питомцу» (1820 г. — элегический стих) и некоторые другие. Позднее Кюхельбекер писал: дактилем — двухстопным («Росинки»), трехстопным («Оссиан») и четырехстопным («Молитва узника»), амфибрахием— четырехстопным («Море сна», «Луч из-за облаков», «Родство со стихиями», . . .), чередованием четырехстопных с трехстопными («Любовь», «Кудеяр», «Новый Эдип»); — близкой к анапесту схемой ◡ ◡ ◡́ ◡ ◡, частой потом у Кольцова и др. («Русская песня»). Кроме того, Кюхельбекер написал силлабическим стихом «Притчу о блудном сыне» (в издании Балицкого, стр. 164). Кюхельбекер упоминает также о Гнедиче, поэзия которого представляет несравненное для того времени богатство размеров (анапест — четырехстопный и пятистопный; амфибрахий — четырехстопный и пятистопный и их чередование; дактиль пятистопный; ямбический стих — с разрывом метрического ряда и неравносложными рифмическими концовками полустиший: «Гимн Венере» (1812) и «Андрико» в «Простонародных песнях нынешних греков» (1825) и др.)

К стр. 76.

Катенин, Павел Александрович (1792 — 1853) — поэт, драматург и критик, переводчик Корнеля и Расина, литературный единомышленник и соратник Кюхельбекера и Грибоедова; вместе с Грибоедовым он написал комедию «Студент» (1817), где осмеяны Жуковский и другие романтики. — Кюхельбекер весьма высоко ставил дарование Катенина, хотя и ниже Шихматова: Катенина Кюхельбекер всегда обвинял в отсутствии вкуса. — «Г. Катенин» — писал он в 1820 г. («Невский Зритель», февраль) — «имеет истинный талант!— сказал я, когда в первый раз прочел его Софокла: «как жаль, что в сочинениях его не достает вкуса, что он не имеет друзей, которые бы говорили ему правду,—или как жаль, что он не верит их советам!» «В сем мнении меня еще более подтверждает его новое произведение. Начало превосходно, достойно лучших наших Писателей!» (стр. 107, речь идет о «Мстиславе». *С. Х.*) —следует ряд выписок, «которые доказывают . . ., что Г. Катенин к своему истинному дарованию не присоединяет вкуса» (стр. 111). В 1824 г. когда пламенной критике «Направления нашей поэзии etc.» нужно было противопоставить нечто положительное, — Кюхельбекер назвал Катенина: «Печатью народности ознаменованы какие нибудь 80 стихов в Светлане, и в Послании к Воейкову Жуковского, некоторые мелкие сти-

хотворения Катенина, два или три места в Руслане и Людмиле Пушкина». В 1825 г. он снова возвращается к этому вопросу: «Наша Словесность молода: но и у нас были и есть Поэты (хотя их и немного) с воображением неробким, с словом немногословным, неразведенным водою благозвучных, пустых эпитетов. Не говорю уже о Державине! — Но таков например в некоторых легких своих стихотворениях Катенин, которого баллады *Мстислав*, *Убийца*, *Наташа*, *Леший*, еще только попытки, однако же (да не рассердятся наши весьма хладнокровные, весьма осторожные, весьма не романтические самозванцы — Романтики!) по сю пору одни, может быть, во всей нашей Словесности принадлежат Поэзии Романтической («Разбор ф.-д. Борговых переводов»).

Самоуверенный и самолюбивый Катенин был, повидимому, очень высокого мнения о критическом даровании Кюхельбекера. Когда Бахтин упрекнул однажды Катенина в недостаточной отделке стиха, тот сослался на мнение Кюхельбекера, который ставит его наравне с Жуковским и Батюшковым (см. в изд. Чебышева «Письма Катенину к Бахтину», письмо от 4 ноября 1828 г.). Кюхельбекера Катенин ценил как поэта и, особенно, как нравственную личность. В письмах Катенина к Бахтину несколько раз упоминается Кюхельбекер: — «Кюхельбекер в Мнемозине упомянул обо мне с похвалою; его статья: о направлении нашей поэзии в последнее десятилетие отличается откровенностью и благородством мыслей; он крепко нападает на новую школу, на их элегии и послания, на рабское подражание образцам часто дурным, и на совершенный недостаток изобретения . . . В другом месте он пишет: «печатью народности ознаменованы . . . некоторые мелкие стихотворения Катенина . . .» Хотя эта похвала без лести, как говорит Зельский (персонаж Катенинской комедии «Сплетни». *В. О.*), но после нахальных ругательств, на меня изблеванных, и то много, что меня ставят наравне с двумя Корифеями Парнасса (Жуковским и Пушкиным. *В. О.*). Я благодарил Кюхельбекера за журнал и намекнул о Р. В. G. (кн. В. Ф. Гагарин, — литературный недруг Катенина. *В. О.*) и прочих . . .» (op. cit., стр. 73 — 74, письмо от 26 янв. 1825 г.). — «Читали ли вы (только не в Полярной Звезде, где все перепорчено) Кюхельбекера стихотворение Святополк Окаянный — много достоинств» (ibid., стр. 75). — В письме от 31 марта 1829 г. Катенин писал: «Как любопытны три мелкие стихотворения Кюхельбекера (в Цветах), написанные им, кажется, в крепости! Какая у этого нещастного молодого человека чистая однако ж душа! . . .». О Катенине см. также запись в Дневнике от 7 января 1833 г. на стр. 86 — наст. изд.

К стр. 79.

Воейков, Александр Федорович (1779 — 1839) — поэт, прозаик, переводчик и критик, ординарный профессор Дерптского университета по кафедре русского языка и словесности (1814 — 1820). В 1821 — 1822 гг. Воейков издавал (совместно с Н. И. Гречем) «Сын Отечества», с 1821 по 1838 — «Русский Инвалид», с 1822 по 1826 «Новости литературы» (с В. И. Козловым), с 1827 по 1830 — «Славянин», с 1831 по 1837 — «Литературные прибавления к «Русскому

Инвалиду». Воейков известен гл. обр. как автор сатиры на писателей современников — «Дом сумасшедших» (1814) и памфлета «Парнасский Адрес-Календарь» (1820), в котором упомянут и Кюхельбекер. Кюхельбекер познакомился с Воейковым вероятно сразу же по выходе из лицея летом 1817 г. (возможно, что и в лицейские годы). Сохранилось необыкновенно любезное письмо Воейкова Кюхельбекеру от 14 октября 1817 г., в ответ на его «пиитическое письмо» от 16 сентября, указывающее на их близкие отношения в ту пору; Воейков писал между пр.: «Я, любя вас много, порадуюсь, поздравлю вас от сердца и пожелаю вам дальнейших успехов по службе. Об успехах ваших в поэзии я несомневаюсь, только бы равнодушная ко всему изящному судьба не оторвала бы вас от ваших любимых занятий. Будьте нашим союзником против анти-гекзаметристов, с вами мы победим их наверное! . . .» («Р. Ст.» 1875, т. XIII, стр. 359). Но в дальнейшем отношения Кюхельбекера и Воейкова испортились. В 1820 г. Кюхельбекер писал Жуковскому: «Мои занятия литературные также для меня не имеют прежней прелести: меня не понимают и не любят. Воейков везде оказывается моим явным врагом, он сердит на мою рецензию...» («Р. Арх.» 1871, т. I, стр. 0173 — 0174). Рецензия Кюхельбекера — неблагоприятный отзыв о сочинениях Воейкова в статье «Взгляд на текущую словесность» («Невский Зритель» 1820, ч. I, февраль, стр. 118 — 121). В 1824 г. Воейков, сводя старые счеты с Кюхельбекером, крайне враждебно встретил «Мнемозину» (его статья «О Мнемозине» — «Новости литературы» 1824, ч. VIII, № 14, стр. 22 — 28; подп.: В.). Он писал, между прочим: «В Отрывке из путешествия по Германии издателя Вильгельма Кюхельбекера и в повести Адо, его же сочинения, много темного, запутанного, относительно к языку и слогу». Кюхельбекер не хотел унижать себя «перебранкою с Господином В. («Мнемозина», ч. II, стр. 164); отвечал Воейкову Одоевский.

К стр. 85 — 86.

Одоевский, князь Владимир Федорович (1803 — 1869) — писатель и философ, автор книги «Русские ночи» и множества других художественных произведений, написанных в духе и манере Э. Т.-А. Гофмана и Жан-Поля Рихтера; — один из видных апологетов философии Шеллинга и В. Окена в России; ученик профессора М. Г. Павлова. Одоевский принимал участие в собрании московских «любомудров», группировавшихся вокруг Д. В. Веневитинова и одно время был даже председателем кружка. Поле деятельности В. Ф. Одоевского было весьма обширным; интересы его были разнообразны и охватывали, наряду с литературой и философией, многие из положительных наук (напр. химию), а также музыку. Кроме того Одоевский серьезно интересовался черной магией, магнетизмом и кулинарным искусством. Одоевский был один из ближайших друзей и единомышленников Кюхельбекера; сблизились они в 1820 г. в Москве, но с семейством Одоевских Кюхельбекер встречался еще в 1820 г. в Германии, во время своей заграничной поездки.— В 1824 — 1825 гг. Кюхельбекер и Одоевский издавали в Москве известный альманах «Мнемозина» (4 книги), объединившись на основе общности своих литературных и философских взглядов (Кюхельбе-

кер редактировал отдел художественной литературы и критики, а кн. Одоевский — философский и публицистический). Кюхельбекер весьма ценил Одоевского, как писателя-художника, и если в 1825 г. смотрел на него, как на подававшего большие надежды юношу (« . . вспомни чего от тебя ожидают истинные друзья твои...»— «Р. Ст.», 1904, № 2, стр. 382 — 383),— то через двадцать лет — в 1845 г. — из Кургана он писал ему-же: «Но каков же ты? Из юноши, почти еще мальчика, конечно даровитого, но все же почти еще мальчика — ты стал чуть ли не лучшим прозаиком нашего отечества. Ты . . . *наш:* тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего *бескорыстного* стремления к художественной красоте и к истине безусловной. Будь счастливее нас! (Отчет Имп. Публ. Биб-ки за 1893 г.; приложение, стр. 69 — 71.)

К стр. 88.

Шишков, Александр Семенович (1757 — 1841) — адмирал, лингвист и государственный деятель. В 1803 г. им было напечатано «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка», вызвавшее бурные споры в литературных кругах. В этом сочинении, как и в последующих, Шишков, не имея надлежащего филологического образования, пытался доказать, что русский язык являлся наречием церковно-славянского. Разницу между этими языками он видел лишь в их назначении: церковно-славянский должен был служить для выражения предметов высокого стиля, а русский только для предметов обыденных.—Мысль о родстве языков вызвала другую мысль, имевшую большое историческое значение: о важности для России изучения славянства. — В своих лингвистических трудах Шишков, вместе с тем, является и публицистом, отстаивающим идеи национализма, понимаемые им в узком смысле. Литературная деятельность Шишкова направилась преимущественно на борьбу с Карамзиным, который вносил в литературу новые «иноземные» идеи, который реформировал «славянороссийский» слог прежних русских писателей. — С 1807 г. Шишков вместе со своими друзьями: Державиным, Хвостовым, Ф. П. Львовым и др. начал устраивать литературные вечера, которые в 1810 г. стали публичными и обратились в общество: *Беседа Любителей Русского Слова*, целью которого было развитие патриотизма. — Как государственный деятель, Шишков явился проводником крайней консервативно-патриотической политики. В 1812 — 1814 гг. Шишков исполнял должность госуд. секретаря, с 1813 г. состоял президентом Российской Академии. В 1824 г. Шишков был назначен министром народного просвещения.

В 1822 г., после приезда из Грузии, Кюхельбекер как будто должен был получить место у Шишкова (об этом см. глухое упоминание в «Записках П. Ф. Гаккеля о 14 декабря 1825 г.» в «Летописях занятий постоянной истор.-археограф. комиссии Акад. Наук СССР» 1926, вып. I (XXIV), стр. 263). — В 1825 г., незадолго до 14 декабря, Шишков и И. М. Муравьев-Апостол рекомендовали Кюхельбекера адмиралу Грейгу на должность профессора русского языка для образования морских офицеров в Севастополе. — Шишков состоял членом Верховного Суда над декабристами.

К стр. 86.

«Мир Поэта» Катенина — большое стихотворение, повидимому имевшее влияние на Кюхельбекера (ср. «Олимпийские игры», датированные 1822 годом, Георгиевск, следовательно написанное в самом конце 1822 г., — напечатанное только в 1825 г. — «Мнемозина», IV, стр. 96 — 101; стихотворение Катенина было напечатано уже в ноябре 1822 г. — «В. Е.», №№ 21 и 22).

Оно (окончание стихотворения «Мир Поэта») *напоминает окончание и Гетевой «Euphrosyne» и Шиллеровой «Прогулки».* — Элегия Гёте «Euphrosyne» — одно из любимейших стихотворений Кюхельбекера. «Восторг» и «возвышенность» некоторых мест этой элегии получили в 1824 г. следующую характерную оценку: «Элегия Гетева:« Euphrosyne» исполнена высоких лирических красот и местами становится истинною одою» («Разговор с Ф. В. Булгариным»). — Окончания двух стихотворений действительно очень сходны. Ср. особенно:

— Wallend verschlangen Wachsende Wolken, im Zug, beide Gestalten vor mir . . . Wehmuth reiszt durch die Saiten der Brust; die nächtlichen Thränen Flieszen, und über dem Wald kündet der Morgen sich an...	Хочу рукой моей коснуться вас . . . ах нет! Нет их, нет никого! . . . Вокруг меня зари свет слабый льется, Лицо горит, мрет голос, сердце бьется И слезы каплют из очей.

О Шиллеровой «Прогулке» Кюхельбекер писал в 1820 г.: «Шиллерова Прогулка (Spaziergang) для некоторых превосходное описание прогулки, для других святой, вдохновенный урок, взятый из биографии человечества, данный всем временам и народам: будьте умеренны, будьте близки к Природе!» («Невский Зритель» 1820, ч. I, февраль, стр. 120).

К стр. 93.

Пущин, Иван Иванович (1798 — 1869) — товарищ Кюхельбекера по Царскосельскому лицею, один из ближайших друзей А. С. Пушкина, автор известных «Записок о Пушкине»; декабрист, член Союза Благоденствия и Северного Общества, был приговорен в каторжные работы (срок был сокращен до 13 лет), в 1839 г. был сослан на поселение в г. Туринск, Тобольской губ., в 1843 г. переведен в г. Ялуторовск, в 1856 г. — амнистирован и возвращен в Европейскую Россию. Особенно близок к Пущину Кюхельбекер, повидимому, никогда не был, но отношения их оставались всегда ровными, дружественными. Не изменил их и прискорбный инцидент с показаниями Кюхельбекера Верховной Следственной Комиссии по делу о декабристах: Кюхельбекер утверждал, что именно Пущин предложил ему убить великого князя Михаила Павловича на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., что Пущин — со своей стороны — категорически отрицал и в своих показаниях и на очной своей ставке с Кюхельбекером 30 марта 1826 г. (см. Н. Гастфрейнд «Кюхельбекер и Пущин в день 14 декабря 1825 г.» Спб. 1901 г. и «Исповедь перед причастием» Кюхельбекера — в альманахе Пушкинского Дома

«Радуга» 1922, стр. 90). Имеются указания на то, что в Сибири Пущин и Кюхельбекер деятельно переписывались (см. «Р. Ст.» 1875, XIII, стр. 355).—Встреча их произошла уже незадолго до смерти Кюхельбекера; в письме к Е. А. Энгельгардту от 21 марта 1845 г. Пущин писал: «Три дня прогостил у меня оригинал Вильгельм. Проехал на житье в Курган с своей Дросидой Ивановной, двумя крикливыми детьми и с ящиком литературных произведений. Обнял я его с прежним Лицейским чувством. Это свидание напоминало мне живо старину: он тот же оригинал, только с проседью в голове. Зачитал меня стихами до-нельзя; по правилу гостеприимства я должен был слушать и вместо критики молчать, щадя постоянно развивающееся авторское самолюбие. Не могу сказать вам, чтоб его семейный быт убеждал в приятности супружества. По моему, это новая задача провидения устроить счастье существ, соединившихся без всякой данной на это земное благо. Признаюсь вам, я не раз задумывался, глядя на эту картину, слушая стихи, возгласы мужиковатой Дронюшки, как ее называет муженек, и беспрестанный визг детей. Выбор супружницы доказывает вкус и ловкость нашего чудака: и в Баргузине можно было найти что-нибудь хоть для глаз лучшее. Нрав ее необыкновенно тяжел и симпатии между ними никакой. Странно то, что он в толстой своей бабе видит расстроенное здоровье и даже нервические припадки, боится ей противоречить и беспрестанно просит посредничества; а между тем баба беснуется на просторе; он же говорит: «ты видишь как она раздражительна!». Все это в порядке вещей: жаль, да помочь нечем. Между тем он вздумал было мне в будущем январе месяце прислать своего шестилетнего Мишу на воспитание и чтоб он ходил в здешнюю Ланкастерскую школу. Я поблагодарил его за доверие и отказался. Спасибо Вильгельму за постоянное его чувство; он точно привязан ко мне, но из этого ничего не выходит. Как-то странно смотрит на самые простые вещи, все просит совета и делает совершенно противное . . . Прочел я ему несколько ваших листков. Это его восхитило; он, бедный, не избалован дружбой и вниманием. Тяжелые годы имел в крепостях и в Сибири . . . Напрасно покойник Рылеев принял Кюхельбекера в общество, без моего ведома, когда я был в Москве. Это было незадолго до 14 декабря. Еслиб вам рассказать все проделки Вильгельма в день происшествия и в день объявления сентенции вы просто погибли бы от смеху, несмотря, что он был тогда на сцене трагической и довольно важной. Может быть, некоторые анекдоты до вас дошли стороной». (Пущин — «Записки о Пушкине и письма». 1927, стр. 155—156.) — О литературных занятиях Кюхельбекера Пущин был невысокого мнения; в письме к тому же Энгельгардту от 25 мая 1845 г. он писал: «Брат Петр прислал мне «Тарантас». . . (повесть гр. В. А. Соллогуба. *В. О.*) Мы просто проглотили эту новинку; теперь я ее посылаю в Курган: пусть Кюхельбекер посмотрит, как пишут добрые люди легко и просто. У него же, напротив, все пахнет каким-то неестественным, расстроенным воображением; все неловко, как он сам, а охота пуще неволи и говорит, что наше общество должно гордиться таким поэтом, как он. Извольте тут вразумлять! Сравнивает даже себя с Байроном и Гёте. Ездит верхом на своем Ижорском, который от начала до конца нестерпимая глупость.

Первая часть была напечатана покойным Пушкиным. Вам, может быть, случилось видеть бук и кикимор, которые действуют в этом, так называемом, Шекспировском произведении. Довольно». (Пущин, указ. соч. стр. 159 — 160). — «3 марта 1846 г., оставляя г. Курган, больной (Кюхельбекер. *В. О.*) продиктовал своему другу Ив. Ив. Пущину последнюю волю относительно своих сочинений. . .» («Р. Ст.» 1875, т. XIII, стр. 354.) Небольшой, но ценный материал о Кюхельбекере и его сыне Михаиле содержится в письмах И. И. Пущина к Ф. Ф. Матюшкину (Юбилейный сборник в честь Д. И. Багалея. Киев. 1927, стр. 885 — 888).

К стр. 97.

Мерзляков, Алексей Федорович (1778 — 1830) — поэт и критик, профессор Моск. университета по кафедре российского красноречия и поэзии. Мерзлякову принадлежит ряд трудов по эстетике, риторике, теории и истории словесности. Мерзляков должен быть признан самым видным представителем университетской словесной науки в течение первой трети XIX века. В то же время Мерзляков — литературный и философский старовер, быть может, и не основательно знакомый с новейшими течениями европейской мысли. Это несомненно и имеет в виду Кюхельбекер, упрекая Мерзлякова в «недостаточности образования». Это видно из другого отзыва Кюхельбекера, в «Обозрении Российской Словесности на 1824 г.»: «*Мерзляков*, некогда довольно счастливый лирик, изрядный переводчик древних, знаток языков Русского и Славянского, приобретший имя сочинениями по части феории словесности, но отставший по крайней мере на двадцать лет от общего хода ума человеческого и по сему враг всех нововведений . . .» («Литературные Портфели», I, 1923 г., стр. 73). — В 1817 г. Мерзляков возражал на статью Кюхельбекера в 77 номере «Conserv. Impart.»: «Conservateur Impartial заставляет нас торжествовать и радоваться какому то преобразованию духа нашей поэзии . . . что это за дух, который разрушает все правила пиитики, смешивает все роды, комедию с трагедией, песни с сатирой, балладу с одой и пр.» («Труды о-ва Любит. Рос. Словесности» 1817, XI, стр. 68 — 69).

К стр. 115.

«Ижорский» — одно из самых крупных и значительных произведений В. К. Кюхельбекера, названное им «трагедией-мистерией». Над «Ижорским» Кюхельбекер работал много лет, есть основания предполагать, что задуман он был еще в середине двадцатых годов (см. стр. 272 наст. изд., запись в Дневнике от 23 февраля 1841 г.). — В «Сыне Отечества» 1827 г. № 1, стр. 91 — 102, был напечатан «Отрывок из Драматической Поэмы: Ижорский» (1-ое явление 1-го действия: «Царскосельская дорога. Ижорский скачет на перекладных». *В. О.*) — с подзаголовком: «сообщено от неизвестного». Затем в альманахе Дельвига и Аладьина «Подснежник» на 1829 г. (стр. 90 — 115) были напечатаны сцены из «Ижорского». Появление в одной их этих сцен «Буки в виде обезьяны на престоле, в порфире и с пуком розог» — дало повод Катенину говорить о том, что «цензура видно подобрела»: он усмотрел в этой сцене вызывающий намек на Николая I (см. «Письма Катенина

к Бахтину», письмо от 27 мая 1829 г.). 18 ноября 1830 г. Кюхельбекер писал Дельвигу из Динабурга: «Любезнейший Антон Антонович. Вот тебе первая часть моего «Ижорского». Желал бы я очень знать, как тебе покажется . . . Напечатай «Ижорского» под псейдографическим именем напр. Космократова Младшего (буде Пушкин позволит); далее, чтобы profanum vulgus никак не узнал настоящего имени автора, et c'est pour cause, потому что через таковое узнание могу лишиться пера и чернил, единственной отрады, которая осталась мне в жизни . . .» («Рус. Арх.» 1881, I, стр. 146). — Наконец, только в 1835 г. (цензурное разрешение 10 июня 1833 г.) первая и вторая части «Ижорского» вышли в свет в одной книжке, благодаря особым стараниям А. С. Пушкина и по распоряжению Николая I, без обозначения имени автора: «Ижорский, мистерия. Санкт-Петербург, в типографии III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1835». Корректуру «Ижорского» держал кн. В. Ф. Одоевский. Автор жаловался впоследствии, что «ошибок типографических — бездна». — В обширном предисловии, предпосланном самой мистерии, Кюхельбекер писал: «. . . мы позволим себе поговорить о том, что всего более покажется странным в сей I-й части нашей Мистерии тем, которые знакомы с романтическою драмою по одному, может быть, Шекспиру и последователям его, Шиллеру и Гёте. Наш Ижорский создан не по сим образцам, а более по примеру бесхитростных аллегорических игрищ Ганса Сакса, Братий Страстей господних (Frères de la Passion), Английских Менестрелей, Немецких Мейстерзингеров и, если угодно охотникам имен более громких, Кальдероновых sacramentales. Об этом то именно и желали мы намекнуть, назвав поэму свою Мистериею и разделив ее не на пять, а на три действия или хропады, как обыкновенно Испанцы разделяют свои драматические творения . . . Признаемся, мы . . . хотели несколько озадачить гг. защитников трêх единств. Человека, который до того мог забыть главнейшие сценические законы, без сомнения они не удостоят классической критики . . . Впрочем, чего же и ожидать порядочного от произведения, в котором действуют Кикиморы, Шишиморы, Русалки и проч. . . . Заметим однако же для любителей Литературы классической, что она оказала свое могущественное влияние и на нас грешных . . . Одна главная мысль господствует в нашей драме: эта мысль изложена в сей первой части, а во второй будет развита еще более. Недоумения читателей насчет этой основной мысли — вот единственная критика, к которой мы были бы чувствительны. Высказать здесь мысль сию было бы лишним: ибо если сами читатели ее не отгадают, мы труд свой должны считать неудавшимся . . .». В письме к А. С. Пушкину из Динабурга от 20 октября 1830 г., т. е. за месяц до отсылки «Ижорского» Дельвигу, Кюхельбекер писал: «Мой черный демон отразился в «Ижорском»; светлый — в произведении, которое назвать боюсь; но по моему мнению оно и оригинальнее и лучше «Ижорского» (Пушкин, Переписка под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 180); произведение, о котором говорит Кюхельбекер — не дошедший до нас «Давид» в 10 книгах.

Первое по времени значительное критическое высказывание об

«Ижорском» (еще неизданном целиком) появилось в 1829 г. в альманахе «Денница» за 1830 г. за подписью И. В. Киреевского (см. также полн. собр. соч. И. В. Киреевского под ред. М. О. Гершензона, М. 1911, т. II, стр. 26): — «Говоря о той части словесности, которая преимущественно обнаруживает влияние Немецкое, нельзя не упомянуть об *Ижорском*, соч. неизвестного. Некоторые сцены из этой драматической фантазии были напечатаны в «Северных Цветах» прошедшего года и замечательны по редкому у нас соединению глубокости чувства с игривостью воображения. Мы причисляем это произведение к Немецкой школе, несмотря на некоторое подражание Шекспиру, потому что Шекспир здесь более Шекспир Тиковский, огерманившийся, нежели Шекспир настоящий, Шекспир Англичанин. К тому же и дух целого сочинения, сколько можно судить по отрывкам, кажется нам преимущественно немецкий». В. Г. Белинский в своем резко недоброжелательном отзыве об «Ижорском» («Молва», 1835, № 27, стр. 30; — см. в полн. собр. соч. В. Г. Белинского под ред С. А. Венгерова, т. II, стр. 149—154) писал, между прочим: «Когда я прочел предисловие к Ижорскому, то содрогнулся от ужаса при мысли, что по долгу добросовестного рецензента мне должно прочесть и книгу; когда прочел книгу, то увидел, что мой страх был глубоко основателен . . . Наши авторы как-то пронюхали, что создания Гёте, Шиллера, Байрона, Вальтер-Скотта, Шекспира и других гениальных поэтов суть поэтические символы глубоких философических идей. Вследствие этого и наши молодцы начали тормошить немецкую философию и класть в основу своих изделий философические идеи. Все было это очень хорошо, но вот в чем беда: они не знали того, что мысль тогда только поэтична . . . когда проведена через чувство и облечена в форму действием фантазии, а что в противном случае она есть пошлая, холодная бездушная аллегория . . . К числу таких то авторов принадлежит и автор Ижорского. Не имея поэтического таланта, он дурно понимает и искусство. Жалко видеть, как он в своем предисловии острит над какими то будто бы защитниками трех единств, которых на святой Руси уже давно видом не видать, слыхом не слыхать . . . Жалко видеть, как он силится развить теорию того рода сочинений, к которому относит своего Ижорского — *мистерии* . . . Грустно видеть человека с умом, с большею и меньшею степенью образования, человека с уважением к святым предметам человеческого обожания, любящего искусство, и вместе с тем так жестоко обманывающегося на счет своего призвания, так дурно понимающего значение высокого слова: искусство! . .» — Значительно мягче был отзыв О. И. Сенковского («Б. для Чт.» 1825, X, отд. VI, стр. 1 — 8): « . . . Ижорский писался долго. Лет десять назад мы читали отрывки из него, подававшие большие надежды. Мы думали тогда, что в Ижорском найдем Русского Манфреда . . . мы думали увидеть со-временем произведение оригинальное, с новым взглядом на предметы, избитые стихотворцами, писанное пером пламенным, не подражающим, богатым роскошью поэтических мыслей и свежих чувствований», но . . . «надобно подождать второй половины», без которой, по мнению рецензента, «основная мысль мистерии, о

которой говорит Кюхельбекер в своем предисловии, остается непонятной»: «. . . Предисловие обнаруживает в авторе умного, образованного и веселого человека: оно читалось бы с истинным удовольствием, еслиб ловкость и изящность слога содействовали движению игривой мысли. Но сочинитель, который, повидимому, с фанатизмом, достойным лучших времен, исповедует веру *сего* и *онoго*, начинил все свои шутки этими свинцовыми местоимениями».

В 1840 г. Кюхельбекер писал В. А. Жуковскому: «Теперь пишу III-ю часть Ижорского . . . (который. *В. О.*) если не лучшее мое создание, по крайней мере яснее других высказывает то, что считал я обязанностью высказать, как человек и христианин» («Рус. Арх.» 1871, I, стр. 0179 — 0180). — Через пять лет, 21 декабря 1845 г., — незадолго до смерти, Кюхельбекер из Кургана писал шефу жандармов, графу А. Ф. Орлову: «Не излишним считаю довести до сведения вашего, что в 1835 г., когда я находился еще в Свеаборгской крепости — по ходатайству покойного А. С. Пушкина, Государю Императору угодно было дозволить напечатать две части моей мистерии «Ижорский», найденные нашим великим поэтом в моих старых бумагах (Кюхельбекер умалчивает о нелегальной пересылке «Ижорского» Дельвигу. *В. О.*). В Сибири я к этим двум частям прибавил третью, теперь рукописную, и исправил прежние. Осмелюсь заметить, что без этой последней третьей части смысл первых двух не только не будет полон, но даже может быть превратно истолкован. Следовательно, эта третья часть необходима, чтобы все сочинение получило свое истинное религиозно-нравственное значение» (см. «Рус. Арх.» 1871, т. I). На свою просьбу Кюхельбекер получил отказ. 11 июня 1846 г. Кюхельбекер писал В. А. Жуковскому: «Спасите . . . третью часть Ижорского: откройте мне средство доставить вам ее, вместе с выправленным экземпляром первых двух отделений. Faites en s'il est possible une seconde édition, qui seule aura sens complet; ce n'est que la troisième partie qui le donne à l'ouvrage, qui sans cela reste un monstre» (сделайте, если возможно, второе их издание, которое одно будет иметь полный смысл, получаемый сочинением лишь с третьею частью, без коей оно чудовищно). См. «Рус. Арх.» 1872, № 5, стр. 1008.

К стр. 117.

Вяземский, князь Петр Андреевич (1792 — 1878) — известный поэт, критик и журналист, один из ближайших друзей А. С. Пушкина и одна из центральных фигур русского литературного мира первой половины XIX века, к двадцатым годам которого относится расцвет его журнальной деятельности. Вяземский, «начальник передового войска романтиков», по определению Кюхельбекера, принимал самое деятельное участие в борьбе карамзинистов с архаистами, являясь одним из вожаков и застрельщиков Арзамаса (особенной неприязнью отмечены его отношения с кн. Шаховским). — Кюхельбекер очевидно не был очень близок с Вяземским, но отношения их внешне оставались неизменно дружескими, несмотря на ряд крупнейших идейных расхождений.

Вернувшись в Россию из Парижа осенью 1821 г. по требованию русского правительства, Кюхельбекер очутился в весьма затруднительном положении политически неблагонадежного и почти нищего литератора. Кн. Вяземский принял самое горячее участие в судьбе Кюхельбекера (см. по этому поводу его переписку с А. И. Тургеневым во II т. «Остаф. Арх. кн. Вяземских», стр. 204, 206, 209, 338, 342, 350). Только благодаря усилиям и рекомендациям кн. Вяземского и А. И. Тургенева, поддержанных канцлером, гр. Нессельроде, Кюхельбекер получил в конце 1821 года место чиновника особых поручений при «проконсуле Кавказа» А. П. Ермолове. В 1823 г. Вяземский опять пытался устроить Кюхельбекера на службу в Одессу, но безуспешно (см. «Остаф. Арх.», т. II, стр. 359; т. V, вып. 2, стр. 110, 113 и 121).

В одном из своих писем Вяземский дал следующую характеристику Кюхельбекера: «В нем нет ничего любезного, но есть многое достойное уважения и сострадательности» (ibid.). В двух письмах Вяземского мы встречаем лестную оценку поэзии Кюхельбекера. В письме к Тургеневу от 28 августа 1823 года он называет стихи Кюхельбекера «исполненными мыслями и чувством» (ibid., стр. 342), а в письме к Жуковскому 1823 года пишет: «Заглядывал ли ты в его трагедию? («Аргивяне». *В. О.*),». . В трагедии, право, много хорошего, а в особенности лирическая часть. . . Вообще творение это недюжинное и заслуживает одобрения . . . Вообще талант его, кажется, развернулся . . . Он имеет познания. Кажется может быть прок в его предприятиях. Пришлю тебе на днях некоторые стихотворения его . . .» («Рус. Арх.» 1900, № 2, стр. 190). Но знаменитая статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии etc.» во второй кн. «Мнемозины» вызвала резкую отповедь Вяземского. 17 июля 1824 года он писал жене: «Пушкину поклон. . . . что говорит он о горячке Кюхельбекера? Я говорю, что это *пивная хмель*, тяжелая, скучная. Добро бы уже взять на шампанском, по нашему, то бьют искры и брызжет!» («Ост. Арх.», т. V, стр. 31). То же повторил он в письме к Тургеневу: «Читал ли ты Кюхельбекериаду во второй «Мнемозине»? Я говорю, что это упоение пивное, тяжелое. Каково отделал он Жуковского и Батюшкова, да и Горация, да и Байрона, да и Шиллера? Чтобы врать, как он врет, нужно иметь язык звонкий, речистый, прыткий, а уж ничего нет хуже, как мямлить, картавить и заикаться в вранье, даешь время слушателям одуматься и надуматься, что ты дурак» («Ост. Арх.», т. III, стр. 62). Тургенев отвечал Вяземскому: «Кюхельбекера читал и с досадою; утешил он меня только невинностью своего рассказа о разговоре его с Тиком о Новалисе. Он признался ему, что не понял Новалиса, а Тик добродушно отвечал ему: «А я понял». Довольно для Кюхельбекера, но зачем же признаваться в глупости? Для этого довольно и «Мнемозины». *Недозрелый* Шиллер и *классический* Шихматов! Первый эпитет принадлежит не Кюхельбекеру, а Тику. C'est à peu près son idée sur Schiller, потому что он гетенианец. Давно такого враля не бывало. Это — Бестужев (младший), побывавший в ученой и многомыслящей Германии и подслушавший, но не понявший ее литераторов» (ibid., стр. 69).

Кюхельбекер оставил следующий отзыв о Вяземском-поэте: «Кн. Вяземской . . . отличается более чувством, нежели . . . остротою и умом проницательным . . . Скажем любезному нам поэту со всею откровенностью, к которой он с нашей стороны привык: мы уверены, что ему более суждено действовать на сердце своих читателей излияниями собственного сердца, нежели щеголять перед ними ложным и не редко заимствованным остроумием» («С. О.» 1825, ч. 103, № XVII, стр. 82). — Кюхельбекер напечатал в своей «Мнемозине» два стихотворения и две эпиграммы кн. Вяземского. Вяземскому посвящено стихотворение Кюхельбекера, написанное около 1832 г., сохранившееся в рукописи в черновой тетради Кюхельбекера в Пушкинском Доме Академии Наук СССР («К Вяземскому»). В стихотворении этом речь идет о борьбе Греции за свою независимость, весьма привлекавшей в то время поэтическое внимание Кюхельбекера. Кончалось стихотворение следующим образом:

«Меня надзвездный манит храм.
Восседу ли счастливец там
Близ Пушкина и близ Тиртея?»

(Собр. Пушк. Дома, рукоп. отд.
№ 9288. LIII б, 53 — 58).

По смыслу стихотворения Тиртеем Кюхельбекер назвал Вяземского.

К стр. 119.

Jean-Jacques Rousseau (1712 — 1778) — знаменитый французский философ и писатель, имевший огромное влияние в частности на нашу литературу: с ним несомненно связан русский сентиментализм. — Влияние Руссо заметно в одном месте Дневника Кюхельбекера (22 апреля 1832 г., см. стр. 49 наст. изд.), где он пишет о Vaillant'е и Грибоедове и об их разочаровании при возвращении от «людей природы» к «людям культуры». — Боратынский находил сходство в личном складе этих двух людей со столь различной судьбой и дарованиями; в феврале 1825 г. он писал Н. В. Путяте: « . . . характер его (Кюхельбекера. *С. Х.*) очень сходен с характером женевского чудака: та же чувствительность и недоверчивость, то же беспокойное самолюбие, влекущее к неумеренным мнениям дабы отличится (sic) особенным образом мыслей; и порою та же восторженная любовь к прекрасному, которой он все готов принести на жертву. Человек вместе достойный уважения и сожаления, рожденный для любви к славе (может быть и для славы) и для нещастия».

К стр. 125.

Туманский, Василий Иванович (1800 — 1860) — поэт, близкий приятель Кюхельбекера. С Туманским Кюхельбекер возвращался из Парижа в Россию в 1821 г. Весьма интересно письмо Туманского к Кюхельбекеру от 11 дек. 1823 г.: «Охота же тебе читать Шихматова и библию. Первый — каррикатура Юнга, вторая несмотря на бесчисленные *красоты*, может превратить муз в церковных певчих. Какой злой дух, в виде Грибоедова, удаляет тебя в

одно время и от наслаждения истинной поэзии и от первоначальных друзей твоих. Наша литература похожа на экипаж, который бы везли: рыба, птица и четвероногий зверек. Тот — улетает в романтизм, другой — плавает в классической лохани, а третий тащится в библейское общество . . . Умоляю тебя, мой благородный друг, отстань от литературных мнений, которые погубят твой талант и разрушат наши надежды на твои произведения. Читай Байрона, Гёте, Мура и Шиллера, читай кого хочешь, только не Шихматова» («Р. Ст.» 1875, т. XIII, стр. 375).

К стр. 134.

Плетнев, Петр Александрович (1792 — 1865) — поэт и критик, профессор Петербургского университета и с 1841 г. — академик; один из ближайших и преданнейших друзей А. С. Пушкина и А. А. Дельвига. Дельвига и Плетнева познакомил Кюхельбекер, служивший вместе с Плетневым в педагогическом институте в 1817 г. (см. «Письма Пушкина» под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 258). — Дельвиг, Кюхельбекер и Плетнев составляли в 1817 — 1818 гг. тесный дружеский кружок, близкий к Пушкину и Жуковскому. Несколько позднее к ним присоединился Боратынский (см. стр. 339 наст. изд.). — К «услужливому» Плетневу (так называл его Пушкин) Кюхельбекер повидимому неоднократно обращался за помощью и советами (см. напр. письмо Плетнева к Кюхельбекеру от 8 сентября 1823 г. в «Р. Ст.», 1875, т. XIII, стр. 371 — 372). Посылая Дельвигу в 1830 г. свою трагедию «Ижорский» с просьбой напечатать ее, Кюхельбекер писал: «П. А. Плетнева прошу покорно потрудиться на счет исправности издания; надеюсь, что он не откажет мне в этом» («Рус. Арх.», 1881, I, стр. 140); ср. в письме к Жуковскому 1845 г.: «Петр Александрович Плетнев, конечно, не откажется принять на себя корректуру и редакцию».

К 1824 году относится решительно благоприятный отзыв Плетнева о поэзии Кюхельбекера: «Отважные приемы в изображении сильных чувствований, новость картин, созидаемых живым воображением, отличают стихотворения Кюхельбекера» («Сочинения и переписка П. А. Плетнева». Спб. 1885, т. I, стр. 194, в статье «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах», 1824 г.).

Достойно внимания категорическое утверждение Плетнева (в письме к Я. Гроту 1848 г.): «Мастерски в Ленском обрисовал Пушкин лицейского приятеля своего Кюхельбекера» («Переписка Грота с Плетневым», т. III, стр. 384).

Поэтическая деятельность Плетнева не встретила сочувствия и поддержки даже у его ближайших друзей; Пушкин был о ней невысокого мнения. Кюхельбекер в 1820 г. писал о Плетневе следующее: «Г. Плетнев долгое время был слишком близким подражателем Батюшкова и Жуковского, но в его последних двух стихотворениях (в элегии [«К моей Родине» — «Сын Отечества» 1820, № 111. *В. О.*] . . . и в другой, отпечатанной в «Соревнователе», 12 книжке 1819 года, под названием: *Победа*) мы с удовольствием приметили усердие, верную поруку за дарование, усилие выйти из толпы подражателей. Кто желает в этом увериться, пусть сравнит прежние стихотворения Г. Плетнева с его последними . . . Г-н

Плетнев только должен обратить бо́льшее внимание на точность и стихотворность выражений и оборотов, должен приучить себя писать со тщанием, и мы уверены, что он со временем принесет честь Русской Словесности» («Невский Зритель» 1820, февраль, стр. 114 — 115).

К стр. 118.

Державин, Гавриил Романович (1743 — 1816) — поэт, один из основателей и председатель Беседы Любителей Русского Слова (Державин, однако, всегда подчеркивал свое дружелюбное отношение к противоположной партии). — На переходном экзамене в декабре 1814 года Кюхельбекер читал Державину оду, ему посвященную («Из туч сверкнул зубчатый пламень» и т. д.). — В двадцатые годы боевым лозунгом Кюхельбекера становится имя «Державина, первого Русского Лирика, Гения, которого одного мы смело можем противопоставить Лирическим Поэтам всех времен и народов» («С. О»., 1825, ч. 103, № XVII, стр. 80 — 81). Это имя он называет рядом с именами мировых гениев: «Байрон об руку с Эсхилом, Дантом, Мильтоном, Державиным, Шиллером . . .» («Мнемоз.», III, стр. 172 — 173). В том же смысле Кюхельбекер упомянул о Державине в стихотворении «Елисавета Кульман» (30 января 1835 г.): —

«Вот Гомер . . . Кто деду равен?
Он весь мир в себе вместил.
Вот не наш ли? — Так! Державин,
Хора русских корифей».

(«Р. Ст.», 1884, т. XLI, январь, стр. 353).

Отзывы о Державине см. также на стр. 223 — 227 наст. изд.

К стр. 147.

Бунина, Анна Петровна (1774 — 1828) — поэтесса, пользовавшаяся большой известностью в первое десятилетие XIX века; состояла почетным членом Беседы Любителей Русского Слова. Кюхельбекер напечатал в «Сыне Отечества» 1820 г., ч. 61, № XVI, стр. 166 — 174, статью «Стихотворения г-жи Буниной» (перепечатано в «Невском Зрителе», 1820 г., ч. I, март), где говорил: «. . . стихи то мрачные и ужасные, то трогательные, живописные и задумчивые переменяются в сем прелестном произведении, стесняют душу, исполняют ее жалости и содрогания, и противу воли извлекают слезы. Что же касается до слога, он не есть слог Новейшей Поэзии, очищенной трудами Дмитриева, Жуковского, Батюшкова: Г-жа Бунина шла своим путем и образовала свой талант, не пользуясь творениями других талантов . . . Не смотря на некоторые неровности, какая сильная, живая поэзия! Здесь не мечтательное несчастие унылого юноши, который в существенном мире не нашел того, что может дышать в одном мире фантазии, здесь говорит несчастье искреннее голосом боли, голосом отчаяния . . .». Из этого можно сделать вывод, что Кюхельбекер считал Бунину близкой к архаическому направлению. В «Разборе ф. д. Борговых переводов» («С. О.», 1825, ч. 103, № XVII, стр. 68 — 83) Кюхель-

бекер называет имя Буниной рядом с именами Державина и Катенина, противопоставляя их современным поэтам.

К стр. 153.

Karl-Friedrich von der Borg (1794 — 1848) — переводчик русских поэтов на немецкий язык; участвовал в издании Dorpater Jahrbücher, I — VI (1833 — 1836) и Refractor Dorpater, 1836 — 1837 (51 №№). Ему принадлежит «Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch». 2 Bde. Drpt. 1821 — 1823. Эту книгу разбирает в указанной статье Кюхельбекер. — Отдавая должное «верности, истинному достоинству переводов г. фон-дер Борга» (стр. 72), отмечая, что «эти переводы не в пример ближе к подлинникам Французских переложений С. Мора и переложений Английских Боуринга» (стр. 68), Кюхельбекер, тем не менее, отзывался о них отрицательно: «ужели не вменить в вину Г. Переводчику выбор подлинников, чрезвычайно односторонний выбор, повидимому, только таких произведений, таких Писателей, которые у нас, за исключением всех с ними несходствующих, одобряются известною школою? Именно советам школы сей, ее, говорю, советам и мнениям, которыми Переводчик явно руководствовался при составлении своего Собрания, должны мы приписать изобилие *водяной*, *вялой* описательной лже-поэзии, коею преисполнены фон-дер Борговы переложения . . . Из *Собрания Образцовых Сочинений в стихах* Переводчик (см. I часть его переводов, 2-й мы вовсе не знаем и, стало, о ней и не судим) извлек произведения самые вычищенные, самые выглаженные . . . Где же на Русском, как например в Державине или Петрове, и были какие неровности, он их тщательно *выправил* и тем лишил конечно недостатков, но недостатков, иногда неразлучных с красотами, одному Державину, одному Петрову свойственными!» (стр. 70 — 71 — *курсив* повсюду в подлиннике. *С. Х.*).

К стр. 167.

Ludwig Tieck (1773 — 1853) — немецкий писатель и теоретик искусства, глава немецкой романтической школы. Знакомство с Тиком Кюхельбекер описал в одном из своих «Отрывков из Путешествия» (Письмо XVI, Дрезден; напечат. в «Мнемозине», IV): « . . . у почтенной госпожи фон-дер-Реке, сестры Герцогини Курляндской . . . я познакомился . . . с Тиком, братом ваятеля, главою Германских Романтиков . . . (стр. 56). У Тика я был сегодня поутру; он человек чрезвычайно занимательный и достойный примечания по своему образу мыслей. С начала я упомянул о сочинениях покойного Новалиса, Тиком изданных, и жалел, что Новалис при большом даровании, при необыкновенно пылком воображении, не старался быть ясным и совершенно утонул в мистических тонкостях. Тик спокойно и тихо объявил мне, что Новалис ясен и несчел нужным подтвердить то доказательствами. О Виланде Тик судит строго, но, как мне кажется, справедливо. «Виланд, — говорит он, — «сластолюбив и скрытен. Он с каким то наслаждением останавливается на непристойных предметах. Древние Писатели распутнее Виланда, но выше его в глазах истинного философа, потому что в самых своих заблуждениях смелы и величественны

и никогда не унижатся до шалости». Он согласен со мною, что в Виланде более слов, нежели дел. Что же касается его мнения о Клопштоке, оно так странно, что заслуживает быть замеченным: «Клопшток, по словам Тика, не есть христианин, не есть даже Поэт нравственный, но скептик и потому писатель опасный» (стр. 60 — 62). — Шекспира Кюхельбекер воспринимал отчасти сквозь призму переводов Тика и его школы; на это указывал И. В. Киреевский (см. стр. 350 наст. изд.).

К стр. 170.

В «*Телеграфе» на 1830 год Литературное Зеркало и прочие выходки Полевого противу всех почти хороших наших стихотворцев, не исключая и Пушкина* . . . — В «Моск. Тел.» за 1830 г. (№ 2, стр. 26 — 32; № 3, стр. 44 — 50; № 4, стр. 64 — 66; № 5, стр. 73 — 86; № 6, стр. 133 — 142) были помещены «Отрывки из нового Альманаха: Литературное Зеркало», с предисловием, из которого приводим выдержки: «Наша Русская Литература доныне состоит из *отрывков*; по крайней мере главное содержание оной составляют отрывки литературы Французской, Немецкой, Английской и проч. . . . Наша Словесность завалена *отрывками* из поэм, комедий, опер, трагедий, драм, которые вполне не существуют и никогда не будут существовать». «Сообразив все сие мы надеемся угодить читателям, представляя *отрывки из собрания отрывков*, т. е. отрывки из Альманаха, который предполагаем *некогда* издать. Другую надежду нашу угодить читателям составляет верное следование основному правилу нашей Литературы — *подражанию*. Мы не будем думать о красоте, изяществе стихов и прозы, нет, но мы представим точное подражание самым модным, самым *знаменитым* поэтам в тех родах, коими они отличились, коими угодили другим и прославились: палочные эпиграммы, лихие песни, ревущие от рифменной боли стихи в альбомы, подражания Древним; безнадежность, тоска, отчаянье, лень, пьянство смертное в Поэзии . . . Мы постараемся как можно лучше удалиться от изящного вкуса, верности изображения, чистоты языка — все в сторону! Мы будем поэты в прозе, прозаики в стихах . . . Смело в путь! Если же нас не станут хвалить, не будут читать, мы сами себя назовем Горациями, Гамлетами, Феокритами, Шольё; напишем друг к другу по посланию, по надписи, по загадке (при посылке какой-нибудь чучелы, книги, альбома); напишем *Обозрение Словесности*, где расхвалим себя, разругаем других» etc.

Следовал ряд очень тонких пародий на Дельвига (Феокритов), Вяземского (Шольё-Андреев), Боратынского (Гамлетов), Языкова (Буршев), Катенина? (Анакреонов) etc. Выпады против Пушкина мы усматриваем в следующих фразах: 1. « . . . напишем друг к другу по посланию, по надписи, по загадке (при посылке какой-нибудь чучелы . . .)» — намек на стихи П. к Дельвигу при посылке черепа («Череп, послание к Д***», 1827) и при посылке бронзового сфинкса («Загадка. При посылке (Дельвигу) бронзового сфинкса», 1829); 2. « . . . мы сами себя назовем . . . Гамлетами, Феокритами etc.» — намек на известные строки в вышеуказанных

стихотворениях Пушкина: «Или, как Гамлет-Баратынский, Над ним задумчиво мечтай» («Череп») и «Кто на снегу возрастил Феокритовы нежные розы» (Дельвигу — «Загадка»); 3. «палочные эпиграммы» — намек на необыкновенно злые эпиграммы Пушкина; быть может имеется в виду окончание известной эпиграммы: «И тотчас взрослого болвана Поставить в палки приказал». В другом месте — выпады против поэтов, «которые трутся в гостиных etc», т. е. против Пушкинского круга (ч. 32, стр. 75). — *Прочие выходки Полевого* — повидимому, «злая», по признанию самого Полевого, рецензия на седьмую главу «Онегина» (ibid., № 5).

К стр. 172.

Свое отношение к XVII и XVIII вв. с одной стороны и к своей современности — с другой — Кюхельбекер выразил в одном из своих «Европейских Писем» («Невский Зритель», 1820, ч. I, февраль, стр. 35 — 45): «. . . Обязанность всякого мыслящего выводить из того заблуждения, в котором большая часть наших Историков и Политиков в рассуждении мнимого просвещения времен Вольтера и Фридриха. Сколько вещей, которые бы должны всем разуверить всякого! — Не говоря уже об инквизиции и пытке, о гонениях на людей мыслящих, взглянем только на систему Меркантилистов,— на заблуждение Физиократов, на то сопротивление, которое встречал Адам Смит даже и в 19 столетии своим простым и мудрым наставлениям; взглянем на коварную политику Наполеона; на беспрестанные нарушения равновесия и священнейших прав человечества; и мы, живя в счастливое время, когда Политика и Нравственность одно и то же, когда Правительства и Народы общими силами стремятся к одной цели, мы перестанем жалеть, как некогда жалели некоторые в Европе о золотом Греческом периоде, — перестанем жалеть о веках семнадцатом и восемнадцатом»

К стр. 177.

Булгарин, Фаддей Венедиктович (1789 — 1859) — писатель и журналист. В 1833 г. издавал «Литературные Листки» и альманах «Литературную Талию». С 1825 г. издавал вместе с Гречем журнал «Сын Отечества» и самостоятельно литературно-политическую газету «Северная Пчела», «коей главнейшая цель», по словам издателя, состояла «в утверждении верноподданических чувствований». Для распространения этих же «чувствований» среди юношества Булгарин в 1826 г. стал издавать «Детский Собеседник». «Во внимание к отличному усердию и особым трудам», Булгарин получал ордена и чины. — Гр. Блудов рассказывал Никитенке как несомненный факт, что Булгарин служил в III Отделении. Доносы были его излюбленным приемом борьбы не только со своими собратьями журналистами, но и с цензорами и вообще со всеми, кто стоял ему на дороге, — причем в своих обличениях Булгарин доходил до такой степени, что приводил в негодование даже императора Николая I. Как уверяет Греч, Булгарин на литературу всегда смотрел с точки зрения промышленника и, начиная какое-нибудь издание, просто «хотел что-нибудь заработать». Сделанная Пушкиным резкая характеристика сыщика Видока, в котором все

сразу узнали Булгарина, ярко подчеркнула все эти темные стороны Булгарина и все согласились с поэтом. Начав с дружбы с лучшими представителями русского общества (Рылеев, Грибоедов, Бестужев), Булгарин падал все ниже и ниже и к концу жизни приобрел себе ту печальную известность, которая совершенно заслонила его литературные заслуги. — История личных отношений между Булгариным и Кюхельбекером начинается с появления «Мнемозины» и кончается известным побегом Кюхельбекера после декабрьского восстания. — 1. Булгарин встретил очень благожелательно I-ую часть «Мнемозины» (см. «Литер. Листки», 1824, № 5). После появления второй части «Мнемозины», в которой Кюхельбекер поместил свою знаменитую статью «О направлении нашей Поэзии etc.», Булгарин выступил с весьма сдержанной полемикой против общих положений статьи (ibid., № 15). Как указывает Ю. Н. Тынянов («Арх. и Пушкин», стр. 277), «Булгарин даже проводит в следующем номере «Литературных Листков» (т. е. в № 16. *С. Х.*) идеи Кюльхельбекера» (в статье «Литературные Призраки». *С. Х.*). Однако Кюхельбекер, не взирая (или взирая) на сочувственное отношение Булгарина, на статью его отвечал полемической статьей: «Разговор с Ф. В. Булгариным» («Мн.» III, стр. 155 сл.), в которой пародировал диалогическую форму фельетонов Булгарина; в той же части «Мн.» была помещена статья Одоевского «Прибавление к разговору с Ф. В. Булгариным». После этих двух статей Булгарин занял враждебную позицию и уже в №№ 21 и 22 «Лит. Листков» появилась статья, враждебная Кюхельбекеру (В. Ушакова). 2. В 1825 году нужда «присунула Кюхельбекера к печатному станку Греча и Булгарина» (Грибоедов — Бегичеву, 9 сент. 1825 г. — см. в изд. Соч. Грибоедова под. ред. Арс. Введенского, стр. 324): — « . . . Я вошел в компанию теперь», — писал Кюхельбекер 10 июня 1825 г., — «с Гречем и Булгариным — некогда моими противниками . . . мои сотоварищи хотят издать собрание моих сочинений . . .» 3. Когда Кюхельбекер бежал из Петербурга после выступления на Сенатской площади, то его разыскивали по приметам, превосходно составленным Булгариным. Смотри также записи в Дневнике от 25 июля и 29 октября 1834 г. (стр. 204 и 217 наст. изд.).

К стр. 182.

Умирающий Тасс (стихотворение Батюшкова 1817 г. — *С. Х.*) *перевод с французского*; *подлинник охотники могут отыскать в французском Альманахе муз 90-х годов*; *автор женщина*. — Указание Кюхельбекера было принято во внимание компетентными издателями 3 томн. собр. сочин. Батюшкова, Л. Н. Майковым и В. И. Саитовым. По их просьбе, граф А. А. Бобринский и Ф. А. Браун просмотрели в парижской Национальной Библиотеке Almanach des Muses с 1790 по 1801 г., но не нашли в нем никакого стихотворения, которое напоминало бы по содержанию «Умирающего Тасса». Подозрения Кюхельбекера не подтвердились и собственными поисками Саитова и Майкова в других французских альманахах означенного периода, какие имеются в Российской Публичной Библиотеке, а также в собраниях сочинений разных писательниц конца

прошлого и начала текущего веков. Указания на подобное произведение не встречается и у известных нам историков французской литературы того же времени. Наконец, если бы стихотворение, изображающее смерть Тасса, существовало во французской литературе, то элегию Батюшкова не стали бы переводить на французский язык, а таких переводов существует два (подробнее см. примеч. Саитова и Майкова — Полн. Собр. Соч. К. Н. Батюшкова, I, стр. 409 — 410).

К стр. 239.

Кюхельбекер женился 15 января 1837 г. на Дросиде Ивановне Артеневой, дочери Баргузинского почтмейстера, — девушке «очень молоденькой, совершенно необразованной, но . . . одаренной добрым сердцем и настолько здравым смыслом, что она старалась войти в исключительное положение мужа и всегда была для него доброй, любящей и внимательной женою»; «хотя жена не всегда меня понимала», замечает поэт в своем Дневнике, тем не менее «я всегда отдавал справедливость многим ее прекрасным качествам». Вообще в семейной жизни своей Кюхельбекер обрел малую долю «поэтического»; она дарила его проблесками отрады, но была чужда поэзии, — и поэт, как соловей, умолк, обзаведясь родным гнездом . . .» («Р. Ст.» 1875, т. XIII, стр. 353). 9 октября 1836 г. Кюхельбекер писал, между прочим, шефу жандармов гр. А. Х. Бенкендорфу: «Я подал просьбу о дозволении мне жениться на любимой мною девушке», а в письме к А. С. Пушкину от 18 октября 1836 г. сообщал: «Grande nouvelle! Я собираюсь жениться; вот и я буду Benedick the married man, а моя Beatrix почти такая же little Shrew, как и в Much Ado, старика Willy. — Что то Бог даст? Для тебя Поэта, по крайней мере важно хоть одно, что она в *своем роде* очень хороша: черные глаза ее жгут душу; в лице что-то младенческое и вместе что-то страстное, о чем вы Европейцы, едва ли имеете понятие (невеста Кюхельбекера была полубурятского происхождения — *В. О.*)

. . . .
И, друг, хотя мой волос побелел,
А сердце бьется молодо и смело,
Во мне душа переживает тело; —
Еще мне божий мир не надоел.
Что ждет меня? Обманы — наш удел.
— Но в эту грудь вонзалось много стрел,
Терпел я много, обливался кровью . . .
Что? Если в осень дней столкнусь с любовью?

Размысли, друг, этот последний вопрос и не смейся, потому что человек, который десять лет сидел в четырех стенах и способен ѐще любить горячо и молодо, ей богу! достоин некоторого уважения». (См. Переп. Пушкина, изд. Ак. Н., т. III, стр. 385 — 387.) — Отрицательную характеристику Дросиды Ивановны смотри в письме И. И. Пущина к Э. А. Энгельгардту (стр. 347 наст. изд.). — Дросида Ивановна после смерти мужа проживала в Иркутске, получая установленное для декабристов постоянное пособие от

казны — 114 руб. 28 коп. серебром в год; по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова, ей, кроме того, выдавалось с 1860 г. продолжительное пособие от Литературного фонда по 180 р. в год; выехав в сентябре 1879 г. в Казань и затем в Петербург, она лишилась казенного пособия и после смерти своего сына (1879 г.) возбудила ходатайство о восстановлении прежней пенсии, 24 июня 1881 г. — Умерла она в 1886 г. (на похороны выдано 19 мая 1886 г., по ходатайству М. С. Волконского, сына декабриста, 150 рублей). До нас дошло одно письмо Кюхельбекера к жене («Рус. Арх.» 1901, VI, стр. 239—240).

К стр. 280.

Ржевский, Николай Григорьевич (1800 — 1817) — рано умерший товарищ Кюхельбекера и Пушкина по Царскосельскому лицею. В лицее Ржевский отличался крайней леностью; писал стихи, которые до нас, к сожалению, не дошли; был одним из издателей «Лицеиста». Из лицея был выпущен в 1817 г. с чином офицера армии. Осенью того же года он скончался «от гнилой нервической горячки» (Энгельгардт — Матюшкину, 20 декабря 1817 г.).

Корсаков, Николай Александрович (1800 — 1820) — поэт (до нас дошло только пять стихотворений Корсакова; при жизни он не печатался). Корсаков умер во Флоренции от чахотки. Смерти Корсакова посвящены стихи Пушкина «Гроб юноши» (1821) и известные строки в «19 октября 1825 года»: «Он не пришел кудрявый наш певец etc.». Как видно из письма Кюхельбекера к Жуковскому от 10 ноября 1840 года из крепости Акши, — сестра его Юлия Карловна, будучи во Флоренции, сорвала для него с гроба Корсакова померанцевый листок. Листок этот Кюхельбекер хранил, как реликвию, вместе с портретом матери, с единственной дошедшей до него рукописью отца, с последним письмом и застежкою от манишки Пушкина и с письмом Жуковского. Этому померанцевому листку посвящено стихотворение Кюхельбекера: «Цвет померанца, сорванный с могилы Корсакова-поэта» (см. в изд. Балицкого, стр. 178 — 180).

Костенский, Константин Дмитриевич (1797 — 1830) — по окончании лицея служил в Министерстве Финансов; по словам директора Царскосельского лицея, Е. А. Энгельгардта, — «это был человек не блистательный, но добрый и в своем роде почтенный».

Есаков, Семен Семенович (1798 — 1831) — близкий приятель Кюхельбекера. Из лицея был выпущен с чином офицера гвардии и серебряной медалью № 2; определен на службу в Варшаву, где за 12 лет службы дослужился до полковника (1829 г.). Во время польского восстания, Есаков, принявший участие в его усмирении, имел несчастье потерять две пушки и с отчаянья застрелился (1831 г.). По выходе из лицея Кюхельбекер виделся с Есаковым один раз — в 1821 г., когда возвращался из Парижа в Россию через Варшаву. Имя Есакова связано также с историей поимки Кюхельбекера в Варшаве в 1826 г.: Кюхельбекер разыскивал в Варшаве Есакова, причем так неосторожно, что был узнан и задержан.

Тырков, Александр Дмитриевич (1799 — 1843) — по кличке «Тырковиус» или «Курнофиус» (т. е. курносый); учился в лицее

весьма посредственно; по окончании курса был выпущен в армию. По выходе из лицея у Тыркова очень часто собирались первокурсники для празднования лицейских годовщин 19 октября. Последние годы жизни Тыркова были омрачены душевным недугом; душевнобольным он и умер. Тырков упоминается один раз в письме Кюхельбекера. — Среди прочих странностей у Тыркова было пристрастие к французскому выражению «Ma foi». Об этом выражении упоминает Кюхельбекер в письме к Комовскому от 17 февр. 1823 г. из Закупа: «Ma foi — как говаривал товарищ наш Тырков».

Гурьев, исключенный еще в 1813 году. — Кюхельбекер ошибается: лицеист Гурьев был исключен в январе 1814 г. (см. у Н. Гастфрейнда, в кн. «Товарищи Пушкина по Царскосельскому лицею»). По официальной версии, Гурьев в одно воскресенье вытащил из запертого шкафа, при посредстве подобранного ключа, журналы профессоров и воспитанников с отметками об успехах учеников и с характеристикою каждого и показал своим товарищам — Пушкину, Дельвигу, Горчакову, Броглио и Ломоносову. За чтением журналов их застал директор лицея Малиновский. Последний был сильно возмущен этим поступком; Гурьев как главный виновник был исключен, а прочим было сделано строгое внушение.— По другим сведениям Гурьев был исключен «за греческие нравы».

Илличевский, Алексей Дамианович (1789 — 1837) — по кличке «Олосинька», поэт, — особенно отличался эпиграммами, которых больше всего писал на Кюхельбекера. Литературная деятельность его выразилась в издании небольшого тома стихотворений — «Опыты в антологическом роде» (1827) и повести «История булавки» (1829).

Дополнения.

К стр. 216.

Теньеровские картины.— Teniers (отец и сын — 1582 — 1649; 1610 — 1694) — фламандские живописцы, прославившиеся изображением таверн, сельских празднеств etc.

К стр. 279.

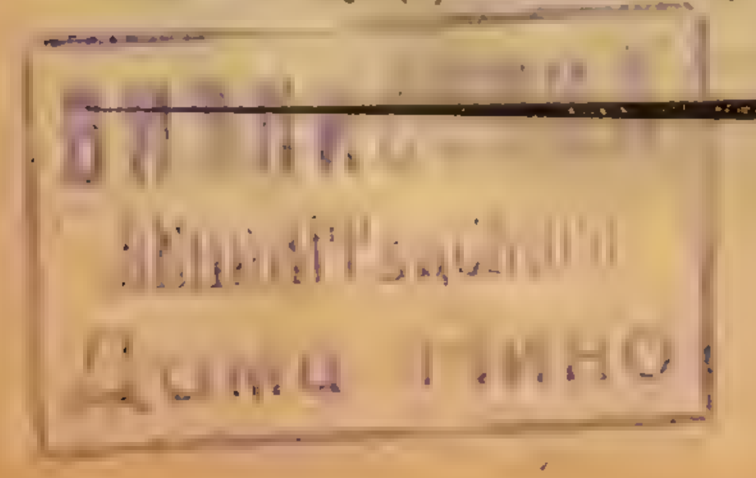
Мелон (в тексте «Р. Ст.» *Мерон*) — Edmund Malone (1771 — 1812) — английский шекспировед.

К стр. 292.

Пфирели — несомненно описка в писарской копии, в подлиннике вероятно стояло: *Пфеффеля* (G. K. Pfeffel, 1736 — 1809, немецкий писатель, известный преимущественно как баснописец).

К стр. 313.

В перечень своих произведений Кюхельбекер не включил трагедию «Кассандра» (1823), список которой хранится в ленинградской Публичной Библиотеке (см. также стр. 337 наст. изд.), а также поэму (?) «Итальянец» (см. стр. 251 наст. изд.).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

(к тексту и примечаниям)

Содержание

2 р. 50 к.
Переплет 25 к.